This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 191 091

34
К-561
22338

Максимъ Ковалевскій.

ПЕРВОБЫТНОЕ ПРАВО

ВЫПУСКЪ I.

РОДЪ.

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1886

Включено
в каталог
1960
Изъято

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

34
-561

Максимъ Ковалевскій.

KOVALEVSKII, MAKSIM MAKSIMOVICH

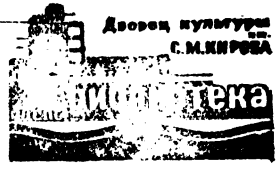
PERVOBYTNOE PRAVO.

ПЕРВОБЫТНОЕ ПРАВО

ВЫПУСКЪ I.

РОДЪ.

102338



МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1886

К33
К6

УЧЕНИКАМЪ-ТОВАРИЩАМЪ

Соломону Адамовичу Егіазарову,

Василію Михайловичу Нечаеву

и

Михаилу Николаевичу Харузину.

20013

I.

Родовой бытъ въ настоящемъ.

Исторія застаетъ главнѣйшихъ представителей арійской семьи на той ступени ихъ развитія, которую можно назвать переходной отъ родоваго къ общинному быту. Этимъ обстоятельствомъ объясняется то разнорѣчіе, какое доселѣ продолжаетъ держаться по вопросу объ исходныхъ моментахъ въ развитіи какъ индусскаго, римскаго и греческаго, такъ и кельтическаго, германскаго или славянскаго права. Какую общественную единицу признать тѣмъ эмбріономъ, изъ котораго путемъ послѣдовательнаго дифференцированія возникли извѣстныя намъ въ исторіи формы общежитія—родъ, семью или общину?—вотъ вопросъ, которымъ въ теченіе столѣтій не переставали и доселѣ не перестаютъ задаваться изслѣдователи древнѣйшей арійской культуры, одинаково—на западѣ и у насъ. Тогда какъ Мэнъ, напр., ставитъ во главѣ дальнѣйшаго развитія индусовъ семейную общину, Лайель и Туперъ предпосылаютъ ей но времени союзъ всѣхъ лицъ, связанныхъ между собою дѣйствительнымъ или предполагаемымъ родствомъ, другими словами—«родъ». Вопросъ о томъ, началось ли германское правовое развитіе съ сельской общины или рода, какъ доказываетъ продолжающійся доселѣ споръ Вайца съ Зибелемъ, принадлежитъ къ числу все еще нерѣшенныхъ вопросовъ. Борьба такъ называемой общинной и родовой теорій начинается съ самаго начала научной разработки русской и вообще славянской исторіи и далеко не можетъ считаться оконченной и въ наши дни. Менѣе спорнымъ повидимому представляется, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, вопросъ о томъ,

какой характеръ носитъ римская «генсъ» и греческій «геносъ», но, если изслѣдователи и сходятся въ утвержденіи, что правовое развитіе классическихъ народовъ началось съ господства кровныхъ союзовъ, то они далеко не единогласны въ признаніи, что этими кровными союзами были именно роды, а не семьи, малыя или большія. Наконецъ, что касается до кельтовъ, то сравнительно недавнее изученіе ихъ древняго законодательства не помѣшало тому, чтобы и по отношенію къ нимъ не былъ поднятъ тотъ же споръ о родовомъ, общинномъ или семейномъ характерѣ ихъ древнѣйшихъ общественныхъ союзовъ,—споръ, который раздѣляетъ между собою одинаково, какъ славистовъ и германистовъ, такъ и романистовъ и эллинистовъ.

Прибавимъ къ сказанному, что теорія поздняго сравнительно происхожденія агнатическаго родства, т.-е. родства со стороны отца и господства на первыхъ порахъ одного такъ называемаго «материнства», теорія, первыми провозвѣстниками которой надо считать Макъ-Леннана и Моргана, еще болѣе осложнила вопросъ о первобытномъ характерѣ общественныхъ союзовъ у арійцевъ, такъ какъ не только въ миѳологическихъ сказаніяхъ, но и въ древнѣйшемъ правѣ отдѣльныхъ арійскихъ народностей найдены были переживанія того, что можетъ быть названо когнатическимъ или материнскимъ родомъ, въ отличіе отъ агнатическаго или отцовскаго.

При всей своей запутанности и сложности, вопросъ о древнѣйшемъ характерѣ общественныхъ союзовъ у арійцевъ далеко не можетъ быть отнесенъ къ числу такъ называемыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, и это потому, что данныя къ его рѣшенію находятся въ изобиліи, какъ въ первыхъ по времени памятникахъ письменности и права, такъ и въ древнѣйшихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Сравнительное же языкознаніе, указывая на однокоренное происхожденіе терминовъ, употребительныхъ въ арійскихъ языкахъ для обозначенія однихъ и тѣхъ же общественныхъ союзовъ, въ свою очередь даетъ право говорить о такихъ союзахъ, какъ о существовавшихъ еще въ эпоху совмѣстной жизни арійцевъ, до разселенія ихъ по Азіи и Европѣ, *а слѣдовательно, какъ о древнѣйшихъ, если и не первобытныхъ союзахъ.*

с

Кажущаяся неразрѣшимость поставленнаго вопроса лежитъ такимъ образомъ не въ недостаткѣ матеріала, а, какъ мы полагаемъ, въ несовершенствѣ пріемовъ изслѣдованія. Большинство историковъ не считали нужнымъ условиться на первыхъ же порахъ въ томъ, что именно они будутъ разумѣть подъ наименованіями «родъ», «община» и «семья». Понимая различнымъ образомъ любой изъ приведенныхъ терминовъ, они нерѣдко спорили о словахъ, думая въ то же время спорить о дѣлѣ. Очевидно, что понятія рода, общины и семьи должны бы были составиться путемъ соединенія въ одно представленіе тѣхъ характерныхъ особенностей, какія со стороны своей общественной организаціи представляютъ разные народы въ колыбели ихъ развитія.

Не такъ было на самомъ дѣлѣ. Историки, впервые заговорившіе о родовомъ или общинномъ бытѣ, довольствовались обыкновенно аналогіей описываемой ими общественной организаціи съ тою, какую представляетъ историческое развитіе или современный бытъ одного какого нибудь народа. Нибуръ, напримѣръ, сталъ говорить о родовомъ устройствѣ древняго Рима на основаніи аналогіи съ тѣмъ, какое въ средніе вѣка представляли такъ называемые «Slacht» или «роды» Дитмаршенской республики. Аналогіи съ древне-римской семьей или славянской задругой лежатъ также въ основѣ теоретическихъ построеній съ одной стороны большинства прежнихъ германистовъ, съ другой—Мэна и его школы на исходные моменты въ развитіи германскаго и индусскаго права. Малая семья потому признается эмбріономъ дальнѣйшаго развитія, что такое значеніе приписывали ей въ свое время первые историки римскаго права. Мэнъ потому считаетъ семейную общину древнѣе рода, что въ общественной организаціи славянъ, съ которой онъ знакомъ лишь изъ третьихъ рукъ, господствующимъ, хотя и не исключительнымъ видомъ общежитія является задруга или нераздѣльная семья. Константинъ Аксаковъ и его послѣдователи въ свою очередь кладутъ въ основу общинной теоріи въ Россіи аналогію съ современнымъ бытомъ русскаго крестьянства. Ничто однако не ручается намъ за то, что родовому быту только и свойственны тѣ черты, какія германистамъ удалось отмѣтить въ средневѣко-

вомъ устройствѣ Дитмаршена. Ничто не говоритъ намъ также, чтобы современная крестьянская община въ Россіи была бы наиболѣе характернымъ образцомъ древней, а римская семья или сербская задруга прототипами кровныхъ союзовъ. Составляя представленіе о родовомъ, общинномъ или семейномъ бытѣ по одному какому нибудь образцу, легко или совершенно упустить изъ виду ту или другую ихъ особенность, или же наоборотъ,— приписать роду, общинѣ и нераздѣльной семьѣ случайныя черты, встрѣчающіяся лишь на извѣстныхъ ступеняхъ развитія или у извѣстнаго только народа. Дитмаршенскимъ родамъ, напримѣръ, чуждо было нераздѣльное владѣніе пахотью и сѣнокосомъ со стороны рода и его подраздѣленій.—Это не значитъ, однако, что такое нераздѣльное владѣніе—черта, неизвѣстная родовому быту. Римская семья представляетъ намъ неограниченное господство мужа надъ женой, отца надъ дѣтьми: черта, благодаря которой распоряженіе семейной собственностью всецѣло зависитъ отъ воли домовладыки. Отсюда не слѣдуетъ, однако, что древнѣйшая семья немыслима безъ patria potestas, manus и неограниченнаго господства главы семьи надъ ея собственностью. Великорусская сельская община основана на началѣ періодическаго передѣла пахотной и сѣнокосной земли. Нельзя однако же заключать изъ этого, что гдѣ нѣтъ передѣловъ, тамъ нѣтъ и общины. Сербская семейная община или задруга — союзъ небольшаго числа родственныхъ семей, ставящихъ себѣ начальника по выбору. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, что болѣе обширные родовые союзы, управляемые старѣйшими по возрасту, не должны быть признаны древнѣйшими, такъ какъ современная задруга съ ея выборнымъ главой не болѣе какъ вымирающій родъ.

Только обращаясь къ сравнительному пріему и выдѣляя съ помощью его черты сходства и различія въ родовой, общинной и семейной организаціи возможно большаго числа народностей, мы въ состояніи отмѣтить тѣ характерныя черты, соединеніе которыхъ обнимается соотвѣтствующими понятіями рода, общины и нераздѣльной семьи; только этимъ путемъ возможно точное разграниченіе этихъ, во многомъ сходныхъ между собою, формъ человѣческаго общежитія. Исторія и этнографія застаютъ раз-

ные народы не на одинаковой ступени развитія. Тогда какъ у однихъ еще уцѣлѣли всѣ черты родоваго быта, у другихъ эти черты встрѣчаются не болѣе, какъ на правахъ переживаній, рядомъ съ господствующимъ общиннымъ или нераздѣльно семейнымъ бытомъ. Это обстоятельство объясняетъ намъ, почему нѣкоторыя особенности родоваго быта могутъ отсутствовать въ правѣ извѣстнаго народа и этому народу въ то же время должна быть приписана на первыхъ порахъ родовая форма общежитія, почему, съ другой стороны, отсутствіе тѣхъ или другихъ характерныхъ особенностей сельской общины или нераздѣльной семьи не даетъ права отрицать историческаго существованія того и другаго вида общежитія.

Главнѣйшихъ представителей арійской расы, какъ уже сказано, исторія застаетъ въ переходную для нихъ эпоху, а потому ни у одного изъ нихъ черты родоваго устройства не выступаютъ во всей ихъ полнотѣ. Встрѣчающіяся въ ихъ быту переживанія раскрываютъ передъ нами только нѣкоторыя, далеко не всѣ особенности того строя, котораго они не болѣе, какъ обломки. Ясно послѣ этого то значеніе, какое для точнаго опредѣленія понятія рода имѣетъ изученіе современнаго быта тѣхъ народностей, которыя, какъ недостигшія политической организаціи, доселѣ продолжаютъ жить внѣ-государственными формами родоваго быта.

Эмбріологія права находитъ особенно богатый матеріалъ при изученіи общественнаго устройства тѣхъ народностей, которыя напоромъ сосѣдей и новыхъ пришельцевъ оттѣснены были въ горы и, благодаря физическимъ условіямъ занятой ими мѣстности, сохранили не только въ большей или меньшей степени свою политическую независимость, но и особенности своей древней культуры. Такими народами являются въ Европѣ частью смѣшанные съ басками вестготы, заселяющіе сѣверные и южные склоны Пиринней, частью потомки древнихъ гельветовъ, аллемановъ и бургундовъ, доселѣ занимающіе альпійскія долины, частью наконецъ чисто славянскія или смѣшанныя съ тюркской расой народности Балканскаго хребта—сербы, черногорцы, босняки, герцеговинцы, болгары; на границахъ же Азіи и Европы, въ странѣ, которая еще со временъ Геродота слыветъ подъ

названіемъ «Горы Языковъ», иначе говоря, на Кавказѣ—кабардинцы, черкесы, ингуши, чеченцы, горскіе татары, осетины, лезгины, шапсуги, сванеты, курды въ своей совокупности представляютъ съ бытовой стороны неисчерпаемый и доселѣ почти не тронутый источникъ для изученія древнѣйшаго, если не первобытнаго характера общественныхъ отношеній и ихъ внѣшняго выраженія—права.

Гималайская цѣпь съ заселяющими ея сѣверные отроги авганцами и поселенными къ югу отъ нея раджпутами и джатами—въ свою очередь также почти не тронутое и благодарное поле для всякихъ археологическихъ изысканій и въ частности для тѣхъ, безъ которыхъ не мыслимо даже въ отдаленномъ будущемъ построеніе общественной эмбріологіи. Въ изслѣдованіи, посвященномъ всецѣло изученію исходныхъ началъ арійскаго правоваго развитія, особеннаго вниманія заслуживаетъ внѣ-государственный бытъ однокровныхъ съ арійцами племенъ. Далеко не всѣ изъ упомянутыхъ нами горскихъ народцевъ могутъ быть причислены къ арійской семьѣ. Баски, по своему языку, не имѣютъ ничего общаго ни съ кельтами, ни съ германцами, а тѣмъ болѣе съ восточными или южными представителями арійской расы. Филологи относятъ ихъ къ числу первоначальныхъ насельниковъ Европы—иберовъ, отъ которыхъ Пиринейскій полуостровъ получилъ свое древнее наименованіе Иберійскаго. Къ тому же племени, по всей вѣроятности, принадлежали и гельветы, наложившіе свой отпечатокъ на этнографическомъ составѣ древней Ретіи—нынѣшняго Граубюндена. Балканскую цѣпь, наравнѣ съ славянскими народностями, заселяютъ и народы такого смѣшаннаго происхожденія, какъ болгары — на половину туранцы, на половину арійцы. Большинство Кавказскихъ племенъ также должно быть отнесено частью къ числу исчезнувшихъ въ Европѣ и Азіи народностей, частью къ великой тюркской, финской или туранской расѣ, доселѣ заселяющей большую половину Азіи и сѣверную полосу восточной Европы. Всего больше чистой арійской крови сохранилось въ прародинѣ арійцевъ,—въ древней Бактріанѣ, у сѣвернаго, а также и южнаго подножья Гималайя; но и здѣсь замѣтна позднѣйшая примѣсь туранской крови въ лицѣ народностей монгольскаго племени, въ разное

время смѣнявшихъ другъ друга во владычествѣ Индостаномъ и смежными съ нимъ сѣверными долинами Гималайской цѣпи.

Къ арійской семьѣ изъ названныхъ нами народностей принадлежатъ одни только потомки вестготовъ, аллемановъ и бургундовъ, сербы, хорваты, далматинцы, черногорцы, боснаки и герцеговинцы, осетины, курды, авганцы, раджпуты и джаты.— На изученіи ихъ общественнаго быта и должно быть сосредоточено наше вниманіе, однако, не въ равной степени. Вестготы, аллеманы и бургунды въ разное время входили въ составъ большихъ политическихъ организмовъ, — обстоятельство, которое не могло не отразиться разлагающимъ образомъ и на ихъ общественномъ быту. Арійскія племена Турціи, Бактріаны и сѣвернаго Индостана въ свою очередь пережили эпоху владычества надъ ними народностей тюркской расы. Но это владычество сравнительно слабо затронуло ихъ внутреннюю организацію, такъ какъ мирилось съ широкой системой мѣстнаго самоуправленія. Что же касается до арійскихъ народностей Кавказа, то и онѣ въ разное время состояли въ болѣе или менѣе номинальномъ подчиненіи, кто — у кабардинцевъ, кто — у грузинъ и армянъ. Это подчиненіе не шло, однако, далѣе платежа постоянныхъ, всего же чаще временныхъ сборовъ въ пользу господствующаго сосѣда. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что всего болѣе сохранилась бытовая особенность кавказскихъ представителей арійской семьи, а за ними — тѣхъ, которые одинаково въ Азіи и Европѣ нашли въ народахъ туранскаго происхожденія распорядителей ихъ политическими судьбами и защитниковъ ихъ національной культуры. Эти народности доставятъ намъ главный матеріалъ по вопросу о переживаніяхъ родоваго устройства въ современномъ намъ быту. Этотъ матеріалъ получитъ, впрочемъ, значительное восполненіе въ тѣхъ данныхъ, какія представляетъ такъ мало изученное еще и столь богатое въ археологическомъ отношеніи русское обычное право.

По догадкамъ, впервые представленнымъ Всеволодомъ Миллеромъ въ его «Осетинскихъ Этюдахъ» и нашедшимъ себѣ блистательное подтвержденіе въ массѣ данныхъ, собранныхъ имъ лѣтомъ 1883 г. во время нашихъ странствій по горнымъ обществамъ Кабарды, осетины нѣкогда занимали не только сѣвер-

ныя долины Кавказскаго хребта, но и большую часть той плоскостной возвышенности, которая тянется къ сѣверу отъ него — отъ Терека до Кубани. Не говоря уже о кабардинцахъ, сравнительно позднихъ пришельцахъ, горскіе татары, черкесы, ингуши и др. племена сѣвернаго Кавказа—не болѣе, какъ позднѣйшіе насельники тѣхъ самыхъ мѣстностей, которыя нѣкогда заняты были осетинами. Осетинскія наименованія горъ и рѣкъ, мѣсяцевъ въ году, чиселъ и т. п., а также многихъ предметовъ домашняго обихода, христіанскіе могильники, разрушенныя часовни, освященныя обычаемъ мѣста для полу-христіанскихъ, полу-языческихъ жертвоприношеній, доселѣ обозначаемыя осетинскимъ наименованіемъ Мадимайрамъ (ангелъ матери, вѣроятно,— Божіей Матери) въ одно слово указываютъ на то, что первоначальными поселенцами названныхъ мѣстностей были осетины— христіане. Изустныя преданія горцевъ въ свою очередь сплошь и рядомъ упоминаютъ о покореніи выходцами изъ Крыма, изъ Абхазіи и Сванетіи народа, жившаго родовыми формами быта, не знавшаго ни частной собственности на землю, ни различія сословій,—народа, исповѣдовавшаго чуждую мусульманамъ полуязыческую, полу-христіанскую вѣру. Сравненіе обычнаго права осетинъ съ тѣмъ, какое мы встрѣчаемъ въ средѣ ихъ сосѣдей— черкесовъ, ингушей, горскихъ татаръ и т. д., также не мало подкрѣпляетъ эту догадку. Основныя начала этого права, если не говорить о различіяхъ въ сословной и политической организаціи, у всѣхъ этихъ народностей одни и тѣ же; а это обстоятельство всего легче объясняется тѣмъ соображеніемъ, что позднѣйшіе поселенцы внесли только слабыя измѣненія въ исконные осетинскіе обычаи.

Изъ всего сказаннаго нами слѣдуетъ, что современные осетины—часть несравненно болѣе численнаго племени, потомки котораго встрѣчаются до сихъ поръ въ низшихъ слояхъ кабардинскаго, черкесскаго и татарскаго обществъ. Изученіе бытовыхъ особенностей осетинъ призвано поэтому пролить свѣтъ на вопросъ о томъ, какими формами *жизни* жило нѣкогда населеніе всего сѣвернаго Кавказа до того момента, когда подъ вліяніемъ нашествій и завоеваній сосѣднихъ, не арійскихъ племенъ, начался въ его средѣ процессъ феодализаціи.

При всей непродолжительности русскаго владычества на Кавказѣ, русское вліяніе уже сказалось разлагающимъ образомъ на многихъ сторонахъ національнаго быта осетинъ. Часть ихъ была выселена изъ горъ и поселена вблизи кабардинскихъ ауловъ и казацкихъ станицъ, причемъ за поселенцами признано было право общиннаго владѣнія землею и установлена въ ихъ средѣ система передѣловъ по образцу той, которая практикуется въ средѣ казацкихъ поселеній. Сельскія общества осетинъ получили отъ русскаго правительства свою внутреннюю организацію, своихъ аульныхъ старшинъ, свои народные сходы или «нихасы», своихъ выборныхъ судей или «тархановъ», причемъ въ самомъ устройствѣ сельскаго управленія и суда удержаны были далеко не всѣ особенности древняго осетинскаго быта. При отсутствіи письменности и обязательной въ то же время записи аульныхъ рѣшеній, осетинскимъ сельскимъ обществамъ пришлось завести писарей изъ русскихъ, а это обстоятельство въ свою очередь косвенно повліяло и на самый характеръ сельской юрисдикціи. Всемогущій писарь сдѣлался живымъ проводникомъ въ туземное право чуждыхъ ему началъ русскаго законодательства. Прибавимъ къ этому, что предѣлы вѣдомства аульныхъ судовъ подверглись значительному ограниченію, и большая часть предоставленныхъ имъ дѣлъ передана въ завѣдываніе сперва словесныхъ горскихъ, а затѣмъ окружныхъ судовъ.

Сказанное должно быть принято въ разсчетъ при изученіи современнаго быта осетинъ. Не всѣ черты этого быта проникнуты въ равной степени національнымъ характеромъ, много въ нихъ наноснаго и пришедшаго извнѣ. Задача изслѣдователя выдѣлить то и другое и возстановить общественный строй осетинъ во всей его первоначальной самобытности.

Существеннымъ подспорьемъ къ личнымъ наблюденіямъ является въ этомъ отношеніи изученіе, съ одной стороны, тѣхъ описаній осетинскихъ порядковъ, какія сдѣланы были частью иностранцами, частью русскими чиновниками вскорѣ послѣ первоначальнаго подчиненія края, а съ другой — раннихъ по времени приговоровъ горскихъ судовъ, въ которыхъ обычное право выступаетъ еще во всей его первоначальной чистотѣ.

Пользуясь этими источниками, я считаю возможнымъ пред-

ставить слѣдующую картину общественнаго быта осетинъ въ эпоху, предшествующую ихъ подчиненію русскимъ.

Если не говорить о тѣхъ сельскихъ обществахъ, которыя возникли въ сравнительно недавнее время, при ближайшемъ участіи русскаго правительства путемъ выселенія изъ старыхъ ауловъ отдѣльныхъ семействъ, жить которымъ на прежнихъ мѣстахъ становилось тѣсно, то мы вправѣ будемъ сказать, что большинство осетинскихъ селъ по своему составу можетъ быть включено въ одну изъ слѣдующихъ группъ: во 1-хъ, аулы, населенные семьями, родственными между собою, носящими одинаковое фамильное названіе, владѣющими землею на общинномъ началѣ и ведущими нерѣдко совмѣстное хозяйство; во 2-хъ, аулы, въ которыхъ земля раздѣлена подворно между родственными другъ другу семьями; въ 3-хъ, аулы, населеніе которыхъ составилось изъ нѣсколькихъ фамилій, члены которыхъ живутъ частью совмѣстно, частью отдѣльными дворами, удерживая въ большей или меньшей нераздѣльности принадлежащую имъ земельную собственность *). Сообразно своему составу аулъ носитъ наименованіе общее съ тѣмъ, какое принадлежитъ сообща всѣмъ заселяющимъ его семьямъ, или же то, какое присвоено семьямъ древнѣйшихъ его поселенцевъ, обыкновенно родственныхъ между собою. Въ обоихъ случаяхъ названіе аула патронимическое, онъ обозначается именемъ своего основателя, родоначальника той фамиліи, члены которой или одни обитаютъ въ немъ, или являются его первоначальными насельниками, не исключающими позднѣйшей примѣси и со стороны другихъ фамилій. Патронимическія названія впрочемъ попадаются на ряду и съ такими, источникомъ которыхъ является наименованіе той или другой возвышенности, того или другаго потока, у подножія или на берегахъ котораго расположенъ самый аулъ. Отличаясь другъ отъ друга по составу своего населенія, аулы разнятся также и по своей внутренней организаціи. Тѣ изъ нихъ, населеніе которыхъ состоитъ изъ родственниковъ, имѣютъ своимъ старшиною не выборное лицо, а старѣйшаго по лѣтамъ. Въ аулахъ же, заселенныхъ нѣсколькими фамиліями, обыкновенно встрѣчалось столько старшинъ, сколько было са-

*) Ср. Пфаффъ, стр. 202, т. I. Сб. св. о Кавказѣ.

михъ фамилій. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ аулахъ, старшина дѣйствуетъ не единолично, а съ совѣта такъ называемаго нихаса, или собранія старѣйшинъ отдѣльныхъ дворовъ. Аулъ не только самоуправляемый округъ, но и юридическое лицо, члены котораго всѣ сообща владѣютъ или всею недвижимой собственностью, передѣляемою между дворами въ опредѣленные сроки, или только тою частью ея, которая служитъ пастбищемъ для скота, при чемъ пахотныя и луговыя пространства разъ навсегда раздѣлены между дворами, члены которыхъ продолжаютъ пользоваться ими сообща. Въ составъ каждаго двора входитъ большее или меньшее число родственныхъ другъ другу семей. Не только отецъ живетъ вмѣстѣ съ сыновьями, но тутъ же въ одномъ дворѣ помѣщаются и дяди и племянники. Личный составъ двора поэтому нерѣдко обнимаетъ собою отъ 25 до 50 и даже до 100 человѣкъ обоего пола, считая въ томъ числѣ и дѣтей. Неудобства совмѣстнаго сожительства такого большаго числа людей устраняются тѣмъ, что по мѣрѣ вступленія въ бракъ совершеннолѣтнихъ сыновей, племянниковъ и внуковъ, къ прежнему ряду смежныхъ другъ къ другу саклей дѣлаются новыя пристройки, такъ что каждая семья имѣетъ свое отдѣльное помѣщеніе, и общая сакля служитъ только кухней и столовой безразлично для всѣхъ сожительствующихъ семействъ. Послѣднія не только владѣютъ сообща принадлежащей двору землею, но и все пріобрѣтенное кѣмъ либо изъ членовъ ихъ на сторонѣ поступаетъ въ ихъ общее пользованіе. Завѣдываніе общимъ хозяйствомъ поручается обыкновенно старѣйшему по возрасту; названіе ему хистеръ (старшій) или унафаганагъ (управитель). Пользуясь довольно широкою свободой въ своихъ дѣйствіяхъ по хозяйству, старшина въ то же время связанъ въ дѣлѣ отчужденія дворовой собственности. Онъ не можетъ продать ни малѣйшаго участка земли безъ того, чтобы не испросить предварительнаго согласія всѣхъ и каждаго изъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ одного съ нимъ двора. Противодѣйствіе любаго изъ нихъ можетъ воспрепятствовать заключенію любой сдѣлки. Старшая во дворѣ женщина подъ наименованіемъ авсинъ (тетка) начальствуетъ надъ остальными женщинами, распредѣляетъ занятія между ними и держитъ ключи отъ кладовой. При недо-

вольствѣ старшимъ или старшей, дворъ въ правѣ ихъ смѣнить, въ правѣ назначить на ихъ мѣсто лучшаго хозяина или хозяйку.

Какъ въ тѣхъ аулахъ, жители которыхъ всѣ однофамильцы, такъ и въ тѣхъ, въ составъ которыхъ входитъ нѣсколько фамилій, принадлежность къ фамиліи налагаетъ на отдѣльное лицо извѣстныя обязательства и надѣляетъ его въ то же время извѣстными правами.

Правонарушенія, направленныя противъ того или другаго изъ однофамильцевъ, считаются обидою для всей фамиліи и являются поводомъ къ осуществленію кровной мести любымъ изъ ея членовъ. Если дѣло кончится примиреніемъ и обидчикъ согласится заплатить скотомъ или деньгами причитающуюся съ него виру, эта вира дѣлится между всѣми однофамильцами на неравныя доли, сообразно близости ихъ родства съ обиженнымъ.

Тѣ же однофамильцы обязаны на судѣ приносить подкрѣпительную присягу въ пользу обвиняемаго, каждый разъ, когда послѣдній въ ихъ глазахъ невиненъ во взводимомъ на него правонарушеніи.

Однофамильцы, какъ уже сказано, или владѣютъ всѣ сообща недвижимой собственностью, прибѣгая къ періодическимъ передѣламъ ея между дворами, или раздѣляютъ ее разъ на всегда въ частную собственность дворовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слѣды первоначальнаго владѣнія сохраняются въ правѣ родственниковъ покупать отчуждаемую дворомъ собственность предпочтительно предъ посторонними лицами; а также и въ томъ, что разъ перешедшая къ чужеродцу собственность можетъ быть выкуплена у него любымъ изъ родственныхъ продавцу дворовъ.

Тѣ же однофамильцы при совершенномъ вымираніи того или другаго двора являются наслѣдниками оставленной имъ собственности. Въ предѣлахъ каждаго двора въ отдѣльности частная собственность признается только по отношенію къ оружію, пищѣ и одеждѣ, и эти же предметы одни передаются по наслѣдству. Наслѣдованіе въ недвижимой собственности неизвѣстно, такъ какъ смерть старѣйшаго изъ жителей двора имѣетъ своимъ послѣдствіемъ не раздѣлъ дворовой собственности, управителемъ которой онъ былъ при жизни, а выборъ на его мѣсто новаго завѣдывателя ею.

Таковы вкратцѣ существеннѣйшія черты того общественнаго порядка, какой застало въ средѣ осетинъ русское владычество. Особеннаго вниманія въ немъ заслуживаютъ слѣдующія стороны.

Всѣ однофамильцы считаютъ другъ друга родственниками и приписываютъ себѣ происхожденіе отъ общаго родоначальника. Всѣ они не на основаніи сосѣдства, а на основаніи кровнаго родства, въ большей или меньшей степени владѣютъ землею сообща, помогаютъ другъ другу въ преслѣдованіи правонарушителей и ихъ родственниковъ, участвуютъ въ раздѣлѣ причитающихся съ нихъ виръ, а равно и въ платежѣ тѣхъ, поводомъ къ уплатѣ которыхъ являются правонарушенія, совершенныя кѣмъ либо изъ ихъ среды. Всѣ они также помогаютъ другъ другу на судѣ, принимая одинъ за другого присягу въ подкрѣпленіе показаній подсудимаго. Наконецъ, какъ члены одного сообщества, всѣ они имѣютъ общаго начальника въ лицѣ старѣйшаго родича и общее совѣщательное учрежденіе (нихасъ), составленное изъ старѣйшихъ представителей отдѣльныхъ дворовъ.

Обозначая терминомъ «родъ» совокупность родственныхъ другъ другу семействъ однофамильцевъ, мы послѣдовательно назовемъ «родовымъ начальникомъ» общаго старѣйшину рода и «родовымъ совѣтомъ» собраніе дворовыхъ старшинъ; обозначимъ кровную месть, участниками которой являются всѣ родственники-однофамильцы, наименованіемъ «родовой», помощь, взаимно оказываемую ими другъ другу на судѣ,—«родовою защитою», право ихъ на предпочтительную покупку фамильной земли — «родовой преэмпціей», право же на выкупъ ея у чужеродца— «родовымъ выкупомъ».

Совокупность всѣхъ только что перечисленныхъ признаковъ составитъ то, что мы назовемъ родовымъ бытомъ, въ которомъ взаимныя отношенія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и семействъ опредѣляются не фактомъ принадлежности ихъ къ одному политическому организму, не сосѣдствомъ и общностью экономическихъ интересовъ, а кровнымъ родствомъ, единствомъ происхожденія отъ общаго дѣйствительнаго или легендарнаго родоначальника.

Къ югу отъ Кавказской цѣпи курды являются въ наши дни

единственнымъ племенемъ арійской крови, въ средѣ котораго сохранились еще если не всѣ, то нѣкоторыя черты архаическаго родоваго устройства. Бытъ курдовъ только въ послѣднее время изученъ былъ съ нѣкоторой обстоятельностью г. Егіазарянцемъ, курдомъ по происхожденію и въ то же время человѣкомъ, который, благодаря обстоятельному знакомству съ этнографической и исторической литературой, стоитъ вполнѣ на высотѣ своей научной задачи. По словамъ г. Егіазарянца, родъ у курдовъ называется «тагва». Основу его составляетъ не одно агнатическое родство, происхожденіе отъ общаго предка мужескаго пола, такъ какъ въ составъ рода входятъ также близкіе родственники по женской линіи, никакъ не далѣе однако втораго или третьяго поколѣнія. Пока живо воспоминаніе объ общемъ происхожденіи, родичи сохраняютъ между собою тѣсную нравственную связь, доказательствомъ чему служитъ взаимная помощь, оказываемая ими другъ другу въ случаѣ нужды. Попечительство родственниковъ за малолѣтнихъ, другими словами, родовая опека и кровная родовая месть—таковы уцѣлѣвшія доселѣ проявленія родоваго строя у курдовъ. Обязанность попечительства, говоритъ цитируемый нами изслѣдователь, лежитъ прежде всего на отцѣ умершаго, затѣмъ на братѣ, на дядѣ по отцу, на двоюродныхъ братьяхъ со стороны отца и т. д. по близости степени родства; при этомъ, если у покойнаго останется вдова, то дѣти продолжаютъ жить совмѣстно съ нею, пока она не вступитъ въ новый бракъ, послѣ чего они переходятъ въ домъ родственниковъ со стороны отца и остаются здѣсь до совершеннолѣтія. Вмѣстѣ съ дѣтьми переходитъ къ родственнику и оставленное дѣтямъ имущество. По прекращеніи опеки, попечитель обязанъ возвратить все принятое имъ въ свой дворъ движимое имущество; крупный же скотъ, барановъ и овецъ онъ отсылаетъ вмѣстѣ съ ихъ приплодомъ. Право опеки принадлежитъ не однимъ только агнатамъ, но и когнатамъ.—Изъ когнатовъ къ попечительству призываются одни лишь ближайшіе родственники матери покойнаго: ея братъ и племянникъ (сынъ ея брата или сестры). Тесть умершаго и братъ его жены могутъ принять на себя опеку надъ малолѣтними только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ родственниковъ со стороны отца умер-

шаго или послѣдніе принадлежатъ къ слишкомъ отдаленнымъ степенямъ родства.

Переходя къ другому проявленію родоваго начала—къ кровной мести, Егіазарянцъ сообщаетъ о ней слѣдующее. Если человѣкъ не въ состояніи отмстить лично своему врагу, обязанность мести переходитъ на его родственниковъ. Личная месть превращается въ родовую, борьба двухъ личностей переходитъ въ междуусобную борьбу двухъ родовъ. Иногда вражда продолжается очень долго, переходитъ даже отъ одного поколѣнія къ другому. Ее, какъ нельзя лучше, характеризуетъ курдское слово «бизахъ», что въ переносномъ смыслѣ значитъ: «подожди, я тебѣ отплачу». Обязанность мести лежитъ прежде всего на отцѣ и братьяхъ убитаго, затѣмъ на двоюродныхъ братьяхъ, на дядяхъ его; но это не значитъ, что только близкіе родственники имѣютъ право мести, дальніе — при удобномъ случаѣ не должны выпустить врага изъ рукъ.

Вымираніе родоваго быта у курдовъ сказывается какъ въ упадкѣ родоваго культа, такъ и въ отсутствіи родоваго старшины,—обстоятельство, благодаря которому споры родственниковъ разсматриваются обыкновеннымъ третейскимъ порядкомъ почтенѣйшими стариками, нерѣдко чуждыми по крови тяжущимся *).

Мы отмѣтили послѣдовательно слѣды родоваго устройства, удержавшіеся въ современномъ быту тѣхъ арійскихъ народовъ, которые заселяютъ сѣверные и южные склоны Кавказскихъ горъ.

Спрашивается теперь, встрѣчаются ли однохарактерныя черты въ общественной организаціи тѣхъ арійскихъ племенъ, которыя, какъ мы сказали, поселены къ сѣверу и югу отъ Гималайской цѣпи, и имѣемъ ли мы поэтому право употреблять и по отношенію къ нимъ терминъ родоваго быта? Матеріалъ для рѣшенія этого вопроса даютъ намъ частью путешественники, частью чиновники, назначенные англійскимъ правительствомъ въ сѣверо-западныя провинціи Индіи и въ Пенджабъ.

Общественное устройство авганцевъ въ описаніи, данномъ

---

*) Краткій этнографическій очеркъ курдовъ Эриванской губ. Тифлисъ 1883 г., стр. 37, 38, 39.

ему въ 1839 году Эльфинстономъ, представляетъ слѣдующія характерныя особенности. Всѣ авганцы одинаково возводятъ свою родословную до Киза-Абдурешида. Отъ четырехъ сыновей Киза произошли, по ихъ сказаніямъ, тѣ четыре вѣтви, на которыя дѣлится авганскій народъ. Каждая изъ этихъ вѣтвей носитъ патронимическое названіе и этимъ названіемъ является имя ея основателя, одного изъ четырехъ сыновей Киза. Второстепенныя подраздѣленія встрѣчаются въ любой изъ четырехъ вѣтвей, и каждое изъ этихъ подраздѣленій въ свою очередь имѣетъ свои собственныя и т. д. вплоть до низшихъ подраздѣленій племени, которыми являются совокупность большаго или меньшаго числа семействъ.

Каждое изъ подраздѣленій имѣетъ своего главу въ лицѣ старѣйшаго по лѣтамъ, нерѣдко однако и выборнаго начальника, именуемаго маликомъ, муширомъ или спинъ-цера, что въ переводѣ значитъ бѣлобородый. Послѣднее названіе носятъ обыкновенно начальники низшихъ подраздѣленій. Каждый изъ начальниковъ дѣйствуетъ не единолично, а съ совѣта и согласія наиболѣе возрастныхъ представителей одного съ нимъ подраздѣленія. Этотъ совѣтъ носитъ названіе джирга. Джирга низшаго подраздѣленія состоитъ изъ семейныхъ старшинъ, слѣдующаго за нимъ—изъ начальниковъ низшаго подраздѣленія спинъ-цера и т. д. Совѣтъ хана составляютъ малики или начальники высшихъ подраздѣленій. Во главѣ этихъ высшихъ подраздѣленій стоятъ такъ называемые «ханы», избираемые всѣмъ улусомъ изъ той династіи, которая признается древнѣйшей въ немъ *).

Земельная площадь, занятая улусомъ, принадлежитъ въ общую собственность всѣхъ входящихъ въ него подраздѣленій. Въ опредѣленные сроки совершается между ними передѣлъ земли, при чемъ принимается въ разсчетъ самое качество послѣдней. Это соображеніе ведетъ къ установленію, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ улусахъ, слѣдующаго правила. Земля улуса, наравнѣ съ входя-

---

*) An account of the Kingdom of Caboul und its dependencies by Mountstuart Elphinstone, London, 1839, т. I, стр. 210. См. также Spiegel, Ueber die iranische Stammverfassung. Abhandlungen der Königlichen Ak. der Wissenschaften. München, т. VII, стр. 676 и слѣд.

щимъ въ составъ его населеніемъ, дѣлится на двѣ по возможности равныя половины. Каждыя десять лѣтъ населенія обѣихъ половинъ улуса сходятся на общую сходку. На этой сходкѣ бросаютъ жребій, какой изъ двухъ половинъ владѣть въ ближайшее десятилѣтіе худшей или лучшей землею улуса. Тотъ же жребій рѣшаетъ, кому изъ подраздѣленій улуса владѣть тѣмъ или другимъ надѣломъ въ теченіе того же десятилѣтія. Качество земли при производствѣ передѣловъ принимается впрочемъ въ разсчетъ лишь въ небольшомъ числѣ улусовъ. Обыкновенно же равенство въ экономическомъ положеніи отдѣльныхъ подраздѣленій достигается путемъ простаго обмѣна участковъ— обмѣна, производимаго въ напередъ опредѣленные сроки, гдѣ каждые три года, а гдѣ и въ пяти, десяти и двадцати-лѣтніе промежутки времени. Во многихъ улусахъ передѣлъ земли не касается главнѣйшихъ его подраздѣленій и производится только между входящими въ ихъ составъ семьями, опять таки въ напередъ условленные сроки.

Передѣлы земель какъ между подраздѣленіями улуса, такъ и между отдѣльными семьями, извѣстны у Авганцевъ подъ наименованіемъ «вайшъ». Они встрѣчаются преимущественно между западными, и только по исключенію, какъ переживаніе, между восточными племенами, поселенными въ Хорасанѣ *).

Подобно Осетинамъ, Авганцы придерживаются въ своихъ внѣшнихъ препирательствахъ началъ самоуправства и самосуда. Преслѣдованіе правонарушителей признается обязанностью всѣхъ лицъ, входящихъ въ одно подраздѣленіе съ обиженнымъ. Кровная месть нерѣдко прекращается уплатою виры однимъ родовымъ подраздѣленіемъ другому. Эта вира платится не деньгами, которыхъ нѣтъ въ обращеніи между Авганцами, и не скотомъ, какъ у Осетинъ, а преимущественно женщинами. Въ случаѣ убійства въ уплату поступаютъ обыкновенно двѣнадцать молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ шесть по меньшей мѣрѣ должны быть снабжены извѣстнымъ имуществомъ **).

Подобно Осетинамъ, Авганцы также обращаются при судебномъ разбирательствѣ, органами котораго являются совѣты старѣйшинъ

*) Elphinstone, т. II. стр. 15 и слѣд

**) Spiegel. стр. 677.

Дворец культуры им. С.М.Кирова
Библиотека
102338

или джирга, къ присяжнымъ свидѣтельствамъ лицъ одного подраздѣленія съ обвиняемымъ. О родовой преэмціи и родовомъ выкупѣ у нихъ только потому не можетъ быть рѣчи, что земельная собственность не отчуждаема и состоитъ въ общемъ владѣніи улусовъ и ихъ подраздѣленій. При вымираніи всѣхъ членовъ того или другаго изъ этихъ послѣднихъ, занятая имъ земельная площадь поступаетъ въ руки ближайшаго по крови подраздѣленія, точь въ точь, какъ это имѣетъ мѣсто въ осетинскомъ быту.

Послѣ сказаннаго едва ли нужно останавливаться на проведеніи параллелей между общественнымъ строемъ Авганцевъ и тѣмъ, которымъ живутъ или еще недавно жили Осетины. Въ существеннѣйшихъ чертахъ этотъ строй у обоихъ племенъ одинъ и тотъ же. Основу его одинаково составляетъ кровное начало — родство со стороны мужчинъ. Совмѣстное владѣніе землею лицъ одной крови, круговая отвѣтственность родственниковъ за правонарушенія и взаимная поддержка ихъ на судѣ, управленіе старшими по возрасту или способнѣйшими представителями кровнаго начала — все это въ равной мѣрѣ встрѣчается какъ въ бытѣ Авганцевъ, такъ и Осетинъ. Какъ и у послѣднихъ, наконецъ, низшей общественной единицей у Авганцевъ является не малая семья, а союзъ нѣсколькихъ семей, живущихъ въ одномъ дворѣ, другими словами—большая семья или, употребляя ходячее въ осетинскомъ быту наименованіе—дворъ.

Отъ Авганцевъ перейдемъ къ Раджпутамъ и Джатамъ, поселеннымъ къ югу отъ Гималайской цѣпи. Общей чертою въ бытѣ этихъ народностей является преобладаніе въ ихъ средѣ кровнаго начала. Говоря это, мы не утверждаемъ, что всѣ лица, входящія въ составъ тѣхъ союзовъ, которые обнимаются понятіемъ родовыхъ, связаны между собою узами дѣйствительнаго родства. Мы настаиваемъ только на томъ, что всѣ они считаютъ другъ друга родственниками. Послѣдній по времени изслѣдователь общественнаго строя Раджпутовъ, Альфредъ Лайель различаетъ между родами Раджпутовъ: роды чистокровные и смѣшанные. Чистокровные роды сравнительно рѣдки. Большинство родовъ составилось не изъ однихъ единокровныхъ; къ древнѣйшему стволу дѣйствительныхъ родственниковъ при-

соединились съ теченіемъ времени выходцы изъ другихъ родовъ. Раздоры, несогласія, гнетъ общественнаго мнѣнія, сплошь и рядомъ побуждали, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя группы семействъ вступать въ составъ чуждыхъ имъ родовыхъ сообществъ. Сила обстоятельствъ, говоритъ Лайель, заставляетъ чужеродцевъ примкнуть къ родовой группѣ, принять наравнѣ съ родственниками участіе въ военныхъ предпріятіяхъ родоваго вождя, искать у него службы и земельныхъ пожалованій. Не одно усыновленіе родомъ чужеродцевъ, но и добровольное соединеніе нѣсколькихъ чуждыхъ другъ другу по крови общественныхъ группъ подъ предводительствомъ общаго вождя ведетъ къ возникновенію въ сѣверной Индіи такъ называемыхъ смѣшанныхъ родовъ. Принимая въ свой составъ чуждыхъ ему по крови лицъ, родъ тѣмъ самымъ теряетъ на время чистоту своей генеалогіи; но такой порядокъ вещей держится весьма не долго *). По прошествіи одного или двухъ поколѣній, развивается новое, болѣе или менѣе сказачное генеалогическое древо. Усыновленныя родомъ семьи фигурируютъ въ немъ наравнѣ съ несомнѣнными представителями первоначальной династіи. Проходитъ еще нѣсколько поколѣній и сглаживается самая память о позднѣйшемъ восполненіи рода новыми пришельцами.

Сказанное о Раджпутахъ въ равной мѣрѣ можетъ быть повторено о Джатахъ и другихъ арійскихъ народностяхъ Сѣверной Индіи. На основаніи несравненно болѣе богатаго матеріала Туперъ, авторъ послѣдняго труда по обычному праву Пенджаба, приходитъ по вопросу объ ихъ внутреннемъ бытѣ къ тѣмъ самымъ выводамъ, какіе сдѣланы были мною нѣсколько лѣтъ назадъ. Расходясь съ Мэномъ, онъ утверждаетъ, что древнѣйшими союзами въ этой части Индостана должны быть признаны не малыя или большія семьи, а роды, позднѣйшими развѣтвленіями которыхъ и являются семейныя общины **). Цѣлый рядъ селъ доселѣ носитъ въ Пенджабѣ родовой характеръ, т. е. между входящими въ составъ ихъ большими семьями или дворами существуетъ дѣйствительное или предполагаемое родство. Принадлежащая селу земля состоитъ въ нераздѣльномъ владѣніи дворовъ и только по вре-

*) Asiatic Studies, London. 1882 г., стр. 157. 167.

**) Punjab Customary Law, т. II, стр. 10.

менамъ передѣляется между ними. При этомъ передѣлѣ родство, большая или меньшая близость къ общему родоначальнику, опредѣляетъ собою большій или меньшій размѣръ двороваго надѣла. Только по мѣрѣ размноженія рода, частью естественнымъ путемъ, частью путемъ искусственнымъ, включеніемъ въ его составъ новыхъ пришельцевъ, теряется мало-по-малу прежняя пропорція между размѣромъ надѣла и степенью родства. Тогда возникаетъ въ общинѣ то фактическое неравенство, которое, какъ необъяснимое болѣе родовой генеалогіей, вызываетъ нескончаемые споры и несогласія и ведетъ въ концѣ концовъ или къ раздѣлу, или къ установленію однохарактерной съ русской системы періодическаго передѣла общинной земли на равныя доли.

Изъ сказаннаго ясно, что родъ является первоначальной общественной единицей одинаково у Раджпутовъ и Джатовъ и что семейная община не болѣе, какъ позднѣйшая представительница того же кровнаго родоваго начала.

Какъ и у Авганцевъ, родовое начало сказывается у Раджпутовъ и Джатовъ, одинаково какъ въ сферѣ гражданскихъ отношеній, такъ и въ тѣхъ, которыя возникаютъ изъ преступленій, въ первыхъ—въ запрещеніи отчуждать сперва родовую, а затѣмъ дворовую землю чужестранцамъ, иначе, какъ съ общаго согласія, въ правѣ родовой преэмціи и родоваго выкупа *); во вторыхъ—въ господствѣ кровной мести и денежной отвѣтственности родственниковъ за обиды, причиненныя кѣмъ либо изъ нихъ члену другаго рода.

Переходя отъ восточныхъ къ западнымъ представителямъ арійской семьи, мы остановимся съ особенной подробностью на общественномъ строѣ *южныхъ славянъ*. На ряду съ малой семьей, извѣстны имъ еще слѣдующіе, болѣе численные по своему составу союзы, во 1-хъ, семейная община, именуемая сербами «задругой» хорватами «скупщиной», герцеговинцами «домомъ», далматинцами «общиной соединенныхъ братьевъ»; во 2-хъ, родъ, извѣстный подъ наименованіемъ «братство»; въ 3-хъ «племя», представляющее собою не болѣе, какъ развѣтвившійся родъ, распавшееся на колѣна братство. Численный составъ рода-племени весьма разнообразенъ, гдѣ тридцать и пятьдесятъ человѣкъ, а гдѣ и семьсотъ или восемьсотъ.

Братство—это прежде всего личный союзъ, члены котораго

*) Ibid., стр. 36.

такъ называемыя «братственники» имѣютъ одного церковнаго патрона, собираются по временамъ на общіе сходы, на которыхъ рѣшаютъ интересующіе родъ вопросы, и подчиняются начальству общаго главы, такъ называемаго «князя», должность котораго наслѣдственна въ одной и той же фамиліи и рѣдко гдѣ замѣщается по выбору старѣйшинъ отдѣльныхъ дворовъ. Будучи по природѣ своей союзомъ личнымъ, братство, подобно всякому родовому соединенію, пріобрѣло со временемъ значеніе союза территоріальнаго. Каждое владѣетъ, какъ общее правило, общественными угодьями на началѣ нераздѣльности, имѣетъ свою «племенщину», свой bonum gentilitium. Общую собственность братьевъ составляютъ также церкви, кладбища, нерѣдко мельницы и сукновальни. Солидарность, связывающая во едино братственниковъ, въ сферѣ имущественныхъ отношеній сказывается также въ правѣ предпочтительной покупки отчуждаемаго кѣмъ либо изъ нихъ участка. Братство и составившееся изъ его развѣтвленія племя—далеко не принадлежатъ болѣе къ числу жизненныхъ институтовъ юго-славянскаго права. Они встрѣчаются лишь на правахъ исключенія въ Герцеговинѣ, Черногоріи, Bocca-di-Cattaro и совершенно исчезли одинаково въ Сербіи и Хорватіи. Подобно родовымъ союзамъ Раджпутовъ и Джатовъ, братства южныхъ славянъ являются союзами экзогамическими, въ томъ смыслѣ, что бракъ въ предѣлахъ братства запрещенъ. Такое запрещеніе не распространяется, однако, на всѣхъ членовъ развѣтвившагося рода или племени, и браки между отдѣльными колѣнами, входящими въ его составъ, считаются вполнѣ дозволенными *).

Что касается до семейной общины, то новѣйшія изслѣдованія г. Крауса мало прибавляютъ новаго къ тому, что на этотъ счетъ извѣстно намъ изъ сочиненій Утизеновича или изъ сборника юго-славянскихъ обычаевъ, составленнаго проф. Богишичемъ. Вотъ почему мы считаемъ возможнымъ ограничиться приведеніемъ здѣсь тѣхъ свѣдѣній о ней, какія на основаніи послѣдняго источника сообщаетъ г. Демеличъ въ своемъ «Обычномъ правѣ южныхъ славянъ». Всѣ члены одной семейной общины родственники между собою и это родство доходитъ иногда до четвертаго колѣна. Но иностранцы могутъ сдѣлаться

*) См. Kraus, Sitte und Brauch der Südslaven, стр. 34—41, 57 и 63.

членами общины. Бракъ и усыновленіе—обыкновенные къ тому средства. Случается, что старики, потерявъ всѣхъ своихъ дѣтей и оставшись, такъ сказать, одни на свѣтѣ, не имѣя больше силы заниматься своимъ хозяйствомъ, или не будучи въ состояніи жить собственнымъ трудомъ, входятъ въ чужую общину. Эти лишенные средствъ къ жизни или больные старики принимаются сербскими общинами съ распростертыми объятіями; имъ даютъ всѣ права членовъ общины, но если они имѣютъ небольшое состояніе, то должны отдать его въ общину или при своей жизни, или въ видѣ завѣщаннаго имущества послѣ смерти.—Когда всѣ мужчины общины вымрутъ, и не останется другаго наслѣдника, кромѣ дочери, то мужъ ея дѣлается начальникомъ общины, причемъ за общиной сохраняется ея прежнее наименованіе.

«Постояннымъ, т. е. недѣлимымъ и неотчуждаемымъ имуществомъ семейной общины, говоритъ авторъ экономическихъ замѣтокъ о Болгаріи г. Кондратовичъ, бываетъ обыкновенно *непокретно имание*, т. е. именно прежде всего земля, а затѣмъ орудія труда. Нивы, левады, виноградники, иногда участки пастбища и лѣса, а также жилища, хозяйственныя постройки, мельницы, сельско-хозяйственныя орудія—составляютъ основное общинное имущество, унаслѣдованное общиной отъ предковъ, долженствующее перейти потомству и называемое *имание*, *стока*, *башниа*, *бѣдниа*. Самыя названія такого общиннаго имущества показываютъ какъ его происхожденіе, такъ и характеръ, представляя антитезу личной собственности—*свойщины*, *особины*, *добитъкъ*. *жива стока*, *покущнина*, которая пріобрѣтается, независимо отъ общаго, наслѣдственнаго капитала, путемъ чисто личнаго труда или промысла»*).

Общинная земля не отчуждаема: только въ случаѣ крайней бѣдности или постигшаго ея раззоренія, семейная община рѣшается продать свое имущество; народъ смотритъ на такую продажу, какъ на величайшій позоръ, и не многіе рѣшаются выступить покупателями такого имущества. Продажа каждый разъ происходитъ съ согласія и одобренія всѣхъ совершеннолѣтнихъ членовъ общины.—Въ числѣ предметовъ движимой собственности имѣются такіе, которыхъ нельзя отчуждать иначе, какъ въ случаѣ неотложной необходимости. Таковы орудія сельско-хозяйственной экспло-

*) «Русская Мысль», 1884 г., № 2, стр. 7.

атаціи. Что же касается до скота, то каждое семейство обыкновенно содержитъ двухъ быковъ и нѣсколько паръ другихъ животныхъ; что̀ сверхъ этого, то можетъ быть продано. Другія принадлежности хозяйства: улья, ручныя мельницы, различные продукты растительнаго и животнаго царствъ—по большей части отчуждаемы.

Теперь скажемъ объ обязанностяхъ и правахъ каждаго члена общины и сначала точно опредѣлимъ положеніе ея начальника, котораго сербскій народъ называетъ «domacin»—начальникъ или правитель дома. Домачинъ обыкновенно избирается общиною изъ среды пожилыхъ и женатыхъ членовъ. Однако же это правило представляетъ много исключеній. Не смотря на высокое уваженіе Сербовъ къ зрѣлому возрасту, часто выбираютъ молодыхъ людей, испытанныхъ и извѣстныхъ своимъ энергическимъ и честнымъ характеромъ, своими хозяйственными способностями и твердой волей. «Кто уменъ, тотъ довольно старъ», говоритъ сербская пословица. Иногда случается, что самъ домачинъ, чувствуя, что силы его уменьшаются подъ тяжестью лѣтъ, отказывается отъ своей власти въ пользу наиболѣе достойнаго изъ своихъ сыновей. Въ Черногоріи и Герцеговинѣ часто случается, что старшій братъ домачина наслѣдуетъ ему послѣ его смерти; за отсутствіемъ же брата—старшій сынъ. Въ этомъ случаѣ начальникомъ общины можетъ сдѣлаться и младшій въ случаѣ старости или болѣзни послѣдняго; кромѣ согласія отдѣльныхъ членовъ общины избранный долженъ получить еще торжественное благословеніе отъ своего старшаго брата. Сербы, какъ уже было сказано, питаютъ большое уваженіе къ лѣтамъ. Въ пожилыхъ людяхъ цѣнятъ ихъ опытность. «Дьяволъ», говорятъ они, «очень опытенъ, потому что онъ старъ». «Безъ повиновенія старцамъ нѣтъ спасенія»—гласитъ другая поговорка; но Сербы прибавляютъ при этомъ, что «если лѣта—голова, то молодость—сила» и выводятъ изъ этого, что дѣльнымъ молодымъ людямъ слѣдуетъ предоставить управленіе общиною, когда одряхлѣвшіе старики не въ силахъ болѣе нести связанныхъ съ нимъ обязанностей. Итакъ личныя качества рѣшаютъ выборъ начальника. Вотъ почему можно избрать на эту должность и женщину; точно также возможно, что предста-

вительницей дома будетъ дѣвушка, въ томъ однако лишь случаѣ, когда въ общинѣ нѣтъ взрослыхъ мужчинъ. Вдова послѣдняго начальника общины беретъ въ свои руки управленіе, если ея дѣти еще слишкомъ молоды и если мужъ послѣ своей смерти не оставилъ братьевъ. Но какъ только старшій сынъ достигнетъ того возраста, въ которомъ онъ можетъ располагать своимъ имуществомъ, мать уступаетъ ему мѣсто. Случаи, когда дѣвушка становится во главѣ семейной общины, крайне рѣдки: разъ она единственная наслѣдница, мужъ ея входитъ въ общину и становится ея начальникомъ (domazet'омъ). Часто община даетъ послѣднему начальнику право назначить себѣ преемника. Но это преимущество дается только тѣмъ, кто пріобрѣлъ въ общинѣ большое уваженіе. Если члены не могутъ согласиться на счетъ выбора лица, которое должно сдѣлаться ихъ начальникомъ, то вопросъ этотъ рѣшаетъ жребій. Въ Герцеговинѣ выборъ новаго начальника имѣетъ мѣсто только тогда, когда прежній скончался, не назначивъ себѣ преемника. Случается также, что помимо выбора и назначенія кто-нибудь изъ членовъ мало-по-малу овладѣваетъ этою почетною должностью. Если хозяйство процвѣтетъ подъ его управленіемъ, то онъ признается начальникомъ общины по праву. Но злоупотребленія проскользаютъ всюду, и приходится иногда видѣть людей, становящихся во главѣ общины посредствомъ грубой силы или преступной хитрости. Тогда въ семьѣ, въ которой имѣетъ мѣсто этотъ захватъ власти, перестаетъ царствовать миръ и неизбѣжно наступаетъ раздѣлъ, если только члены общины не сойдутся вмѣстѣ на томъ, чтобы прогнать похитителя. Подобные случаи, къ счастью, рѣдки.—Что касается до правъ домачина, то они обыкновенно состоятъ въ слѣдующемъ. Прежде всего онъ имѣетъ всѣ преимущества, которыя даетъ ему его возрастъ; онъ предсѣдательствуетъ въ семейныхъ собраніяхъ и служитъ представителемъ общины во всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ ея и передъ государственною властью. Прежде, когда существовала барщина, онъ былъ свободенъ отъ нея. Домачинъ управляетъ имуществомъ общины, никто безъ его позволенія не можетъ распоряжаться вещами, имѣющими какую либо цѣнность. При всемъ томъ онъ далеко не самовластный повелитель: прочіе чле-

ны общины ему равны и всѣ одинаково имѣютъ право подавать голосъ въ семейныхъ совѣтахъ—домачинъ только primus inter pares; онъ наблюдаетъ за выполненіемъ каждымъ его обязанностей и распредѣляетъ работы. Онъ управляетъ общинной казною и пріобрѣтаетъ все необходимое для дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ долженъ озаботиться также доставленіемъ одежды и обуви для всѣхъ членовъ общины. Онъ отвѣчаетъ за всѣ расходы и не имѣетъ права употреблять общинные доходы на покрытіе личныхъ издержекъ.

Домачинъ не имѣетъ уголовной юрисдикціи. Тѣмъ, которые не повинуются ему, онъ можетъ дѣлать замѣчанія, но не вправѣ присуждать ихъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, если только дѣло не касается дѣтей или молодыхъ дѣвушекъ. Точно также онъ долженъ воздерживаться отъ выговоровъ мужчинамъ при женщинахъ, молодыхъ мальчикахъ, дѣвушкахъ и дѣтяхъ. Въ Болгаріи мужъ вправѣ наказывать свою провинившуюся жену. Семейный совѣтъ собирается передъ церковью, вечеромъ послѣ ужина, и здѣсь обсуждаются преступленія и проступки членовъ. Въ случаѣ осужденія, виновный обыкновенно исключается изъ общины. Въ турецкихъ провинціяхъ аппелляція на семейные приговоры въ общіе суды встрѣчается рѣдко, но въ Болгаріи очень часто обращаются съ нею въ городской совѣтъ, къ приходскому священнику, или къ епископу. Въ Австріи въ случаяхъ упорства домачинъ нерѣдко обращается за помощью къ государственной власти; объ исключеніи изъ общины почти всегда дается знать судамъ; имъ же выдаютъ виновнаго для поступленія съ нимъ по законамъ.

Что касается правъ домачина относительно общиннаго имущества, то онъ можетъ по собственному выбору продавать и покупать нѣкоторыя малоцѣнныя вещи, но продажа и покупка должны быть совершаемы въ интересахъ всей общины. Для болѣе важныхъ операцій необходимо общее согласіе. Домачинъ производитъ закупки всего необходимаго, давая о томъ отчетъ семейному совѣту. Въ Военной Границѣ онъ вправѣ продавать только движимое имущество, отнюдь не недвижимое. Когда домачинъ дѣйствуетъ противъ воли общины, то члены ея могутъ лишить его должности, но для этого необходимо общее согласіе. Отрѣшеніе отъ должности

имѣетъ мѣсто обыкновенно тогда, когда домачинъ оказывается неспособнымъ къ управленію дѣлами и семейству грозитъ опасность полнаго разоренія; а также и въ случаяхъ, если онъ сдѣлается слѣпымъ, сумасшедшимъ или подвергнутъ будетъ позорному наказанію, если онъ единодушно ненавидимъ всѣми, склоненъ къ пьянству и безнравственному поведенію, расточителенъ или несправедливъ. Смѣщеніе такого начальника обыкновенно совершается вечеромъ послѣ ужина. Самый старшій изъ семейства перечисляетъ его недостатки; онъ указываетъ на разореніе, которое грозитъ дому, и объявляетъ ему, что все семейство считаетъ его неспособнымъ быть впредь начальникомъ общины и единодушно рѣшило замѣнить его другимъ.

Послѣ домачина наибольшими почестями и значеніемъ въ семейной общинѣ пользуется «domacica» — хозяйка дома. Домачица обыкновенно—жена домачина. Она сохраняетъ эту почетную должность даже послѣ смерти своего мужа. Однакожь, если жена начальника семейной общины слишкомъ стара, или если она не обладаетъ качествами, которыхъ требуетъ отъ нея эта должность, то на ея мѣсто назначаютъ способнѣйшую изъ наиболѣе пожилыхъ женщинъ. Вдову при этомъ выбираютъ только тогда, если нѣтъ женщины замужней для избранія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не колеблятся отдать преимущество дѣвушкѣ, чего никогда не случается въ Герцеговинѣ и Черногоріи. Выше уже было сказано, что младшій изъ двухъ братьевъ дѣлается часто домачиномъ вслѣдствіе физической или нравственной неспособности старшаго. Когда представляется такой случай, то хозяйкою дома дѣлается не жена младшаго, а жена того, кто былъ отставленъ отъ должности, или того, кто долженъ бы быть избраннымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщины имѣютъ право сами выбирать домачицу, но выборъ этотъ долженъ быть подтвержденъ семейнымъ совѣтомъ. Домачица стоитъ во главѣ домашняго хозяйства. Ея вѣдѣнію подлежатъ молочня и курятникъ. Она отвѣчаетъ за внутренній порядокъ въ домѣ. Когда всѣ работники находятся на работѣ въ полѣ, въ виноградникѣ или въ лѣсу, домачица смотритъ за дѣтьми, стряпаетъ кушанье и надзираетъ за всѣмъ домомъ. За столомъ она занимаетъ мѣсто подлѣ начальника семьи. Съ нею совѣ-

туются на счетъ брака дѣвушекъ, въ этомъ дѣлѣ она имѣетъ чаще всего рѣшающій голосъ. Домачица надзираетъ не только за матеріальнымъ порядкомъ въ семьѣ. На ней лежатъ и нѣкоторыя нравственныя обязанности: она руководитъ религіознымъ воспитаніемъ молодыхъ дѣвушекъ, обучаетъ ихъ ежедневнымъ молитвамъ, по праздникамъ сопровождаетъ ихъ въ церковь и пріучаетъ ко всѣмъ домашнимъ работамъ. Обязанности домачицы не ограничиваются попеченіями объ однихъ живущихъ. Она заботится даже и о тѣхъ, которыхъ уже нѣтъ въ живыхъ. Почитаніе умершихъ считается у Сербовъ одною изъ самыхъ священныхъ обязанностей. Панихиды по умершимъ у православныхъ служатся по субботамъ. Хозяйка дома непремѣнно присутствуетъ на нихъ.

Познакомившись съ правами и обязанностями начальника семьи и хозяйки дома, мы переходимъ къ изложенію правъ другихъ членовъ общины. Всѣ члены одинаково участвуютъ въ общемъ имуществѣ и всѣ должны соединять свои силы и труды для блага и процвѣтанія общины. Всякій членъ имѣетъ свою долю пользованія и свое право на пропитаніе, одежду и помѣщеніе отъ общины. Ko doma radi taj i raduje—кто дома работаетъ, тотъ и пользуется, гласитъ Сербская пословица. Право голоса одинаково принадлежитъ всѣмъ участвующимъ въ семейномъ совѣтѣ и всякому дозволено вводить своихъ гостей на домашнія пирушки. Членъ общины можетъ при желаніи выйти изъ нея; онъ можетъ также поселиться въ другой мѣстности, но для этого онъ долженъ получить предварительно согласіе начальникаобщины; то же согласіе необходимо даже для временной отлучки изъ общины. Возрастъ и полъ сильно измѣняютъ эти разнообразныя права членовъ общины. Дѣти и молодыя дѣвушки не пользуются всѣми тѣми преимуществами, которыя предоставляются совершеннолѣтнимъ. Въ Военной Границѣ только въ двадцать четыре года наступаетъ совершеннолѣтіе. Сербскій обычай придаетъ возрасту меньшее значеніе. Кто способенъ выполнять работы и исполнять обязанности взрослаго человѣка, тотъ можетъ пользоваться и всѣми его правами. Человѣкъ женатый уважается въ семьѣ болѣе, чѣмъ холостой. Въ Герцеговинѣ и Черногоріи

молодой человѣкъ начинаетъ пользоваться своими правами съ того времени, какъ онъ становится способнымъ носить оружіе, т. е. обыкновенно съ восемнадцати лѣтъ. Женщины не всюду пользуются правомъ голоса на семейномъ совѣтѣ. Въ Черногоріи онѣ допускаются на совѣтъ только тогда, когда тамъ разсуждаютъ о весьма важныхъ вопросахъ. Въ другихъ сербскихъ странахъ совѣты женщинъ, въ особенности женщинъ пожилыхъ, всегда уважаются, хотя за ними рѣдко признается право рѣшающаго голоса. Въ Далмаціи онѣ почти всегда получаютъ это право. Въ Военной Границѣ женщины могутъ подавать голосъ, если у нихъ нѣтъ мужчины-представителя. Слѣдовательно, это право должно принадлежать только вдовѣ, сынъ которой еще не достигъ совершеннолѣтія. Въ Болгаріи всѣ женатые мужчины могутъ подавать голосъ въ семейномъ совѣтѣ. Впрочемъ, настоящее значеніе придаютъ только голосу члена, которому исполнилось 25 лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Военной Границы дѣла рѣшаются большинствомъ. При равенствѣ голосовъ одерживаетъ верхъ та сторона, къ которой принадлежитъ начальникъ. Ему предоставляется подчасъ полная свобода дѣйствія, именно тогда, когда послѣ долгихъ преній не достигнуто будетъ соглашенія. Въ Болгаріи во всѣхъ важныхъ дѣлахъ необходимо единогласіе. При противодѣйствіи со стороны одного какого-нибудь члена стараются склонить его къ тому, чтобы онъ взялъ назадъ свое veto; умоляютъ его не подвергать опасности внутреннее согласіе; указываютъ ему на позоръ, который палъ бы на домъ, если бы сосѣди узнали о такомъ разномысліи. Рѣдко случается, чтобы противящійся не подчинился въ концѣ концовъ общему рѣшенію.

Въ Сербіи домачину запрещено совершать займы или дѣлать долги безъ особаго на то согласія общины. Совѣтъ общины завѣдуетъ также всѣмъ, относящимся до внѣшнихъ сношеній семьи; семейные раздѣлы происходятъ не иначе, какъ съ его согласія. Однимъ словомъ, домачинъ обязанъ собирать семейный совѣтъ во всѣхъ исключительныхъ случаяхъ, требующихъ необыкновенныхъ мѣропріятій.

Спрашивается теперь, владѣютъ ли члены общины частною собственностью? Въ Черногоріи недвижимость никогда не можетъ

составлять индивидуальной собственности кого-нибудь изъ членовъ общины; позволено оставлять въ свою пользу только добычу, полученную на войнѣ, и въ частности — оружіе непріятеля. Точно также священникамъ дозволяется удерживать подарки, которые имъ дѣлаются по случаю свадьбы, крестинъ или похоронъ; но ту сумму, которую они взимаютъ съ жителей, какъ жалованье, они постоянно должны отдавать въ общее достояніе всей своей общины. Въ Сербіи, когда нѣтъ общинныхъ работъ, каждый можетъ искать заработка на сторонѣ. Этотъ заработокъ не поступаетъ въ общую казну. Находки составляютъ также частную собственность. Если кто изъ членовъ общины занимается ремеслами или торговлей, то получаемый имъ доходъ идетъ исключительно въ его пользу. Равнымъ образомъ, молодые люди, посвящающіе себя морскому дѣлу, имѣютъ право оставлять себѣ въ собственность все пріобрѣтенное ими во время морскихъ путешествій или экспедицій. Приданое женщины разсматривается, какъ ея частная собственность. Оно обыкновенно состоитъ изъ скота, платья, нарядовъ и т. д., очень рѣдко изъ недвижимости. У Болгаръ однѣ замужнія женщины имѣютъ право на частную собственность. Предметами ея являются подарки, полученные отъ мужа въ день свадьбы. Что касается приданаго, то оно, въ чемъ бы ни состояло, въ скотѣ ли, недвижимости, или деньгахъ, поступаетъ въ общую казну; женщина можетъ взять его обратно только въ случаѣ раздѣла общины.

Случается часто, что нѣкоторые члены общины находятся по цѣлымъ годамъ въ отсутствіи. Они занимаются торговлею или службою на морскихъ судахъ и почти всегда скопляютъ небольшой капиталецъ. На счетъ того, должны ли они по возвращеніи въ свою общину отдавать барыши въ общее достояніе, или могутъ считать ихъ своею частною собственностью,— общаго правила не установилось. Если членъ оставилъ семью по приказанію домачина ради имущественныхъ пріобрѣтеній, то все, что онъ заработалъ, принадлежитъ общинѣ. Но если онъ отправился на заработокъ по собственной волѣ, то онъ ничего не обязанъ отдать общинѣ. — Иногда общины заключаютъ условія съ тѣми, кто отправляется на неопредѣленное время.

Договоры этого рода рѣшаютъ вопросъ о барышахъ, но почти всегда и безъ такихъ договоровъ членъ общины отдаетъ часть своего заработка въ общую казну. Членъ, находящійся въ отсутствіи, никогда не теряетъ своихъ правъ на часть въ общинномъ имуществѣ, хотя бы онъ провелъ даже нѣсколько лѣтъ внѣ дома. Между правами члена общины мы назвали право на пропитаніе и одежду отъ общины; но не существуетъ обязанности доставлять ему сполна всю одежду. Обыкновенно община снабжаетъ только головнымъ уборомъ, обувью и теплымъ платьемъ на зиму.

Остается сказать еще о правахъ и обязанностяхъ женщинъ и дѣвушекъ, входящихъ въ составъ общины. Женщина у Южныхъ Славянъ помогаетъ мужчинамъ въ полевыхъ работахъ. Она же производитъ все необходимое для внутренняго хозяйства семьи: мыло, свѣчи и даже наиболѣе употребительныя лѣкарства. Эти различныя работы отправляются каждою изъ женщинъ поочереди. Однѣ остаются дома, другія отправляются въ поле. Кому что дѣлать—рѣшается жребіемъ. Что касается до распредѣленія ручнаго труда, то каждая женщина работаетъ для своей семьи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. для своего мужа и дѣтей и, кромѣ того, для неженатыхъ членовъ общины и для сиротъ. Въ общинѣ, которая сама сѣетъ и обработываетъ ленъ, пряжа распредѣляется между женщинами; въ противномъ случаѣ, каждая прядетъ для своей тѣсной семьи. Старухи, женщины и молодыя дѣвушки свободны отъ трудныхъ работъ вообще. Молодымъ дѣвушкамъ даютъ время для заготовленія приданаго, если же онѣ сироты, то и для того, чтобы заработать небольшую сумму на покупку коровы. Каждая дѣвушка должна принести что-нибудь своему жениху, и поэтому она никогда не занимается хозяйствомъ. За исключеніемъ той собственности, которая лично принадлежитъ женщинѣ, послѣдняя можетъ отчуждать только нѣкоторыя малоцѣнныя вещи, напр., молоко. Община доставляетъ женщинамъ, какъ и мужчинамъ, головные уборы и обувь; верхнее платье каждая получаетъ отъ мужа. Другія принадлежности туалета женщина изготовляетъ сама для себя, а украшенія покупаетъ на собственныя деньги. Женщина, какъ мы сказали, можетъ имѣть свою частную собственность точно также, какъ

и другіе члены общины. Все, что подарятъ ей по случаю брака приглашенные на свадьбу, принадлежитъ ей по праву. Все, что она заработаетъ своимъ трудомъ, внѣ общины, тоже становится ея исключительною собственностью, но въ этомъ случаѣ женщина заблаговременно должна испросить у домачина позволеніе отправиться искать счастія внѣ общины, что̀ и разрѣшается ей каждый разъ, когда общинныя работы приходятъ къ концу.—Индивидуальная собственность дѣвушекъ состоитъ только въ приданомъ.

Какъ и у описанныхъ уже нами племенъ—Осетинъ, Авганцевъ, Раджпутовъ и Джатовъ—родовое начало у южныхъ Славянъ находитъ выраженіе себѣ, какъ въ нераздѣльности въ наше время семейнаго, такъ нѣкогда и родоваго владѣнія, а также въ запрещеніи выдѣлившимся уже малымъ семьямъ отчуждать свою землю чужеродцамъ иначе, какъ послѣ предварительнаго предложенія ея родственникамъ для покупки и формальнаго отказа съ ихъ стороны. Законодательство Черногорскаго князя Даніила содержитъ въ себѣ слѣдующія постановленія касательно отчужденія недвижимой собственности. Продавецъ обязанъ прежде всего предложить отчуждаемый имъ участокъ своимъ родственникамъ и сосѣдямъ. Это предложеніе дѣлается въ присутствіи свидѣтелей. Если родственники, а за ними сосѣди не воспользуются его предложеніемъ, продавецъ вправѣ продать имущество кому самъ заблагоразсудитъ. Въ Болгаріи, если въ силу такого согласія земля и перейдетъ въ собственность чужеземца, члены семейной общины или ихъ потомки вправѣ выкупить ее во всякое время, возвративши заплаченные за нее деньги *).

Въ уголовномъ правѣ то же родовое начало проявляется въ господствѣ кровной мести и участіи родственниковъ въ уплатѣ виры. И то и другое еще весьма недавно было въ полномъ ходу въ Черногоріи и доселѣ практикуется, по крайней-мѣрѣ отчасти, въ Герцеговинѣ. Въ процессѣ кровное начало сказывается у южныхъ Славянъ въ той помощи, которую оказываютъ подсудимому его родственники, подъ присягою свидѣтель-

*) «Русская Мысль», 1884 г., № 2. Кондратовичъ, стр. 7.

ствующіе достовѣрность дѣлаемыхъ имъ на судѣ показаній. Такой порядокъ вещей все еще продолжаетъ держаться въ Черногоріи: родственники въ числѣ двухъ или четырехъ человѣкъ приносятъ клятву въ храмѣ, цѣлуя крестъ и произнося страшное заклинаніе, въ которомъ призывается на клятвопреступника гнѣвъ Божій. Освященная обычаемъ формула говоритъ о распаденіи жилища и вымираніи всего рода —какъ о послѣдствіяхъ принесенія кѣмъ-либо ложной присяги. *)

Въ Великороссіи, въ которой сельская сосѣдская община находитъ себѣ такое широкое распространеніе, слѣды родоваго нѣкогда владѣнія сохранились въ существованіи такъ наз. большой семьи или семейной общины.

Первыя данныя о ней сообщены были г. Оршанскимъ и г-жею Ефименко. **) Къ сожалѣнію, ни тотъ, ни другая, не поняли дѣйствительнаго характера этихъ группъ: въ семейныхъ общинахъ они увидѣли одно подобіе артелей, а не кровные родственные союзы, какими онѣ являются на самомъ дѣлѣ. Излагая въ немногихъ словахъ сущность того воззрѣнія, которое въ литературѣ получило извѣстность подъ наименованіемъ теоріи трудоваго начала въ русской крестьянской семьѣ, г. Пахманъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ существеннѣйшія ея основы. 1) Кровная связь въ семьѣ не составляетъ ея существа, а является какъ бы случайнымъ элементомъ въ ней. 2) Власть семейнаго главы обусловливается лишь общностью хозяйства и потому самъ домохозяинъ, *не исключая отца или матери*, не болѣе, какъ распорядитель общаго хозяйства, какъ бы на правахъ артельнаго старосты. 3) Все имущество въ

*) Popovic, Recht und Gericht iu Montenegro, стр. 82.

**) «Народный судъ и на родное право»—Оршанскаго («Журналъ гражданскаго и уголовнаго права 1875.) «Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ», А. Ефименко (Слово 1878 г.). Трудовой принципъ, говоритъ послѣдняя, красною нитью проходитъ черезъ всѣ семейныя и наслѣдственныя отношенія крестьянъ, насколько они опредѣляются обычнымъ правомъ (стр. 165).—Лица, не имѣющія съ семьей никакой родственной связи, напр. принятые въ домъ зятья, пасынки, пріемыши, если они только участвовали въ общемъ семейномъ трудѣ, имѣютъ такое же право на долю въ семейномъ имуществѣ, какъ сыновья, племянники или другіе кровные родственники.

семьѣ принадлежитъ не домохозяину лично, а членамъ семьи сообща, какъ дольщикамъ «общей семейной собственности», къ числу коихъ относится и самъ домохозяинъ, хотя бы онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ остальнымъ членамъ семьи. 4) Право дольщиковъ на семейное имущество основывается не на узахъ или близости родства, а единственно на личномъ трудѣ каждаго и притомъ въ размѣрѣ дѣйствительнаго участія его въ пріобрѣтеніи и накопленіи семейнаго имущества. 5) Означенное право принадлежитъ каждому независимо отъ усмотрѣнія главы семьи и можетъ быть осуществлено требованіемъ выдѣла слѣдующей ему доли или полнаго раздѣла семейнаго имущества. *)

Разбирая это ученіе, г. Пахманъ на основаніи громаднаго матеріала, накопленнаго Комиссіей по преобразованію волостныхъ судовъ, приходитъ къ отрицанію вышеизложенныхъ основъ артельной теоріи. 1) Семья и по понятіямъ крестьянъ, говоритъ онъ, не можетъ быть приравниваема къ артели, ибо для понятія семьи существенно, чтобы она состояла изъ лицъ, связанныхъ между собою узами родства, тогда какъ для артели это безразлично; если же въ составѣ крестьянской семьи и являются иногда также и стороннія лица, не родственники, то они причисляются къ семьѣ только тогда, когда приняты въ нее на правахъ дѣтей или усыновлены ею; въ противномъ же случаѣ они пользуются одними правами наемныхъ работниковъ. Съ другой стороны, для артели существенно, чтобы она была основана на договорѣ, чего нельзя сказать о семьѣ. 2) При жизни отца прочіе члены семьи имѣютъ право на жилье въ его домѣ и на содержаніе въ немъ; по отношенію же къ семейному имуществу одно право пользованія, отнюдь не распоряженія. Выдѣлъ дѣтей, какъ и отчужденіе семейной собственности, зависитъ отъ воли и усмотрѣнія отца, какъ главы семейства. 3) Право участія въ наслѣдствѣ основано и въ крестьянскомъ быту не на правѣ труда, а на родствѣ. Ближайшіе родственники устраняютъ собою дальнихъ. Пріемыши и воспитанники допускаются къ наслѣдованію какъ усыновленные.

*) Пахманъ. Обычное гражданское право въ Россіи, стр. 7 втораго тома.

То же должно быть сказано и о зятьяхъ. Размѣръ долей не зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ каждый участвовалъ въ общемъ трудѣ, такъ какъ всѣ, призванные къ наслѣдованію получаютъ равныя доли, не говоря о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ непочтеніе къ родителямъ, нерадѣніе къ хозяйству, самовольное оставленіе родительскаго дома и т. п. ведутъ къ совершенному устраненію кого-либо отъ наслѣдства.

Таковы важнѣйшія изъ возраженій, дѣлаемыхъ г. Пахманомъ противъ артельной теоріи. Новѣйшія данныя потверждаютъ, по нашему мнѣнію, сдѣланные имъ выводы. Говоря это, я разумѣю въ частности отвѣты, присланные изъ разныхъ волостей Орловской губерніи на тѣ вопросы, которые были разосланы имъ г. Матвѣевымъ. Эти данныя, доселѣ не напечатанныя, въ настоящее время находятся въ моихъ рукахъ. Не имѣя возможности познакомить съ ними читателей въ подробностяхъ, я ограничусь приведеніемъ лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Старшина Хиневской волости, Сѣвскаго уѣзда, пишетъ въ своемъ донесеніи слѣдующее. Семью въ крестьянскомъ быту нашей волости составляютъ нѣсколько родственниковъ съ ихъ женами и дѣтьми, числомъ отъ 15 до 20 и даже болѣе, которые всѣ живутъ въ одномъ домѣ. «Власть старшаго въ семьѣ имѣетъ большое значеніе. Онъ слѣдитъ за сохраненіемъ въ семьѣ общаго согласія, спокойствія и благочинія, всѣ семейные ему повинуются. Онъ распредѣляетъ занятія и наблюдаетъ за исправнымъ выполненіемъ ихъ, завѣдываетъ всѣмъ хозяйствомъ и жизненными продуктами, уплачиваетъ казенныя подати и всѣ повинности. По смерти родоначальника, власть его на управленіе семействомъ и хозяйствомъ переходитъ къ совершенно лѣтнему старшему сыну; если же у покойнаго нѣтъ совершеннолѣтняго сына, а остались въ семьѣ его родные братья, то къ одному изъ нихъ, «по его при жизни назначенію или по усмотрѣнію всей семьи», а если остался взрослый сынъ, то къ нему; но бываютъ, хотя и очень рѣдко и такіе случаи, что по смерти родоначальника, изъ мужскаго пола къ принятію управленія никого не остается; тогда его мѣсто занимаетъ жена его.—Отецъ имѣетъ полное право распоряжаться имуществомъ дѣда и, по своему желанію, можетъ закладывать

его, а также и отчуждать изъ него часть, какую пожелаетъ. Если сынъ пожелаетъ отдѣлиться отъ отца противъ его воли, то отецъ имѣетъ право не дать ему ничего изъ дѣдовскаго имущества. Когда нѣсколько братьевъ или дядей съ племянниками, живя въ одномъ домѣ, ведутъ между собою семейное согласіе и порядокъ, то у нихъ все общее, кромѣ женскихъ принадлежностей, какъ то—холстовъ, бѣлья и прочаго наряда, что въ общее употребленіе не входитъ; распорядителемъ же надъ всѣмъ бываетъ или старшій по лѣтамъ, или кого изберутъ по своему согласію; въ такомъ случаѣ жена избраннаго хозяина имѣетъ преимущество въ распоряженіи хозяйствомъ, относящимся до женщинъ, если она къ тому способна и рачительна, если же нѣтъ, то избирается по усмотрѣнію одна изъ младшихъ женщинъ. Работы въ семьѣ распредѣляются между мужчинами и женщинами по ихъ силамъ и здоровью. Въ зимнее время женщины, поперемѣнно каждая, занимаются изготовленіемъ пищи для всего семейства и уходомъ за скотомъ. Соблюдаемая при этомъ очередь называется «деньщичествомъ». Помимо нисходящихъ и боковыхъ, въ составъ семьи подчасъ входятъ и лица не одной съ нею крови. Часто случается, читаемъ мы въ томъ же донесеніи, что родители, принимаютъ въ домъ зятя, мужа дочери, котораго затѣмъ считаютъ за сына. При раздѣлѣ семейнаго имущества всѣ братья получаютъ по равной доли. Домъ же достается тому изъ нихъ, кому сами назначатъ съ общаго согласія, обыкновенно младшему брату.—

Данныя, сообщаемыя по тому же предмету изъ другихъ уѣздовъ, въ общемъ согласны съ только что приведенными и разнятся только въ частностяхъ. Такъ напр., изъ одной волости Дмитровскаго уѣзда пишутъ. «Величина семействъ разная, отъ двухъ до десяти и болѣе рабочихъ душъ. Старшій въ семьѣ всѣмъ распоряжается. По смерти его власть его переходитъ къ слѣдующему за нимъ по лѣтамъ, *если онъ не зазорнаго поведенія*; въ противномъ случаѣ власть эта переходитъ по усмотрѣнію семейства къ другому благонадежному члену семьи, который всѣмъ и распоряжается по своему усмотрѣнію. Отецъ имѣетъ право отчуждать или закладывать долю изъ дѣдовскаго имущества, также имѣетъ право по смерти дѣда и ничего не дать

отдѣляющемуся отъ него сыну, въ особенности же въ случаѣ несогласія родителя на раздѣлъ, а также въ наказаніе за неповиновеніе сына».

Жена домохозяина считается въ семьѣ старшею надъ другими женщинами; нерѣдко бываютъ ссоры и драки между ними за первенство, въ особенности между невѣстками и свекровями.— Пріемыши и подкидыши нерѣдко пользуются въ семьѣ тѣми же правами, что и собственныя дѣти, и участвуютъ въ наслѣдованіи имущества по смерти ихъ воспитателей.—Семейныя работы производятся сообща мужчинами и женщинами, приготовленіе же пряжи и бѣлья производится каждой женщиной въ отдѣльности для мужа и дѣтей.

Изъ другихъ мѣстностей Орловской губ. доводятъ до свѣдѣнія, что по освобожденіи своемъ отъ крѣпостной зависимости, вслѣдствіе дѣлежей своихъ, крестьянскія семьи до того перемельчали, что въ настоящее время подъ однимъ кровомъ живутъ обыкновенно или отецъ съ двумя и болѣе сыновьями, или два брата, или дядя съ племянникомъ, или тесть съ зятемъ. «Сожительства по общему труду, прибавляетъ одинъ изъ корреспондентовъ, священникъ села Лобнова, я не встрѣчалъ».— Хозяйство въ каждой семьѣ ведется съ общаго согласія. Хозяиномъ не всегда бываетъ старшій по лѣтамъ, если только во главѣ семейства не стоитъ отецъ. Имъ обыкновенно назначается тотъ изъ членовъ семьи, который обладаетъ знаніемъ хозяйственныхъ дѣлъ и доброю славою. Власть передается ему съ общаго согласія всѣхъ мужчинъ семьи. На равной ногѣ съ законными дѣтьми стоятъ нерѣдко принятыя въ домъ зятья, усыновленные незаконныя дѣти и пріемыши. Въ случаѣ дѣлежа каждый изъ сыновей и пріемышей получаютъ по равной части съ остальными. Принимается однако во вниманіе то обстоятельство, много ли времени прожили некровные дѣти въ семьѣ; если съ малолѣтства, то они получаютъ равную часть, если же только съ 12-ти или 15-ти лѣтняго возраста, то меньшую *). Дочери, по полученіи ими приданаго, обыкновенно

*) Г-жа Ефименко видитъ въ этомъ подтвержденіе тому, что семейная община построена на трудовомъ началѣ (Слово, январь 1878 г., стр. 161). Пріемышъ, говоритъ она, имѣетъ такое же право на наслѣдство,

уже не участвуютъ въ раздѣлѣ. Вообще, читаемъ мы въ одномъ изъ присланныхъ отвѣтовъ, «любовь отца бываетъ обращена на однихъ только сыновей; дочери же почитаются у нихъ, по ихъ же выраженію, за навозъ». Женщина такимъ образомъ играетъ далеко не первенствующую роль въ семьѣ, поэтому никто больше ея и не содѣйствуетъ ея разложенію. Изъ противоположнѣйшихъ концевъ не одной Орловской губерніи, но и всей имперіи, приходятъ извѣстія о томъ, что несогласія и раздоры между женщинами—главнѣйшая причина семейныхъ раздѣловъ.

Семейная община не составляетъ особенности той или другой изъ великорусскихъ губерній. Ее можно встрѣтить и въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губ., гдѣ, по словамъ г. Соловьева, встрѣчаются случаи, что нѣсколькими родственными семействами правитъ дѣдъ, живущій съ семействомъ младшаго изъ своихъ внуковъ. Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ глава каждой отдѣльной семьи совѣтуется съ дѣдомъ и часто исполняетъ его волю *).

Мы встрѣчаемъ ее и въ Самарской губерніи, гдѣ съ существованіемъ ея знакомитъ насъ г. Матвѣевъ, и въ Курской, въ которой проф. Самоквасовъ нашелъ семью въ 42 человѣка, управляемую выборнымъ старѣйшиною. **) Труды коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ рисуютъ намъ эту общину,

---

какъ и родной сынъ подъ условіемъ такого же труда; меньше труда, меньше права... Пріемышъ получаетъ равную часть съ роднымъ сыномъ „когда проживетъ и проработаетъ въ семьѣ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, лѣтъ десять обыкновенно“. Мнѣ кажется, что факты, приведенные въ текстѣ, не только не согласуются съ трудовой или артельной теоріей, но и прямо противорѣчатъ ей. До пятнадцати лѣтъ пріемышъ едва ли въ состояніи наработать много для семьи; его трудъ едва покрываетъ издержки его содержанія; если тѣмъ не менѣе такой пріемышъ имѣетъ преимущество при наслѣдованіи, то не потому ли, что, принятый съ малолѣтства, вскормленный и воспитанный семьею, онъ гораздо болѣе отвѣчаетъ представленію о сынѣ, нежели принятый въ семью возрастный работникъ.

*) Рукописный очеркъ юрид. об. Мамадышскаго уѣзда, Е. Т. Соловьева.

**) Ист. Русскаго права, стр. 283.

какъ ходячій, распространенный типъ въ средѣ всего великорусскаго крестьянства.

Отъ славянскихъ государствъ Восточной Европы перейдемъ къ представителямъ западнаго германо-романскаго міра. При всей отдаленности ихъ современнаго правоваго развитія отъ первоначальныхъ родовыхъ основъ, переживанія изъ эпохи родоваго быта могутъ быть открыты какъ въ Швейцаріи, такъ и во Францію и Испаніи.

Въ аппенцельскихъ «Rhoden» сохранились до нашихъ дней слѣды прежнихъ родовъ. Общинное владѣніе, связывавшее еще недавно членовъ этихъ нынѣ административныхъ округовъ, было не болѣе, какъ отраженіемъ родоваго единства въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Нѣчто подобное аппенцельскимъ Rhoden представляютъ такъ наз. Slachten средневѣковаго Дитмаршена. Slacht—старинное наименованіе рода (geschlecht). Въ составъ каждаго изъ нихъ входили лица одной крови, лица, признающія себя родственниками. Они платили и получали виры за убійство, помогали своимъ единокровнымъ, какъ значится въ самыхъ источникахъ—«на водѣ и въ огнѣ» (не видѣть ли въ этихъ словахъ указанія на водную и огневую ордалію?). Они являлись также соприсяжниками другъ друга на судѣ и эта обязанность извѣстна была подъ наименованіемъ Slacht nemede. *)

Если въ наше время родовое устройство составляетъ вымирающую особенность одного Аппенцеля, то того же отнюдь нельзя сказать о среднихъ вѣкахъ. Въ мѣстностяхъ, занятыхъ Аллеманами и Баварцами, начало кровнаго единства продержалось весьма долго. Въ Швабскомъ Зерцалѣ родственники выступаютъ на каждомъ шагу. Для примѣра укажемъ хотя бы на запрещеніе приходить въ судъ съ толпою родственниковъ—запрещеніе, указывающее на старинную роль послѣднихъ, какъ присяжниковъ или juratores обвиняемаго, свидѣтельствующихъ подъ присягой его добрую славу. Pfrund или совокупность родственниковъ сплошь и рядомъ упоминаются также въ Швейцарскихъ и Баварскихъ граматахъ, о членахъ ихъ говорится какъ о лицахъ, пользующихся совмѣстно правомъ родовой пре-

*) Nitsch. G. der Dittmar. Geschl Verf. въ Schleswig-Hollsteinische Jahrbücher. Kiel. 1860, B. III, стр. 83 и слѣд.

эмиціи и родоваго выкупа, какъ о наслѣдникахъ сообща въ имуществѣ лица, не оставившаго по себѣ нисходящихъ.

Зная, въ какомъ отношеніи стоитъ семейная община къ родовому союзу, мы вправѣ видѣть доказательство первоначальнаго существованія этого послѣдняго также въ фактѣ современнаго господства семейной общины въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Франціи. Извѣстенъ классическій примѣръ подобной общины—такъ называемой парсонери въ департаментѣ Ніевры, описанный еще въ 1840-мъ году Дюпеномъ. *) Семьи, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ каждая, владѣютъ здѣсь сообща не только землею, но и капиталами, ведя хозяйство на общія средства всѣхъ членовъ. Право наслѣдованія—неизвѣстно, такъ какъ со смертью старшаго главы общины, члены ея сохраняютъ прежнюю связь между собою, продолжая владѣть и эксплуатировать сообща оставшееся по его смерти имущество. Въ одной изъ такихъ общинъ, Les Jaults, Дюпенъ нашелъ тридцать шесть человѣкъ, занимающихъ нѣсколько зданій. Происхожденіе этого семейнаго союза восходитъ до глубокой древности. Въ семейномъ архивѣ Дюпенъ видѣлъ акты 1500 г., въ которыхъ о парсонери упоминается какъ о существовавшей издавна. По фамильнымъ преданіямъ, Les Jaults всегда владѣли землей на правахъ общинныхъ собственниковъ, а не получали ея въ пользованіе отъ феодальныхъ сеньеровъ. Встарину во главѣ парсонери стоялъ обыкновенно старшій по лѣтамъ, въ настоящее время тотъ, кого выберетъ большинство. Избранный ведетъ общее хозяйство, продаетъ и покупаетъ продукты, пріобрѣтаетъ и отчуждаетъ землю. Въ важнѣйшихъ случаяхъ онъ поступаетъ, впрочемъ, не иначе, какъ съ общаго согласія.—Членами союза считаются только мужчины. Дѣвушки получаютъ одно приданое и не имѣютъ затѣмъ никакихъ дальнѣйшихъ правъ на общее имущество. Семейныя общины или парсонери существовали еще недавно на правахъ не рѣдкаго исключенія, а общаго правила въ Ниверне и доселѣ попадаются еще въ Оверни и въ Бурбонне; на разстояніи же одного или двухъ столѣтій онѣ были разсѣяны на всемъ протяженіи современной Франціи.

*) Excursion dans la Nièvre, lettre à M-r. Etienne, 22 Sept. 1840, стр. 6, 8 и 9-я.

Guy Coquille, въ своемъ комментаріи на средневѣковый кутюмъ Ниверне, говоритъ слѣдующее о семейныхъ общинахъ или парсонеріяхъ. Согласно исконному порядку сельскаго хозяйства, нѣсколько лицъ входятъ вь составъ одного союза и ведутъ сообща хозяйство, которое представляетъ не мало трудностей въ Ниверне, благодаря дурному качеству почвы. Одни изъ этихъ лицъ пашутъ, другіе стерегутъ въ полѣ коровъ и лошадей, третьи служатъ пастухами надъ стадами барановъ и свиней. Каждый получаетъ занятіе сообразно своему возрасту и полу. Семьею завѣдуетъ одинъ человѣкъ, котораго называютъ начальникомъ надъ общиной. Начальникъ этотъ выбирается на должность всѣми членами семьи. Онъ повелѣваетъ надъ всѣми. Онъ ѣздитъ въ города и на ярмарки, продаетъ и покупаетъ продукты, распоряжается движимою собственностью семьи и одинъ вносится въ налоговые списки. Изъ сказаннаго, прибавляетъ комментаторъ, можно прійти къ тому заключенію, что названныя общества—настоящія семьи, и что члены ихъ связаны между собою родствомъ, дружбою и общностью экономическихъ интересовъ, и при томъ такъ сильно, что образуютъ изъ себя какъ бы единое тѣло. По всей вѣроятности, прибавляетъ Кокиль, то раззореніе, которое неминуемо постигаетъ семьи при ихъ раздѣлахъ, побудило древнее законодательство къ принятію слѣдующей мѣры: кто не состоитъ членомъ парсонери, тотъ не вправѣ участвовать въ полученіи наслѣдства, оставляемаго по себѣ кѣмъ либо изъ ея членовъ *).

Если мы зададимся вопросомъ о томъ, какія причины содѣйствовали продолжительному удержанію во Франціи этихъ архаическихъ союзовъ, то едва-ли ошибемся, утверждая, что эти причины кроются, съ одной стороны, въ самыхъ условіяхъ феодальнаго строя, съ другой—въ фискальныхъ интересахъ правительства. Сеньеры были заинтересованы въ томъ, чтобы семьи не раздроблялись, такъ какъ общее имущество являлось въ ихъ глазахъ матеріальной гарантіей неукоснительнаго отправленія барщины и другихъ крестьянскихъ повинностей и службъ. Аналогія съ русскими порядками въ этомъ случаѣ поразительная. Въ Рос-

*) La coutume de Nivernais. 1864 г. §§ borclages.

сіи, какъ и во Франціи, семейная община жила подъ покровомъ крѣпостничества и стала исчезать вмѣстѣ съ его паденіемъ. Съ другой стороны, и государство видѣло въ нераздѣльной семейной собственности средство къ вынужденію податной исправности. Круговая порука членовъ парсонери, взаимная отвѣтственность ихъ другъ за друга казались ему, не безъ основанія, залогомъ своевременнаго поступленія въ казну причитающихся съ крестьянъ налоговъ. Послѣдствіемъ такого воззрѣнія, какъ владѣтельныхъ классовъ, такъ и правительства, было проведеніе въ обычное право, въ кутюмы различныхъ мѣстностей Франціи, слѣдующаго правила. Господинъ только тогда не пользуется правомъ участія въ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ его крѣпостнаго человѣка, когда семья покойнаго продолжаетъ жить въ нераздѣльности. Что мотивомъ такой мѣры было приведенное выше соображеніе, въ этомъ убѣждаетъ насъ, между прочимъ, аналогія съ тѣми порядками, которые по тому же предмету держались еще недавно въ средѣ феодаловъ нашего Кавказа. Въ адатахъ Кабардинцевъ, собранныхъ въ 1844-мъ году, прямо значится, что въ интересахъ удержанія семейной нераздѣльности, обезпечивающей князьямъ и узденямъ своевременное отправленіе крестьянами падающихъ на нихъ службъ, кабардинскіе феодалы требуютъ отъ лицъ, производящихъ раздѣлъ, уплаты имъ опредѣленной части общей семейной собственности.

Я довольно коротко изложилъ устройство французскихъ парсонери, такъ какъ существованіе и характеръ ихъ достаточно выяснены въ литературѣ *).

Гораздо менѣе извѣстно не только русскимъ, но и иностраннымъ юристамъ существованіе подобныхъ-же союзовъ въ *Испанской Галиціи*. Эти союзы подъ наименованіемъ галиційскихъ обществъ, «Companias de Galicia», обнимаютъ собою всѣхъ лицъ, живущихъ подъ одною кровлей и принимающихъ пищу за общимъ столомъ. Члены ихъ владѣютъ въ нераздѣльности какъ недвижимостью, такъ и капиталомъ, и ведутъ хозяйство сообща. Выгоды и потери, которыя терпитъ общество, равномѣрно распредѣляются между всѣми. Характерной особенностью этихъ группъ,

*) Карѣевъ. Крестьяне во Франціи, стр. 143.

отличающей ихъ отъ добровольныхъ сообществъ, является кровное родство лицъ, входящихъ въ ихъ составъ, и раздѣленіе прибыли и убытка не сообразно величинѣ внесеннаго каждымъ капитала, а поровну.

Въ составъ общаго имущества не входитъ все пріобрѣтенное отдѣльнымъ членомъ на сторонѣ, безъ содѣйствія капитала общества — черта, отличающая галиційскіе союзы отъ болѣе архаическаго типа осетинскихъ дворовыхъ общинъ. Во главѣ общества стоитъ выбираемое лицо, которымъ обыкновенно является старѣйшій родственникъ. Онъ завѣдуетъ интересами всего союза, управляетъ его собственностью, распредѣляетъ полевыя и домашнія работы, дѣлитъ между членами поголовно получаемые въ концѣ года доходы и распоряжается общимъ достояніемъ съ совѣта и согласія всѣхъ участниковъ въ немъ. *)

Единственнымъ способомъ прекращенія этихъ союзовъ, если не говорить о вымираніи всѣхъ членовъ, является дѣлежъ, производимый каждый разъ не иначе, какъ съ общаго согласія.— Эти дѣлежи сдѣлались болѣе частыми въ послѣднее время и, по мнѣнію мѣстныхъ юристовъ, повлекли за собою весьма невыгодныя послѣдствія, въ частности — крайнее дробленіе земельной собственности, дѣлающее невозможнымъ разумное веденіе частныхъ хозяйствъ.

Общинный принципъ еще настолько живучъ въ Галиціи, что по образцу только что описанныхъ союзовъ возникали еще недавно искусственныя сообщества лицъ, не родственныхъ одинъ другому. Лица эти соединяли свои земельныя владѣнія и капиталы, эксплуатировали ихъ сообща и дѣлили доходы не pro rata личныхъ паевъ, а поголовно и поровну.

Итакъ, отправляясь отъ Индіи и оканчивая западнымъ берегомъ Атлантическаго океана, мы на протяженіи сотень тысячъ верстъ, на которомъ раскинулось арійское племя, всюду находимъ то еще вполнѣ жизненные, то вымирающіе слѣды общественнаго устройства, ни въ чемъ не похожаго на современное. Кровное начало—происхожденіе отъ общаго родона-

*) Don Basilio Besada-Vigo 1849 г. Practica legal sobre foros y companias de Galicia. стр. 141, 143, 148, 158, 159; 163 и 171

чальника мужскаго пола, дѣйствительнаго или легендарнаго, всюду составляетъ его основу. То же кровное начало связываетъ отдѣльныхъ его членовъ и въ землевладѣльческую общину, и въ союзъ круговой помощи и защиты, обусловливая собою одинаково какъ особенности ихъ гражданскаго и уголовнаго права, такъ и ихъ гражданскаго и уголовнаго процесса.

Совокупность тѣхъ признаковъ, въ которыхъ сказывается вліяніе, оказываемое единствомъ крови на характеръ общественныхъ отношеній, обнимается обыкновенно понятіемъ родоваго быта. Употребляя этотъ терминъ, мы вправѣ сказать, что арійскіе народы представляютъ въ своемъ современномъ общественномъ складѣ много переживаній родоваго быта.

Спрашивается теперь, оправдываетъ ли исторія этихъ народовъ ту гипотезу, на которую невольно наводитъ изученіе этихъ переживаній: другими словами, вправѣ ли мы говорить о родовомъ бытѣ, какъ о присущемъ всѣмъ имъ въ равной степени въ самой колыбели ихъ развитія?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы представимъ въ слѣдующей главѣ.

II

Родовой бытъ въ прошедшемъ.

Въ предшествующемъ очеркѣ представленъ нами рядъ переживаній той стадіи общественнаго развитія, которая характеризуется господствомъ кровнаго начала; эти переживанія только въ томъ случаѣ могутъ быть признаны доказательствомъ родоваго характера отношеній у древнихъ арійцевъ, если въ историческихъ свидѣтельствахъ, данныхъ языка и миѳологіи мы не найдемъ ничего противорѣчащаго такому положенію. Отсюда необходимость предварительнаго изученія этихъ данныхъ и провѣрки ими уже добытыхъ результатовъ.

Древнѣйшія свѣдѣнія о бытѣ арійцевъ—тѣ, которыя сообщаетъ намъ Ригъ-Веда, сборникъ религіозныхъ гимновъ, всего менѣе разсчитанныхъ, разумѣется, на то, чтобы быть описаніемъ юридическихъ обычаевъ. Въ этихъ гимнахъ, въ тѣхъ обращеніяхъ, какія молящійся дѣлаетъ различнымъ божествамъ индусскаго пантеона, неоднократно попадаются отдѣльныя слова и цѣлыя выраженія для обозначенія слѣдующихъ понятій: понятія племени, рода, села, большой и малой семьи. Вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ стиховъ, въ которыхъ попадаются эти термины. Слово «jana», племя, употребляется Ригъ-Ведою въ приложеніи къ Баратамъ, одному изъ арійскихъ народцевъ Индіи. Короля или раджу ихъ Ригъ-Веда называетъ въ одномъ мѣстѣ—«janasya», племенной—доказательство тому, что король стоялъ во главѣ племени.

Первостепеннымъ подраздѣленіемъ по отношенію къ «jana», племени, является «Viç»—родъ. Ригъ-Веда упоминаетъ о нѣсколькихъ «Viç», какъ образующихъ своимъ соединеніемъ племя Баратовъ. О королѣ говорится въ Ригъ-Ведѣ, какъ о лицѣ, котораго «желаютъ видѣть во главѣ себя всѣ роды (viç) одного и того же племени—«jana».

Родъ «Viç» занимаетъ своими членами нерѣдко нѣсколько селеній (grâma). Эти селенія составлены изъ большаго или меньшаго числа дворовъ, всѣ члены которыхъ родственны между собою; другими словами, родъ развѣтвляется на нѣсколько второстепенныхъ подраздѣленій и каждое изъ послѣднихъ составляютъ ближайшіе родственники, обозначаемые словомъ «subandhu». Самое же подраздѣленіе носитъ наименованіе «janman'a». Въ одномъ изъ гимновъ мы читаемъ: кто желаетъ имѣть на своей сторонѣ отца боговъ, тотъ да приноситъ ему жертвоприношенія. Исполняющему это предписаніе гимнъ обѣщаетъ: добычу отъ непріятелей и богатство отъ людей; это богатство, значится въ немъ, доставятъ ему племя (jana), село (viç), союзъ болѣе близкихъ родственниковъ (janman) и, наконецъ, его семья (putrass). Въ этомъ перечисленіи одинъ за другимъ слѣдуютъ тѣ союзы, въ которыхъ проходила жизнь древнихъ арійцевъ: племя, родъ, большая и малая семья. Это тѣ самые союзы, которые на правахъ переживаній доселѣ продолжаютъ держаться въ нѣкоторыхъ частяхъ Индостана.

Замѣчательно при этомъ, что терминъ, употребляемый Ригъ-Ведою для обозначенія союза ближайшихъ родственниковъ, или «janman», часто стоитъ на мѣстѣ «grama»—наименованія села, обстоятельство, на основаніи котораго Циммеръ, авторъ сочиненія, озаглавленнаго «Жизнь древнихъ Индійцевъ», позволяетъ себѣ утверждать, что у древнихъ Индусовъ жители села были между собою въ родствѣ, другими словами, что село было не иное что, какъ осѣвшійся родъ или подраздѣленіе рода.

Только что указанная организація кладетъ свой отпечатокъ и на устройство индусскаго войска. Гимны Ригъ-Веды, упоминая о подраздѣленіяхъ арміи, употребляютъ слово «Viç»—родъ (Viçamviçam). Нерѣдко также они говорятъ о «Viçah» воюющихъ, другими словами—о «родахъ», члены ко-

торыхъ сплошною массою идутъ на непріятеля, составляя изъ себя одно изъ подраздѣленій войска—племени. Общественная организація, сказали мы, отражается и на устройствѣ индусскаго войска; мы бы могли выразиться—цѣликомъ переносится на него. Поэтому, слѣдуя подраздѣленію племени на роды, союзы болѣе близкихъ родственниковъ и малыя семьи, индусское войско не только распадается на родовые отряды, но и эти послѣдніе дѣлятся на второстепенныя группы, при чемъ связующимъ началомъ между воюющими бокъ о бокъ является кровное родство. Вотъ почему также о начальникахъ низшихъ подраздѣленій войска говорится, какъ о семейныхъ главахъ (Kulapâ). Эти «Kulapâ» приводятъ свои отряды начальнику сельскаго войска (Vrajapati), который въ свою очередь, соединяясь съ предводителями другихъ сельскихъ отрядовъ, образуетъ родовой отрядъ; соединеніе же нѣсколькихъ такихъ отрядовъ и составляетъ войско племени. Обратимъ при этомъ вниманіе на то обстоятельство, что о лицахъ, входящихъ въ сельскій отрядъ, гимны Ригъ-Веды говорятъ какъ о родственникахъ. — Итакъ войсковое устройство древнихъ Индусовъ проникнуто кровнымъ началомъ въ такой же мѣрѣ, какъ и общественное, другими словами, оно—снимокъ съ послѣдняго*).

Свѣдѣнія, доставляемыя намъ Ригъ-Ведою о родовомъ бытѣ древнихъ Индусовъ, восполняются тѣми, которыя на этотъ счетъ содержатъ древнѣйшіе памятники индусскаго права. Въ сводѣ Ману этотъ бытъ, правда, является уже болѣе или менѣе разложившимся, но это обстоятельство не имѣетъ для насъ большаго значенія, разъ мы признаемъ вмѣстѣ съ Максъ-Мюллеромъ и Мэномъ сравнительно позднее происхожденіе какъ самаго свода, такъ и дошедшей до насъ редакціи его. Браминское право неблагопріятно родовой нераздѣльности: чѣмъ больше семей, тѣмъ больше число жертвенныхъ очаговъ и тѣмъ значительнѣе пожертвованія, дѣлаемыя въ пользу жреческаго сословія. Не удивительно поэтому, если Ману не только дозволяетъ, но и рекомендуетъ семейные раздѣлы. Послѣдствіемъ ихъ является постоянное увеличеніе числа жертвоприношеній, такъ какъ каж-

*) Altindisches Leben, von Heinrich Zimmer. Berlin, 1876 г. стр. 159—162.

дое изъ отдѣлившихся семействъ поддерживаетъ свой домашній культъ. Поэтому раздѣлъ семей согласенъ съ закономъ *).

Проводя то же воззрѣніе, одинъ изъ новѣйшихъ индусскихъ сводовъ, Віаса, слѣдующимъ образомъ высказываетъ свое отношеніе къ раздѣламъ. «Культъ предковъ», значится въ немъ, «имѣетъ несомнѣнно меньшее число очаговъ въ томъ случаѣ, когда родственники живутъ вмѣстѣ; отсюда—польза и даже необходимость семейныхъ раздѣловъ для душъ усопшихъ предковъ **).

Другой сводъ, Куллука, въ тѣхъ же видахъ называетъ семейные раздѣлы похвальными ***). Еще другая причина побуждаетъ брамминское право стать на сторону раздѣловъ, сдѣлаться антагонистомъ архаическаго начала недѣлимой и неотчуждаемой родовой и семейной собственности. Эта причина лежитъ именно въ этой неотчуждаемости, или по меньшей мѣрѣ затруднительности отчужденія. Отчужденіе родовой собственности предполагаетъ согласіе всѣхъ членовъ кровнаго союза; такое согласіе достигается не легко. А между тѣмъ даренія, иначе говоря, безвозмездныя отчужденія—тотъ источникъ, изъ котораго жреческое сословіе почерпаетъ средства для своего существованія. Мыслимо-ли послѣ этого сочувственное отношеніе съ его стороны къ началу родоваго и семейнаго единства, дальнѣйшее удержаніе котораго препятствуетъ накопленію недвижимой собственности въ его рукахъ? Очевидно, что нѣтъ. Всячески содѣйствуя его разложенію, индусскіе своды, не исключая и Ману, поставлены въ то же время въ необходимость неоднократно упоминать о немъ, хотя бы для того, чтобы установить нѣкоторыя границы по отношенію къ его дальнѣйшему дѣйствію. По смерти отца и матери, постановляетъ статья 105 книги IX, старшій сынъ вступаетъ въ управленіе всѣмъ достояніемъ семьи; остальные братья живутъ подъ его попечительствомъ, подобно тому, какъ прежде они жили подъ попечительствомъ отца ****).

Что значатъ эти постановленія, какъ не то, что собственностью, по своду Ману, владѣютъ не частныя лица, а нераздѣль-

*) Ману, кн. IX, §§ III.

**) Ковалевскій. Общинное землевладѣніе, стр. 114.

***) Mayne. Hindu Law and Usage, стр. 192.

****) Ковалевскій; стр. 91.

ныя семьи, члены которыхъ связаны между собою какъ общностью экономическихъ интересовъ, такъ и кровнымъ родствомъ; что старшему родственнику въ нихъ (отцу или старшему брату, по смерти отца), принадлежитъ только завѣдываніе общимъ достояніемъ семьи, распоряженіе же семейной собственностью сосредоточивается въ рукахъ всей совокупности ея членовъ. Обнимая однимъ словомъ эти различные признаки, мы не ошибемся, утверждая, что своду Ману извѣстна большая семья или семейная община.

Если новѣйшіе своды еще содержатъ въ себѣ слѣды прежняго родоваго единства, то по отношенію къ болѣе раннимъ, менѣе проникнутымъ разлагающимъ вліяніемъ браманизма, можно съ увѣренностью сказать, что въ нихъ кровное начало является вполнѣ жизненнымъ и опредѣляетъ собою различнѣйшія проявленія общественности.

Одинъ изъ древнихъ сводовъ, Ушанасъ *), говоря о недвижимой собственности, принадлежащей цѣлому роду, объявляетъ ее недѣлимой. Вотъ буквальный переводъ самаго текста: «собственность нераздѣльна между родственниками, состоящими между собою даже въ тысячной степени родства».**) Митакшара къ этой чертѣ родоваго землевладѣнія присоединяетъ еще слѣдующую. По отношенію къ недвижимой собственности отчужденіе не дозволяется (очевидно, управителю родоваго или семейнаго достоянія), а въ другомъ мѣстѣ: земля переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія шестью различными способами, въ числѣ которыхъ стоитъ «согласіе родственниковъ» и, какъ отдѣльный способъ, «согласіе наслѣдниковъ»; другими словами: распоряженіе и въ частности отчужденіе недвижимой собственности зависитъ не отъ воли лица, стоящаго во главѣ рода или семейства, а отъ согласія всѣхъ членовъ родоваго союза (всѣхъ родственниковъ) и всѣхъ членовъ семейнаго союза (всѣхъ возможныхъ наслѣдниковъ). — Итакъ нераздѣльная и неотчуждаемая родовая и семейная собственность извѣстны древнему индусскому праву. Развитіе послѣдняго отправляется отъ эпохи существованія такой собственности, а слѣдовательно и тѣхъ

*) См. Monier Williams, Indian Wisdom стр. 304.

**) Mayr, Das indische Erbrecht, стр. 51.

союзовъ, по отношенію къ которымъ она является матеріальной основой.

Отъ этой родовой нераздѣльности и неотчуждаемости позднѣйшее право унаслѣдовало цѣлый рядъ характерныхъ особенностей. Ею объясняется между прочимъ существованіе, если не въ писанномъ, то въ обычномъ правѣ, такъ наз. родовой преэмпціи, другими словами,—предпочтительной покупки родственниками участка, отчуждаемаго кѣмъ либо изъ ихъ среды *).

Только что приведенные тексты являются впрочемъ единственными указаніями на существованіе рядомъ съ нераздѣльной семейной собственностью собственности болѣе численныхъ по своему составу кровныхъ союзовъ, другими словами, родовъ. Большинство индусскихъ сводовъ застаетъ уже населеніе на той стадіи развитія, при которой отъ первоначальнаго родоваго единства сохраняется одно единство семейное, разумѣя въ данномъ случаѣ подъ семьею не союзы однихъ родителей и дѣтей, а всѣхъ лицъ, живущихъ подъ одною кровлею и участвующихъ въ жертвоприношеніи общему предку (sapindas). Въ составъ этой нераздѣльной семьи входятъ, по описанію Бодаяны, одного изъ раннихъ сводовъ, прадѣдъ, дѣдъ, отецъ, сыновья, внуки и правнуки **), очевидно каждый со своею семьею. По составу своему семейная община древнихъ индусскихъ сводовъ не отличается такимъ образомъ ничѣмъ отъ тѣхъ семейныхъ общинъ, которыя на протяженіи всего арійскаго міра, а въ томъ числѣ и самой Индіи, попадаются и по настоящее время на правахъ переживаній,—это та же большая великорусская семья или юго-славянская задруга. Во главѣ ея стоитъ старшій по возрасту, поэтому всегда отецъ семьи, по смерти же его старшій сынъ. Завѣдываніе семейнымъ имуществомъ сосредоточивается въ рукахъ главы, остальные члены семьи вправѣ требовать содержанія, но не могутъ вынуждать раздѣла или настаивать на производствѣ имъ выдѣла изъ семейной собственности. Отчужденіе требуетъ согласія всѣхъ членовъ семьи. Все пріобрѣтенное частнымъ лицомъ поступаетъ на первыхъ порахъ въ общую

*) Mayne, Hindu law and usage, стр. 187.
**) Maine. Early law and usage, стр. 112.

казну, идетъ на удовлетвореніе общихъ потребностей. И это не удивительно. При слабомъ развитіи обмѣна и господствѣ домашняго производства, заработокъ на сторонѣ былъ фактически невозможенъ. Понятно поэтому, если въ древнѣйшій періодъ самый вопросъ о томъ, что̀ входитъ въ составъ общаго имущества, а что составляетъ частную собственность, «peculium» того или другаго изъ членовъ семьи, употребляя римскую терминологію, вовсе не могъ быть поставленъ. А это обстоятельство въ свою очередь породило слѣдующія послѣдствія. Когда развитіе обмѣна вызвало желаніе изготовлять цѣнности для удовлетворенія не однихъ личныхъ или семейныхъ потребностей, но и потребностей постороннихъ лицъ или семей, и эти цѣнности пріобрѣли рыночную цѣну, то прежній порядокъ поступленія въ общую казну продуктовъ частнаго труда ея членовъ сказался на порядкѣ распоряженія личными заработками. Одна треть этихъ заработковъ начала поступать въ семейную казну двѣ трети удерживаемы были самимъ пріобрѣтателемъ *). Съ теченіемъ времени постепенно установилось воззрѣніе, что только тѣ цѣнности, которыя были пріобрѣтены частнымъ лицомъ безъ содѣйствія семейнаго имущества, становятся его личною собственностью; всѣ же остальныя признаются собственностью семейною. Вопросъ о томъ, какіе виды пріобрѣтаемыхъ цѣнностей должны быть отнесены къ той или другой категоріи, рѣшался различно въ разныя эпохи правоваго развитія Индусовъ. Повидимому, право личной собственности было признано прежде всего по отношенію къ добычѣ, отнятой у непріятеля, такъ какъ прямымъ источникомъ пріобрѣтенія подобной добычи является личное удальство, личная энергія и храбрость. Нѣсколько позднѣе индусскіе своды признали право личной собственности и по отношенію къ цѣнностямъ, добытымъ личнымъ знаніемъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ индусское право выставляетъ однако слѣдующее ограниченіе: необходимо, чтобы пріобрѣтеніе чего-либо храбростью или знаніемъ произошло безъ содѣйствія или подмоги со стороны семейнаго капитала. Поэтому, разъ частное лицо получаетъ воспитаніе на счетъ

*) Vasishta, 25, цитируемая Mayer, Indisches Erbrecht, стр. 29.

семьи, всѣ позднѣйшія пріобрѣтенія, сдѣланныя имъ съ помощью накопленнаго знанія, поступаютъ уже не къ нему, а къ семьѣ. Точно также, если въ походѣ частное лицо пользовалось семейной колесницей или семейнымъ оружіемъ, его добыча идетъ на пользу всей семьи, а не составляетъ исключительнаго достоянія его одного.

Съ этой точки зрѣнія къ числу цѣнностей, поступающихъ въ личную, а не семейную собственность, отнесено было со временемъ не только приносимое женою приданое, но и пріобрѣтенная ею на личныя средства, послѣ предварительнаго отчужденія семьею, наслѣдственная собственность послѣдней.

Дальнѣйшій процессъ разложенія семейной собственности не входитъ въ область нашего изученія. Мы ограничимся поэтому только краткимъ указаніемъ тѣхъ сторонъ быта, на которыхъ всего нагляднѣе отразился этотъ процессъ.

Въ Митакшарѣ, сравнительно близкомъ къ намъ по времени памятникѣ индусскаго законодательства, право требовать выдѣла изъ семейной собственности признается за сыномъ даже при жизни отца и матери; права этого отнюдь не признаютъ за нимъ древнѣйшіе своды. Въ этой возможности ежечаснаго выхода изъ семьи съ сохраненіемъ причитающейся доли семейной собственности сказывается перемѣна въ самыхъ воззрѣніяхъ на характеръ и цѣли, преслѣдуемыя семейной общиной. Союзъ, опирающійся на кровное начало, скрѣпляемый родственными узами его членовъ, современемъ становится чѣмъ-то похожимъ на основанную на паяхъ производительную ассоціацію, выходъ изъ которой съ возвращеніемъ пая дозволяется въ каждый данный моментъ.

Другимъ проявленіемъ того же процесса разложенія семейнаго единства и упадка поддерживающаго его кровнаго начала является бо̀льшая, сравнительно съ прежнимъ, свобода отчужденій. Митакшара допускаетъ дареніе изъ недвижимой семейной собственности, какъ со стороны отца, такъ и со стороны любаго изъ членовъ семьи, но подъ однимъ условіемъ, чтобы такое дареніе производимо было съ благочестивой цѣлью, другими словами—въ пользу касты жрецовъ-браминовъ. Катіаяна, Гаришта и другіе новѣйшіе своды признаютъ, въ свою очередь, дѣй-

ствительными тѣ даренія, которыя въ пользу духовенства произведены будутъ кѣмъ-либо на смертномъ одрѣ. Поступая такимъ образомъ, они кладутъ начало завѣщательному праву, о которомъ въ древнѣйшихъ сводахъ нѣтъ и помину *).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что какъ въ эпоху Ригведы, такъ и ко времени составленія древнѣйшихъ сводовъ, индусское общество жило родовыми союзами, обломками которыхъ являются современныя семейныя общины. Какъ и повсюду, родовой бытъ приходитъ у Индусовъ въ упадокъ съ момента замѣны натуральнаго хозяйства хозяйствомъ денежнымъ, съ развитіемъ обмѣна и появленіемъ мѣновыхъ цѣнностей. Разложенію его способствовалъ въ значительной степени тотъ антагонизмъ, какой нераздѣльность и неотчуждаемость родовой и семейной собственности должны были вызвать, въ членахъ жреческой касты. Подъ вліяніемъ браманизма, позднѣйшее право благопріятствуетъ раздѣламъ и вводитъ совершенно новое начало свободы дарственныхъ и завѣщательныхъ распоряженій, практическое же примѣненіе этихъ началъ въ конечномъ результатѣ приводитъ къ совершенному вымиранію архаическаго принципа кровнаго единства.

Отъ Индусовъ мы перейдемъ къ Иранцамъ. Древнѣйшія данныя объ общественномъ ихъ бытѣ даетъ намъ Геродотъ. Въ части первой кн. 125 онъ говоритъ, что Персы распадались на 10 родовъ, которые въ свою очередь обнимали нѣсколько колѣнъ, обозначаемыхъ имъ греческимъ терминомъ «фратрій». Въ древнемъ памятникѣ Зендской литературы—въ Вендидадѣ—мы находимъ матеріалъ для провѣрки и восполненія вышеприведеннаго свидѣтельства. Этотъ памятникъ упоминаетъ о существованіи у древнихъ Персовъ слѣдующихъ общественныхъ союзовъ: 1) лицъ, живущихъ въ одномъ домѣ; наименованіе этого союза «nmana». Онъ составляетъ низшее подраздѣленіе персидскаго общества. За нимъ слѣдуетъ; 3) родъ—«viç». Замѣтимъ, что родъ на языкѣ персовъ носитъ то же наименованіе, какое принадлежитъ ему въ древнѣйшемъ патятникѣ Санскритской литературы — въ Ригъ-Ведѣ. Еще болѣе численный союзъ составляетъ; 3) племя—«zantu». Такъ какъ нѣсколько

*) Мануе, гл. VIII и X.

племенъ нерѣдко поселены бываютъ въ предѣлахъ одной и той же области, то 4) область (daghu) является какъ бы высшимъ, не только территоріальнымъ, но и личнымъ союзомъ по отношенію къ племени. Только приблизительное понятіе о числѣ членовъ каждаго изъ этихъ союзовъ даетъ напечатанный Бюрнуфомъ отрывокъ изъ «Яджна». Въ этомъ отрывкѣ Неріозенгъ говоритъ о «nmana», какъ о союзѣ мужа и жены; такимъ образомъ «nmana» есть не иное что, какъ малая семья. «Viç», по его словамъ, заключаетъ въ себѣ пятнадцать паръ, «zantu» — 30, daghu — 50. Очевидно, что въ приведенномъ текстѣ нельзя видѣть доказательства численной опредѣленности личнаго состава вышеупомянутыхъ кровныхъ союзовъ. Онъ могъ быть въ каждомъ данномъ случаѣ больше или меньше названнаго. Тѣмъ не менѣе только-что упомянутыя числовыя данныя не лишены для насъ интереса. Изъ нихъ видно, что процессъ разложенія кровныхъ союзовъ достигъ у древнихъ Персовъ той степени развитія, при которой происходитъ выдѣленіе малой семьи и образованіе изъ нея самостоятельнаго союза, члены котораго — мужъ, жена и дѣти живутъ особнякомъ отъ другихъ родственниковъ въ своемъ домѣ. Къ этимъ свѣдѣніямъ о личномъ составѣ различныхъ общественныхъ группъ у древнихъ Персовъ мы можемъ прибавить слѣдующее о характерѣ управленія ими. Каждая состоитъ въ завѣдываніи и подъ начальствомъ особаго главы. Этимъ главою является старшій родственникъ: въ семьѣ отецъ, въ родѣ — родовой, а въ племени—племенной старшина. Тогда какъ у Индусовъ въ эпоху появленія Ригъ-Веды село—«grama»—представляло уже нѣчто отличное отъ рода — «viç», какъ слѣдуетъ изъ самаго факта обозначенія его особымъ терминомъ, у Персовъ родъ совпадаетъ съ селеніемъ: одно и то же слово «viç» выражаетъ собою какъ то, такъ и другое понятіе. Это очевидно объясняется только тѣмъ, что село было не болѣе, какъ осѣвшимся родомъ, и такимъ образомъ прямо подтверждаетъ мысль о родовомъ бытѣ, какъ объ исходномъ моментѣ развитія у Иранцевъ *). Таковы тѣ отрывочныя и скудныя указанія, какими

*) Ostiranische Kultur im Altertum, von W. Geiger, стр. 412.

располагаетъ изслѣдователь древнѣйшаго быта Персовъ. При всей ихъ неполнотѣ, они все же даютъ въ результатѣ право утверждать, что общественное развитіе Персовъ, подобно индусскому, открывается эпохой господства кровныхъ союзовъ.

Чтобы покончить съ арійскими народностями древняго міра, намъ необходимо остановиться еще на характеристикѣ общественнаго устройства *Грековъ и Римлянъ*.

Замѣтимъ съ самаго начала, что наши свѣдѣнія по этому вопросу далеко не отличаются обиліемъ и полнотою. Причина тому лежитъ въ недостаточности источниковъ. Если не говорить объ Иліадѣ и Одиссеѣ, въ которыхъ, какъ и во всякаго рода эпическихъ поэмахъ, самыя условія народнаго быта затрогиваются только инцидентно, все, что мы знаемъ о древнѣйшемъ строѣ общественныхъ отношеній у грековъ, сводится, по справедливому замѣчанію Гильберта, къ отрывочнымъ указаніямъ позднѣйшихъ по времени «грамматиковъ» и «лексикографовъ». *)

Еще скуднѣе тѣ свѣдѣнія, какія для рѣшенія поставленнаго вопроса заключаютъ въ себѣ римскіе источники. Изслѣдователи греческихъ древностей въ состояніи опереться по крайней мѣрѣ на тѣ, правда, неполныя и случайныя указанія, какія по занимающимъ ихъ вопросамъ представляютъ гомеровскія эпопеи; ничего подобнаго имъ не имѣетъ передъ собою занимающійся римскими древностями. Все, чѣмъ онъ располагаетъ, сводится къ записаннымъ анналистами народнымъ легендамъ или къ отрывочнымъ и, главное, позднимъ свидѣтельствамъ законовъ двѣнадцати таблицъ и Институцій Гая.

Неудивительно, если въ виду такого состоянія источниковъ мы поставлены въ необходимость совершенно отказаться отъ рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ,—и въ частности вопроса о древнѣйшемъ характерѣ греческихъ и римскихъ родовъ, и ограничиться поневолѣ изученіемъ скорѣе переживаній родоваго быта у классическихъ народовъ, нежели исторіи его происхожденія и развитія.

Ограничивая такимъ образомъ нашу задачу, мы начнемъ съ констатированія факта существованія въ легендарной Греціи,

---

*) Handbuch der griechischen Staatsalterthümer.

съ одной стороны, родовыхъ, съ другой—семейныхъ общинъ. Иліада и Одиссея равно упоминаютъ о нихъ, описывая устройство греческаго войска. Наиболѣе рѣшительное указаніе на этотъ счетъ содержатъ въ себѣ слѣдующіе два стиха Иліады, которые мы приведемъ цѣликомъ въ переводѣ Гнѣдича. Во II пѣснѣ Гомеръ, передавая содержаніе совѣта, даннаго Агамемнону Несторомъ, влагаетъ въ уста послѣдняго, между прочимъ, слѣдующія слова:

Воевъ, Атридъ, раздѣли ты на ихъ племена и колѣна;
Пусть помогаетъ колѣно колѣну и племени племя.
(Стихъ 362 и 363). *)

Военное устройство древнихъ грековъ очевидно было снимкомъ съ гражданскаго, точь въ точь какъ мы видѣли это въ древней Индіи. Отсюда то заключеніе, что и въ мирное время греки временъ Гомера жили тѣми же родовыми и семейными общинами, изъ которыхъ состояли низшія и второстепенныя дѣленія ихъ войска. Родовое начало сказывается также въ легендарной Греціи въ господствѣ кровнаго возмездія, осуществляемаго не одними ближайшими, но и отдаленными родственниками и даже свойственниками потерпѣвшаго въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде всего мстителями являются сыновья и отецъ; затѣмъ—братья, сперва родные, а потомъ двоюродные **). Опасеніе мести со стороны братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ, убитаго имъ соотечественника, побуждаетъ Теоклимена искать убѣжища у Телемаха, какъ разсказываетъ о томъ Одиссея. Весьма характеренъ также совѣтъ влагаемый Иліадой въ уста Дейфоба: «Отомсти, говоритъ онъ Энею, за смерть твоего зятя Алката, убитаго въ сраженіи Идоменеемъ, въ этомъ твоя прямая обязанность ***). Въ исторической Греціи организація, основанная на кровномъ началѣ, встрѣчается одинаково какъ у дорійской, такъ и іоній

*) См. также Одиссею, пѣснь XV, ст. 409, и XIX, ст. 377. Thonissen. Le droit criminel de la Grèce légendaire.

**) Leist, Graeco-Italische Rechtsgeschichte, стр. 42.

***) Buchholz. Die Homerichen Realien. T. II, I Abth. S. 79 T. II, zweite Abth. S. 37.

ской народности, и въ частности у ихъ главныхъ представителей—Спартанцевъ и Аѳинянъ.

Спартіаты (въ тѣсномъ смыслѣ, не включая въ ихъ число періойковъ и гелотовъ), какъ видно изъ Геродота, дѣлились на три вѣтви, названія которымъ—Гиллеи, Диманы и Памфилы. Каждая изъ этихъ вѣтвей считала себя происходящей отъ одного изъ сыновей Дора, родоначальника всѣхъ Дорійцевъ. Замѣчательно, что тѣ же три вѣтви встрѣчаются въ любомъ изъ дорическихъ государствъ. Каждая изъ нихъ распадается въ свою очередь на тридцать «объ» или «фратрій». Древность этихъ дѣленій выступаетъ уже изъ того факта, что къ нимъ пріурочены древнѣйшія изъ публичныхъ должностей Спарты: такъ, напр., Герузію, или аристократическій сенатъ, составляютъ 30 геронтовъ, по десяти отъ каждаго изъ родовъ; каждый изъ родовъ поставляетъ по 100 всадниковъ, въ общемъ 300 и т. п.— Вотъ все, что намъ извѣстно о родовомъ устройствѣ древней Спарты. Слѣдомъ этого родоваго устройства до послѣднихъ годовъ существованія Спартанской республики остаются тѣ нераздѣльныя семьи, о которыхъ со словъ Тимея говоритъ Полибій, разумѣя подъ ними естественные союзы, составленные изъ братьевъ, продолжающихъ владѣть сообща имуществомъ, послѣ смерти родителя, жить подъ одною кровлею и совершать жертвоприношенія предкамъ на фамильномъ очагѣ. Распорядителемъ общаго семейнаго имущества и представителемъ остальныхъ братьевъ въ ихъ сношеніяхъ съ публичными властями является старшій братъ, носящій характерное названіе «поддерживателя семейнаго очага» *).

Отъ Спарты перейдемъ къ Аѳинамъ. Въ основѣ общественнаго устройства Аѳинянъ до временъ Клисѳена лежитъ подраздѣленіе ихъ на 4 филы—Гелеонтовъ, Гоплитовъ, Эгикореевъ и Аргадеевъ. Подобно дорическимъ, іоническія филы производятъ себя отъ общаго родоначальника Іона. Названіе послѣднихъ трехъ филъ въ буквальномъ переводѣ указываетъ на важнѣйшее занятіе, которому предавались ихъ члены. Гоплиты—воины, Эгикореи—пастухи, Аргадеи — земледѣльцы. Въ противуполож-

*) Institutions sociales de Sparte, par Claudio Janet, 2 éd., стр. 22 и 88.

ность прежнимъ толкователямъ, видѣвшимъ въ дѣленіи на филы своего рода кастическое устройство, новѣйшіе изслѣдователи полагаютъ, что названія отдѣльныхъ филъ указываютъ только на преобладаніе извѣстныхъ занятій въ тѣхъ территоріальныхъ округахъ, къ которымъ пріурочены были современемъ отдѣльныя филы *). Какъ дѣленіе на три филы встрѣчается въ любой изъ дорійскихъ «политій», такъ точно дѣленіе на 4 филы попадается сплошь и рядомъ въ древнѣйшихъ колоніяхъ, основанныхъ Іонійцами. Оно замѣтно возростаетъ въ позднѣйшихъ. Наибольшее число филъ встрѣчаемъ мы въ Милетѣ, счетомъ 12 **). Въ нашу задачу не входитъ обстоятельная характеристика этихъ союзовъ. Мы ограничимся поэтому замѣчаніемъ, что въ историческую эпоху въ нихъ слѣдуетъ видѣть союзы религіознаго характера. Какъ таковые, филы являются очагами культа, совершаемаго каждой въ честь ея спеціальнаго патрона— бога или героя. Заботы объ этомъ культѣ возлагаются на особаго начальника фило-базилевса ***). Филы являются каждая соединеніемъ трехъ фратрій, также религіозныхъ союзовъ по преимуществу. Фратріи распадаются всѣ вмѣстѣ на 360 геносовъ, считая по 30 на каждую фратрію. Грамматики и лексикографы, которымъ мы обязаны нашими свѣдѣніями объ этой своеобразной организаціи, прибавляютъ, что каждый геносъ въ свою очередь состоялъ изъ 30 семействъ. Гротъ справедливо видитъ въ такой строгой численной опредѣленности не болѣе, какъ вымыселъ какого-то изобрѣтательнаго археолога, который, отправлясь отъ числа мѣсяцевъ въ году и числа дней въ мѣсяцѣ, придумалъ для древнѣйшаго періода аѳинской жизни эту весьма искусственную систему. Наше вниманіе останавливаетъ въ ней только фактъ включенія въ фратрію нѣсколькихъ геносовъ и составленіе послѣднихъ изъ ряда семействъ. Если мы зададимся вопросомъ о томъ, что связывало между собою членовъ этихъ геносовъ, то въ отвѣтъ на это мы должны будемъ поставить на первомъ планѣ: 1) культъ общаго предка, обык-

*) Gilbert. Handbuch der Griechischen Staatsalterthümer, стр. 110.

**) Arnold Hug. Studien aus dem klassischen Alterthum, стр. 2.

***) За болѣе подробною характеристикою филъ и фратрій мы отсылаемъ читателя къ Фюстелю — „Гражданская община античнаго міра“, ч. II, гл. I.

новенно признаваемаго геносомъ за его родоначальника; 2) общее мѣсто для погребенія; 3) обязанность взаимной поддержки и защиты на судѣ; 4) нерѣдкое существованіе общей родовой собственности; 5) право вступать въ бракъ съ сиротами-наслѣдницами всего оставленнаго отцомъ имущества — эпиклерами; 6) право взаимнаго наслѣдованія, въ случаѣ окончательнаго вымиранія той или другой семьи. Характерную особенность аѳинскихъ геносовъ въ эпоху нашего ближайшаго знакомства съ ними составляетъ сообщаемый Поллуксомъ фактъ, что члены ихъ не всегда были родственниками, хотя и приписывали себѣ общее происхожденіе, нерѣдко даже въ 16 степени, отъ какого нибудь бога или героя — доказательство тому, что къ составу геносовъ частныя лица и цѣлыя семьи причисляемы были нерѣдко и на основаніи искусственнаго родства, каждый разъ создаваемаго путемъ усыновленія *).

Въ недавно появившемся сочинененіи Лейста—Graeco-Italische Rechtsgeschichte—сдѣлана попытка соединить во едино всѣ тѣ отрывочныя указанія, какія источники даютъ намъ о гентильной организаціи древнихъ Аѳинъ. Характеръ матеріала — причина тому, что нѣмецкій ученый прибавляетъ сравнительно мало новаго къ тому, что раньше его было извѣстно на этотъ счетъ. Любопытнѣйшій результатъ его изслѣдованій представляетъ въ моихъ глазахъ тотъ выводъ, что внутренняя организація греческаго геноса была та же, что и внутренняя организація индійскаго рода: что подобно тому, какъ въ Индіи между родственниками различались ближайшіе — восходящіе и нисходящіе въ трехъ степеняхъ, именуемые терминомъ sapinda и болѣе отдаленные члены рода—samánódase,—такъ точно въ греческомъ—мы встрѣчаемъ противуположеніе тѣхъ и другихъ: — первыхъ подъ названіемъ anchisteis и вторыхъ — anepsiadoi. Только на первыхъ одинаково въ Индіи и Греціи падала ближайшая обязанность погребенія и почитанія мертвыхъ. Она переходила на послѣднихъ только при совершенномъ ихъ вымираніи. Положеніемъ, занимаемымъ ими по отношенію къ погребенію и къ культу усопшихъ, опредѣляются и дальнѣйшія ихъ права - обя-

*) Grote. Исторія Греціи, ч. II, гл. III.

занности по отношенію къ родству, въ частности обязанность продолжать родъ усопшаго въ случаѣ его бездѣтной смерти. Достигается эта цѣль двоякимъ образомъ: или тѣмъ, что ближайшій родственникъ изъ числа anchisteis беретъ себѣ въ жены старшую дочь покойнаго (эпиклеру), наслѣдуя вмѣстѣ съ тѣмъ и оставленное ея отцомъ имущество; или же, при необезпеченности сироты и нежеланіи вступить съ ней въ бракъ, дѣлаетъ ей приданое въ положенномъ закономъ размѣрѣ и выдаетъ ее замужъ. Въ обоихъ случаяхъ одинаково дѣти, рожденныя отъ такого брака съ эпиклерой, считаются дѣтьми ея покойнаго отца и продолжателями семейнаго культа.

Изъ сказаннаго видно, что наслѣдованіе у Аѳинянъ идетъ за одно съ обязанностью поддержанія культа предковъ и обусловленной имъ необходимости не дать угаснуть роду. То же можетъ быть сказано и о кровной мести. Она также, какъ и право наслѣдованія, падаетъ на ближайшаго по степени родства anchisteis. Въ историческую эпоху отъ этой обязанности мести удержалось одно лишь преимущественное право обжалованія тѣми же ближайшими anchisteis преступленій, совершенныхъ надъ ихъ единокровными. Изъ того же источника вытекало право ихъ не свидѣтельствовать на судѣ противъ родственника или выступать въ его защиту и право быть опекуномъ въ случаѣ сумасшествія кого либо изъ ихъ среды *).

Геносъ, сказали мы, состоялъ изъ нѣсколькихъ семействъ. Эти семьи являлись въ Аѳинахъ такими же землевладѣльческими общинами, какими были онѣ въ Спартѣ. Отсутствіе на первыхъ порахъ права завѣщательнаго распоряженія (установленіе послѣдняго приписывается Солону), ограниченіе правоспособности усыновленія случаями отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ и т. д. являются не болѣе, какъ частными послѣдствіями того общаго начала, въ силу котораго отецъ семьи являлся только пожизненнымъ управителемъ ея имущества и лишенъ былъ права свободнаго распоряженія послѣднимъ. Со смертью отца семья не распадалась: раздѣлъ не всегда имѣлъ мѣсто между братьями и они нерѣдко продолжали владѣть сообща семейнымъ до-

*) См. Leist, Graeco-Italische Rechtsgeschichte, Jena, 1884; стр. 21—54.

стояніемъ, обыкновенно подъ начальствомъ старшаго. Такой порядокъ вещей продолжалъ держаться еще въ IV вѣкѣ до Р. Х., въ эпоху великихъ ораторовъ, рѣчи которыхъ и являются важнѣйшимъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о гражданскомъ правѣ Аѳинянъ и въ частности объ ихъ семейномъ устройствѣ *).

Перейдемъ теперь къ другому народу классической древности — къ Римлянамъ. Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о родовомъ бытѣ у Римлянъ является Гай. Этотъ юристъ говоритъ намъ о родовомъ устройствѣ, какъ о фактѣ прошлаго, какъ о чемъ-то пришедшемъ въ упадокъ «Cum illic admonuerimus totum gentilicum ius in desuetudinem abiisse, supervacuum est... de eadem re curiosius tractare», говоритъ онъ въ 17 § 3 книги—**).

Если прямыя свидѣтельства о родовомъ устройствѣ принадлежатъ къ сравнительно поздней эпохѣ—эпохѣ его разложенія, то отсюда прямо слѣдуетъ необходимость или, точнѣе говоря, неизбѣжность изученія тѣхъ косвенныхъ указаній, какія на этотъ счетъ содержатъ въ себѣ памятники языка и письменности; эта необходимость вполнѣ сознается Моммзеномъ, который на 35 страницѣ послѣдняго изданія своей «Римской Исторіи» въ подробности останавливается на разборѣ топографическихъ названій древняго Лаціума.

Результатомъ этого разбора является признаніе ихъ патронимическими. Древнѣйшіе патриціанскіе роды даютъ свое наименованіе тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ они осѣлись. Поэтому Эмиліи, Корнеліи, Фабіи, Гораціи, Мененіи и т. д. въ одинаковой степени—названія родовъ и территоріальныхъ округовъ. Сообщая эти данныя, Моммзенъ въ то же время замѣчаетъ, что территоріальныя названія общи съ именами однихъ только древнѣйшихъ, отнюдь не позднѣйшихъ пришлыхъ родовъ,—обстоятельство, побуждающее насъ отнести къ глубокой древности первыя основы родоваго устройства въ Лаціумѣ.— И такъ основаніе родами, если не непосредственно римской, то латинской гражданственности, отъ которой произошла, какъ

*) De jure familiarum apud Athenienses Libri tres conscripsit A. H. G. P. Van den Es, стр. 78 и слѣд —Caillemer. Le droit de succession légitime à Athênes, гл. I.

**) Gaii Institutiones изд. Studemund, стр. 97.

извѣстно, римская, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Спрашивается, какія же черты этого древняго родоваго устройства сохранились въ историческую эпоху Римской жизни? Ланге, у котораго сгруппированы почти всѣ эти черты, указываетъ, на основаніи свидѣтельствъ анналистовъ, на 1) принадлежность нѣкоторымъ родамъ родоваго имущества—ager gentilicium, 2) на обозначеніе всѣхъ членовъ рода общимъ родовымъ наименованіемъ, почему юристъ Павелъ и даетъ слѣдующее объясненіе самому термину gentilis: «gentilis dictus est ex eodem genere natus, et is qui simili nomine appellatur». Изъ этихъ словъ видно 3), что къ gentiles вмѣстѣ съ лицами, происходящими отъ общаго родоначальника, принадлежатъ и такія, о которыхъ нельзя сказать, что они ex eodem genere nati» и которые въ то же время носятъ общее родовое прозвище. Кто же такое эти лица? Это тѣ кліенты, которыхъ каждый родъ включаетъ въ свою среду и въ которыхъ, по вѣрному замѣчанію Нибура, слѣдуетъ видѣть побѣжденныя Римлянами семьи древнѣйшихъ поселенцевъ. Этихъ кліентовъ связывала съ родами, къ которымъ они были причислены, общность культа. Предметомъ этого культа являлся для кліентовъ, какъ и для ихъ патроновъ, первый основатель рода. Издержки этого культа оплачивались въ одинаковой мѣрѣ какъ патронами, такъ и кліентами. Въ честь родоначальника совершались такъ наз. sacra gentilicia. Происхожденіе кліентства Нибуръ, а за нимъ и Ланге, объясняютъ тѣмъ, что обращенные сперва въ рабство туземцы постепенно вернули часть утраченныхъ ими правъ и въ числѣ ихъ прежде всего личную свободу, удерживая въ то же время подчиненное отношеніе къ тѣмъ родамъ и семьямъ, коихъ они считались нѣкогда общею собственностью *).—Перехожу къ перечисленію другихъ проявленій родоваго начала. 4) Отъ родоваго единства ко времени составленія законовъ XII таблицъ сохраняется право законнаго наслѣдованія и законной опеки (tutela legitima) членовъ gens—при недостаткѣ болѣе близкихъ родственниковъ со стороны отца, агнатовъ **). Какъ наслѣдовали gentiles, всѣ ли вмѣстѣ

*) Römische Alterthümer; стр. 214—217.

**) Si adgnatus nec escit, gentiles familiam habento (Leg XII. tabul., Tabula V Bruns, стр. 20).

или въ порядкѣ родства съ покойнымъ—остается неизвѣстнымъ. Что касается до законной опеки членовъ «gens», то она учреждается не столько ради опекаемаго, сколько ради самого опекуна, который, какъ наслѣдникъ опекаемаго, заинтересованъ въ томъ, чтобы имущество послѣдняго не было расхищено въ его малолѣтство *). Случаи осуществленія членами gens правъ наслѣдованія и опеки продолжаютъ встрѣчаться, хотя и рѣдко, даже во времена Цицерона и Юлія Цезаря. Въ сочиненіи Цицерона De oratoribus упоминается о Клавдіяхъ, которые въ спорѣ съ Марцеллами доказывали, что наслѣдство покойника принадлежитъ имъ по той причинѣ, что они члены одной съ нимъ gens (ejusdem hominis haereditatem gente ad se redisse dicerent). О подобномъ же случаѣ наслѣдованія членовъ gens во времена Цезаря, говоритъ намъ Светоній.—Введеніе права завѣщательнаго распоряженія сдѣлало постепенно возможнымъ, какъ оставленіе имущества чужеродцамъ, такъ и замѣну законной опеки (tutela legitima) выборной (testamentaria).

Позднимъ знакомствомъ древнихъ писателей съ родовымъ устройствомъ римлянъ объясняется, по всей вѣроятности, то обстоятельство, что о мести, осуществляемой цѣлыми родами, въ дошедшихъ до насъ свидѣтельствахъ нѣтъ и помину. Право личнаго возмездія несомнѣнно допускалось въ Римѣ или, вѣрнѣе сказать, предписывалось, но изъ законовъ XII таблицъ, упоминающихъ о jus talionis, не видно, чтобы обязанность мести распространялось на родственниковъ обиженнаго.

Слѣдомъ этого рано исчезнувшаго права родственниковъ на возмездіе является въ историческую эпоху такъ наз. necis vindicta, которой пользуются одинаково—дѣти, родители, братья sobrini и consobrini **). Подъ нею слѣдуетъ разумѣть право преимущественнаго обжалованія вышеназванными лицами случаевъ убійства родственниковъ. Тоже начало родоваго заступничества сказывается въ правѣ родителей, дѣтей и братьевъ, помимо довѣренности выступать ходатаями на судѣ, отстаивая на немъ интересы своихъ родственниковъ ***).

*) Муромцевъ, Гр. пр. др. Рима, стр. 129.

**) См. Leist Graeco-Italische Rechtsgeschichte, Iena 1884, стр. 41.

***) Ibid., стр. 41, 43 и 45.

Подобно другимъ народностямъ арійской семьи и Римляне въ своемъ древнѣйшемъ правѣ сохранили черты архаической семейной нераздѣльности. Въ составъ древне-римской семьи входили—отецъ и мать, сыновья и дочери, внуки и внучки, наконецъ рабы *). По своей численности названныя лица образуютъ скорѣе семейную общину, нежели малую семью. Говоря о наслѣдованіи «sui», своихъ, т. е. тѣхъ, которые состояли подъ властью наслѣдодателя до самой его смерти, проф. Муромцевъ мѣтко замѣчаетъ: «въ строгомъ смыслѣ, преемство своихъ» не было даже наслѣдованіемъ; т. е. здѣсь не происходило вступленія въ права посторонняго умершаго лица. Уже при жизни своего домовладыки «sui» были участниками въ семейномъ хозяйствѣ; по смерти его они пріобрѣтали независимое юридическое положеніе. Имущество или, по крайней мѣрѣ, извѣстная часть его, составляла достояніе всей семьи. Воспоминаніе о такомъ порядкѣ сохранилось еще у позднѣйшихъ юристовъ—Гая, Ульпіана и Павла **).

Вотъ, что говоритъ напр. о наслѣдованіи sui авторъ Институцій: Sed sui quidem heredes ideo appellantur, quia domestici heredes sunt et vivo quoque parente quodammodo domini existimantur ***). При всемъ томъ въ Римской семьѣ нельзя не отмѣтить одной характерной особенности. Особенность эту составляетъ широкое развитіе, которое получила въ ней власть главы семьи—отца. Онъ одинъ «sui juris», всѣ остальные члены семьи—«alieno juri subiecti». Это вѣрный признакъ тому, что семейная община у Римлянъ вступила уже въ періодъ ея разложенія. Другимъ такимъ же признакомъ слѣдуетъ считать то обстоятельство, что римское право въ отличіе отъ другихъ арійскихъ законодательствъ благопріятно относится къ семейнымъ раздѣламъ. Семья остается единымъ цѣлымъ только при жизни отца. Со смертью же его сыновья становятся свободными и самостоятельными. Они сами дѣлаются домовладыками, хотя бы не были еще женаты и не имѣли потомства ****).

*) Marquardt. Das Privatleben der Römer, стр. 4—5.

**) Муромцевъ. Гр. пр. др. Рима, стр. 121.

***) II §§ 157 (изд. Studemund, стр. 70)

****) Муромцевъ. Гражд. пр. древняго Рима, стр. 25.

Тогда какъ въ древнемъ мірѣ Индусы, Ирландцы, Греки и Римляне, являются крупнѣйшими представителями арійской культуры, въ новомъ мѣсто ихъ занимаютъ Кельты, Славяне и Германцы. Изученіемъ историческихъ свидѣтельствъ объ архаическомъ устройствѣ этихъ народностей мы и закончимъ поэтому настоящую главу. Древнѣйшій бытъ Кельтовъ сдѣлался предметомъ, сколько нибудь обстоятельнаго изученія лишь за послѣдніе годы и вотъ по какой причинѣ: прямой источникъ для ознакомленія съ нимъ, «Древніе ирландскіе законы», изданы и переведены на одинъ изъ языковъ современной Европы—англійскій, какихъ нибудь десять лѣтъ назадъ, не болѣе.

Все, чѣмъ до этого времени располагала исторіографія, сводилось къ нѣкоторымъ отрывочнымъ свидѣтельствамъ Цезаря и Тацита, къ довольно позднимъ по времени законамъ графства Уэльсъ, законамъ XIII-го столѣтія, къ старинной Бретанской кутюмѣ, видоизмѣненной французскими вліяніями, и къ клановымъ распорядкамъ сѣверной Шотландіи, ближайшее знакомство съ которыми начинается только съ XIII столѣтія. Кельтическая культура древней Галліи такъ рано была романизирована, что изученіе на основаніи ея своеобразныхъ особенностей кельтическаго быта—дѣло не мыслимое. То немногое, что говорятъ Цезарь и Тацитъ о Кельтахъ недостаточно для того, чтобы прійти къ какому нибудь опредѣленному заключенію касательно ихъ внутренняго устройства. Существованіе касты друидовъ само по себѣ ни мало не говоритъ о разложеніи родоваго или общиннаго строя, такъ какъ тотъ и другой одинаково уживаются съ еще большимъ развитіемъ жреческаго сословія въ Индіи. Съ другой стороны параллель съ Германцами, проводимая древними писателями по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, не доказываетъ того, чтобы аналогія существовала и во всѣхъ остальныхъ сторонахъ быта, какъ не прочь думать это нѣкоторые нѣмецкіе историки. При такихъ условіяхъ приходится отказаться отъ попытки возстановленія древне-кельтическаго быта на почвѣ Галліи. Памятники Уэльса, Британскаго полуострова и Шотландіи слишкомъ поздняго происхожденія и потому не раскрываютъ предъ нами древнѣйшаго быта Кельтовъ. Остаются затѣмъ Ирландскіе источники. Древнѣйшими изъ нихъ

какъ и повсюду, являются легенды, за ними слѣдуютъ такъ называемые законы Брегоновъ, ученаго сословія, члены котораго являются древнѣйшими посредниками въ гражданскихъ и уголовныхъ спорахъ. Самаго даже поверхностнаго знакомства съ этими законами достаточно для убѣжденія въ томъ, что матеріаломъ для составленія ихъ послужили судебныя рѣшенія, другими словами, тѣ третейскіе приговоры, какіе постановлялись отдѣльными членами сословія по выбору тяжущихся. Какъ литературные, такъ и юридическіе памятники древнихъ Ирландцевъ одинаково говорятъ о порядкѣ общественныхъ отношеній, не только далекомъ отъ современнаго индивидуализма, но и отъ предшествующаго ему по времени кланово-феодальнаго строя. Въ легендахъ, включенныхъ въ такъ наз. leber na huidre, памятникъ XII вѣка, говорится между прочимъ, что во времена, предшествующія правленію Эда Слена, неизвѣстны были заборы, границы, каменныя стѣны, и вся земля оставалась не огороженной. Размноженіе семействъ, значится въ томъ же памятникѣ, причина позднѣйшаго установленія оградъ. Отъ этого архаическаго коммунизма въ эпоху редактированія ирландскихъ сводовъ удержались слѣдующія черты. Рядомъ съ землями, обозначаемыми терминомъ «дибадъ», о которыхъ въ одномъ изъ сводовъ говорится, какъ о надѣлахъ, производимыхъ изъ племенной земли, законы Брегоновъ говорятъ еще о двухъ другихъ категоріяхъ земель. Названіе первыхъ «коибне», а вторыхъ—«орба». *) Коибне въ буквальномъ переводѣ означаетъ совокупность лицъ, пребывающихъ въ нераздѣльности въ интересахъ общаго пользованія имуществомъ, принадлежащимъ имъ по наслѣдству. Въ примѣненіи къ землѣ этотъ терминъ обозначаетъ нераздѣльную собственность лицъ, связанныхъ узами родства, другими словами, родовую собственность. Родовая собственность не исключаетъ наслѣдственнаго пользованія ею со стороны семейныхъ общинъ, въ составъ которыхъ входятъ: отецъ, дѣти и внуки съ ихъ семьями. Земли, находящіяся въ такомъ пользованіи, обозначаются въ ирландскихъ сводахъ терминомъ—«орба».

Итакъ древнему ирландскому праву извѣстно существованіе

*) См. Старинные законы Ирландцевъ т. IV, стр. 7, 21, 27, 39, а также стр. LXXVII и XXXIV.

какъ родовой, такъ и нераздѣльной семейной собственности. Соотвѣтственно этому извѣстны оба вида союзовъ, основанныхъ на кровномъ началѣ—родъ и нераздѣльная семья. Одинъ изъ древнѣйшихъ сводовъ, по имени Корусъ Бескна, говоритъ о существованіи у ирландцевъ четырехъ группъ наслѣдниковъ: джельфайнъ, дейрбфайнъ, ярфайнъ и индфайнъ.

Первая состоитъ, по описанію свода, изъ пяти человѣкъ, остальныя—каждая изъ четырехъ. Если принять во вниманіе, что три послѣднія группы одновременно призываются къ участію въ наслѣдованіи, то нельзя не признать, что за исключеніемъ джельфайновъ, прямыхъ нисходящихъ, остальныя три составлены изъ боковыхъ родственниковъ, а не изъ восходящихъ, иначе не мыслимъ былъ бы самый фактъ ихъ одновременнаго участія въ наслѣдствѣ, предполагающій, что всѣ они находятся въ живыхъ въ моментъ открытія его. Группа джельфайновъ это то, что можно назвать на языкѣ современной юридической терминологіи—нераздѣльной семьей. Членами ея кромѣ наслѣдодателя считаются его нисходящіе: дѣти и внуки; почему численный составъ этой группы и превосходитъ однимъ человѣкомъ составъ остальныхъ. Вторую группу образуютъ боковые, происходящіе отъ отца наслѣдодателя. Третью боковые, родоначальникомъ которыхъ является дѣдъ. Четвертую боковые отъ прадѣда. Большая или меньшая близость родства, въ которой стоятъ отдѣльныя группы, съ покойникомъ, принимается въ разсчетъ при опредѣленіи доли ихъ участія въ наслѣдствѣ. Если покойный оставилъ прямыхъ нисходящихъ, другими словами джельфайновъ, они одни его наслѣдники, если же ихъ нѣтъ, къ наслѣдованію призываются всѣ остальныя три группы, однако не въ равной степени. Ближайшіе къ покойнику дейрбфайны получаютъ три четверти всего наслѣдства, слѣдующіе за ними ярфайны—три четверти остальной четверти; четверть четвертой части наслѣдства, иначе одна шестнадцатая приходится на долю отдаленныхъ родственниковъ—индфайновъ. При отсутствіи родственниковъ всѣхъ и каждой изъ названныхъ группъ, другими словами, при совершенномъ вымираніи рода, принадлежавшая ему земля снова становится племенною собственностью, иначе говоря—дибадъ. *)

*) См. т. IV, стр. 285.

Искусственность только что разсмотрѣнной системы сама говоритъ намъ о приблизительномъ только выраженіи ею числовыми данными фактическихъ отношеній. Личный составъ отдѣльныхъ группъ въ 4, 5 человѣкъ—не болѣе, какъ условный. Для насъ важна не эта подробность, а тотъ принципъ, который положенъ въ основу всей системы. Изъ позднѣйшихъ сводовъ мы узнаемъ, что неравный раздѣлъ наслѣдства между отдѣльными группами боковыхъ родственниковъ, характеризующихъ собою всю систему родства продолжалъ держаться въ Ирландіи въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій. Итакъ ирландскій родъ состоитъ изъ лицъ, признающихъ общаго родоначальника, связанныхъ между собою нераздѣльнымъ владѣніемъ, имѣющихъ право взаимнаго наслѣдованія и распадающихся на второстепенныя группы—семейныя общины, члены которыхъ наслѣдственно владѣютъ землею на началѣ нераздѣльности.

Родовая организація сказывается у древнихъ ирландцевъ и въ сферѣ уголовнаго права. Отвѣтственность боковыхъ родственниковъ и прежде всего группы—дейрбфайнъ, при отсутствіи прямыхъ, открыто признается въ сборникѣ, озаглавленномъ «трактатъ о наказаніи преступленій». Вторая статья этого сборника говоритъ, что дейрбфайны, а за ними и индфайны не избавлены отъ обязанности платить падающую на преступника пеню, въ случаѣ его несостоятельности и отсутствія прямыхъ нисходящихъ—членовъ группы джельфайнъ. *)

Отмѣтимъ еще одну изъ сторонъ проявленія родоваго быта въ древней Ирландіи. Усыновленіе имѣетъ своимъ очевиднымъ послѣдствіемъ увеличеніе числа наслѣдниковъ. При допущеніи къ наслѣдству даже отдаленнѣйшихъ родственниковъ, весь родъ являлся заинтересованнымъ въ фактѣ усыновленія кѣмъ либо чужеродца; а отсюда слѣдующее послѣдствіе: усыновлять запрещается иначе, какъ съ разрѣшенія родоваго старѣйшины.

Мы сказали выше, что существованіе родоваго союза уживается съ фактомъ одновременнаго господства семейной общины или большой семьи. Эта послѣдняя является не болѣе какъ одной изъ вѣтвей родоваго древа.

---

*) Томъ IV, стр. 243.

На вопросъ о томъ, какія лица несутъ денежную отвѣтственность за преступника, одинъ изъ ирландскихъ сводовъ отвѣчаетъ: прежде всего онъ самъ, затѣмъ его отецъ, при смерти же отца—братъ. Только при отсутствіи этихъ ближайшихъ родственниковъ, образующихъ группу джельфайновъ, наступаетъ отвѣтственность боковыхъ. Тѣ же джельфайны складываются для уплаты штрафа, извѣстнаго подъ наименованіемъ ирландской пени (eric-fine) и взимаемаго въ случаѣ обращенія ими къ личному возмездію, къ кровной мести. Итакъ, джельфайны сплошь и рядомъ выступаютъ какъ единое цѣлое въ сферѣ тѣхъ отношеній, начало которымъ кладетъ преступленіе.—Спрашивается, существуетъ ли между ними то же единеніе и въ сферѣ гражданскихъ отношеній? Отвѣчая на вопросъ о томъ, кого считать ближайшими наслѣдниками, одинъ изъ древнихъ сводовъ Ирландіи говоритъ, что ими слѣдуетъ признать отца и сына, братьевъ и семью (fine). Если вся семья участвуетъ въ наслѣдованіи, если отецъ—наслѣдникъ покойнаго сына наравнѣ съ его-братьями и дѣтьми, то въ переводѣ это означаетъ не болѣе какъ то, что смерть частнаго лица въ древнемъ ирландскомъ обществѣ, въ строгомъ смыслѣ слова, не вела къ тому, что на современномъ юридическомъ языкѣ извѣстно подъ «открытіемъ наслѣдства» (delatio haereditatis), другими словами, что послѣ смерти частнаго лица, какъ и до его кончины, продолжало держаться нераздѣльное владѣніе всей семьи. Этой нераздѣльной собственностью завѣдуетъ старшій въ семьѣ—отецъ. Его нельзя считать однако неограниченнымъ распорядителемъ семейнаго достоянія. Согласно древнѣйшимъ текстамъ, онъ вправѣ выдѣлить выходящую замужъ дочь не иначе, какъ съ разрѣшенія родоваго старѣйшины. Дочери, какъ становящіяся въ силу брака членами чужой семьи, не имѣютъ по выходѣ въ замужество участія въ семейной собственности. О завѣщательныхъ распоряженіяхъ въ древнемъ ирландскомъ правѣ нѣтъ и помину. Геральдъ дю Барри, правда, говоритъ о нихъ; но только по отношенію къ движимой собственности, которая при тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ и при отнесеніи скота къ недвижимой не могла быть значительна.—Вотъ все, что можно сказать о родовомъ и общинно-семейномъ бытѣ древнихъ ирландцевъ на основаніи отрывочныхъ, темныхъ,

на половину непонятныхъ текстовъ Брегонскихъ законовъ и тѣхъ «глоссъ» или толкованій, которыя однообразно сопровождаютъ ихъ, извращая часто ихъ смыслъ.

При всей неполнотѣ картины, она все же не оставляетъ въ изслѣдователѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что родовой бытъ лежитъ въ основѣ общественнаго развитія кельтическихъ народностей и опредѣляетъ собою дальнѣйшую исторію ихъ правового развитія въ такой же степени, какъ и исторію индусовъ или персовъ, грековъ или римлянъ.

Переходя къ германцамъ, намъ приходится прежде всего остановиться на приведеніи тѣхъ свидѣтельствъ, какія дѣлаютъ на ихъ счетъ древніе писатели. По словамъ Цезаря, землею владѣютъ у германцевъ «gentes et cognationes hominum qui una coierunt», другими словами, роды и болѣе тѣсные союзы родственниковъ, живущихъ сообща.

Что такое эти послѣдніе—какъ не семейныя общины? Тацитъ, не упоминая прямо о существованіи подобныхъ группъ, въ то же время описываетъ отдѣльные признаки ихъ; такъ, напр., говоря объ уплатѣ виры за преступленія, онъ утверждаетъ, что эта вира идетъ въ пользу всего «дома» (recipitque satisfactionem universa domus»). Мы видѣли, что при господствѣ нераздѣльной семейной собственности домовладыка не въ правѣ самовольно дарить ея ни при жизни, ни на случай смерти. Такія-же точно запрещенія приписываетъ Тацитъ и древнему германскому праву: у германцевъ, говоритъ онъ, нѣтъ завѣщаній (nullum testamentum). Нераздѣльностью и неотчуждаемостью семейной собственности объясняется также упоминаемый Тацитомъ фактъ устраненія женщинъ отъ наслѣдованія и неполученія ими приданаго изъ отцовскаго имущества. Приданое платитъ не отецъ невѣсты, а ея женихъ. О существованіи семейной общины у германцевъ мы узнаемъ также изъ тѣхъ данныхъ, какія Цезарь и Тацитъ сообщаютъ о военномъ ихъ устройствѣ; по словамъ перваго, сражаются Германцы generatim, т. е. родами, по свидѣтельству втораго, каждаго во время битвы окружаетъ его семья (familia) и члены болѣе численныхъ союзовъ родственниковъ, которыя Тацитъ обозначаетъ терминомъ «propinquitates». Эти propinquitates очевидно тоже, что cognationes Цезаря.

Семейная община встрѣчается у германцевъ и въ позднѣйшую эпоху редактированія варварскихъ правдъ. Мы находимъ ее одинаково у аллемановъ и баварцевъ, законы которыхъ упоминаютъ о такъ называемыхъ «genealogiae», какъ о землевладѣльческихъ союзахъ, спорящихъ между собою изъ за границы, у бургундовъ, которыхъ ихъ народная правда часто описываетъ какъ «Consortes» владѣющихъ сообща недвижимымъ *) имуществомъ, у салическихъ и рипуарскихъ франковъ, древнѣйшіе своды которыхъ хранятъ упорное молчаніе по вопросу о продажѣ земли частнымъ лицомъ или о завѣщательномъ распоряженіи ею, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыто высказываются въ пользу у страненія женщинъ отъ наслѣдованія **). Что это все, какъ не отдѣльныя проявленія началъ неотчуждаемости и недѣлимости, присущихъ семейной собственности. Къ сказанному прибавимъ еще слѣдующее Въ одномъ изъ текстовъ (текстѣ Герольда) салической правды упоминается объ алодахъ, какъ о поступающихъ въ раздѣлъ между внуками и правнуками, прямое указаніе на то, что ими могли владѣть совмѣстно нѣсколько поколѣній родственниковъ (отецъ, сыновья, внуки и правнуки) ***). Въ законахъ Лонгобардовъ въ числѣ прочихъ видовъ имущества упоминается также о земляхъ, еще не поступившихъ въ раздѣлъ между братьями и родителями (inter fratres vel inter parentes), а также о земляхъ, раздѣленныхъ не только между братьями, но и между племянниками — фактъ, указывающій на первоначальное существованіе нераздѣльнаго владѣнія отца не только съ дѣтьми, но и съ внуками.

Древнѣйшія грамоты также рисуютъ передъ нами порядокъ вещей, при которомъ земля состоитъ во владѣніи не частнаго лица, а семейной общины. Въ грамотахъ нижняго Рейна о coheredes et conparticipes et consanguinei упоминается, какъ о землевладѣльцахъ, а это означаетъ принадлежность полей въ общую собственность болѣе или менѣе значительному числу родственниковъ.

---

*) Agri quoque communis nullis terminis limitati exaequationem inter Consortes nullo tempore denegandam (add. tit I, n. 5).

**) de terra vero nulla portio haereditatis ad mulierem veniat.

***) Ross Early history of landholding among the Germans, стр. 33.

О consortes или socii, какъ о владѣющихъ сообща имуществомъ или подвергающихъ ихъ раздѣлу между собою, одинаково говорится какъ въ аллеманскихъ грамотахъ (въ томъ числѣ въ грамотахъ С. Галленскаго аббатства), такъ и въ бургундскихъ или лонгобардскихъ *). Интереснѣйшей стороной труда г. П. Виноградова о земельныхъ отношеніяхъ Лонгобардовъ надо признать описаніе имъ землевладѣльческихъ общинъ, составленныхъ изъ родственниковъ, или такъ называемыхъ «Consorteriae» на основаніи грамотъ, изданныхъ академіей города Лукка. Изъ нихъ видно, что семейная община являлась вполнѣ жизненнымъ фактомъ въ средневѣковой Тосканѣ.

Въ кутюмахъ Франціи, какъ и въ германскихъ Weisthümer она попадается намъ на каждомъ шагу, отсюда между прочимъ неоднократное упоминаніе въ этихъ источникахъ о необходимости испросить согласіе родственниковъ однодворцевъ на отчужденія недвижимой собственности (это такъ называемое Beispruchsrecht) о родовой преэмпціи и родовомъ выкупѣ (droit de préemption, retrait lignager на языкѣ французскихъ легистовъ) **).

Полная индивидуализація недвижимой собственности — дѣло новаго времени. Она созданіе наполеоновскаго кодекса и тѣхъ гражданскихъ сводовъ, которые возникли подъ его вліяніемъ. Говоря это, я имѣю въ виду по преимуществу крестьянское землевладѣніе. Въ средѣ высшихъ сословій разложеніе семейной общины совершилось сравнительно раньше.

Какъ и у другихъ народовъ арійской семьи, господство родоваго быта сказывается у германцевъ не въ одной лишь сферѣ гражданскихъ отношеній. Въ послѣдствіяхъ, проистекающихъ отъ преступленій, также выступаетъ начало кровнаго единства. Обязанность преслѣдованія обидчика падаетъ на родственниковъ обиженнаго. Тѣ же родственники получаютъ, въ случаѣ примиренія родовъ, и причитающуюся виру или композицію. Всего нагляднѣе выступаетъ родственная солидарность въ уголовномъ правѣ сѣверныхъ германскихъ народностей, въ древнѣйшихъ сводахъ Норвегіи и Даніи, Готланда и Исландіи. Правда,

*) Ross, Early history of landholding among the Germans. 1883 г., стр. 31. и слѣд.

**) Koenigswarter, Histoire de la famille en France.

въ нихъ это начало обставлено уже значительными ограниченіями, но изъ самой новизны этихъ ограниченій легко прійти къ тому заключенію, что нѣкогда весь родъ, какъ одинъ человѣкъ, являлся мстителемъ обиженнаго сочлена.—Въ древнемъ законѣ Феоніи, приводимомъ Вильдою, значится: «Ни при какомъ преступленіи родственники не обязаны платить виры за преступника, исключеніе дѣлается только для убійства.»—Преступникъ не получаетъ помощи отъ родственниковъ, значится въ свою очередь въ Ютландскомъ законѣ, иначе, какъ въ случаѣ убійства *). Въ Фрисландіи и въ позднѣйшее время за родственниками признается обязанность не оставлять собственной крови и помогать другъ другу въ платежѣ пени **). По древнимъ Норвежскимъ законамъ (Гулатингъ) весь родъ получаетъ виру, но такимъ образомъ, что большая часть ея идетъ къ ближайшимъ родственникамъ (которые отъ этого получаютъ и свое наименованіе «Bauggildis men), а меньшая къ отдаленнымъ, родство которыхъ идетъ отъ прадѣда, а также къ когнатамъ и незаконнорожденнымъ ***). Законникъ восточной половины Готланда распредѣляетъ слѣд. образомъ между родственниками денежную отвѣтственность за преступленія: двѣ трети виры платятъ родственники съ отцовской стороны, одну треть родственники со стороны матери. Въ отцовской линіи платежъ виры, производится слѣдующимъ образомъ: братъ выплачиваетъ одну половину, другую—остальные родственники до седьмой степени. Въ томъ же порядкѣ дѣлится и вира, получаемая въ вознагражденіе за убійство единокровнаго ****).—Еще подробнѣе говоритъ объ участіи родственниковъ въ платежѣ и полученіи виры Исландскій Gragas въ особой главѣ, озаглавленной: счетъ кругамъ (Baugatal отъ baug кругъ или кольцо и tal—число). Подъ кругами или кольцами разумѣются тѣ 4 части, на которыя дѣлится вира. Первую часть въ размѣрѣ 3 марокъ 6 унцій и 48 оболовъ выплачиваютъ и соотвѣтственно получаютъ—отецъ, сынъ и братъ. Вторую часть или кольцо въ полмарки, 20 унцій и 32 обола,—

*) Wilda, 370 стр.
**) Ibid, стр. 395.
***) Ibid, стр. 377.
****) Ibid, 378 и 370.

дѣдъ по отцу и внукъ отъ сына, дѣдъ по матери и внукъ отъ дочери. Третье кольцо въ 2 марки—дядя по отцу и племянникъ по брату, дядя по матери и племянникъ по сестрѣ. — Четвертое, всего въ 12 унцій—двоюродные братья со стороны отца и матери.—За этими четырьмя кольцами слѣдовалъ еще рядъ платежей, постепенно уменьшающихся отъ одной марки до одной унціи; они распредѣлялись въ дальнѣйшемъ родствѣ до пятой линіи боковаго родства включительно *).

Народныя правды континентальныхъ германцевъ содержатъ одни отрывочныя свидѣтельства объ участіи родичей въ платежѣ и полученіи выкуповъ; всего яснѣе говоритъ объ этомъ салическій законъ. Si alicujus pater occisus fuerit, medietatem compositionis filii colligant et aliam medietatem parentes, qui proximiores fuerint, tam de paterna quam de materna generatione dividant. Изъ капитулярія Хильдеберта мы узнаемъ, что этими proximiores считались три ближайшихъ родственника со стороны отца и столько же со стороны матери.—Въ законахъ Саксонцевъ и Фризовъ значится, что треть виры платятъ родственники убійцы, а двѣ трети самъ онъ. Законы Турингов, Англовъ и Вериновъ связываютъ съ правомъ на наслѣдованіе и обязанность денежной отвѣтственности за убійство. Въ однихъ лишь народныхъ правдахъ Баварцевъ, Рипуарскихъ Франковъ и Аллемановъ мы не встрѣчаемъ уже слѣдовъ участія родственниковъ въ платежѣ виры **).

Государственная власть, видя не безъ основанія ежечастую угрозу охраняемому ею миру въ круговой порукѣ родственниковъ въ преслѣдованіи преступленій, отмѣнила эту послѣднюю, предпочитая солидарной отвѣтственности личную.

Послѣдняя изъ народностей арійской крови, на которой намъ приходится остановить наше вниманіе — Славяне. Опредѣленіе древнѣйшаго характера ихъ общественныхъ отношеній представляетъ еще большія трудности, чѣмъ тѣ, какія были встрѣчены нами при изученіи общественнаго быта Кельтовъ и Германцевъ.— Причина тому лежитъ въ слабомъ знакомствѣ древнихъ писа-

*) Шпилевскій. Союзъ родственной защиты, стр 113.
**) Шпилевскій, стр. 117—121.

телей съ ихъ бытовымъ устройствомъ и скудости сообщаемыхъ ими свѣдѣній на этотъ счетъ. Все, что Тацитъ говоритъ намъ о Славянахъ въ 46 главѣ своего трактата о древней Германіи,— это то, что въ отличіе отъ кочевыхъ Сарматовъ, Виниды (Венды-Славяне) строятъ дома и сражаются пѣшими, вооруженные щитами. Со времени составленія Тацитовой «Германія» ни одинъ изъ писателей втеченіе ряда столѣтій не упоминаетъ о славянахъ ни единымъ словомъ. Въ VI вѣкѣ Прокопій Кесарійскій по случаю столкновенія ихъ съ Готами и Византіей снова подымаетъ о нихъ рѣчь. Самая придирчивая критика не найдетъ въ его словахъ иныхъ указаній на ихъ бытовыя условія кромѣ слѣдующихъ: Славяне не имѣютъ общаго повелителя, управляются демократическимъ образомъ; объ общихъ дѣлахъ толкуютъ на сеймахъ. Императоръ Маврикій того же вѣка въ общемъ повторяетъ сказанное Прокопіемъ, если не говорить о слѣдующемъ мѣстѣ, которое мы приведемъ цѣликомъ. «Не легко заключить съ ними договоръ... будучи противнаго другъ съ другомъ мнѣнія, они не сходятся на общемъ рѣшеніи; если большинство и согласится между собою, остальные возстанутъ противъ него; одинъ другому не желаетъ покоряться. У нихъ много начальниковъ, неладящихъ другъ съ другомъ», почему Маврикій и совѣтуетъ Римлянамъ подарками склонять этихъ отдѣльныхъ правителей на свою сторону и тѣмъ порождать рознь между Славянами. Ко всѣмъ этимъ даннымъ присоединяется въ IX вѣкѣ свидѣтельство Императора Льва VI, которое не прибавляетъ почти ничего къ вышеприведеннымъ чертамъ славянскаго быта и интересно только тѣмъ, что подтверждаетъ свидѣтельство Прокопія и Маврикія о существованіи у Славянъ многихъ начальниковъ или повелителей *). То же можетъ быть сказано объ однохарактерныхъ показаніяхъ позднѣйшаго по времени писателя—Константина Багрянороднаго. Этотъ недостатокъ въ извѣстіяхъ о древнѣйшемъ бытѣ Славянъ славянскіе историки старались восполнить тѣми многочисленными указаніями,

*) Отрывки изъ византійскихъ писателей, относящіеся къ древнему быту Славянъ, приведены у Воцеля въ его «Древнѣйшей исторіи Славянъ и Чеховъ въ частности», гл. II.

какія на этотъ счетъ разсѣяны какъ въ Краледворской, такъ и въ Зеленогорской рукописяхъ. Не только Воцель, но, по его примѣру, и русскіе историки и юристы, Никольскій въ томъ числѣ, позволяли себѣ обращаться къ названнымъ двумъ источникамъ и строить на основаніи ихъ картину древнеславянскаго родоваго быта. Задача изслѣдователя сдѣлалась поэтому болѣе трудной съ тѣхъ поръ, какъ новѣйшей критикѣ удалось доказать поддѣльность Краледворской рукописи и подвергнуть большому сомнѣнію подлинность Зеленогорской. Приводя извѣстный отрывокъ о семейномъ устройствѣ древнихъ Славянъ, какой содержитъ въ себѣ Зеленогорская рукопись, мы считаемъ поэтому нужнымъ оговориться, что придаемъ этому отрывку значеніе лишь на столько, на сколько имъ подтверждаются другія менѣе сомнительныя свидѣтельства. Вотъ этотъ отрывокъ:

«Всякъ отецъ надъ челядью владыка:
Мужи пашутъ, жены шьютъ одежу;
А умретъ глава, начальникъ дома—
Дѣти вмѣстѣ начинаютъ править
И становятъ надъ собой владыку,
Что за нихъ всегда на сеймы ходитъ...

Остается за тѣмъ еще свидѣтельство нашего начальнаго лѣтописца: «Полянамъ-бо, живущимъ особо и володѣющимъ роды своими» и въ другомъ мѣстѣ— «сидяху кыждо съ родомъ своимъ».

Таковы чуть ли не всѣ тѣ данныя, которыми мы располагаемъ по вопросу о древнѣйшемъ устройствѣ Славянъ. Говоря это, я разумѣю одни прямыя свидѣтельства; помимо ихъ мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи еще рядъ косвенныхъ указаній. Эти послѣднія доставляютъ намъ данныя языка, разборъ топографическихъ названій и изученіе тѣхъ переживаній, какія сплошь и рядомъ встрѣчаются въ первыхъ по времени памятникахъ славянскаго права. Начнемъ съ данныхъ языка.

Воцелемъ указано на то обстоятельство, что слова для выраженія понятія рода происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же корней во всѣхъ и каждомъ изъ славянскихъ языковъ. Лавровскій, объясняя первоначальное значеніе слова племянникъ, говоритъ что подъ нимъ разумѣли всякаго вообще родственника и что

въ этомъ смыслѣ оно употребительно и доселѣ у Черногорцевъ. Какъ въ памятникахъ древней письменности, такъ и въ простонародной литературѣ встрѣчается, говоритъ онъ, нерѣдко замѣна слова племя словомъ родъ.

Племянникъ значитъ поэтому то же, что членъ рода. Архаичность этого термина такимъ образомъ сама служитъ доказательствомъ господства у насъ нѣкогда родоваго быта *).

Иречекъ, Кавелинъ и другіе представители родовой теоріи съ полнымъ основаніемъ останавливаются также на разборѣ топографическихъ названій съ цѣлью оттѣнить имъ родовой характеръ древнѣйшихъ поселеній. Съ окончаніемъ «ичи или овичи», употребительнымъ для обозначенія родовой связи, происхожденія, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ поселеній, какъ въ Сербіи и Чехіи, такъ и въ другихъ славянскихъ странахъ, такъ, напр. Утизеновичи, Драшковичи и т. д. **).

Въ Черногоріи каждое село, по словамъ г-на Попова ***), получаетъ родовое названіе, а патронимическія наименованія селъ съ окончаніемъ на «чи» и «ичи» напр., Увѣтичи, Хвалимичи встрѣчаются нерѣдко и въ Россіи ****).

Профессоръ Котляревскій, говоря о Балтійскихъ Славянахъ упоминаетъ о существованіи и у нихъ родовыхъ наименованій деревень и сельбищъ *****). О такихъ же патронимическихъ названіяхъ отдѣльныхъ мѣстностей и селъ говоритъ Богишичъ, какъ объ общераспространенныхъ въ средѣ южныхъ славянъ.

Мы оставимъ до поры до времени изученіе тѣхъ переживаній, какія содержатъ въ себѣ древнѣйшіе памятники славянскаго права, и постараемся вывести на основаніи приведенныхъ уже данныхъ гипотетическое заключеніе о древне-славянскомъ устройствѣ.

Древніе писатели, какъ мы видѣли, единогласны въ утверж-

*) Лавровскій. Коренное значеніе въ названіяхъ родства у славянъ стр. 49—51. Болѣе старинный терминъ для обозначенія племянника въ нашемъ смыслѣ слова—Нетій.

**) Иречекъ. Das Recht in Böhmen und Mähren. Ч. I, вып. I, стр. 25.

***) Шпилевскій, 16 стр.

****) Тюринъ. Библ. для чтенія 1850 г. № 2, стр. 136—137.

*****) Древности права балтійскихъ Славянъ, стр. 74

деніи, что Славянскія племена не знали единой политической власти, что они жили разрозненно, что въ каждомъ изъ ихъ подраздѣленій можно было встрѣтить отдѣльнаго начальника, власть котораго не была неограниченной, такъ какъ всѣ одинаково сходились на сеймы и такъ какъ противодѣйствіе одного не рѣдко мѣшало общему соглашенію. Эти черты очевидно ни мало не противорѣчатъ буквальному толкованію словъ Нестора о славянскихъ родахъ и находятъ себѣ полное подтвержденіе какъ въ общей распространенности патронимическихъ наименованій селъ, такъ и въ томъ обстоятельствѣ, что у всѣхъ славянскихъ племенъ понятіе рода обозначается однокоренными терминами.—Господство родоваго быта, какъ мы уже имѣли случай замѣтить прежде, вполнѣ уживается съ существованіемъ семейной общины, какъ подраздѣленія рода. Главы этихъ семейныхъ общинъ сходятся на сеймы, о чемъ между прочимъ говоритъ и приведенный выше отрывокъ Зеленогорской рукописи (владыко, что за нихъ всегда на сеймы ходитъ). Представляя семью въ общихъ родовыхъ собраніяхъ, владыко, судя потому, что говоритъ о немъ та же рукопись, является распорядителемъ внутри семейства по отношенію ко всѣмъ домочадцамъ, распредѣляетъ между ними работы и начальствуетъ надъ «челядью». Имъ обыкновенно бываетъ отецъ семьи, по смерти же отца его дѣти, оставаясь въ нераздѣльности, сами становятъ надъ собой владыку, другими словами назначаютъ его по выбору изъ своей среды. Примѣръ такой нераздѣльной семьи приводитъ и нашъ начальный лѣтописецъ, говоря о Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбедь.

Итакъ родъ, представляющій совокупность нѣсколькихъ нераздѣльныхъ семей, имѣющій своего старшину и свое вѣче (указаніе на послѣднее содержатъ въ себѣ какъ византійскіе писатели, такъ и повѣсть временныхъ лѣтъ, упоминающая о вѣчѣ, призвавшемъ варяжскихъ князей)—такова древнѣйшая форма общественныхъ отношеній, съ которой начинается засвидѣтельствованная памятниками исторія славянъ и ихъ права.

Очевидно, что родовой бытъ не могъ исчезнуть безслѣдно, а необходимо оставилъ по себѣ тѣ или другіе слѣды въ сравнительно позднихъ по времени первыхъ памятникахъ славянскаго

законодательства. Эти слѣды и будутъ указаны нами теперь. Всего нагляднѣе выступаетъ кровный характеръ отношеній въ древнемъ Сербскомъ правѣ. Задолго до появленія Законника Стефана Душана письменныя свидѣтельства упоминаютъ о сожительствѣ нѣсколькихъ братьевъ и даже болѣе отдаленныхъ родственниковъ. Въ комментаріяхъ на одно евангеліе, написанныхъ ранѣе 1200 года, мы встрѣчаемъ слѣдующія слова: «ни пощадѣхъ немощныя старости матери своее и любимую братію оставихъ и сестры и ину прочу приснь» т. е. родство. Изъ этого текста видно, что значительное число родственниковъ жило вмѣстѣ. Былъ ли такой союзъ родомъ или семейной общиной, мы сказать не беремся, такъ какъ точной границы, отдѣляющей эти два вида союзовъ,—мы не знаемъ. Замѣчаніе Зигеля, что для понятія рода въ приведенномъ текстѣ не достаетъ упоминанія о родовомъ старшинѣ, по нашему мнѣнію, ни на чемъ не основано. Автору не было надобности упоминать объ этомъ старшинѣ, такъ какъ его цѣль указать только на фактъ оставленія родственниковъ лицомъ, идущимъ на христіанскій подвигъ, а не дать всестороннее описаніе составныхъ элементовъ рода или семьи *). Тѣмъ не менѣе изъ сопоставленія этого текста съ другими одновременными и болѣе ранними, въ которыхъ рѣчь идетъ однообразно объ отцѣ, живущемъ съ дѣтьми, или о нѣсколькихъ сожительствующихъ братьяхъ, можно прійти къ тому заключенію, что въ немъ разумѣется союзъ ближайшихъ только родственниковъ. Вспомнимъ, что и въ настоящее время у южныхъ славянъ встрѣчаются семейныя общины, состоящія изъ десятковъ человѣкъ, а слѣдовательно, и заключающія въ себѣ родственниковъ въ различныхъ степеняхъ родства. Мы согласны поэтому съ общимъ выводомъ Зигеля, что задолго до изданія Законника сербы жили уже не родами, а семейными общинами **). Эти семейныя общины и разумѣетъ Законникъ 1349 года, когда говоритъ въ статьяхъ 69-й и 70-й о лицахъ, живущихъ въ одномъ домѣ: «кто окажется въ одномъ домѣ, или братья или отецъ и т. д.... братья, которые живутъ въ одномъ домѣ» ***).

*) Сравни Зигель, «Законникъ Стефана Душана», стр. 6.

**) См. стр. 8.

***) Собѣстіанскій, Круговая Порука у Славянъ, Прага. 86-го года, стр. 38.

Однохарактерное устройство представляетъ намъ и Славянское населеніе Хорватіи и Далмаціи, насколько это устройство обрисовывается ихъ древнѣйшимъ законодательствомъ, статутами Винодола и Полицы.

Въ томъ описаніи, какое на основаніи свидѣтельствъ названныхъ памятниковъ даетъ ей профессоръ Леонтовичъ, семейная община является союзомъ лицъ единокровныхъ, связанныхъ круговою отвѣтственностью, владѣющихъ землею сообща и управляемыхъ избраннымъ господаремъ - администраторомъ и судьею *). Такая характеристика находитъ себѣ полное оправданіе въ слѣдующемъ текстѣ Полицкаго статута. Статья 31-я этого памятника въ переводѣ г-на Собѣстіанскаго гласитъ слѣдующее:

«Пока не раздѣлятся братья или другіе участники (члены задруги) до тѣхъ поръ для нихъ все общее: и добро и зло, корысть и убытокъ, и долги, кому они должны и кто имъ долженъ, все для нихъ общее, пока не раздѣлятся; послѣ же раздѣла всякому своя доля» **).

И въ польскомъ правѣ, какъ слѣдуетъ изъ текстовъ, отпечатанныхъ Гельцелемъ въ его Monumenta juris polonici, семейная община еще въ XIV вѣкѣ составляла обычную основу жизни. Отправляясь отъ той мысли, что общеніе имуществъ является источникомъ всѣхъ несогласій, одно законодательное постановленіе, дошедшее до насъ въ его латинской редакціи, указываетъ на тотъ путь, какимъ братья, живущіе сообща, могутъ выйти изъ нераздѣльности. Такимъ образомъ онъ косвенно свидѣтельствуетъ о томъ, что и по смерти родителя братья продолжали составлять одну семейную общину, точь въ точь какъ это доселѣ имѣетъ мѣсто у Сербовъ и вообще у южныхъ славянъ ***).

Основываясь на томъ фактѣ, что въ Полицкомъ статутѣ семейная община обозначается терминомъ вервь, г. Леонтовичъ, а за нимъ и Бестужевъ - Рюминъ, не безъ основанія

---

*) Леонтовичъ, Хорвато-Далматское Право, стр. 69—71.

**) Собѣстіанскій, Круговая порука у Славянъ, стр. 59.

***) Helzel, Monumenta juris polonici.

видять въ верви Русской Правды не что иное, какъ семейную общину *). Къ соображеніямъ, представленнымъ защитниками этой теоріи, мы прибавимъ съ своей стороны слѣдующее: въ Русской Правдѣ говорится о верви, какъ и платящей дикую виру, въ томъ случаѣ, когда нельзя найти головника, т. е. прямаго виновника преступленія (ст. 89). Въ той же Правдѣ значится, что можно вложиться и невложиться въ дикую виру, другими словами, или участвовать въ платежѣ ея или не участвовать, и что послѣдствіемъ отказа отъ участія является прекращеніе по отношенію къ отказавшемуся прежней обязанности верви платить за него виру (ст. 90) **).

Кровная месть, какъ хорошо извѣстно каждому, предполагаетъ участіе лицъ единокровныхъ въ преслѣдованіи правонарушителя и его родственниковъ и въ вынужденіи ихъ къ уплатѣ за «кровь». Условіе для участія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для полученія виры—родство, на первыхъ порахъ родство въ любой степени, съ теченіемъ времени лишь въ ближайшихъ степеняхъ. Въ интересахъ сохраненія мира и спокойствія представители политической власти считаютъ нужнымъ ограничить право обязательнаго участія въ мести и въ композиціяхъ; не рѣшаясь однако сразу отмѣнить стародавній обычай, въ силу котораго все родство считаетъ себя солидарнымъ съ обиженнымъ, они изъ обязательной дѣлаютъ месть и замѣняющую ее уплату виры факультативной для отдаленныхъ родственниковъ. Примѣръ этому представляютъ намъ Англо-саксонскіе законы, въ которыхъ уплата виры признается долгомъ ближайшей семьи обидчика и въ то же время болѣе далекимъ родственникамъ позволяется принимать въ ней участіе, въ вознагражденіе за что ихъ правонарушенія въ свою очередь оплачиваются всѣми, въ пользу кого они несутъ виру ***).

Итакъ исторіи права извѣстно съ одной стороны—участіе въ платежѣ виры только родственниковъ, съ другой — обяза-

*) См. Леонтовичъ. О значеніи верви сравнительно съ задругою западныхъ славянъ (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ. 1867 г.).

Бестужевъ. Русская исторія, т. I, гл. 41.

**) Калачевъ. Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, стр. 114.

***) См. мою Исторію полицейской администраціи въ Англіи, гл. I.

тельность такого участія только для близкихъ родственниковъ и факультативность ея для остальныхъ. Выражаясь языкомъ Русской Правды, мы можемъ сказать, что отдаленный родственникъ можетъ вложиться и не вложиться въ уплату виры, и что послѣдствіемъ его отказа будетъ то, что «людіе впредь ему не помогаютъ, но самъ платитъ». Прилагая сказанное къ толкованію текста о дикой вирѣ, платимой вервью, мы вправѣ сказать, что, такъ какъ плательщики виры — родственники и виру платитъ вервь, то и въ составъ ея (верви) должны входить родственники, при томъ родственники, какъ близкіе, такъ и отдаленные: почему 60 ст. Русской Правды и дозволяетъ не вложиться въ дикую виру, предваряя въ то же время, что послѣдствіемъ этого будетъ прекращеніе помощи со стороны остальныхъ членовъ верви. Союзъ, въ составъ котораго входятъ не только близкіе, но и отдаленные родственники, очевидно не иное что, какъ семейная община, съ ея, какъ мы не разъ имѣли случай замѣтить, десятками членовъ, связанныхъ между собою узами крови. Съ такимъ заключеніемъ вполнѣ согласно какъ то первоначальное значеніе, какое славянскіе языки связываютъ съ однокоренными съ вервью словами, такъ и употребленіе, дѣлаемое изъ послѣдняго термина сербскимъ языкомъ. По мнѣнію Лавровскаго вервь, веревка—слова одного происхожденія, одинаково указывающія на связь, узы, соединяющія воедино лицъ одной крови. Вервникъ доселѣ обозначаетъ на сербскомъ языкѣ родственника *). Согласно съ сказаннымъ, толкованіе встрѣчающагося въ Правдѣ термина «вервь» должно отправляться отъ признанія, во 1-хъ, кровнаго родства между членами верви, а во 2-хъ, тѣсной связи между ними. — И та и другая черта одинаково встрѣчается въ семейной общинѣ, основу которой кладетъ сожительство родственниковъ подъ одною кровлею.

Но спрашивается, откуда могъ появиться въ текстѣ Русской Правды юго-славянскій терминъ, каковъ терминъ вервь? какъ объяснить, что этотъ древнѣйшій памятникъ русскаго права употребляетъ непонятное для русскаго выраженіе. Замѣтимъ

*) Лавровскій, Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ, стр. 93.

прежде всего, что терминъ вервь—далеко не единственное заимствованіе, сдѣланное составителемъ правды изъ юго-славянскаго лексикона; что на ряду съ нимъ надо поставить и столь же непонятный на первый взглядъ терминъ—брату чада, который въ значеніи двоюроднаго брата попадается доселѣ въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго отрывка:

У мен'има девет брат'е,
И толико братучеда *).

Если согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ изслѣдователей русской старины, которые, какъ, напримѣръ, проф. Ключевскій, полагаютъ, что Русская Правда находила примѣненіе себѣ въ сферѣ церковнаго суда и была редактирована лицомъ духовнымъ, то не трудно будетъ объяснить, почему ея составитель не пренебрегаетъ терминами, смыслъ которыхъ, быть можетъ, былъ вполнѣ понятенъ только ему одному. Вѣдь первые наши духовные и грамотѣи были, какъ извѣстно, по преимуществу, южные славяне. Удивительно ли, если при недостаточномъ знакомствѣ съ русскимъ языкомъ они подчасъ прибѣгаютъ къ отечественному для передачи тѣхъ или другихъ фактовъ русскаго обычнаго права!

Если наше толкованіе встрѣчающагося въ Правдѣ слова вервь будетъ принято, а оно во всякомъ случаѣ менѣе спорно, чѣмъ то, которое видитъ въ ней сельскую общину или артель (объясненія Лешкова и Калачева), то придется признать, что въ Русской Правдѣ, какъ и въ Законникѣ Стефана Душана, какъ и въ Полицкомъ и Винодольскомъ статутахъ, встрѣчаются несомнѣнныя данныя въ пользу существованія нѣкогда у славянъ родоваго быта. Переживаніемъ этого послѣдняго въ Русской Правдѣ надо признать «вервь», или семейную общину, происхожденіе которой, какъ не разъ было замѣчено, объясняется позднѣйшимъ по времени развѣтвленіемъ рода на болѣе тѣсные союзы ближайшихъ родственниковъ.

Какъ и у другихъ народностей арійской крови, господство родоваго быта сказывается у Славянъ въ фактѣ взаимной отвѣт-

*) Вукъ Караджичъ, I. 283.

ственности лицъ единокровныхъ за совершаемыя ими преступленія. Эта отвѣтственность существуетъ какъ передъ правительствомъ, такъ и передъ родомъ обиженнаго. Примѣръ перваго вида отвѣтственности мы уже видѣли выше въ отвѣтственности верви. Дикая вира, уплачиваемая ею, какъ выяснено изслѣдованіями Ланге, Иванишева и др., поступаетъ не въ руки обвиняемаго и его родственниковъ, а въ руки князя. По своему характеру она подходитъ подъ понятіе германскаго «Fredus», который, какъ извѣстно, являлся денежною пенею за нарушеніе «королевскаго мира». Для виры въ смыслѣ германскаго «Wehrgeld» или частной «композиціи» роду обиженнаго въ Русской Правдѣ существуетъ особый терминъ — «головничество». Ни въ одной изъ статей нашего древняго свода не значится, чтобы въ уплатѣ «головничества» принимали участіе и родственники обидчика. Такое участіе тѣмъ не менѣе встрѣчалось несомнѣнно на первыхъ порахъ, и право думать это даетъ намъ не только аналогія съ другими славянскими правдами, но и прямое свидѣтельство договоровъ Игоря съ греками. Въ договорѣ Игоря мы находимъ слѣдующія слова: «ежели убѣжитъ сотворивый убійство и аще будетъ имовитъ, да возьмутъ имѣніе его ближніе убіеннаго». Множественное число, въ которомъ стоятъ лица, получающія частное вознагражденіе, даетъ право утверждать, что родственники, совмѣстно получавшіе композицію, совмѣстно участвовали и въ платежѣ ея *).

Солидарность родственниковъ всего нагляднѣе выступаетъ въ юго-славянскихъ правдахъ. О Далматиинахъ Рейцъ говоритъ, что у нихъ пеню за нарушеніе преступникомъ мира несли всѣ родственники—что, прибавляетъ онъ, вело нерѣдко къ раззоренію цѣлаго ряда семействъ. У Сербовъ, какъ видно изъ ст. 60 Законника Стефана Душана, денежная отвѣтственность за преступленіе падала уже не на весь родъ, а на членовъ одной съ преступникомъ семейной общины или задруги. Вотъ почему названная статья говоритъ о «господарѣ кущны», другими словами о старшинѣ семейной общины или задруги, какъ о лицѣ,

*) Шпилевскій, союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ, стр. 135—145.

на которого возлагается обязанность уплаты виры. Солидарная отвѣтственность родственниковъ продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока держится семейная нераздѣльность. Ст. 48 Законника постановляетъ, поэтому, что лица «отдѣльныя», живущія «въ своихъ домахъ», не призываются къ уплатѣ виры и въ свою очередь не вправѣ требовать, чтобы родственники платили ее за нихъ. Другія славянскія законодательства ограничиваютъ участіе родственниковъ въ платежѣ частью виры. Такъ, Винодольскій статутъ говоритъ лишь объ участіи ихъ въ платежѣ половиннаго выкупа *), а Вислицкій предоставляетъ дальнимъ родственникамъ полученіе выкупа только при отсутствіи ближайшихъ. Наконецъ, въ Закроченскомъ статутѣ 1390 г. участіе родственниковъ изъ обязательнаго становится факультативнымъ. Въ Чешскомъ же рядѣ о немъ не упоминается вовсе **).

Въ сферѣ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства родовое начало сказывается въ фактѣ принесенія родственниками на судѣ такъ называемой очистительной присяги за подсудимаго или отвѣтчика. Всего нагляднѣе эта сторона родовыхъ отношеній сказывается въ средневѣковомъ статутѣ Каттаро 1459 года. Этимъ статутомъ предписывается, что обвиняемый въ уличномъ воровствѣ обязанъ очистить себя присягою 12-ти лучшихъ родственниковъ; въ случаяхъ, менѣе важныхъ, достаточно присяги 6-ти сродниковъ. Присягающіе свидѣтельствуютъ болѣе добрую славу лица, въ пользу котораго приносится ими присяга, нежели совершеніе или несовершеніе приписываемаго ему преступленія. Подъ наименованіемъ очистниковъ, соприсяжники извѣстны и древнему чешскому праву. Въ Законникѣ Стефана Душана они называются поротниками. Въ послухахъ Русской Правды, какъ это доказалъ впервые Демченко, также слѣдуетъ видѣть не свидѣтелей, а лицъ, удостовѣряющихъ присягою добрую славу отвѣтчика—его соприсяжниковъ. При всемъ сходствѣ между собою чешскіе очистники, сербскіе поротники и русскіе послухи отличаются тѣмъ существенно другъ отъ друга, что очистниками, какъ и послухами, могутъ быть и родственники,

*) См. русскій переводъ Ягича, ст. XXXI.

**) Шпилевскій.

тогда какъ поротникомъ можетъ быть только чужеродецъ. Прямое запрещеніе родственникамъ приносить очистительную присягу, о которомъ говоритъ Законникъ Стефана Душана, само по себѣ свидѣтельствуетъ однако о томъ, что въ прежнее время родственники являлись паротниками или соприсяжниками, другими словами, что судебная защита родственниковъ извѣстна была въ древности сербскому праву въ такой же мѣрѣ, какъ и Далматинскому *).

Мы разсмотрѣли одинъ за другимъ вопросы о характерѣ родоваго устройства у различныхъ вѣтвей арійской семьи и позволимъ себѣ теперь сдѣлать изъ нихъ нѣкоторые общіе выводы.

Факты дѣйствительности и факты прошлаго одинаково указываютъ на то, что въ извѣстный періодъ ихъ жизни народы одной съ нами крови были организованы въ общественныя группы, въ которыхъ связующимъ цементомъ было представленіе о происхожденіи отъ общаго родоначальника мужчины и культъ этого родоначальника. Я настаиваю на томъ, что объединяющимъ началомъ было одно представленіе. Народныя легенды, говорящія намъ о происхожденіи, напримѣръ, отдѣльныхъ клановъ Шотландіи отъ опредѣленныхъ лицъ, отъ Кона или Ферхара Макъ-Фарадайга, и однохарактерныя имъ сказанія римлянъ или грековъ о происхожденіи, положимъ, дорійцевъ или іонійцевъ и ихъ дальнѣйшихъ развѣтвленій, а также отдѣльныхъ gentes древне-римскаго государства,—не болѣе, какъ сказанія, въ которыхъ извѣстному лицу, выдѣлившемуся своими заслугами, прописывается роль основателя цѣлаго рода. Факты, сообщаемые Лаелемъ о порядкѣ возникновенія отдѣльныхъ родовъ у Раджпутовъ, въ свою очередь нисколько не говорятъ намъ о томъ, чтобы наличный составъ рода могъ быть съ исторической достовѣрностью возведенъ къ одному и тому же физическому лицу, по праву бы считался его потомствомъ. Наоборотъ, они представляютъ намъ процессъ зарожденія рода въ совершенно иномъ свѣтѣ. Изъ кровнаго родственника, какимъ онъ рисовался

---

*) Ibid., стр. 156, 157.

нѣкогда нашему воображенію, родоначальникъ нисходитъ до роли удачника, съумѣвшаго сгруппировать вокругъ себя большее или меньшее число не родственныхъ ему семей, объединитъ ихъ общностью преслѣдуемыхъ ими цѣлей, къ которымъ въ ближайшихъ поколѣніяхъ присоединяется новое скрѣпляющее единство начало—общаго культа этому же удачнику. Въ своей совокупности эти два начала — экономическое и религіозное—ведутъ постепенно къ развитію той солидарности, какой держится родовая организація, и проявленіемъ которой служитъ одинаково, съ одной стороны, общность владѣнія, остаткомъ которой и въ позднѣйшую эпоху является право совмѣстнаго наслѣдованія жителей, а также право предпочтительной покупки и родоваго выкупа, съ другой—круговая порука не только въ отмщеніи обидъ, но и въ отвѣтственности за всякаго рода дѣйствія, личныя или имущественныя, совершаемыя частнымъ лицомъ въ интересахъ рода или на средства взятыя, изъ родоваго капитала.

Послѣ сказаннаго ясно, что мы не можемъ болѣе смотрѣть на родъ, какъ на разросшуюся семью, и что вопросъ объ источникѣ его зарожденія остается пока открытымъ вопросомъ.

Гораздо опредѣленнѣе можемъ мы высказаться на основаніи изученнаго уже нами матерьяла о процессѣ образованія такъ называемой семейной общины. Она не болѣе, какъ послѣднее изъ развѣтвленій рода, или вѣрнѣе предпослѣднее, если считать завершеніемъ процесса образованіе малыхъ семей путемъ раздѣловъ. Личный ея составъ отличается несравненно большею чистотою: кровная связь живущихъ въ ней поколѣній съ прошедшими и, переступая нерѣдко черезъ цѣлый рядъ посредствующихъ ступеней, съ основателемъ всего сообщества — легко можетъ быть установлена фактически. Культъ этого общаго предка въ такой же степени является въ ней связующимъ цементомъ, въ какой въ родѣ—культъ миѳическаго или историческаго родоначальника. Но къ этому, съ одной стороны, кровному, съ другой—религіозному началу, присоединяется въ семейной общинѣ въ несравненно большей степени, чѣмъ въ родѣ, начало экономическое, сказывающееся въ ней не только въ общности владѣнія, но и въ общности труда, и обращающее все сообщество въ своего рода производительную ассоціацію. Веденіе хозяйства

сообща предполагаетъ сожительство по крайней мѣрѣ большинства членовъ семейной общины и дѣлежъ съ ними уходящими на заработки родственниками сдѣланными ими пріобрѣтеніями. Экономическія и религіозныя узы семейнаго единства такъ тѣсно переплетаются между собою въ средѣ семейной общины, что очагъ служитъ въ ней одновременно и общей кухней и общимъ алтаремъ; а терминъ, которымъ обозначаются ближайшіе участники въ культѣ предковъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ кличкою для всѣхъ сожительствующихъ и трудящихся на общую пользу родственниковъ. Гдѣ кончается сожительство, тамъ кончается и ближайшее родство. Индусскіе сапинда, какъ и греческіе анхіотеисъ—лица, которыхъ связываетъ одновременно и сожительство и ближайшее участіе въ семейныхъ sacra. Послѣдняя черта особенно наглядно выступаетъ въ индусскихъ сводахъ, которые признаютъ за одними только сапинда обязательство приносить предкамъ жертвенные пироги и ограничиваютъ обязанности дальнѣйшаго родства—саманодака возліяніемъ воды на семейный жертвенникъ.

Вытекающее изъ существованія всѣхъ вышеуказанныхъ связей начало солидарности сказывается въ семейной общинѣ съ несравненно большей интензивностью, нежели въ родѣ. Не всѣ цѣнности, которыми владѣетъ послѣдній, составляютъ его общую собственность: рядомъ съ общимъ кладбищемъ, которое для рода имѣетъ то же значеніе жертвеннаго алтаря, какое очагъ для семьи, рядомъ съ обыкновенно встрѣчающимся въ немъ родовымъ полемъ (ager gentilitium),—существуетъ и обособленная собственность, субъектомъ которой являются входящія въ его составъ семейныя общины. Другое дѣло послѣднія: въ нихъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, нѣтъ мѣста для индивидуальнаго обладанія. Какимъ бы путемъ ни были пріобрѣтены тѣ или другія цѣнности, съ помощью или безъ помощи семейнаго капитала,—онѣ равно поступаютъ въ общее владѣніе и пользованіе. Точно также, какимъ бы образомъ ни были произведены извѣстные долги, разъ виновникомъ ихъ является сожительствующій съ семьею членъ, они должны быть покрыты всѣми участниками въ ней. Отсюда въ сферѣ имущественныхъ отношеній—то послѣдствіе, что нѣтъ права индиви-

дуальнаго распоряженія, и что всѣ члены дворовой общины, выражаясь языкомъ нѣмецкихъ средневѣковыхъ памятниковъ, имѣютъ въ мѣнахъ и продажахъ такъ называемый Beispruchsrecht. Это уже не простое право купить отчуждаемое имущество предпочтительно предъ чужеродцемъ, какимъ пользуется всякій членъ рода; это не общее также всѣмъ родичамъ право выкупа разъ отчужденнаго имущества. Это—право дать или отказать въ своемъ согласіи на отчужденіе семейнаго достоянія; это право утвердить или отвергнуть актъ личнаго распоряженія послѣднимъ со стороны главы семьи—ея управителя и хозяина.

Тѣснѣйшая связь, объединяющая собою членовъ семейной общины, сказывается и въ болѣе рѣзкомъ проявленіи въ ней начала круговой поруки. Члены семьи — ближайшіе мстители; они же—ближайшіе плательщики композицій, обыкновенные соприсяжники и поручители обвиняемаго. Участіе остальныхъ родственниковъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ — не болѣе какъ добавочное. Они выступаютъ то на смѣну недостающихъ однодворцевъ, то принимаютъ на себя лишь часть падающихъ на родство обязательство. Соотвѣтственно и права ихъ несравненно менѣе значительны. Они наслѣдники семейнаго имущества только при совершенномъ вымираніи владѣющаго имъ сообщества. Наоборотъ, члены послѣдняго, безъ различія степеней, — всегда сонаслѣдники, въ томъ однако лишь смыслѣ, что, кто бы ни умеръ въ семьѣ, и какія бы новыя лица ни народились въ ней,— имущество ея продолжаетъ оставаться фондомъ для покрытія издержекъ всѣхъ однодворцевъ. Употребляя современную намъ юридическую терминалогію, фактъ «открытія наслѣдства» въ семейной общинѣ никогда не наступаетъ, такъ какъ кончина ея главы имѣетъ своимъ послѣдствіемъ лишь перемѣну въ лицѣ ея управителя.

Если мы зададимся вопросомъ о томъ, въ какомъ отношеніи стоитъ родовая и общинно-семейная организація къ сельской, то на основаніи приведеннаго уже матерьяла, мы вправѣ будемъ сказать, что сельская община—преемница родовой, не устраняющая собою необходимости дальнѣйшаго существованія семейной. Не вдаваясь въ вопросъ о процессѣ замѣны родовой общины сельской, вопросъ, который легко-бы могъ сдѣлаться предметомъ

самостоятельнаго изслѣдованія, я отмѣчу только тотъ фактъ, что, какъ преемница родовой, сельская община унаслѣдовала многія изъ характерныхъ чертъ первой. Общинное владѣніе въ ней—не болѣе, какъ распространенное на чужеродцевъ начало родоваго общенія. Право предпочтительной покупки сосѣдей и сосѣдскаго выкупа — не болѣе, какъ осуществляемое тѣми же чужеродцами право родовой преэмпціи и родоваго выкупа. Право наслѣдованія въ выморочномъ имуществѣ (Vicinnenrecht)—перенесенное на сосѣдей право рода наслѣдовать въ имуществѣ вымершей семьи. Круговая порука, сказывающаяся въ солидарной отвѣтственности предъ правительствомъ и за сохраненіе полицейскаго порядка и за выполненіе натуральныхъ и денежныхъ повинностей и платежей,—имѣетъ своимъ источникомъ кровную круговую поруку, и тѣмъ же источникомъ объясняется выступленіе сосѣдей въ роли поручителей и соприсяжниковъ,—роли, нѣкогда осуществляемой кровными родственниками.

Нѣтъ также основанія полагать, чтобы сельскій сходъ и сельскій староста не были преемниками и не сложились по типу родоваго собранія и родоваго старѣйшины, хотя фактически такой переходъ едва-ли когда либо можетъ быть доказанъ по недостатку источниковъ. Все это вмѣстѣ взятое не приводитъ ли насъ къ тому заключенію, что въ изученіи родоваго устройства лежитъ ключъ къ уразумѣнію генезиса отдѣльныхъ институтовъ одинаково гражданскаго, уголовнаго и публичнаго права.

III.

Материнскій родъ.

Мы познакомились пока лишь съ характерными особенностями той кровной организаціи, въ которой родоначальникомъ считается мужчина, и мѣсто, занимаемое каждымъ, опредѣляется большей или меньшей близостью къ нему.

Въ этой организаціи женщина не играетъ почти никакой роли и родство съ нею одною не даетъ права никому на занятіе той или другой ступени родовой лѣствицы, иначе, какъ въ силу усыновленія его мужчиной, т. е. опять таки на томъ же основаніи, если не природнаго, то искусственнаго родства съ мужчиною. Прибавимъ, что тѣмъ же путемъ усыновленія лица и совершенно постороннія роду, могутъ сдѣлаться его членами, что еще болѣе укрѣпляетъ въ насъ увѣренность въ томъ, что при родовой организаціи женщина ни прямо, ни косвенно не оказываетъ вліянія на общественное положеніе того или другаго лица.

Если родъ, съ характеризующей его мужской фамиліей встрѣчается, какъ мы видѣли, у самыхъ разноплеменныхъ народностей, и въ частности у важнѣйшихъ представителей арійской семьи, если эпохой его медленнаго и самопроизвольнаго разложенія открывается достовѣрная исторія всѣхъ и каждаго изъ передовыхъ народовъ Европы и Азіи, то значитъ ли это, чтобы человѣчеству не извѣстна была и другая, быть можетъ, еще болѣе архаическая общественная организація, гдѣ женщина, генетическая связь съ которой не требуетъ для своего признанія даже той слабой работы мысли, какую предполагаетъ установ-

леніе мужской филіаціи, играла бы ту же роль, какую въ родовой играетъ мужчина? До послѣдняго времени самая постановка такого вопроса едва ли была бы возможна. Патріархальная теорія, которую Мэнъ справедливо возводитъ еще ко временамъ Аристотеля и Платона, не допускала существованія даже въ отдаленнѣйшей древности и у наиболѣе отсталыхъ народностей такого порядка, при которомъ основанная на индивидуальномъ бракѣ моногамическая или полигамическая семья, съ вполнѣ выработаннымъ въ ней первенствомъ и верховенствомъ мужа надъ женою и отца надъ дѣтьми, не была бы тою первичной ячейкой, изъ которой, путемъ мужской филіаціи, должны были развиться со временемъ роды и отправляющіеся отъ нихъ племенные и клановые союзы, назовемъ ли мы ихъ филами, трибами или другимъ какимъ либо терминомъ, заимствованнымъ изъ быта ново-европейскихъ народностей. Упоминанія древнихъ писателей, и въ томъ числѣ Геродота, Діодора или Страбона о народахъ, которымъ извѣстно одно материнство, какъ несогласныя съ теоріей, признавались баснословными; описанія же путешественниками такихъ общественныхъ порядковъ, при которыхъ женщина играетъ первенствующую роль одинаково въ семьѣ и родѣ, отчасти относимы были къ области вымысловъ, отчасти объясняемы тѣмъ вырожденіемъ, которымъ, по соображеніямъ преимущественно христіанскихъ миссіонеровъ, обусловливается бытъ дикарей, какъ утратившихъ познаніе истиннаго Бога и связанной съ нимъ нравственности. Если не говорить о смѣлыхъ гипотезахъ Лафито, впервые подмѣтившаго еще въ концѣ прошлаго вѣка широкое господство у дикарей безпорядочнаго половаго сожитія и обусловленное имъ отсутствіе постоянной связи дѣтей съ отцами, никто ранѣе Макъ Ленана и Бахофена не подымалъ рѣчи о материнствѣ, какъ о первоначальномъ видѣ родственныхъ отношеній. Отъ признанія материнства, какъ предшествующаго по времени отчеству, до установленія того взгляда, что основанный на женской филіаціи родъ древнѣе основаннаго на мужской—оставался одинъ только шагъ, но шагъ этотъ сдѣланъ былъ не ранѣе появленія капитальныхъ трудовъ Американца Моргана, который въ бытѣ Ирокезовъ и др. краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки открылъ господство еще въ наши

дни такой общественной организаціи, а въ обстоятельно изученныхъ имъ системахъ наслѣдованія сотенъ разноплеменныхъ народовъ Стараго и Новаго Свѣта—переживанія материнскаго рода. Какъ мы сейчасъ увидимъ, вопросъ о единообразномъ прохожденіи народами разныхъ семей той ступени развитія, которая Морганомъ обозначается терминомъ материнскаго рода, пока остается открытымъ. Послѣдователи патріархальной теоріи, съ Мэномъ во главѣ, все еще отказываютъ въ признаніи характера общности за указаннымъ имъ, но далеко еще не достаточно объясненнымъ процессомъ, послѣдовательнаго перехода материнскаго рода въ отеческій. Нерѣдко слышатся голоса и въ пользу той мысли, что существованіе материнскаго рода у туземцевъ Америки и Океаніи само по себѣ не доказываетъ того, чтобы народы семитической или арійской группы также прошли черезъ эту стадію развитія, что въ противоположности между материнскимъ и патріархальнымъ родами, материнской и патріархальной семьей, слѣдуетъ видѣть, такъ сказать, прирожденныя этнографическія различія, говорящія развѣ противъ единства происхожденія человѣческаго рода. Прочно установленнымъ является такимъ образомъ пока только фактъ существованія на ряду съ извѣстными уже намъ родовыми группами такихъ, основу которыхъ составляетъ происхожденіе не отъ общаго родоначальника, а отъ общей родоначальницы. Перешелъ ли этотъ материнскій родъ въ патріархальный, или нѣтъ, и если перешелъ, то по какимъ причинамъ, а также всюду ли могутъ быть констатированы слѣды его первоначальнаго существованія и послѣдующей замѣны—это такіе вопросы, около которыхъ и вращается въ настоящее время споръ защитниковъ и противниковъ Моргановской теоріи. Если наблюденія надъ не прекращающимъ своего развитія бытомъ дикихъ и варварскихъ народовъ въ состояніи указать намъ на условія, при которыхъ совершается переходъ материнскаго рода въ патріархальный, то одно лишь обстоятельное знакомство съ памятниками древнѣйшаго права арійскихъ народностей можетъ пролить свѣтъ на вопросъ о прохожденіи или непрохожденіи ими той стадіи общественнаго развитія, которая обозначается терминомъ материнскаго рода. Многое въ этомъ направленіи уже сдѣлано трудами англійскихъ, нѣмецкихъ

и отчасти русскихъ изслѣдователей. Конечно, приводимыя ими доказательства далеко не отличаются одинаковой убѣдительностью, многія совершенно должны быть оставлены, другія подкрѣплены новыми данными или представлены въ нѣсколько иномъ освѣщеніи. Пополненный, провѣренный и отчасти просѣянный такимъ образомъ матеріалъ долженъ подвергнуться затѣмъ систематической обработкѣ. Ни одна область права не должна быть оставлена безъ разслѣдованія. Если материнство извѣстно было аріямъ, хотя бы и въ отдаленнѣйшій періодъ ихъ исторіи, то слѣды его, его переживанія необходимо будутъ раскрыты и въ сферѣ гражданскаго права, хотя бы, напримѣръ, въ преимущественной роли братьевъ или сестеръ матери въ ряду родственниковъ-наслѣдниковъ, и въ уголовномъ правѣ, въ которомъ обязательство платить и право получать виру за убитаго прямо пропорціонально той роли, какую играютъ материнскіе родственники въ системѣ семейнаго и наслѣдственнаго права, и въ процессѣ, въ которомъ право давать подкрѣпительную присягу, всегда падающее на ближайшихъ родственниковъ, необходимо, поэтому, должно принадлежать и имъ, какъ ближе другихъ стоящимъ къ подсудимому, въ силу преимущественнаго значенія, нѣкогда признаваемаго за женской филіаціей, наконецъ и въ сферѣ публичнаго права, въ которомъ родовое старѣйшинство, слѣдуя тому же закону преемства, какой одновременно господствуетъ въ сферѣ наслѣдственнаго права, необходимо должно было переходить въ ихъ руки, какъ къ первенствующей нѣкогда группѣ родственниковъ. Нечего и говорить, что эти переживанія могутъ сохраниться далеко не въ равной мѣрѣ и что о существованіи ихъ въ правѣ каждаго даннаго народа не можетъ быть и рѣчи. Въ сферѣ политическихъ отношеній послѣдствія происходящей рано или поздно замѣны материнства отчествомъ должны были сказаться всего раньше; первенствующая роль, разъ достигнутая мужчиною надъ женщиной, съ особенной энергіей и послѣдовательностью должна была поддерживаться имъ въ той области права, которая является самымъ прямымъ и наиболѣе надежнымъ проводникомъ всякаго вліянія и власти. Неудивительно поэтому, если въ порядкѣ преемства должности вождя и верховнаго представителя рода

слѣды материнства исчезли всего ранѣе, гораздо ранѣе, чѣмъ въ правѣ наслѣдованія, и не оставили въ большинствѣ законодательствъ даже косвенныхъ свидѣтельствъ своего существованія. Съ другой стороны надо помнить, что сошедшій со сцены правовой порядокъ оставляетъ за собою тотъ или другой пережитокъ лишь въ томъ случаѣ, когда послѣдній находитъ новыя условія для своего существованія, сохраняетъ такъ сказать свою raison d'être, хотя бы и при перемѣнѣ въ характерѣ послѣдней,—а это можетъ случится далеко не въ равной мѣрѣ во всѣхъ и каждой изъ областей права даннаго народа. Пояснимъ это примѣромъ. Деверство или левиратъ, встрѣчающееся у цѣлаго ряда дикихъ или варварскихъ народностей, какъ послѣдствіе общенія женъ между членами одной и той же группы ближайшихъ родственниковъ — братьевъ, можетъ, какъ доказываетъ примѣръ еврейскаго, индусскаго и греческаго права, удержаться въ той или другой вымирающей формѣ и при переходѣ народа на высшую ступень общественности, поддерживаемое, напримѣръ, воззрѣніемъ на женщину, какъ на объектъ имущественнаго права или заботою о продленіи рода, заботой весьма понятной при господствѣ патріархальнаго быта и обусловленнаго имъ культа предковъ.—Но значитъ ли это, что и другія проявленія того же начала архаическаго общенія женъ въ предѣлахъ родовой группы, напр., отчужденіе ихъ съ общаго согласія всѣхъ совладѣльцевъ родственниковъ, или отдача ихъ на тѣхъ же условіяхъ въ наемъ или временное пользованіе, непремѣнно должны быть извѣстны тому же еврейскому, индусскому или греческому праву, хотя въ послѣднихъ съ исчезновеніемъ первоначальныхъ причинъ, вызвавшихъ къ жизни такое общеніе, не явилось никакихъ новыхъ для поддержанія возможнаго его послѣдствія—основаннаго на коллегіальномъ началѣ права распоряженія женщиной со стороны ея родственниковъ? Очевидно нѣтъ,—и нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что ни одно изъ названныхъ законодательствъ не представляетъ намъ примѣра такихъ переживаній, хотя въ то же время всѣмъ и каждому изъ нихъ равно извѣстенъ вытекшій изъ той же причины институтъ левирата или деверства.—Возьмемъ еще примѣръ. Общее всякому патріархально-родовому быту начало распоряженія женщиной со

стороны ея родственниковъ, получило возможность такого-поздняго, сравнительно проявленія, какъ то, какое предполагаетъ обязательное для эпиклеры или единственной дочери наслѣдницы вступленіе въ бракъ съ родственникомъ, въ одномъ лишь греческомъ правѣ, отнюдь не въ индусскомъ или еврейскомъ, такъ какъ въ немъ одномъ оно нашло нужную для себя поддержку въ заботливости греческаго законодателя о безповоротномъ удержаніи имущества въ рукахъ владѣющаго имъ рода.— Считая, что приведенныхъ примѣровъ достаточно для выясненія въ общихъ чертахъ нашей мысли о причинахъ удержанія тѣмъ или другимъ правомъ извѣстныхъ только сторонъ уже пережитаго народами прошлаго, я вмѣстѣ съ тѣмъ полагаю, что вышесказаннымъ вполнѣ опредѣляются задача и планъ настоящей и слѣдующихъ за нейглавъ. Отправляясь отъ характеристики материнскаго рода по тѣмъ образцамъ его, какіе въ наши дни представляетъ бытъ нѣкоторыхъ краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки, констатировавши затѣмъ фактъ его широкаго распространенія въ настоящемъ и прошломъ разнообразнѣйшихъ народностей стараго и новаго свѣта, я перейду къ вопросу о причинѣ и ходѣ постепенной замѣны материнскаго рода патріархальнымъ и представлю образцы такого перехода въ бытѣ современныхъ намъ дикарей. Выяснивши генезисъ патріархальнаго рода, я попытаюсь затѣмъ фактически обосновать тотъ взглядъ, что намѣченный такимъ образомъ процессъ развитія не составляетъ особенности однихъ народовъ Америки или Океаніи, но что о немъ можетъ идти рѣчь и въ примѣненіи къ такой передовой расѣ, какова арійская. Съ этой послѣдней цѣлью прослѣжены будутъ мною съ возможной полнотою всѣ тѣ пережитки материнскаго рода, какія попадаются въ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ этой рассы, а также въ ея религіозныхъ миѳахъ и древнѣйшихъ произведеніяхъ письменности.

Составъ рода у Ирокезцевъ Морганъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «родъ обнимаетъ собою лицъ считающихъ себя происходящими въ женской линіи отъ общей всѣмъ имъ миѳической родоначальницы». Такимъ образомъ въ составъ его обязательно

входятъ: сама родоначальница и ея дѣти, дѣти ея дочерей и дѣти ея женскихъ потомковъ, сколько бы таковыхъ ни оказалось *).

Внѣшнимъ признакомъ принадлежности къ роду служитъ носимое лицомъ имя. Въ распоряженіи каждаго рода имѣется извѣстное число собственныхъ именъ, которыя съ согласія его членовъ даются матерями ихъ новорожденнымъ и которыя послѣдніе по достиженіи ими совершеннолѣтія мѣняютъ на другія. Никто кромѣ членовъ даннаго рода не вправѣ присвоить себѣ одного изъ этихъ именъ Чужеродецъ, сдѣлавшійся въ силу усыновленія членомъ рода, получаетъ вмѣстѣ съ принятіемъ его въ родъ и то или другое родовое названіе; причемъ обыкновенно ему сообщается имя вымершаго родственника, мѣсто котораго онъ заступаетъ.—

Другимъ, не столь рѣзко бросающимся въ глаза признакомъ принадлежности къ роду служитъ ограниченіе въ извѣстномъ смыслѣ свободы выбора невѣсты. Члены рода не могутъ вступать въ бракъ между собою; это значитъ, что бракъ немыслимъ между лицами, считающимися родственниками въ женской линіи; что, разумѣется, ни мало не исключаетъ возможности брака между тетками и племянниками, дядями и племянницами, употребляя эти термины въ обычномъ намъ смыслѣ, разъ эти племянники и племянницы являются родственниками своихъ дядей и тетокъ по отцу, отнюдь не по матери. Предполагая фактъ вступленія въ бракъ, положимъ внука родоначальницы съ женщиной чужаго рода и рожденія у него ребенка—мужчины, мы, оставаясь вѣрными родовымъ представленіямъ Ирокезцевъ, должны будемъ допустить возможность брака между рожденнымъ такимъ образомъ лицомъ и его тетушкой, родной сестрою его отца, съ которой онъ состоитъ въ родствѣ въ мужской, а не женской линіи. То же лицо отнюдь не могло бы вступить въ бракъ ни съ двоюродной, ни даже троюродною сестрою по матери, т. е. ни съ дочерью ея сестры, ни съ дочерью ея кузины, такъ какъ та и другая одинаково принадлежатъ къ одному съ нимъ роду и потому являются для него запретными. Объясненіе причинъ, поведшихъ къ установленію такого запрета,

*) Ancient Society, стр. 67.

представлена будетъ мною впослѣдствіи, при изложеніи генезиса материнскаго рода. Въ настоящее же время для меня достаточно констатировать фактъ исключенія материнской родни изъ числа лицъ, съ которыми бракъ считается дозволеннымъ.

Характерная особенность материнскаго рода,—признаніе родства только чрезъ посредство женщинъ, необходимо налагаетъ свою печать на всѣ стороны общественнаго быта Ирокезцевъ. Ближе всего къ системѣ родства стоитъ система наслѣдственнаго права и на первыхъ порахъ совпадающая съ нею система преемства родовой власти. Неудивительно поэтому, если у Ирокезцевъ къ наслѣдованію, а также къ отправленію обязанностей сахема или старѣйшины, призываются одни и тѣ же лица—ближайшіе родственники по матери, ея братья или сыновья; хотя, въ послѣднемъ случаѣ, все чаще и чаще проявляющееся вмѣшательство членовъ рода въ замѣщеніе этой должности—иначе говоря, развитіе начала избранія—допускаетъ нѣкоторое отклоненіе отъ строгаго соблюденія родовой лѣствицы.

Какъ и въ патріархальномъ родѣ, такъ и въ материнскомъ, кровная связь имѣетъ своими послѣдствіемъ установленіе между лицами, его составляющими, извѣстной солидарности, которая сказывается и въ фактѣ взаимной помощи и поддержки въ нуждѣ, и въ круговой порукѣ, проявляющейся одинаково и при самоуправномъ отраженіи насилій, причиняемыхъ чужеродцами одному изъ членовъ рода и обыкновенно обнимаемыхъ понятіемъ кровной мести, и при разложеніи на всѣхъ членовъ рода какъ обязанности платежа, такъ и права полученія виръ или композицій.

Подобно патріархальному, материнскій родъ опирается на широкой демократической основѣ. Преимущества родства, близость происхожденія отъ родоначальницы, сказываются лишь въ правѣ преимущественнаго занятія должности сахема или старѣйшины, но и это преимущество все болѣе и болѣе исчезаетъ по мѣрѣ удаленія отъ эпохи первоначальнаго возникновенія рода, благодаря все сильнѣе и сильнѣе упрочивающемуся началу избранія, при которомъ совершеннолѣтніе члены рода, одинаково женщины и мущины, собранные въ родовой сходъ, не только въ правѣ отдать преимущество болѣе способному въ ихъ глазахъ даль-

нѣйшему родственнику передъ ближайшими, но и совершенно свободны въ выборѣ военныхъ вождей, функціи которыхъ прекращаются обыкновенно вмѣстѣ съ вызвавшей ихъ избраніе войною. Выбирая какъ родоваго старѣйшину, такъ и военноначальника, сходы удерживаютъ за собою и право ихъ низложенія за тѣ или другіе проступки противъ родовыхъ интересовъ.

Далекіе отъ мысли отказаться въ ихъ пользу отъ всей суммы принадлежащихъ имъ правъ, они удерживаютъ въ своемъ непосредственномъ завѣдываніи такіе насущные для рода интересы, какъ усыновленіе чужеродцевъ, всего чаще военно-плѣнныхъ, обыкновенно по ходатайству желающихъ принять ихъ семей, или регулированіе кровной мести и опредѣленіе размѣра виръ и композицій съ частныхъ правонарушителей, а при ихъ несостоятельности, и съ ихъ родовъ.

Подобно патріархальному роду, наконецъ, материнскій является не только гражданскимъ и политическимъ, но и религіознымъ союзомъ, избирающимъ на своихъ сходахъ такъ называемыхъ у Ирокезцевъ «хранителей вѣры» и имѣющихъ свои особыя отъ другихъ родовъ усыпальницы и кладбища.

Такова, въ самыхъ общихъ, конечно, чертахъ, характеристика материнскаго рода, какую даетъ Морганъ на основаніи непосредственнаго знакомства съ бытомъ Ирокезцевъ.

На протяженіи всего Новаго Свѣта материнскій родъ является доселѣ господствующимъ. Признаніе родства только со стороны матери, запрещеніе браковъ между родственниками въ женской линіи, устраненіе родныхъ дѣтей отъ наслѣдованія и отъ занятія должности сахема дядями по матери, какъ ближайшими родственниками, всѣ эти черты материнскаго рода одинаково могутъ быть отмѣчены и въ бытѣ уцѣлѣвшихъ остатковъ племени Гуроновъ, и у нѣкоторыхъ изъ семьи Дакота, у Мускоковъ и Крековъ, Делаваровъ, Шошоніевъ и Флоридскихъ Натче. Изъ Южно-американскихъ племенъ Морганъ упоминаетъ о краснокожихъ Гвіаны, какъ о такихъ, въ средѣ которыхъ существованіе одного материнства и запрещеніе браковъ между лицами, связанными другъ съ другомъ родствомъ со стороны матери, засвидѣтельствовано въ одно слово цѣлымъ рядомъ посѣтившихъ ихъ путешественниковъ. Слѣды материнскаго рода могутъ быть

отмѣчены, по его словамъ и въ бытѣ наиболѣе передовыхъ народностей Америки—у жителей Ацтекской Конфедераціи, какъ ни затемнило пониманіе ихъ юридическихъ отношеній невѣрное описаніе ихъ испанскими писателями *).

Но если Новый Свѣтъ съ населяющими его туземными племенами является ареною распространенія материнскаго родства и основанныхъ на немъ кровныхъ союзовъ, то это не значитъ, чтобы послѣдніе не встрѣчались и за его предѣлами, въ Австраліи, на Маріанскихъ островахъ, на островахъ Фиджи, Тонга, и Каролинахъ, въ средѣ островитянъ Остъ-Индскаго архипелага, у Сингалезовъ Цейлона, у неарійскаго населенія Индіи, въ средѣ Туареговъ, у многочисленныхъ племенъ восточной Африки, равно и у тѣхъ, которыя живутъ къ Югу отъ Сахары, у туземцевъ Гвинеи, Лоанго и Конго, у большинства средне-африканскихъ народцевъ, Кафровъ въ томъ числѣ, на островѣ Мадагаскарѣ **). Если не въ наши дни, то сотни, вѣрнѣе тысячи лѣтъ назадъ, черты того же порядка общественныхъ отношеній можно было встрѣтить у многихъ племенъ передней Азіи, у Ликійцевъ и Локровъ, а также у древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ намъ обитателей Европы Ибероръ и вышедшихъ изъ Азіи Этрусковъ ***). Правда, существованіе материнства у всѣхъ и каждаго изъ названныхъ народовъ можетъ быть доказываемо далеко не съ одинаковой убѣдительностью: въ пользу его признанія у Этрусковъ, напр., можно привести только отрывки изъ ихъ надгробныхъ памятниковъ, на которыхъ покойникъ однообразно обозначается или плодомъ такой-то матери или рожденнымъ такою-то женщиною и имя отца ни разу не упомянуто ****); тогда какъ по отношенію къ Ликійцамъ мы имѣемъ поразительное по своей опредѣленности свидѣтельство Геродота: «Ликійцы принимаютъ имя матери, а не отца. Спросите Ликійца, къ какой семьѣ онъ принадлежитъ, онъ приведетъ генеалогію матери и ея восходящихъ въ женской линіи». Если прибавить къ этому

*) Ancient Society, глава VI и VII.

**) Post. Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit, 1875 г, стр. 95.

***) Bachofen. Die Sage von Tanaquil.

****) Ibid., стр. 283 и 290.

показаніе того же Геродота о томъ, что кровь матери передается рожденному отъ нея ребенку, такъ что свободная женщина въ союзѣ съ рабомъ можетъ сдѣлаться матерью свободнаго человѣка и на оборотъ, а съ другой слова Іоанна Дамаскина о наслѣдованіи у нихъ имущества не уходящими въ чужой родъ сыновьями, а остающимися въ материнскомъ родѣ женщинами— то въ результатѣ получится картина, довольно близкая къ той, какую рисуетъ передъ нами Морганъ, говоря о родахъ Ирокезцевъ *).

Общераспространенность материнскаго рода, доказанная выше приведеннымъ перечисленіемъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ существованіе его было констатировано въ настоящемъ или прошломъ, сама по себѣ говоритъ о томъ, какъ произвольно утвержденіе Мэна, что—общественные союзы, подобные тѣмъ, какіе наблюдаемы были Морганомъ въ средѣ Ирокезцевъ, составляютъ особенность «тѣхъ обществъ, въ которыхъ по причинѣ ли постоянныхъ войнъ ихъ съ сосѣдями и увода послѣдними ихъ женщинъ въ плѣнъ, господства ли женскаго дѣтоубійства или самаго порядка ихъ основанія кочующими группами, представляющими въ своемъ составѣ больше мужчинъ, нежели женщинъ», пропорціональное отношеніе половъ оказывается болѣе благопріятнымъ для мущинъ **). Начать съ того, что самое существованіе такихъ обществъ, какъ чего то не исключительнаго, а болѣе или менѣе общераспространеннаго, должно быть подвергнуто сомнѣнію: почти повсемѣстное господство обычая похищать невѣстъ, котораго не станетъ отрицать и самъ Мэнъ, необходимо должно было вести къ установленію приблизительнаго равенства между племенами по отношенію къ числу входящихъ въ составъ ихъ женщинъ. Къ тому же результату должно было вести и широкое господство женскаго дѣтоубійства, если послѣднее вообще можетъ быть признано, какъ постоянное, а не какъ временное явленіе, вызываемое преходящимъ недостаткомъ въ средствахъ пропитанія и потому не настолько существенное, чтобы серіозно вліять на измѣненіе про-

*) Giraud Teulon. Les Origines du mariage et de la famille 1884 г., стр. 279.

**) Мэнъ. Древній законъ и обычай, глава VII, стр. 162 и слѣд.

порціональнаго отношенія мужчинъ къ женщинамъ. Наконецъ, что касается до третьей причины, поведшей, согласно ученію Мэна, къ малочисленности женщинъ,—колонизаціи цѣлыхъ материковъ, каковы Америка и Австралія, кочующими группами, составленными по преимуществу изъ мужчинъ, то приводимый имъ въ пользу этой гипотезы фактъ «заселенія острововъ Тихаго океана мужчинами, прибывшими туда лишь съ небольшими числомъ женщинъ», такъ рѣзко противорѣчитъ тому, что намъ извѣстно о порядкѣ переселенія народовъ, что едва ли можетъ быть признанъ общимъ правиломъ, а не наоборотъ — исключеніемъ изъ него. Все, что говоритъ намъ Цезарь и Тацитъ о переселенческомъ движеніи германскихъ племенъ, переходившихъ на новыя мѣста жительства вмѣстѣ съ своими женами и дѣтьми, все, что мы знаемъ о порядкѣ выселенія англо-саксовъ въ Британію, выселенія, сопровождавшагося совершеннымъ опустѣніемъ ихъ прежнихъ мѣстъ жительства *), не говоря уже о хорошо извѣстномъ порядкѣ исхода евреевъ изъ Египта цѣлыми семьями и родами, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что переселенцы, какъ общее правило, снимаются съ занятыхъ ими нѣкогда участковъ сплошными массами, и что объ оставленіи ими за собою женщинъ не можетъ быть и рѣчи. Очевидно, что съ перспективой отдаленнаго и опаснаго плаванія, какъ то, какого потребовало заселеніе нѣкоторыхъ острововъ Тихаго океана, эмигрантами могутъ оказаться по преимуществу лица мужескаго пола: ближайшій примѣръ этому можетъ представить исторія тѣхъ завоевательныхъ набѣговъ, какіе предпринимаемы были въ средніе вѣка скандинавскими викингами и повели между прочимъ къ возникновенію Исландскаго государства; но не говоря уже о томъ, что за первой миграціей съ преобладающимъ мужскимъ элементомъ легко могли слѣдовать другія, въ составъ которыхъ входили и оставленныя ими женщины, не удерживаемыя болѣе отъ переселенія неизвѣстностью предлежащаго имъ пути и необезпеченностью своего положенія въ новой родинѣ,—самое предположеніе о заселеніи всего напримѣръ американскаго ма-

*) См. Freeman, Norman Conquest. T. I, гл. 1.

терика какими то обществами «повольниковъ», при полной фактической необоснованности, настолько противорѣчитъ аналогичнымъ явленіямъ изъ исторіи заселеній стараго материка, что мы не затрудняемся отнесть его къ числу придуманныхъ для цѣлей теоріи совершенно произвольныхъ гипотезъ. Но если бы теорія Мэна могла представить въ свою пользу и болѣе убѣдительныя доказательства, если бы въ концѣ концовъ мы и согласились съ нимъ, что во многихъ обществахъ число женщинъ было значительно меньше числа мужчинъ, то спрашивается еще, какое объясненіе могъ бы дать этотъ фактъ существованію въ ихъ средѣ материнскаго рода? Все, что говоритъ Мэнъ въ разъясненіе этого темнаго вопроса, буквально сводится къ слѣдующему: «надо признать, замѣчаетъ онъ, что въ обществахъ, страдавшихъ отъ сравнительной малочисленности женщинъ, развитіе интеллекта..... должно было привести людей къ установленію учрежденій, которыя соотвѣтствовали бы такому численному неравенству между полами, хотя бы уже въ видахъ удержанія въ извѣстныхъ предѣлахъ той половой ревности, которая, не будучи чѣмъ-либо сдержана, необходимо вела бы при данныхъ условіяхъ къ непрерывнымъ насиліямъ и кровопролитіямъ» *). Не выяснивши болѣе опредѣленно своей мысли, Мэнъ на слѣдующей затѣмъ страницѣ говоритъ уже объ «обозначеніи родства по происхожденію отъ женщинъ», какъ объ учрежденіи, вытекшемъ изъ факта существованія въ нѣкоторой части человѣчества и въ извѣстное только время общественныхъ группъ, заключавшихъ въ себѣ значительно меньшее число женщинъ, чѣмъ мужчинъ» **). Такимъ образомъ мы вправѣ полагать, что къ числу учрежденій, придуманныхъ, по мнѣнію Мэна, съ цѣлью наложить узду на мужскую ревность, слѣдуетъ отнести и материнскій родъ, который такимъ образомъ является чѣмъ то вполнѣ искусственнымъ. Но приведенное объясненіе предполагаетъ въ дикаряхъ такой высокій процессъ творчества, какой Мэнъ съ своей теоріей юридическихъ фикцій не допускаетъ и на несравненно высшей ступени

*) Мэнъ, ibid, стр. 165.
**) Мэнъ, ibid, стр. 166.

общественнаго развитія. Фикція въ родѣ подведенія, напр., отношеній къ принимаемому въ семью чужеродцу подъ типъ отношеній отца къ сыну, требуетъ отъ обращающихся къ ней лишь того наипростѣйшаго процесса мышленія, который мы называемъ аналогіей. Иное дѣло построеніе такой сложной общественной организаціи, какъ та, какую представляетъ намъ материнскій родъ, съ его дѣленіемъ членовъ одной семьи, уходящихъ въ чужой родъ братьевъ и остающихся въ родѣ сестеръ, на двѣ рѣзко отличныя другъ отъ друга группы, съ его запрещеніемъ браковъ въ предѣлахъ одной и той же группы, съ его включеніемъ въ союзъ круговой поруки однихъ лицъ, связанныхъ материнскимъ родствомъ и исключеніемъ столь же или болѣе близкихъ съ нашей точки зрѣнія родственниковъ по отцу. Искусственное созданіе такой сложной организаціи можетъ быть продуктомъ лишь цѣлаго ряда самостоятельныхъ творческихъ процессовъ мысли, требующихъ несравненно большей напряженности въ дѣятельности мозга и способности продолжительнаго сосредоточенія его на одномъ предметѣ, чѣмъ тотъ, какой можетъ быть допущенъ при той сравнительно еще слабой изощренности его, какая необходимо должна была отличать собою младенческій періодъ человѣческаго мышленія. Къ тому же какъ объяснить, что эти искусственныя созданія, обязанныя своимъ возникновеніемъ не самопроизвольному развитію, а сознательному преслѣдованію опредѣленныхъ цѣлей, отлились въ почти однохарактерныя формы на самыхъ отдаленныхъ концахъ земнаго шара, слѣдовательно, при полной невозможности непосредственнаго заимствованія однимъ народомъ у другаго?

Такимъ образомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, теорія Мэна далеко не можетъ быть признана удачной. Опорой ей служитъ слишкомъ большое число неподкрѣпленныхъ фактами посылокъ; принятіе же конечнаго ея вывода требовало бы отъ насъ радикальной перемѣны въ нашихъ воззрѣніяхъ на сравнительную неподвижность человѣческаго ума въ ранній періодъ общественнаго развитія.

Посмотримъ теперь, какое иное объясненіе можетъ быть дано факту происхожденія материнскаго рода. При изложеніи генезиса материнства необходимо отправляться отъ признанія

слѣдующихъ двухъ одинаково твердо обоснованныхъ съ нашей точки зрѣнія положеній: непрочности брачныхъ узъ на низшихъ ступеняхъ общежитія и вытекающей отсюда невозможности установить фактическую связь между ребенкомъ и родившимъ его отцомъ. Я говорю, что оба положенія кажутся мнѣ одинаково безспорными; сомнѣніе на ихъ счетъ едва ли возможно при современномъ состояніи нашихъ этнографическихъ и археологическихъ свѣдѣній. Насъ могутъ, конечно, раздѣлять попрежнему вопросы о томъ, было ли безпорядочное половое сожитіе общимъ правиломъ, мирилось ли оно съ явнымъ кровосмѣшеніемъ и можно ли видѣть въ нерѣдко попадающейся и въ историческую эпоху поліандріи слѣды его прежняго господства. Но никто изъ насъ не вправѣ отрицать того, что связь мущины съ женщиной на раннихъ ступеняхъ общежитія далеко не отличалась прочностью и постоянствомъ, что она расторгаема была на каждомъ шагу, и что цѣломудріе и вѣрность не считались необходимыми добродѣтелями ни въ дѣвушкахъ, ни въ женщинахъ. Какъ и другія явленія культуры, современная намъ нравственность женщинъ является продуктомъ тысячелѣтняго развитія и чѣмъ болѣе мы будемъ проникаться этой мыслью, тѣмъ болѣе станемъ дорожить ею.—При непрочности брачныхъ узъ, легко могло случиться, что въ моментъ рожденія ребенка его дѣйствительный отецъ, порвавши прежнюю связь, состоялъ уже въ новомъ союзѣ *), а слѣдовательно, не оставалось инаго исхода, кромѣ того, чтобы или считать отцомъ современнаго рожденію обладателя матери, или, не подымая вовсе вопроса о патернитетѣ, довольствоваться признаніемъ легко констатируемаго наблюденіемъ факта родства ребенка съ матерью и чрезъ ея посредство съ ея родственниками. Препятствіемъ къ первому долгое время должно было являться рѣшительное несходство новорожденнаго съ сожителемъ его матери. Правда, индусское и римское право доказываютъ намъ, что съ теченіемъ вре-

*) На такой именно случай повидимому и разсчитано правило одного изъ ирландскихъ сводовъ книги Aicill, постановляющее: ребенокъ можетъ быть водимъ отъ одного мужчины къ другому, до тѣхъ поръ пока свидѣтельство людей не укажетъ ему отца. (Сокольскій. Къ ученію объ организаціи семьи у Кельтовъ.

мени это воззрѣніе все же восторжествовало: ребенокъ сталъ считаться сыномъ лица, которому принадлежала его мать; это именно и признаютъ индусскіе своды, когда говорятъ объ отеческихъ правахъ мужа на всѣхъ дѣтей, прижитыхъ его женою съ посторонними лицами *); это и имѣетъ въ виду римское право, выставляя афоризмъ «pater est quem nuptiae demonstrant» (отецъ тотъ, на кого указываетъ обрядъ совершенія брака, передающій мущинѣ права надъ женщиной). Но если въ концѣ концовъ вопросъ о патернитетѣ и былъ рѣшенъ этимъ искусственнымъ образомъ, то источникомъ такого рѣшенія его было не иное что, какъ желаніе не отымать у мужа приплода отъ пріобрѣтенной имъ покупкою жены, иначе говоря, сохранить за нимъ всѣ тѣ имущественныя выгоды, которыя должны были вытекать для него изъ брака. А что это на самомъ дѣлѣ было такъ, доказательствомъ этому служитъ между прочимъ то обстоятельство, что за мужемъ женщины, доставшейся кому либо уводомъ, ирландскіе своды признаютъ патернитетъ лишь въ случаѣ покупки имъ этого права у родной матери, посредствомъ платежа суммы, равняющейся вирѣ дѣтей **). Не купивши женщины, мущина не имѣетъ права и на ея приплодъ и можетъ пріобрѣсть послѣднее не иначе, какъ производствомъ соотвѣтствующихъ платежей.

Объясняя материнство тѣмъ обстоятельствомъ, что при непрочности брачныхъ узъ, дѣйствительнаго отца ребенка можетъ не оказаться на лицо въ моментъ его рожденія, я рѣшительно оставляю ту почву, на которой доселѣ производима была защита Моргановской теоріи. Писатели, слѣдовавшіе, по моему, слѣпо за американскимъ этнографомъ, какъ, напр., Жиро Телонъ или Колеръ, позволяли себѣ утверждать, что древнему человѣку вовсе не было доступно сознаніе того, что ребенокъ есть продуктъ не только женщины, но и сожительствовавшаго съ нею мужчины. Нельзя согласиться съ послѣднимъ изъ названныхъ нами писателей, что такое сознаніе составляетъ осо-

*) См. Mayne. Hindu law and usage, а также Kohler. Das indische Familienrecht. Zeitschrift für die Vergleichende Rechtswissenschaft, 1879 г.

**) Ancient laws of Ireland, т. III, стр. 541.—Сокольскій. Къ ученію, объ организаціи семьи у кельтовъ, стр. 46.

бенность лишь новѣйшаго времени *), такъ какъ уже Гиппократу приходилось бороться съ господствовавшей въ его время физіологической доктриной, согласно которой ребенокъ есть произведеніе не матери, а исключительно отца, и та же доктрина влагается Эврипидомъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ его Эвменидъ, Аполлона, который ею защищаетъ поступокъ Ореста, отмстившаго матери за смерть отца, какъ единственнаго виновника его жизни**). При чрезвычайной скудости состоящихъ въ нашемъ распоряженіи археологическихъ данныхъ, на которой съ такимъ основаніемъ настаиваетъ Мэнъ, мы навсегда, быть можетъ, должны отказаться отъ мысли узнать въ точности ширину умственнаго кругозора древняго человѣка, его способность или неспособность не научнаго, конечно, а интуитивнаго пониманія многаго изъ того, что составляетъ достояніе современнаго намъ знанія, въ томъ числѣ, конечно, и вопроса о томъ, участвуетъ ли отецъ наравнѣ съ матерью въ рожденіи происходящаго отъ нея приплода. Болѣе вѣроятной однако кажется намъ догадка Мэна, что нерѣдко сходство дѣтей съ ихъ отцами должно было съ самаго начала наводить на мысль о непосредственномъ ихъ участіи въ актахъ рожденія ***). Вотъ почему мы и считаемъ нужнымъ оставить вполнѣ ту аргументацію, которая отправлялась отъ недоказаннаго факта полнѣйшаго игнорированія древнѣйшими обществами той физіологической связи, которая существуетъ между отцомъ и родившимся отъ него ребенкомъ. И безъ ея содѣйствія отсутствіе на первыхъ порахъ патернитета легко можетъ быть понято, разъ мы примемъ во вниманіе, вышеприведенныя положенія, во 1-хъ, непрочность брачныхъ связей, во 2-хъ, возможность прекращенія ихъ до момента рожденія ребенка, и сдѣлаемъ изъ нихъ тотъ ближайшій выводъ, что въ то самое время, когда для ребенка особенно необходимо постоянное присутствіе матери-кормилицы, его дѣйствительный

---

*) стр. 393. Während die Zusammengehörigkeit der Kinder mit der Mutter sich von der Natur selbst dem ersten Blicke verräth, ist der Zusammenhang mit dem Vater in den tiefsten Schleier gehüllt, den erst die physiologischen Forschungen unserer Tage zu lüften verstanden.

**) См. Мэнъ, стр. 155, прим., и 156.

***) Мэнъ, стр. 155.

отецъ можетъ быть уже членомъ другой семьи, такъ что о фактической передачѣ его послѣднему не можетъ быть и рѣчи. Сожительство въ одномъ жилищѣ съ родившей его матерью и ея родственниками необходимо должно укрѣпить въ младенцѣ то чувство любви, которое вызываютъ въ немъ расточаемыя на него заботы. Неудивительно поэтому, если современемъ онъ начинаетъ сознавать существованіе извѣстной родственной связи не только съ вскормившей его грудью матерью, но и съ живущими съ нею совмѣстно родственниками и прежде всего братьями, на которыхъ, какъ показываетъ и самое наименованіе ихъ въ нѣкоторыхъ языкахъ кормильцами (по санскритски bhrâtar, по русски братъ, отъ корня bhr, означающаго поддерживать, питать), непосредственно падала забота о матеріальномъ благосостояніи живущихъ при нихъ сестеръ *), а косвенно и ея приплода. Во все то время, пока продолжается процессъ вскармливанія и первоначальный уходъ за младенцемъ, отца можетъ вовсе не быть на лицо, а такое явленіе должно было по необходимости быть болѣе или менѣе распространеннымъ, прежде чѣмъ изъ фактическаго стать юридическимъ, прежде чѣмъ сдѣлаться источникомъ происхожденія того строгаго предписанія, въ силу котораго у нѣкоторыхъ народовъ, а въ томъ числѣ и у горцевъ нашего Кавказа, дѣти до ихъ совершеннолѣтія не должны признавать своихъ отцевъ, по крайней мѣрѣ публично, и для избѣжанія возможныхъ встрѣчъ съ родителями обыкновенно отдаются на воспитаніе въ чужую семью, аталыкамъ. **)—Отсутствіе постояннаго сожительства съ отцемъ, очевидно, является препятствіемъ къ развитію въ ребенкѣ того чувства привязанности, при которомъ только и мыслимо возникновеніе въ немъ сознанія родственной связи съ виновникомъ его рожденія и родственниками послѣдняго. Удивительно ли послѣ этого, если въ конечномъ результатѣ непрочность половыхъ связей среди первобытныхъ обществъ лишаетъ послѣднія необходимыхъ условій для

*) Svasor по санскритски составное слово отъ vas—жить и sa—предлогъ съ, что даетъ намъ право на слѣдующій переводъ этого слова: «живущая вмѣстѣ» (съ братомъ). Pictet. Orig. indocur , т. III.

**) Однохарактерныя явленія попадаются и въ бытѣ другихъ народовъ, См. giraud-Teulon Les origines du mariage et de la famille.

возникновенія патернитета и связаннаго съ нимъ агнатическаго родства. Сожительство исключительно съ родственниками матери до самаго момента наступленія половой зрѣлости необходимо вызываетъ въ свою очередь въ подростающихъ поколѣніяхъ то чувство солидарности съ материнскимъ родствомъ, нагляднымъ выраженіемъ котораго является начало взаимной помощи и поддержки и круговая порука какъ въ самоуправствѣ, такъ и въ платежѣ виръ или композицій; а эта солидарность въ свою очередь является тѣмъ связующимъ цементомъ, благодаря которому нисходящіе и восходящіе когнаты составляютъ изъ себя одно цѣлое и въ своихъ сношеніяхъ съ сосѣдями выступаютъ какъ одинъ человѣкъ, владѣя сообща имуществомъ, ведя переговоры съ чужеродцами не иначе, какъ отъ имени и по полномочію всего союза, усыновляя, напр. съ общаго согласія своихъ военно-плѣнныхъ и отщепенцевъ другихъ однохарактерныхъ съ ними союзовъ, или оканчивая заключенными на тѣхъ же основаніяхъ мировыми сдѣлками кровную вражду съ сосѣдними родами.

При полной отчужденности отъ отца и агнатическихъ родственниковъ нисходящимъ поколѣніямъ не остается инаго исхода кромѣ подчиненія въ интересахъ единства дѣйствія руководительству старшихъ членовъ материнской родни, а такими необходимо долженъ быть кто либо изъ неушедшихъ въ чужой родъ для брачнаго сожительства дядей матери, а при недостаткѣ послѣднихъ ея братьевъ. Неудивительно поэтому, если одинъ изъ нихъ и становится сперва фактически, а позднѣе и въ силу признанія его самими родичами, главою рода, старѣйшиной, или, употребляя обычное въ средѣ краснокожихъ выраженіе, сахемомъ. Предположеніе, что во главѣ рода, основаннаго на материнствѣ, необходимо должна стоять женщина, и что послѣдняя играетъ въ немъ господствующую роль, ту самую, какую впослѣдствіи въ родѣ агнатическомъ играетъ мущина, что съ материнствомъ такимъ образомъ неразрывно связана гинекократія, не подтверждается этнографическими данными и, какъ построенное на одностороннемъ толкованіи религіозныхъ миѳовъ древности, должно быть оставлено окончательно *).

*) Признаніе этой гинекократіи и составляетъ слабое мѣсто въ оригинальныхъ построеніяхъ Бахофена (см. Das Mutterrecht).

Если въ предшествующемъ нами сдѣлана была попытка объяснить происхожденіе идеи материнства ранѣе возникновенія мысли о патернитетѣ и въ соотвѣтствіе съ этимъ когнатическаго родства ранѣе и при полномъ незнакомствѣ съ родствомъ агнатическимъ, если намъ удалось выяснить вышеприведенными соображеніями тѣ причины, которыя побуждаютъ когнатическихъ родственниковъ образоваться въ союзы круговой поруки, съ полнымъ основаніемъ обозначаемые терминомъ родовъ, и ставить во главѣ послѣднихъ старѣйшаго въ родѣ матери—ея дядю или брата, то одна черта материнскаго рода — запрещеніе брачныхъ связей между входящими въ него членами все еще не нашла себѣ надлежащаго толкованія. И это не удивительно, если принять во вниманіе, что запрещеніе, о которомъ идетъ рѣчь, встрѣчается въ обществахъ, въ которыхъ одинаково неизвѣстны, какъ патріархальный, такъ и материнскій родъ, или попадаются только зачатки послѣдняго, и что такимъ образомъ причина его возникновенія лежитъ внѣ сферы тѣхъ факторовъ, которые вызвали къ жизни материнитетъ и основанное на немъ когнатическое родство. Изучая бытъ австралійскихъ Камиларои и Курнаи въ томъ образцовомъ описаніи его, какое составлено англійскими миссіонерами Физонъ и Гауитъ, мы встрѣчаемъ указаніе на существованіе въ ихъ средѣ такихъ племенъ, которымъ, какъ напр. жителямъ «Mount Gambier», «Darling River» или «Queensland» извѣстно одно лишь дѣленіе на двѣ группы мужчинъ и такое же женщинъ, при чемъ мужчинамъ первой группы дозволяется вступать въ бракъ только съ женщинами второй группы, а мужчинамъ второй группы только съ женщинами первой. Для наглядности приведемъ самыя названія этихъ группъ, употребительныя между туземцами «Mount Gambier»: группы мущинъ обозначаются у нихъ, первая именемъ «Kumite», а вторая «Kroki»; группы женщинъ тѣми же именами, только съ прибавкой частицы «dor»: первая такимъ образомъ терминомъ «Kimite-dor», вторая «Kroki-dor». По юридическимъ представленіемъ названныхъ племенъ каждый мущина изъ группы Kumite вправѣ вступить въ брачное сожительство съ каждой изъ женщинъ группы Kroki-dor, всякій же Kroki можетъ взять въ жены только Kumite-dor. Ношеніе женщинами первой группы приблизительно одного имени съ мущинами

той же группы, а второй одного съ мущинами второй группы само указываетъ на то, что между соотвѣтствующими группами мущинъ и женщинъ существуетъ извѣстное родство; одинаковость наименованія, какъ мы видѣли, всегда является внѣшнимъ выраженіемъ родства: и дѣйствительно при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что братья и сестры одной матери попадаютъ въ тѣ двѣ группы, между которыми запрещается заключеніе брачныхъ узъ; а съ ними вмѣстѣ двоюродные и троюродные братья и сестры, дяди и тетки, племянники и племянницы. Такимъ образомъ ближайшей цѣлью дѣленія на группы является стремленіе воспрепятствовать половому общенію ближайшихъ родственниковъ, и такъ повидимому понимаютъ ее и сами Камиларои, одно изъ сказаній которыхъ повѣствуетъ на этотъ счетъ слѣдующее. По сотвореніи міра братья, сестры и другіе ближайшіе родственники безпрепятственно вступали между собою въ браки, до тѣхъ поръ, пока не обнаружились дурныя послѣдствія такихъ браковъ и совѣтъ старшинъ не счелъ нужнымъ принять мѣръ противъ нихъ. Обратившись съ молитвою къ Мурамара (Доброму Духу) старшины услышали отъ него слѣдующій приказъ: племена должны быть раздѣлены на вѣтви и послѣднія обозначены каждая именемъ одушевленнаго или неодушевленнаго предмета, какъ напр. собака, мышь и т. д., члены одной и той же вѣтви не должны впредъ вступать въ бракъ между собою, а могутъ сожительствовать лишь съ членами другой вѣтви; такъ мущина изъ вѣтви собаки не можетъ жениться на женщинѣ изъ той же вѣтви, но ничто не мѣшаетъ ему заключать союзъ съ женщиной изъ вѣтви мыши и т. п. *).

Въ этой легендѣ, въ которой очевидно нѣтъ ничего историческаго, сказывается то рано или поздно пробуждающееся сознаніе необходимости положить конецъ кровосмѣсительнымъ связямъ, которое проглядываетъ напр. и въ гимнахъ Ригъ-Веды въ отказѣ сестры Ями вступить въ сожительство съ своимъ братомъ Яма **). Чѣмъ обусловливалось пробужденіе этого сознанія — отвѣта на это не даетъ намъ ни легенда Камила-

*) Kamilaroi and Kurnai by Fison et Howitt, 1880. Melbourne, стр. 25.

**) См. Миллеръ, Очерки арійской миѳологіи. Асвины, гл. I.

роевъ, ни древнѣйшіе памятники арійской письменности. Имѣя въ виду, что протестъ противъ кровосмѣсительныхъ союзовъ долженъ быть отнесенъ еще къ періоду, предшествующему эпохѣ возникновенія материнскаго рода, мы должны приписать ему причины, которыя бы отвѣчали младенческому состоянію народнаго сознанія. Вотъ почему намъ трудно согласиться съ повторяющимъ Дарвина Мэномъ, что выгоды скрещиванія рано стали понятны людямъ и что послѣдствіемъ этого явилось запрещеніе кровосмѣсительныхъ браковъ. Не отрицая того, что пастушескіе народы простымъ наблюденіемъ надъ стадами могли убѣдиться въ выгодахъ такого скрещиванія и, разъ убѣдившись въ немъ, установить упомянутыя запрещенія, я полагаю, что послѣднія возникли гораздо ранѣе перехода къ пастушеской жизни, подъ вліяніемъ причины, которая должна была дѣйствовать съ самаго начала, такъ какъ она обща человѣку съ другими животными. Говоря это, я разумѣю то чувство ревности, раннему пробужденію котораго Мэнъ приписываетъ, какъ мы видѣли, такое рѣшающее значеніе на весь строй древней жизни, и которое, по моему мнѣнію, съ самаго начала должно было грозить мирному существованію сообществъ, не обратившихся къ началу экзогаміи, или запрещенія браковъ иначе какъ съ чужеродцами. Въ самомъ дѣлѣ, при отсутствіи еще частной собственности на недвижимость и слабо развитой привычкѣ къ накопленію запасовъ, кто, какъ не женщина, должна была явиться яблокомъ раздора между членами одного и того же сообщества; точно также какъ она являлась причиной междуплеменныхъ и родовыхъ препирательствъ, классическимъ образцомъ чего могутъ служить распри, связываемыя народнымъ преданіемъ съ фактомъ похищенія римлянами сабинокъ. Но всякое сообщество, а въ томъ числѣ и родовое, можетъ держаться лишь подъ условіемъ внутренняго мира—и этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему на разнообразнѣйшихъ концахъ земнаго шара эта общая всѣмъ имъ причина повела къ установленію системы экзогамическихъ браковъ. Нечего и говорить, что экзогамія, въ эпоху господства материнскаго рода, не вполнѣ отвѣчала тому представленію, какое связывали съ нею впослѣдствіи народы, живущіе агнатическими родами. О запрещеніи браковъ между не одними едино-

утробными, но и единокровными родственниками, не могло въ это время быть и рѣчи, такъ какъ послѣдніе вовсе не входили въ счетъ родства и относимы были къ чужеродцамъ. Это обстоятельство въ свою очередь косвенно указываетъ на то, что источникъ возникновенія экзогаміи не лежитъ въ сознаніи необходимости скрещиванія для полученія лучшей породы, такъ какъ этой необходимости она далеко не удовлетворяла вполнѣ во все время господства материнскаго рода. Гораздо вѣроятнѣе поэтому то предположеніе, что одинъ лишь позднѣйшій переходъ отъ ограниченной къ полной экзогаміи, при которой запрещаются браки и съ роднею отца, совершился подъ вліяніемъ этого сознанія, что въ свою очередь вполнѣ отвѣчаетъ и большей сравнительно изощренности въ это время человѣческаго мышленія, и накопленію извѣстнаго въ этомъ отношеніи опыта, пріобрѣтаемаго, очевидно, не ранѣе эпохи прирученія животныхъ и перехода къ пастушескому образу жизни.

Во всякомъ случаѣ той экзогаміи, о которой говоритъ Макъ-Ленанъ, впервые пустившій въ обращеніи этотъ терминъ, экзогаміи, запрещающей бракъ не только въ средѣ рода, но и въ средѣ цѣлаго племени, никогда не существовало. У племенъ, стоящихъ какъ на низшихъ ступеняхъ общественности, такъ и у тѣхъ, которые перешли уже къ выдѣленію изъ своей среды когнатическихъ, и даже агнаническихъ родовъ, бракъ въ предѣлахъ племени возможенъ; чего обычай не допускаетъ, такъ это сожительства мужчинъ и женщинъ одной группы, а такихъ группъ въ племени всегда болѣе одной, будутъ ли послѣднія организованы по типу тѣхъ, какія, какъ мы видѣли, встрѣчаются въ средѣ австралійскихъ дикарей, или по сравнительно высшему типу материнскаго и даже отеческаго рода *). Точно также невѣрно и то положеніе Макъ-Ленана, будто экзогамія устраняетъ одновременное господство эндогамическихъ запрещеній, если только понимать подъ послѣдними запрещеніе брака не съ членами единоплеменныхъ родовъ, а съ лицами изъ чужаго племени или народа. У такихъ даже народовъ, какъ Евреи или Арабы, религія которыхъ ведетъ къ искусственному установле-

*) См. Giraud Teulon, стр. 103.

нію эндогаміи, т. е. къ запрещенію браковъ съ иноплеменниками, какъ съ лицами, отверженными Богомъ и нечистыми, экзогамія внутри племени въ полномъ ходу и бракъ между членами одного рода считается не менѣе запретнымъ, какъ и у любаго изъ такъ называемыхъ Макъ-Ленаномъ экзогамическихъ племенъ Вообще объясненіе, даваемое шотландскимъ этнографомъ какъ роли экзогаміи въ средѣ древнѣйшихъ человѣческихъ сообществъ, такъ и самому генезису ея, при современномъ состояніи нашихъ знаній по этому вопросу должно быть признано вполнѣ неудачнымъ; отъ всѣхъ его построеній, по крайней мѣрѣ въ этой области, остается лишь нѣсколько безспорно вѣрныхъ замѣчаній, въ родѣ того, напримѣръ, что всюду, гдѣ встрѣчается обычай похищать невѣстъ, существовала и экзогамія и на оборотъ. Основная же мысль о томъ, что источникъ происхожденія экзогаміи лежитъ въ обычаѣ убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, послѣдствіемъ чего является скудость женщинъ въ племени и необходимость пріобрѣтать ихъ у сосѣдей похищеніемъ или покупкой, не выдерживаетъ ни логической, ни этнографической провѣрки. Уже Спенсеромъ побѣдоносно установленъ былъ тотъ взглядъ, что при общераспространенности дѣтоубійства дѣвочекъ, недостатокъ въ нихъ долженъ былъ наступить одновременно и въ равной степени у сосѣднихъ другъ къ другу племенъ и, слѣдовательно, не могло бы возникнуть условій, благопріятныхъ развитію экзогаміи.

Но помимо этого соображенія можетъ быть представленъ и рядъ другихъ, столь же неблагопріятныхъ для теоріи Макъ-Ленана. Если, какъ онъ полагаетъ, дѣтоубійство дѣвочекъ было вызвано желаніемъ уничтожить въ самомъ корнѣ причину постоянныхъ распрей съ сосѣдями изъ за похищенія ими женщинъ и послѣдствіемъ такого истребленія явилась экзогамія, т. е. возведенная уже въ обязательный обычай практика похищенія, то несоотвѣтствіе послѣдствій съ цѣлью необходимо должно было вызвать у практикующихъ дѣтоубійство племенъ воздержаніе отъ дальнѣйшего обращенія къ нему. Къ тому же, если признать основательнымъ приводимый Макъ-Ленаномъ мотивъ возникновенія обычая убивать новорожден-

ныхъ дѣвочекъ, то все же остается непонятнымъ, почему подъ вліяніемъ того же мотива дикари не обращаются къ истребленію своихъ стадъ, которыя для ихъ сосѣдей должны быть не меньшею приманкой, а слѣдовательно такой же причиной враждебныхъ столкновеній съ ними, какъ и принадлежащія племени женщины. Необъясненнымъ является также въ теоріи шотландскаго этнографа и причина, по которой дикари смотрятъ на женщину, какъ на тягость для семьи; вѣдь женщина на низшихъ ступеняхъ культуры представляетъ собою несравненно большую цѣнность, нежели на высшихъ; до замужества она работница, трудъ которой болѣе чѣмъ оплачиваетъ издержки на ея содержаніе; при выдачѣ въ замужество она доставляетъ своему роду, позднѣе семьѣ, значительный доходъ въ формѣ калыма, уплачиваемаго ея женихомъ семьею или родомъ послѣдняго, какъ выкупъ за ея похищеніе, на подобіе того, какъ платится вира за всякій матеріальный ущербъ, причиненный другъ другу чужеродцами. При слабомъ развитіи другихъ видовъ цѣнностей, при зарождающейся только собственности на движимость и при отсутствіи всякаго постояннаго присвоенія земельныхъ участковъ, женщина является однимъ изъ главныхъ видовъ цѣнностей, которая поэтому и переходитъ по наслѣдству вмѣстѣ съ накопленнымъ покойникомъ запасомъ и является объектомъ гражданскихъ сдѣлокъ: мѣны и купли-продажи. Гдѣ же, спрашивается, тутъ условія для того, чтобы развиться дѣтоубійству дѣвочекъ предпочтительно предъ дѣтоубійствомъ мальчиковъ, и не какъ случайному явленію, вызываемому временной недостачей средствъ къ жизни, а какъ регулируемому обычаемъ порядку? Такихъ условій очевидно не имѣется на лицо и болѣе обстоятельное знакомство съ бытомъ племенъ, которымъ приписывается дѣтоубійство дѣвочекъ, показываетъ, что къ послѣднему онѣ обращаются лишь изрѣдка подъ давленіемъ необходимости и что жертвою такого недостатка средствъ къ жизни являются, хотя и въ меньшей мѣрѣ, новорожденные мужчины, какъ и новорожденныя женщины, а вмѣстѣ съ ними подчасъ и дряхлые старики и старухи, т. е. всѣ тѣ, которые по недостатку физическихъ силъ должны жить на чужой счетъ. Къ тѣмъ даннымъ, которыя по этому вопросу приводитъ Жиро Телонъ,

ссылающійся одинаково и на примѣръ Китайцевъ и на обычаи африканскихъ, американскихъ и австралійскихъ дикарей *), я съ своей стороны могу прибавить слѣдующія, полученныя мною на Кавказѣ путемъ личныхъ распросовъ, по преимуществу осетинскихъ и сванетскихъ священниковъ, которымъ лица ихъ паствы нерѣдко каялись на духу въ убійствѣ новорожденныхъ ими дѣтей, одинаково того и другаго пола. Послѣднее имѣло мѣсто не въ Сѣверной Осетіи, сравнительно богатой стадами и хлѣбомъ, а въ Южной, въ которой народъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ горами, ведетъ почти нищенское существованіе, благодаря недостатку пастбищъ и нивъ, и нерѣдко на цѣлыя недѣли бываетъ отрѣзанъ непогодою и дурнымъ состояніемъ дорогъ отъ всякаго сообщенія съ сосѣдями. Но и въ этихъ горныхъ ущельяхъ дѣтоубійство, все болѣе и болѣе исчезающее подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанства, практиковалось всегда лишь какъ крайнее средство, какъ нѣчто временное и преходящее, какъ результатъ выбора меньшаго зла изъ большаго, вовсе не какъ унаслѣдованный отъ предковъ обычай. Жертвами его являлись одинаково мальчики и дѣвочки, хотя послѣднимъ, которыхъ горцы цѣнили менѣе первыхъ, какъ неспособныхъ къ ношенію оружія и оборонѣ страны отъ непріятелей, всегда оказывалось печальное предпочтеніе, чѣмъ и обусловливаются, вѣроятно, такъ часто сообщаемыя путешественниками и о другихъ народахъ извѣстія о господствѣ въ ихъ средѣ обычая истреблять однихъ лишь новорожденныхъ женщинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., на островахъ Фиджи, встрѣчается, впрочемъ, и обратное явленіе—преимущественнаго убіенія мальчиковъ, фактъ, прочно установленный недавними статистическими изысканіями и вполнѣ отвѣчающій тому, что намъ извѣстно о производствѣ почти всѣхъ работъ фиджійцевъ женщинами и о непосредственномъ участіи ихъ въ военныхъ предпріятіяхъ, обстоятельство, которое необходимо возвышаетъ ихъ значеніе въ обществѣ и является препятствіемъ къ ихъ истребленію въ младенческомъ возрастѣ **).

---

*) Les origines du mariage, стр. 112 и слѣд.

**) Fison. Kamilaroi; стр. 171—176.

Истолкованныя въ такомъ свѣтѣ этнографическія свидѣтельства объ убійствѣ новорожденныхъ вполнѣ согласны съ тѣми, какія дошли до насъ изъ исторіи классическихъ народовъ древности, Спартанцевъ и Римлянъ. Не полъ младенца, а выборъ его семьи и въ частности отца, рѣшалъ вопросъ о томъ, будетъ ли онъ оставленъ въ живыхъ или безжалостно умерщвленъ. — И такъ все, что мы знаемъ объ истребленіи нарождающихся поколѣній по волѣ ихъ родителей, не позволяетъ намъ подводить этого обычая подъ то опредѣленіе, какое даетъ ему Макъ-Ленанъ, называющій его дѣтоубійствомъ дѣвочекъ, а слѣдовательно, и видѣть въ немъ источникъ такого общераспространеннаго факта, какова впервые подмѣченная имъ и получившая отъ него свое названіе экзогамія.

Въ результатѣ всего сказаннаго нами выше оказывается, что запрещеніе браковъ между единоутробными родственниками должно быть отнесено къ отдаленнѣйшему періоду исторіи. Оно не совпадаетъ, однако, во времени съ эпохой возникновенія материнства, которое, въ виду чисто физической связи ребенка съ матерью должно было существовать съ самаго начала, даже въ эпоху, допускавшую кровосмѣсительныя связи, порядокъ, примѣры котораго представляетъ намъ доселѣ бытъ дикарей, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ гражданственности *), и отголоски котораго слышатся еще въ такихъ, напр., сказаніяхъ, какъ передаваемый Ригведою споръ брата Яма съ сестрою Ями.—Изъ комбинаціи этихъ двухъ началъ—материнства и экзогаміи, ограниченной сферою единоутробныхъ, позднѣе—всѣхъ вообще когнатическихъ родственниковъ, и развился съ теченіемъ времени материнскій родъ. Жизнь сообща, совмѣстная оборона отъ внѣшнихъ враговъ, нераздѣльное обладаніе занятой родомъ территоріи, только скрѣпили собою связь, установленную единствомъ происхожденія, вызывая въ составляющихъ родъ индивидахъ то чувство солидарности, нагляднѣйшимъ проявленіемъ котораго является связывающая ихъ круговая порука.

Таковъ въ немногихъ словахъ генезисъ материнскаго рода. Спрашивается однако, всѣ ли народы необходимо должны были

*) Morgan, глава о Punaluan marriage.

пройти на своемъ пути отъ дикости къ цивилизаціи черезъ этотъ фазисъ общественнаго развитія. Очевидно, что a priori ни что не говоритъ намъ объ обязательности такого происхожденія, и что поэтому Мэнъ вполнѣ правъ, говоря, что «стадіи процесса общественнаго развитія могли быть безконечно разнообразны, что было не одинъ или два, а множество путей его, при которыхъ каждый дѣйствовалъ въ собственной сферѣ и что въ писанной исторіи обществъ нѣтъ ничего такого, что дало бы право утверждать, что въ теченіи обширнаго по своей продолжительности до-историческаго періода слѣдовали одно за другимъ единообразно, если и не одновременно, одни и тѣ же видоизмѣненія общественнаго строя» *).

Очевидно однако, что отрицать фактъ прохожденія тѣмъ или другимъ народомъ той стадіи развитія, которая извѣстна подъ названіемъ когнатическаго рода, мы вправѣ лишь въ томъ случаѣ, если въ его прошломъ, какъ и въ прошломъ соплеменныхъ, вышедшихъ отъ одного съ ними корня и слѣдовательно жившихъ нѣкогда общею жизнью народовъ, не сохранилось никакихъ пережитковъ материнства и связанныхъ съ ними порядковъ. Прежде чѣмъ согласиться поэтому съ мнѣніемъ тѣхъ писателей, которые, съ Мэномъ во главѣ, полагаютъ, что арійскіе народы пошли отличнымъ отъ другихъ путемъ развитія, что съ самаго начала ихъ жизни имъ извѣстна была патріархальная семья и развившійся изъ нея агнатическій родъ, намъ необходимо было бы убѣдиться въ томъ, что въ религіозныхъ и правовыхъ памятникахъ этихъ народовъ, а также въ ихъ языкахъ, можно найти рѣшительныя данныя для такого утвержденія. Если же въ результатѣ изслѣдованія получатся, какъ мы надѣемся показать это ниже, совершенно обратные выводы, то придется согласиться съ тѣми, которые, какъ напр. Морганъ, Макъ-Ленанъ или Бахофенъ, не видятъ причинъ, почему бы ходъ общественнаго развитія арійцевъ представлялъ нѣчто вполнѣ отличное отъ того, какому слѣдовали другіе народы. Слѣды материнства и основаннаго на немъ одномъ когнатическаго родства

*) Мэнъ, Древній законъ и обычай, глава VII, стр. 168 русскаго перевода.

удержались далеко не одинаково у отдѣльныхъ вѣтвей арійской семьи. Говоря это я не хочу устанавливать между ними того различія, которое повидимому допускаетъ Bernhöft, говоря о томъ, что одни унаслѣдовали его отъ общихъ предковъ, другіе, и въ ряду ихъ римляне и индусы, заимствовали у сосѣдей, разноплеменныхъ съ ними по крови. Причина, по которой кельтическое или германское право въ состояніи дать намъ сравнительно большій матеріалъ по вопросу о материнствѣ, нежели римское, индуское или славянское, лежитъ, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что знакомство наше съ ними начинается въ эпоху несравненно болѣе раннюю, чѣмъ та, съ которой жизнь римлянъ, индусовъ или славянъ становится достояніемъ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ съ какого періода начинается наше знакомство съ древнеримскимъ бытомъ, какъ не со времени рѣшительнаго торжества политической организаціи надъ родовой, включенія послѣдней въ первую и соотвѣтственнаго окрашиванія ея далеко не архаическими чертами. Если агнатическій родъ извѣстенъ намъ въ Римѣ лишь по небольшому числу его переживаній, то удивительно ли, что о материнствѣ и когнатическомъ родѣ мы можемъ найти въ памятникахъ римской жизни лишь слабые намеки, съ трудомъ констатируемые современными романистами.

Не въ лучшія условія попадаемъ мы при изученіи занимающаго насъ вопроса по памятникамъ славянскаго быта. Указаніе на то, что славяне «сидяху кыждо родомъ своимъ», передаваемое повѣстью временныхъ лѣтъ,—литературнымъ произведеніемъ, возникшимъ, по мнѣнію Ключевскаго, не ранѣе XI-го столѣтія,—да нѣсколько столь же короткихъ и неопредѣленныхъ показаній византійскихъ и арабскихъ анналистовъ и путешественниковъ—вотъ все, что дошло до насъ о древнѣйшемъ порядкѣ ихъ устройства. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если о существованіи или несуществованіи въ ихъ средѣ материнства мы на самомъ дѣлѣ пока ничего не знаемъ положительнаго.

Ни одинъ изъ народовъ одной съ нами крови не представляетъ такого богатства раннихъ, по времени, письменныхъ памятниковъ, ни у кого послѣднія не восходятъ до такой отдаленной эпохи, какъ у Индусовъ. Повидимому, гдѣ, какъ не у нихъ, искать рѣшающихъ свидѣтельствъ по занимающему насъ

вопросу? Между тѣмъ ни у кого, за исключеніемъ развѣ римлянъ, эти свидѣтельства не являются болѣе скудными и неопредѣленными; ни одинъ народъ не представляетъ большихъ трудностей при изученіи древнѣйшихъ условій его быта.—Причина тому лежитъ однако на лицо. Все, что дошло до насъ о порядкѣ устройства Индусовъ, начиная съ эпохи первоначальнаго заселенія ими Остъ-Индіи, носитъ на себѣ рѣзкую религіозную окраску. Ни одинъ институтъ ихъ древняго права не выступаетъ передъ нами въ его первоначальномъ, такъ сказать, чистомъ видѣ, а лишь въ толкованіи, данномъ ему браминами или жрецами. При такихъ условіяхъ языкъ, случайно занесенныя въ требники старинныя легенды, да немногіе пережитки древнѣйшаго права въ юридическихъ сводахъ—одни проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о материнствѣ и сравнительно позднемъ признаніи патернитета и агнатическаго родства.

Гораздо обильнѣе въ этомъ отношеніи греческій матеріалъ. Неудивительно поэтому, если на основаніи его и была построена впервые теорія материнства. Характеръ матеріала наложилъ однако свою печать и на добытые съ помощью его выводы. Дѣло въ томъ, что прямыхъ свидѣтельствъ о бытѣ Эллиновъ мы не имѣемъ ранѣе эпохи Троянской войны, когда греческіе народы успѣли уже устроиться въ политическія сообщества, имѣли своихъ царей (базилевсовъ), свои собранія старшинъ и народа. Для всей предшествующей эпохи не представляется иныхъ источниковъ, кромѣ миѳологическихъ сказаній: богатыя бытовыми чертами, греческія легенды постоянно смѣшиваютъ однако правду съ вымысломъ, туземное съ чужимъ, привнесеннымъ въ нихъ съ востока. Изслѣдователю не легко разобраться въ этомъ далеко не однокачественномъ матеріалѣ, не легко выдѣлить тѣ именно черты, которыми характеризуется древнѣйшая жизнь грековъ. Несомнѣнно, что народъ всегда рисуетъ бытъ своихъ боговъ чертами собственнаго быта, но несомнѣнно также и то, что въ эту характеристику быта небеснаго привносится много сверхестественнаго. Надо помнить притомъ, что миѳологическія сказанія не являются чѣмъ то навсегда пріуроченнымъ къ извѣстной мѣстности, что они съ легкостью переходятъ съ мѣста на мѣсто, отъ одного народа къ другому, и вполнѣ оправдыва-

ютъ приписываемое имъ современной наукой названіе странствующихъ сказаній, а если такъ, то всегда ли удобно отличить туземное отъ заимствованнаго, и не представляется ли возможности приписать народу, чьи легенды мы изучаемъ, черты чужаго быта, быта того народа, въ средѣ котораго онѣ впервые возникли? Ошибки, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, тѣ самыя, какія были сдѣланы Бахофеномъ при построеніи теоріи материнства. Смѣшивая нерѣдко эллинскія легенды съ восточными, перешедшими къ грекамъ изъ Малой Азіи, и характеризуя подчасъ явленія земной жизни тѣми самыми красками, которыми фантазія Эллиновъ рисовала космическія явленія, облекая ихъ въ божественные образы, Бахофенъ не только повѣрилъ историческому существованію амазонокъ, но и построилъ на этой по своему источнику восточной легендѣ теорію никогда не существовавшаго въ греческой дѣйствительности женовластія, чѣмъ и давалъ поводъ сомнѣваться въ основательности прочихъ его выводовъ. Съ большей критикой отнесся къ тому же матеріалу Макъ-Ленанъ и неудивительно поэтому, если его построенія въ этой области, не отличаясь тою же широтою, представляются несравненно болѣе прочными и незыблемыми.

Изъ населяющихъ Европу арійскихъ народностей, кельты до послѣдняго времени всего менѣе были изучаемы со стороны ихъ древнѣйшаго устройства. Причина тому лежала въ недостаткѣ источниковъ. Чего не въ состояніи были дать ни военные мемуары Юлія Цезаря, ни поздніе сравнительно памятники обычнаго права Бретани и Уэльса, то въ недавнее время доставили намъ трактаты Брегоновъ, изъ которыхъ одинъ восходитъ до эпохи первоначальнаго насажденія христіанства въ Ирландіи и слѣдовательно заключаетъ въ себѣ нормы, несравненно менѣе испытавшія на себѣ иноземныя вліянія, нежели проникнутые правомъ Салическимъ и Карловингскими капитуляріями Кутюмы Бретани или редактированныя въ эпоху англійскаго владычества Leges Wallicae. Изданіе этихъ памятниковъ вызвало, какъ и можно было ожидать, оживленную разработку кельтическаго права, но эта разработка производима была пока приверженцами патріархальной теоріи и не привела поэтому ни къ какимъ результатамъ по вопросу о мате-

ринствѣ кельтовъ. Нашъ соотечественникъ, г. Сокольскій, первый подмѣтилъ въ старинныхъ законахъ Ирландіи существованіе многихъ пережитковъ древняго материнства. Сближая ихъ съ тѣми, какія заключаютъ въ себѣ Валлійскіе источники, онъ попытался обосновать тотъ взглядъ, что родство древнихъ кельтовъ было исключительно когнатическимъ. Эта попытка, какъ единственная въ своемъ родѣ, заслуживаетъ гораздо высшей оцѣнки, чѣмъ та, которую она получила доселѣ. Положенія г. Сокольскаго кажутся вполнѣ обоснованными и я съ своей стороны ониприниманю ихъ всецѣло.

Тому же писателю принадлежитъ и первая попытка провѣрить теорію материнства на основаніи германскихъ источниковъ, свидѣтельствъ Тацита и иныхъ пережитковъ, какіе удержались въ варварскихъ правдахъ. Появившаяся не далѣе, какъ въ прошломъ году, монографія г. Даргуна, представляетъ лишь болѣе полное выполненіе плана, впервые задуманнаго русскимъ ученымъ.

Обозрѣвши такимъ образомъ тотъ матеріалъ, на основаніи котораго можетъ быть рѣшенъ вопросъ о материнствѣ у народовъ арійской семьи, и указавши на разработку, какую онъ нашелъ въ трудахъ европейскихъ и русскихъ ученыхъ, я перехожу въ настоящее время къ констатированію въ частности тѣхъ фактовъ, на которыхъ опирается раздѣляемое мною мнѣніе объ однохарактерности въ этомъ отношеніи процесса развитія арійскихъ и не арійскихъ народностей.

Имѣя въ виду представить въ моемъ опытѣ скорѣе выводы изъ фактовъ, нежели самые факты, я напередъ отказываюсь отъ мысли исчерпать имѣющійся по этому вопросу матеріалъ. Для моихъ цѣлей важнѣе приведеніе немногихъ, бьющихъ въ глаза данныхъ, нежели массы такихъ, которыя бы вызывали на каждомъ шагу разнорѣчіе въ ихъ интерпретаціи. Послѣднее важно для изслѣдователя, впервые подымающаго извѣстный вопросъ, отнюдь не для систематизатора.

Начну мой перечень съ тѣхъ народовъ, въ памятникахъ которыхъ удержалось всего болѣе слѣдовъ материнства—съ кельтовъ и германцевъ. Рѣшительное подтвержденіе той мысли, что родственная связь ребенка съ матерью признавалась у кель-

товъ гораздо ранѣе установленія патернитета, я вижу въ тѣхъ нормахъ древняго ирландскаго и валлійскаго права, которыя говорятъ о порядкѣ признанія извѣстнаго мужчины отцомъ ребенка. Всюду, гдѣ родительская власть вытекаетъ изъ самого факта брачной связи, всюду, гдѣ господствуетъ правило: «pater est quem nuptiae demonstrant», родственныя отношенія новорожденнаго къ отцу возникаютъ помимо всякаго признанія его послѣднимъ. Иное дѣло въ древней Ирландіи и въ герцогствѣ Уэльскомъ. Актъ рожденія вызываетъ здѣсь только ту родственную связь, которую мы называемъ материнствомъ. Непризнанный отцомъ ребенокъ попадаетъ въ родъ матери. Для занесенія его въ родъ отца необходимо, чтобы рожденіе его отъ опредѣленнаго мужчины было доказано женщиной, или чтобы дѣйствительный отецъ, мужъ или любовникъ призналъ его своимъ.

При рожденіи ребенка, читаемъ мы въ книгѣ «Aicill», мужъ обращался къ женѣ съ вопросомъ: чей этотъ ребенокъ? и только въ случаѣ отвѣта: твой, получалъ право считать его своимъ *). Послѣднее, впрочемъ, лишь тогда, если за жену внесенъ былъ имъ выкупъ ея роду. Иначе сынъ считался принадлежащимъ роду матери и права отца на него признавались лишь подъ условіемъ предварительной покупки ихъ послѣднимъ у рода его жены. «Отъ родственниковъ жены зависитъ продать или не продать ихъ, учитъ Ирландскій законовѣдъ, каждый разъ, когда жена взята была у рода силою; если же похищеніе состоялось съ ея согласія, отецъ въ правѣ требовать продажи ихъ ему родомъ жены». Въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ уплата полностью всего, что требуется обычаемъ за ихъ жизнь; иначе говоря, отецъ взноситъ роднымъ жены размѣръ виры, какая бы была уплачена имъ въ случаѣ убійства **). Такое право признается однако, повидимому, лишь тогда, если дѣти уведенной женщины рождены были ею на разстояніи не болѣе одного мѣсяца со времени увода ***). Г-нъ Сокольскій почему-то не обратилъ вниманія на это ограниченіе,

---

*) Anc. Laws of Ireland. T. III, стр. 315.

**) Ibid., стр. 541.

***) The children that are begotten by her outside before a month or

на самомъ дѣлѣ весьма существенное и свидѣтельствующее о томъ, что въ глазахъ комментатора источникомъ, изъ котораго вытекали права рода на новорожденнаго, являлся фактъ зачатія послѣдняго матерью во время совмѣстнаго еще сожительства ея съ родственниками. Тѣсная связь ребенка съ родомъ матери выступаетъ и изъ тѣхъ постановленій ирландскаго права, которыя предвидятъ случай рожденія ребенка лицомъ, или не желающимъ признать его своимъ, или лишеннымъ правъ въ силу гражданской смерти и потому неспособнымъ установить агнатическую связь между новорожденнымъ и собственнымъ родомъ. Послѣдствіемъ отреченія, которое могло быть произведено какъ отцомъ, такъ и, при смерти послѣдняго, главой его рода съ шестью родичами-соприсяжниками, являлось включеніе ребенка въ родъ матери *). То же имѣло мѣсто и при рожденіи ребенка послѣ того, какъ отецъ его объявленъ былъ стоящимъ внѣ закона **). Неудивительно послѣ этого, если въ ряду наслѣдниковъ, мы находимъ въ Ирландіи и такъ назыв. «glasfine» или дѣтей женщины, выданной ея родомъ за чужеродца ***), и если древнее право Уэльса перечисляетъ цѣлыхъ шесть категорій дѣтей, относимыхъ къ роду ихъ матери, и раздѣляющихъ ея общественное положеніе 1) сынъ, отъ котораго законнымъ образомъ: отрекся его отецъ, 2) сынъ, прижитой незамужней женщиной съ согласія ея рода, 3) сынъ дѣвушки, изнасилованной неизвѣстнымъ мужчиной, 4) сынъ свободной, выданной ея родомъ за полусвободнаго (чужеродца, поселеннаго въ Уэльсѣ—allfud'a), 5) сынъ дѣвушки, изнасилованной полусвободнымъ (allfud'омъ), наконецъ, 6) сынъ женщины, отданной въ видѣ залога по обязательствамъ ея отца въ чужую землю и сдѣлавшейся беременной во время пребыванія въ ней ****).

Въ виду той преимущественной роли, какую мать играетъ

---

within the space of a month, belong by right to the family of the mother (стр. 541).

*) Venedotian Code, B. II, ch. XXXI, 18, 19.

**) Aicill (A. L. т. III, стр. 385).

***) A. L., т. IV, стр. 285 и 291.

****) Сокольскій, Къ ученію объ организаціи семьи и родства, стр. 44 и 45.

въ опредѣленіи общественнаго положенія дѣтей, неудивительно, если одинъ изъ комментаторовъ древнѣйшаго трактата Брегоновъ—Сенхусъ Моръ, считаетъ возможнымъ дать слѣдующее толкованіе слову мать—mathoir. Послѣднее, по его мнѣнію, состоитъ изъ двухъ словъ: mo (болѣе) и thoir (помогаетъ), и указываетъ на то, что мать болѣе помогаетъ (ребенку), чѣмъ отецъ *).

При такой тѣсной связи ребенка съ матерью и чрезъ ея посредство съ родомъ послѣдней, неудивительно, если ирландское и кимврійское право, признавая агнатическое родство, въ то же время не устраняютъ и когнатовъ ни отъ участія въ родовомъ самоуправствѣ, ни отъ права получать по крайней мѣрѣ часть виръ, слѣдуемыхъ съ чужеродцевъ, позволившихъ себѣ нарушеніе мира и нанесеніе матеріальнаго вреда. Этому праву соотвѣтствуетъ, съ другой стороны, обязанность участвовать въ платежѣ композицій въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ по обычаю утробный родъ призывается къ полученію ихъ. На все это мы находимъ рѣшительныя указанія какъ въ трактатахъ Брегоновъ, такъ и въ сводахъ Сѣвернаго и Южнаго Уэльса. Послѣдніе опредѣляютъ размѣръ участія рода матери въ платежѣ виры слѣдующимъ образомъ: изъ двухъ третей головщины, падающихъ не на убійцу, его родителей и дѣтей, а на болѣе далекихъ родственниковъ, двѣ трети уплачиваетъ родъ отца, одну треть родъ матери. Получается головщина родичами убитаго въ томъ же порядкѣ, въ какомъ она платится родичами убійцы: часть, поступившую отъ отцовскаго рода убійцы, получаетъ отцовскій родъ убитаго, а часть, выплаченную материнскимъ родомъ убійцы, материнскій родъ убитаго. При этомъ, какъ замѣчаетъ г. Сокольскій, каждый изъ родовъ убійцы заключалъ отдѣльно миръ съ соотвѣтствующимъ родомъ убитаго и миръ этотъ скрѣпляемъ былъ каждый разъ присягою ста лучшихъ мужей изъ рода убитаго, удостовѣрявшихъ, что убійца прощенъ **).

Солидарность каждаго отдѣльнаго лица не съ одними родствен-

---

*) A. L., т. II, стр. 347.

**) Venedotian Code, кн. III, гл. I, §§ 12 и 16.

никами по отцу, но и съ родственниками по матери, выступаетъ не при одной лишь кровной мести и платежѣ головщинѣ. Она даетъ знать о себѣ и въ правѣ кредитора обезпечить уплату долга насильственнымъ захватомъ имущества у родичей не только по отцу, но и по матери *), и въ обязательствѣ утробнаго рода участвовать наравнѣ съ агнатическимъ въ призрѣніи малолѣтнихъ, больныхъ, увѣчныхъ и умалишенныхъ **). Всего слабѣе выступаютъ слѣды первоначальнаго господства у Кельтовъ когнатическаго родства въ той сферѣ юридическихъ отношеній, которая должна быть отнесена къ числу позднѣйшихъ по времени возникновенія—я разумѣю тѣ отношенія, которыя устанавливаются фактомъ владѣнія землею.

Материнскій родъ, какъ мы не разъ уже имѣли случай замѣтить, возникъ въ эпоху, предшествовавшую постоянной осѣдлости и прочно установившемуся землевладѣнію. Удивительно ли, если слѣды его менѣе замѣтны въ этой области, если кодексъ Гвента, напр., считаетъ возможнымъ установить слѣдующее правило: «буде лицо, требующее земельнаго участка въ силу родства, прибѣгнетъ, доказывая послѣднее, три раза къ веретену (т. е. родству по женской линіи), требованіе его признается неосновательнымъ». Тѣмъ не менѣе и въ сферѣ земельныхъ отношеній г. Сокольскому удалось открыть нѣкоторые слѣды материнскаго родства, по крайней мѣрѣ, въ правѣ Уэльса. Родъ матери обязанъ былъ дать земельный надѣлъ дѣтямъ, принадлежность которыхъ отцу или любовнику не могла быть доказана ни ордаліями, ни свидѣтельскими показаніями, дѣтямъ свободной кимрянки, выданной родомъ ея за полусвободного, наконецъ, что всего любопытнѣе, дѣтямъ, утратившимъ доставшійся имъ отъ отца земельный надѣлъ, если причиною такой утраты было поступленіе надѣла въ счетъ головщины, и платежъ послѣдней вызывался дѣйствіемъ, направленнымъ къ отмщенію обидъ, сдѣланныхъ чужеродцемъ одному изъ родичей по матери ***).

---

*) A. L. of Ireland, т. III, стр. 489.
**) A. L. of. Ir., т. I, стр. 261.
***) Venedotian Code, кн. II, гл. IV, § 1.

И такъ, въ разнообразнѣйшихъ сферахъ жизни древнихъ кельтовъ материнство и утробное родство даютъ себя знать въ большей или меньшей степени, то пріобщая къ роду матери непризнанныхъ отцомъ незаконнорожденныхъ, которые при господствѣ одного агнатическаго родства навсегда остались бы безродными, то допуская и законныхъ дѣтей къ участію въ родовомъ владѣніи ихъ когнатовъ, то признавая ихъ связанными обязанностью взаимной помощи и круговой поруки не только съ родомъ отца, но и съ родомъ матери. Въ процессѣ, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются всѣ стороны юридическаго быта даннаго народа, материнство также наложило свою печать въ правѣ сторонъ, доказывать свою правоту присягою не однихъ агнатовъ, но и когнатовъ. Это именно и разумѣетъ ирландскій Сенхусъ Моръ, говоря: въ каждомъ истцѣ и каждомъ отвѣтчикѣ заинтересованы родъ его отца, племенной старшина, церковь и родъ его матери *), заинтересованы не только полученіемъ и соотвѣтственнымъ платежомъ пеней, но и возможностью установить своими показаніями фактъ виновности.

Обосновавши вышеприведенными данными мысль о существованіи нѣкогда материнства и утробнаго родства у Кельтовъ, перехожу къ разсмотрѣнію тѣхъ, какія по занимающему насъ вопросу содержатъ въ себѣ германскіе источники.

Какъ и у Кельтовъ, сожительство мущины съ женщиной не всегда вело у Германцевъ къ установленію отцовской власти на пріобрѣтенный въ немъ приплодъ. Послѣднее имѣло мѣсто лишь тогда, если женихъ вносилъ вѣно за невѣсту, порядокъ, который, какъ доказываетъ почти повсемѣстный переходъ обычая похищать невѣстъ въ обычай платить за нихъ выкупъ, далеко не можетъ считаться древнѣйшимъ. Въ Скандинавскомъ правѣ, по словамъ Вейнгольда, женщина, за которую не было заплачено калыма, продолжала считаться принадлежностью того рода, изъ котораго она была взята, а вмѣстѣ съ нею къ тому же роду причисляемъ былъ и весь ея приплодъ; вотъ почему дѣти изъ такихъ браковъ не имѣли права наслѣдованія въ имуществѣ отца **).

*) A. L. of Ireland, т. I, стр. 261.

**) Die deutschen Frauen im Mittelalter, II-ое изд., I, 320.

Это правило проводимо было нѣкоторыми изъ сѣверныхъ правъ, въ частности Исландскимъ, съ такой послѣдовательностью, что достаточно было жениху не доплатить калыма, чтобы прижитые имъ въ бракѣ дѣти не считались его дѣтьми, и, какъ принадлежащіе исключительно къ роду матери, лишены были права наслѣдованія въ его родѣ *). Съ меньшей наглядностью то же начало выступаетъ и въ Лонгобардскомъ правѣ, въ которомъ, какъ видно изъ Эдикта Ротари **) mundium надъ замужней женщиною могъ принадлежать и не ея мужу, а когнатическому родственнику, и соотвѣтственно этому дѣти, если не при жизни отца, то послѣ его смерти могли вмѣстѣ съ матерью вернуться въ ея родъ. Законодатель прямо разрѣшаетъ такое возвращеніе въ случаѣ, если бракъ заключенъ былъ свободной или полусвободной женщиной съ рабомъ и расторгнутъ смертью послѣдняго ***). Съ другой стороны въ законахъ Ліутпранда право наслѣдованія отцу также не признается безразлично за всѣми дѣтьми, въ какомъ бы бракѣ они ни были прижиты: для этого необходимо, чтобы послѣдній не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые запрещаются закономъ или признаются имъ ничтожными ****)

Весьма существеннымъ доказательствомъ въ пользу господства материнства у древнихъ германцевъ служитъ тотъ фактъ, что дѣти отъ неравныхъ браковъ слѣдуютъ не положенію своего отца, а положенію матери.

Это начало открыто провозглашаютъ законы аллемановъ, лангобардовъ, фризовъ и скандинавскихъ народностей, а также проникнутыепо рмами салическаго права капитуляріи франкскихъ королей *****).

---

*) Dargun. Mutterrecht und Raubehe, стр. 38.

**) tit. 165.

***) tit. 217. Si haldia aut liberta in casa aliena ad maritum intraverit, et servum tulerit, libertatem suam amittat. Et si dominus neglexerit eam, replecare ad servitium, mortuo tamen marito, vadat sibi una cum filiis suis et cum omnis res suas.

****) Liutpr. 32—34, 105.

*****) filii matri sequantur, говоритъ эдиктъ Ротари, предполагая возможность брака между лицами разнаго состоянія—(tit. 219). Салическая правда, какъ видно изъ tit. XIII, считаетъ послѣдствіемъ брака свобод-

Одна лишь рипуарская правда, въ которой Зомъ и слѣдующіе за нимъ германисты видятъ не безъ основанія кодификацію, рядомъ съ обычаями побережныхъ франковъ, салическаго права въ позднѣйшую эпоху его развитія, выставляетъ афоризмъ: худшее общественное положеніе одного изъ супруговъ опредѣляетъ собою состояніе дѣтей *).

Мы видѣли, что у Кельтовъ однимъ изъ пережитковъ прежняго материнства является тотъ фактъ, что незаконнорожденные, не будучи причисляемы къ роду отца, въ то же время не могутъ быть названы безродными, такъ какъ принадлежатъ роду ихъ матери. Въ Скандинавскихъ правдахъ мы находимъ рѣшительное основаніе утверждать, что положеніе незаконнорожденныхъ въ древне-германскомъ обществѣ ничѣмъ существенно не отличалось отъ того, какое они занимали въ кельтическомъ, и это показаніе въ частности датскихъ источниковъ тѣмъ болѣе цѣнно, что народныя правды континентальныхъ нѣмцевъ, по вѣрному замѣчанію Цепфля, хранятъ на этотъ счетъ упорное молчаніе **). Принадлежность къ роду матери находила себѣ наглядное проявленіе въ правѣ незаконнорожденныхъ наслѣдовать въ оставленномъ ею и ея законными дѣтьми имуществѣ; что же касается до отцовскаго имущества, то незаконнорожденные, какъ не принадлежащіе къ его роду, не имѣли на него никакого права. Сводя къ одному все сказанное выше, мы вправѣ придти къ слѣдующимъ выводамъ. Въ эпоху редактированія германскихъ правдъ бракъ не всегда приводилъ къ установленію отцовской власти по отношенію къ рожденнымъ въ немъ дѣтямъ; для этого требовалось, чтобы женщина и имѣющій произойти отъ нея приплодъ были пріобрѣтены

наго съ рабой потерю виновнымъ его прежняго состоянія, а слѣдовательно и принадлежность дѣтей къ роду матери. См. capit. olon. III a. 823 § 4. (Pertz Mon. L. I, 236. Lex Fris. Tit. VI. Lex Alam. Illoth. Tit. XVIII. (Dargun, стр. 32 и слѣд.)—Seeländische Gesetze III, 12 свидѣтельство епископа Sunesen 1201 — 227. Matris conditionem sequitur semper partus (ibid., стр. 39).

*) Lex Rib. Tit. LVIII.

**) Kolderup—Rosenvinge. Dänische Rechtsgeschichte, стр. 60. Zöpfl, D. Rechtsgeschichte, т. III, стр. 25.

мужемъ покупкой у ея родни, а такой порядокъ заключенія брака сравнительно поздняго происхожденія. Ему предшествуетъ во времени бракъ уводомъ, не сопровождавшійся признаніемъ за мужемъ правъ опекуна или такъ называемаго mundium; ему предшествовали и тѣ свободныя связи, которыя послѣдующее право признаетъ незаконными. Въ обоихъ случаяхъ за отцомъ не признавалось правъ на приплодъ, и послѣдній всецѣло принадлежалъ роду матери. — Преобладающее значеніе, какое связь ребенка съ матерью, какъ ранѣе возникшая, должна была удержать сравнительно съ связью его съ отцомъ, выступаетъ также и въ томъ, что при неравенствѣ состояній общественное положеніе ребенка опредѣляется не его отцомъ, а его матерью. Еслибы когнатическое родство достигло признанія позже родства агнатическаго, необходимо имѣло бы мѣсто обратное, т. е. положеніе отца опредѣляло бы собою и положеніе ребенка. Изъ того же факта признанія отеческой власти только за лицомъ, пріобрѣтшимъ право считаться опекуномъ жены, ея mundoald'омъ, вытекаетъ и то послѣдствіе, что родительская власть у древнихъ германцевъ, какъ и у кельтовъ, порождается не столько фактомъ участія мущины въ рожденіи ребенка, сколько принадлежностью ему власти надъ женою (mundium). Всего откровеннѣе проводитъ это начало аллеманская Правда. Предвидя случай похищенія жены у ея мужа и послѣдующаго рожденія ею ребенка, законъ аллемановъ отказывается признать за дѣйствительнымъ отцомъ права родительской власти и предоставляетъ ее всецѣло мужу, какъ послѣдствіе его правъ надъ женою, его mundium'a. Non sint, говоритъ титулъ 51, illius qui eos genuit, sed ad illum priorem maritum mundio pertineant. *)

Но если mundium одинъ является источникомъ установленія извѣстныхъ правъ на ребенка, то неудивительно, что лицо, которое ранѣе установленія браковъ покупкою являлось обыкновеннымъ mundoald'омъ жены (я разумѣю ея дядю или брата) должно было играть первенствующую роль въ ряду другихъ родственниковъ, если, какъ прямо утверждаетъ это Тацитъ, связь даннаго лица съ дядею его матери (съ его avunculus) считалась

*) См. Lex Alam. въ изд. Меркеля (Pertz Mon).

многими германцами болѣе священной, чѣмъ связь его съ отцомъ *); если поэтому убійство дяди или брата по матери признаваемо было за преступленіе болѣе тяжкое, чѣмъ убійство отца или мужа. Послѣднее воззрѣніе наглядно выступаетъ какъ въ сѣверныхъ Сагахъ, такъ и въ Нибелунгахъ. Сплошь и рядомъ женщины и дѣти въ нихъ соглашаются отомстить на мужѣ и отцѣ убійство ихъ брата, дяди по матери; ни разу не упоминается объ убійствѣ послѣдняго, которое, очевидно, казалось въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, столь же противуестественнымъ, какъ и убійство самой матери. Вступленіе въ бракъ съ убійцею брата — Эдда считаетъ величайшимъ стыдомъ **). Читая Нибелунги, говоритъ Бахофенъ ***), легко убѣждаешься въ томъ, насколько родство женщины съ братомъ ставилось ею выше связи ея съ мужемъ. Гудруна и не думаетъ о томъ, чтобы отомстить братьямъ за смерть своего мужа Сигурда, который, умирая, утѣшаетъ ее тѣмъ, что братья ея остались въ живыхъ. По выходѣ вторично замужъ за Ати, брата Брунгильды, Гудруна ни на минуту не останавливается передъ мыслью отомстить на немъ убійство своихъ братьевъ и закалываетъ его собственной рукой. Обязанность мести существуетъ не между одной только сестрой и ея братомъ, обычай распространяетъ ее и на взаимныя отношенія племянниковъ и дядей по матери. Григорій Турскій приводитъ, между прочимъ, слѣдующій случай, рѣшительно подтверждающій такой взглядъ. Нѣкто, по имени Нантгинъ, добивается надѣленія его Ангулемскимъ графствомъ по той лишь причинѣ, что занятіе въ немъ высшей должности облегчитъ ему раскрытіе дѣйствительнаго виновника смерти его дяди

---

*) Sororum filiis idem apud avunculum quam apud patrem honor. Quidam sanctiorem arctioremque hunc nexum sanguinis arbitrantur (Germ. c. 20).

**) Schweig Idun. Von allen Frauen
Mein ich dich die Männertollste:
Du legtest die Arme, die leuchtenden gleich
Um den Mörder eines Bruders.

(Dargun, стр. 53),

***) AntiquarischeBriefe; vornehmlich zur Kenntniss der ältesten Verwandtschaftsbegriffe. Strassburg. 1880 г., стр. 178.

по матери; разъ добившись назначенія, онъ вскорѣ затѣмъ узнаетъ, что дядя его убитъ епископомъ Марахаръ, который затѣмъ и подвергается имъ цѣлому ряду преслѣдованій *).

Не разъ упомянутый нами нѣмецкій ученый Даргунъ приводитъ не одинъ фактъ въ подтвержденіе той мысли, что дядя по матери сплошь и рядомъ является у германцевъ въ роли опекуна надъ малолѣтнимъ и по этой причинѣ нерѣдко занимаетъ постъ регента, что на него падаетъ обязанность выдавать замужъ своихъ племянницъ, дочерей сестры, что ему нерѣдко поручается воспитаніе племянниковъ, которые чаще всего получаютъ при крещеніи его имя, что занятая дядею должность сплошь и рядомъ замѣщается по смерти послѣдняго сыномъ его сестры **).

Неудивительно послѣ этого, если частныя лица, вмѣсто того, чтобы называться по отчеству, нерѣдко упоминаются въ источникахъ, какъ племянники ихъ дядей по матери, что совершенно было бы немыслимо при современной системѣ обозначенія родства ***).

Выдающаяся роль материнской родни въ сферѣ семейныхъ отношеній сама собою ставитъ на очередь вопросъ о томъ, не принадлежатъ ли, по крайней мѣрѣ, ближайшіе къ покойнику члены послѣдней къ числу его наслѣдниковъ и не участвуютъ ли они какъ въ уплатѣ, такъ и въ полученіи части виры или композицій, наконецъ, не принадлежитъ ли имъ извѣстная роль и на судѣ въ рядахъ подкрѣпляющихъ показанія родственника соприсяжниковъ?

Отвѣчая прежде всего на первый вопросъ, мы должны сказать, что согласно салической Правдѣ при наслѣдованіи недвижимой собственности мать, тетка и дядя по матери стоятъ не только въ числѣ наслѣдниковъ, наряду съ столь же близкими родственниками по отцу, но и предшествуютъ обыкновенно послѣднимъ въ порядкѣ наслѣдованія; въ древнѣйшихъ же редакціяхъ, носящихъ названіе Pactus legis Salicae, о наслѣдованіи отца и его боковыхъ родственниковъ вовсе не упоминается,

*) Dargun, стр. 56.
**) Ibid., стр. 57.
***) Ibid., стр. 57.

тогда какъ мать слѣдуетъ въ порядкѣ преемства непосредственно за дѣтьми, а сестра матери (тетка) непосредственно за братомъ и сестрою *).

Въ свою очередь первенство сестры передъ братомъ при наслѣдованіи собственности, которое одинаково выступаетъ какъ въ Салической правдѣ, такъ и въ законахъ Туринговъ, находитъ объясненіе себѣ въ томъ преимущественномъ значеніи, какое признаваемо было за женщиной какъ единственной продолжательницей рода **), и слѣдовательно косвенно свидѣтельствуетъ о признаніи нѣкогда германцами одного материнства.

Преимущество утробнаго родства надъ кровнымъ еще съ большею рѣзкостью выступаетъ въ титулѣ de reipus, рѣшающемъ вопросъ, кому послѣ смерти мужа долженъ поступить калымъ его вдовы? — Прежде всего это право признается за старшимъ сыномъ сестры, затѣмъ за сыномъ племянницы, матерью которой была бы сестра; третье мѣсто въ порядкѣ преемства занимаетъ consobrinae filius, четвертое «Avunculus frater matris», и только за ними слѣдуютъ отцовскіе родственники, прежде другихъ его братъ ***).

Переходя къ роли материнскихъ родственниковъ въ преслѣдованіи преступленій, взысканіи и платежѣ виръ, мы считаемъ возможнымъ вполнѣ присоединиться къ тому, что сказано было на этотъ счетъ г. Сокольскимъ. «Принадлежность къ родовому союзу, говоритъ русскій ученый, опредѣляется, какъ извѣстно, главнымъ образомъ правомъ мести и выкупа. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть сомнѣнія, что германская замужняя жен-

*) Tit. LVIII de alodis. Cp. Waitz Das alte Recht der Salischen Franken, стр. 108. Fehlen aber Kinder so folgt nach dem alten Text die Mutter, nur die Mutter, nicht auch der Vater. Man hat gemeint der Vater habe sich von selbst verstanden, dagegen sei die Zulassung der Mutter zum Erbe ein neues gewesen und eben deshalb hier hbvorgehoben worden. Allein so verfährt das Gesetz in der Tat nirgends und sollte der Vater folgen können, so musste er genannt sein, wie denn auch alle späteren Texte ihn hinzufügen. Такими же соображеніями объясняетъ Вайцъ и тотъ фактъ, что въ рядахъ наслѣдниковъ стоитъ одна лишь тетка по матери, а не по отцу.

**) Dargun, стр. 56.

***) Lex salica, tit XLIV. Cod. I.

щина продолжала принадлежать къ своему прирожденному племени (точнѣе роду). По англо-саксонскимъ законамъ право мести за замужнюю женщину и право полученія за нее виры принадлежитъ не мужу или его роду, а ея прирожденной семьѣ. Равнымъ образомъ за правонарушенія, совершенныя замужней женщиной, отвѣтствуютъ не родичи мужа, а кровные родичи самой женщины. Наконецъ вира женщины опредѣляется согласно состоянію не мужа, а отца или брата. По исландскому и норвежскому праву мужъ мститъ за жену и получаетъ за нее виру, но не одинъ, а вмѣстѣ со своими взрослыми сыновьями и родичами жены. Подобныя начала встрѣчаются и въ правѣ шведскомъ и датскомъ, только здѣсь права родичей жены болѣе ограничены. Что касается германскихъ leges barbarorum средней и южной Европы, то въ большинствѣ ихъ между лицами, имѣющими право на выкупъ за женщинъ, мужъ не упоминается. Въ виду этого положительно невѣрно мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые утверждаютъ, что noleges barbarorum вира за жену взималась мужемъ. Въ одномъ только лангобардскомъ правѣ вира за жену идетъ исключительно въ пользу мужа, если послѣдній пріобрѣлъ законнымъ образомъ mundium надъ нею отъ ея родичей. Впрочемъ, это положеніе можетъ разсматриваться, какъ возникшее не задолго до преданія письму лангобардскихъ законовъ. На это указываетъ то обстоятельство, что несмотря на то, что вира идетъ въ пользу мужа, размѣръ ея опредѣляется не по состоянію мужа, а по состоянію брата» *).

Участіе материнскихъ родственниковъ въ платежѣ виры или композицій съ наибольшей наглядностью выступаетъ изъ того титула Салической правды, который говоритъ о случаѣ, когда у виновнаго не окажется средствъ ко взносу головщины и онъ, ссылаясь на родство, возложитъ на своихъ родственниковъ обязанность ея уплаты, для чего закономъ предписывается совершеніе извѣстнаго обряда. Какіе, спрашивается, родственники призываются къ уплатѣ головщины: одни ли родственники по отцу или также и утробные родственники и если тѣ и другіе вмѣстѣ,

*) Къ ученію объ организаціи семьи и родства, стр. 59 и 60.

то въ какомъ порядкѣ преемства: Кодексъ I изданія Гессельса и Керна, т. е. одна изъ древнѣйшихъ, если не древнѣйшая редакція, упоминаетъ отца, братьевъ и затѣмъ трехъ родичей по матери и трехъ по отцу. Въ кодексахъ, начиная отъ 3-го и оканчивая десятымъ, въ числѣ родственниковъ, призываемыхъ къ уплатѣ виры, стоитъ сестра матери и, что весьма характерно, она въ порядкѣ преемства слѣдуетъ раньше собственныхъ дѣтей преступника. Въ одной рукописи упоминается даже о дѣтяхъ сестры, какъ объ участникахъ въ платежѣ композиціи.

Мы не разъ уже имѣли случай замѣтить, что господствующая у народа система родства сказывается и въ сферѣ процессуальнаго права въ томъ, что одни родственники предпочтительно предъ другими призываются къ принесенію на судѣ очистительной присяги въ пользу той изъ сторонъ, на которую будетъ возложено бремя доказательствъ. Неудивительно поэтому, если порядокъ, въ которомъ родственники допускаются судомъ къ соприсягѣ съ истцомъ или отвѣтчикомъ, самъ является указателемъ существованія въ обществѣ той или другой системы родства. Спрашивается, что говорятъ намъ на этотъ счетъ тѣ нормы германскаго права, которыя упоминаютъ о коньюраторахъ или соприсяжникахъ?

«Изъ положеній, заключающихся въ одномъ изъ такъ называемыхъ capita extravagantia салическаго закона, говоритъ г. Сокольскій, можно заключить, что у франковъ салическихъ родичи по матери призывались въ соприсяжники на равномъ основаніи съ агнатами. Въ разсматриваемомъ законѣ идетъ рѣчь о томъ случаѣ, когда кто либо уличается, что онъ не свободный человѣкъ, а рабъ. Уличаемый можетъ очистить себя при помощи соприсяжниковъ слѣдующимъ образомъ. Если обвинителемъ является кто изъ рода отца, обвиняемый ставитъ семь свидѣтелей изъ рода матери, ближайшихъ ему по крови, и четверыхъ изъ рода отца. При обвиненіи же его материнскими родственниками достаточно трехъ свидѣтелей (соприсяжниковъ) съ отцовской стороны и четверыхъ съ материнской *).

Итакъ во всѣхъ сферахъ древняго права Германцевъ мы

*) Сокольскій. Къ ученію объ организаціи семьи и родства, стр. 87.

находимъ слѣды материнства. Едва ли поэтому можетъ остаться какое сомнѣніе въ томъ, что послѣднее лежало въ основѣ ихъ древнѣйшаго устройства, и что изъ него всецѣло вытекали какъ первоначальныя родственныя отношенія, такъ и древнѣйшіе союзы круговой поруки, извѣстные подъ наименованіемъ родовъ. Иначе говоря, нѣтъ основанія думать, что процессъ общественнаго развитія Германцевъ уклонился отъ того общаго хода его, какой указанъ былъ нами въ предшествующей главѣ, и наоборотъ имѣется полное право утверждать, что подобно кельтамъ, они начали свое поступательное движеніе въ исторіи съ эпохи господства когнатическихъ родовъ.

Переходя къ славянамъ, я замѣчу прежде всего, что ни въ бытовыхъ памятникахъ, ни въ юридическихъ источникахъ славянъ—я не могу указать ни одного факта, который бы свидѣтельствовалъ непосредственно о существованіи у нихъ нѣкогда одного материнскаго родства. Съ другой стороны можетъ быть указанъ цѣлый рядъ такихъ, которые стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ признаніемъ патріархальной семьи и агнатическаго родства за исходные моменты правоваго развитія славянъ. Самымъ крупнымъ изъ этихъ фактовъ является встрѣчающееся въ древнѣйшихъ спискахъ Русской Правды, и въ частности въ спискѣ академическомъ, упоминаніе въ числѣ мстителей — «сестрина сына», очевидно,—лица не одного рода съ потерпѣвшимъ, состоящаго съ нимъ въ кровной связи не по отцу, а по матери. Будемъ ли мы понимать 1-ю ст. Русской Правды въ томъ смыслѣ, что въ ней перечислены всѣ лица, допускаемыя закономъ къ кровомщенію; или же наоборотъ, станемъ толковать ее такимъ образомъ, что перечисленные въ ней родственники не исключаютъ возможности другихъ мстителей, и что перечисленіе ихъ не болѣе, какъ примѣрное:—мы все же не въ состояніи будемъ дать другаго объясненія участію сестрина сына въ мести, кромѣ того, что въ эпоху редактированія названныхъ списковъ между братомъ и происходящимъ отъ сестры потомствомъ существовали тѣ тѣсныя родственныя связи, какія, какъ мы знаемъ, продолжаютъ держаться всюду, какъ послѣдствія нѣкогда господствовавшаго материнства. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ позднѣйшихъ спискахъ той же Правды,

такъ напр. въ спискѣ Карамзинскомъ, слова:—«сестрину сынови»—замѣнены словами:—братню сынови»—, что въ свою очередь не мало укрѣпляетъ въ насъ увѣренность въ томъ, что признаваемое древнѣйшими списками участіе когнатовъ въ кровомщеніи не есть позднѣйшее нововведеніе законодателя, а запись исконнаго обычая, отмѣненнаго на разстояніи немногихъ поколѣній тѣмъ же законодателемъ.

Въ связи съ тѣмъ значеніемъ, какое «сестринъ сынъ» занимаетъ еще въ Русской Правдѣ, не лишено интереса и то обстоятельство, что въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ отношенія брата и сестры представляютъ несравненно бо̀льшую близость, чѣмъ та, какая характеризуетъ собою эти отношенія у современныхъ народностей Европы. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи Бахофенъ обращаетъ вниманіе на этотъ фактъ, такъ какъ видитъ въ немъ указаніе на архаическіе порядки. Дѣлаемая имъ догадка пріобрѣтаетъ большое вѣроятіе въ виду полнаго ея соотвѣтствія съ тѣмъ, что говоритъ на этотъ счетъ Русская Правда въ упомянутой нами 1-й статьѣ. Изъ цитируемыхъ Бахофеномъ пѣсенъ видно, что сербы считали отношенія брата и сестры столь же тѣсными, какъ и отношенія мужа къ женѣ. Эпитетъ брату—«любимѣйшій»; о сестрѣ говорится, какъ «о несокрушимой твердынѣ для души брата». Величайшимъ несчастіемъ признаетъ сербскій народъ отсутствіе сестры у брата и наоборотъ. Однимъ изъ самыхъ страшныхъ заклинаній считаютъ потому сербы клятву братомъ или клятву сестрою. Слѣдующій отрывокъ, какъ нельзя лучше, подкрѣпляетъ все сказанное. Въ пѣснѣ, озаглавленной «братья», сынъ обращается къ матери съ укоромъ: «зачѣмъ не дала ты мнѣ брата, зачѣмъ не дала дорогую сестру? Когда стали дѣлиться со мной прочіе товарищи (члены одной задруги), каждый клялся—кто братомъ, кто сестрою; я же принужденъ былъ принесть присягу своимъ оружіемъ и своимъ конемъ» *).

Извѣстно, что фиктивное родство и создаваемыя имъ обязательства являются снимкомъ съ родства фактическаго, а слѣдовательно могутъ служить косвеннымъ указаніемъ тому, какъ

*) Antiquarische Briefe, Страсбургъ, 1880 г., стр. 167.

понималось это послѣднее въ ту отдаленную эпоху, когда зараждался процессъ юридическаго творчества, благодаря широкому обращенію къ аналогіямъ. Одной изъ самыхъ тѣсныхъ связей южные славяне считаютъ ту, какая существуетъ между такъ наз. побратимами и посестримами. Отношенія подобнаго рода, какъ показываетъ Краусъ, обыкновенно возникаютъ въ виду того, что дѣвушка, не рѣшаясь пуститься въ путь одинокой, избираетъ себѣ въ лицѣ своего спутника покровителя и защитника, обязаннаго оберегать ея дѣвственную чистоту и непорочность ото всѣхъ и каждаго, и прежде всего отъ увлеченій собственнаго темперамента. Отношенія эти такъ близко стоятъ къ отношеніямъ брата и сестры, что не далѣе полустолѣтія назадъ бракъ между «побратимомъ» и «посестримой» строго запрещаемы были обычаемъ *). Въ томъ фактѣ, что всякія интимныя, дружескія отношенія между лицами разнаго пола подводятся славянами подъ отношенія брата и сестры, нельзя не видѣть указанія на то, что между обоими существовала издревле та тѣсная родственная связь, о юридическихъ послѣдствіяхъ которой говоритъ намъ Русская Правда, упоминая о племянникѣ по сестрѣ, какъ о возможномъ кровникѣ.

Въ памятникахъ народной поэзіи и письменности разсѣяны нѣкоторыя черты того порядка отношеній, какой извѣстенъ подъ наименованіемъ материнскаго родства. Начать съ того, что объ отцахъ многихъ изъ нашихъ богатырей, и въ числѣ другихъ Добрыни Никитича, въ былинахъ ничего не говорится и, наоборотъ, о матеряхъ ихъ заходитъ рѣчь на каждомъ шагу. Тогда какъ въ позднѣйшихъ по времени произведеніяхъ народной словесности сынъ всегда находитъ совѣтъ и заступничество въ лицѣ своего отца, въ сказаніяхъ о Добрынѣ Никитичѣ, напримѣръ, роль отца всецѣло занимаетъ мать (Намельоа Тимоѳеевна); она даетъ Добрынѣ добрые совѣты, она же помогаетъ ему избавиться отъ чаръ околдовавшей его красавицы, снова сдѣлаться изъ тура, въ какого онъ обращенъ былъ въ силу ея заклинаній, въ прежняго героя богатыря.

---

*) Krauss, Sitte und Brauch der Süd-Slaven, стр. 640.

Матушка Добрынюшкѣ наказывала.
Государыня Никитичу говаривала:
Ты ходи гуляй по городу по Кіеву,
По всѣмъ улицамъ ходи и переулочкамъ,
Не завертывай во улицу Игнатьевку
Во тѣ во переулочки Маривчаты
Тамъ живетъ Маришка стравница,

. . . . . .

Извела она девяти молодцевъ,
Изведетъ тебя Добрынюшку десятаго

Когда Маришка обратила Добрыню подобно прежнимъ своимъ девяти любовникамъ въ тура, та же Намельфа Тимоѳеевна, пришедъ къ Маришкѣ, приказываетъ ей

Подитко ты во чисто поле,
Приведи-тко ты десять туровъ,
Поверни-ко добрыми молодцами:
А не повернешь добрыми молодцами,
Оберну тебя сорокой погуменною
И летай-ко ты вѣкъ да и пó вѣку

. . . . . .

Отыскала Маришка десять туровъ,
Тая Добрынина матушка
Повернула добрыми молодцами
И взяла-то млада Добрынюшку съ собой. *)

Если прибавить къ сказанному, что въ былинахъ, какъ и въ начальной нашей лѣтописи, отношенія мужчины къ женщинѣ всего чаще носятъ характеръ временныхъ связей, мало содѣйствовавшихъ, очевидно, развитію патернитета, то немудрено будетъ заключить, что характеризуемые ими порядки всего ближе отвѣчаютъ тому представленію, какое мы имѣемъ о материнскомъ родѣ.

И историческій Добрыня, о которомъ упоминаетъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», этотъ дядя по матери, являющійся ближайшимъ совѣтникомъ и соправителемъ Владиміра, является ли-

*) Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ, часть II, стр. 12.

цомъ, возможнымъ скорѣе на почвѣ материнскаго, нежели агнатическаго рода. Почему бы, спрашивается, не искать Владиміру поддержки и совѣта у отцовской родни, если бы по понятіямъ того времени вслѣдъ за братьями, которыхъ лѣтописецъ рисуетъ намъ открытыми врагами Владиміра, ближайшимъ къ нему родственникомъ не являлся дядя по матери!

Я не рѣшаюсь восполнить этотъ незначительный перечень фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ материнству, еще тѣми, какіе заключаетъ въ себѣ краледворская рукопись, и въ частности встрѣчающійся въ ней судъ Любуши. Доказанная нынѣ подложность этого акта лишаетъ насъ возможности видѣть въ той выдающейся роли, какую играетъ въ немъ женщина (Любуша), правитель и судья своего народа, новое доказательство противъ господства въ древнѣйшій періодъ славянской жизни патріархальной семьи и агнатическаго рода; гораздо большее значеніе имѣетъ для насъ записанное начальнымъ лѣтописцемъ сказаніе объ Ольгѣ правительницѣ. Оно, очевидно, могло возникнуть лишь въ средѣ народа, у котораго женщина не состояла подъ той вѣчной опекой, какую Мэнъ и послѣдователи патріархальной теоріи связываютъ съ фактомъ господства на первыхъ же порахъ основанной на manus или на власти мужа надъ женою индивидуальной семьи. *)

Изъ древнихъ народовъ Греки, сказали мы, раньше другихъ обратили на себя вниманіе ученыхъ, заинтересованныхъ въ судьбахъ материнства.—Уже одно это обстоятельство косвенно указываетъ на то, какой обильный матеріалъ представляетъ легендарный періодъ ихъ жизни по занимающему насъ вопросу. Прибавимъ, что матеріалъ этотъ обслѣдованъ всесторонне такими писателями, какъ Бахофенъ или Макъ-Ленанъ, что въ результатѣ доводитъ нашу собственную работу въ данномъ отдѣлѣ до самыхъ скромныхъ размѣровъ. Измѣняя нѣсколько тотъ порядокъ, въ которомъ упомянутые мною ученые располагаютъ имѣющіяся въ ихъ распоряженіи данныя, я укажу прежде всего на то, что позднее возникновеніе у грековъ патернитета

---

*) Ср. The patriarchal theory by Mac. Lennau, глав. VI, стр. 71 и слѣд.

и признаніе ими на первыхъ порахъ одного утробнаго родства заносится, какъ историческій фактъ древними анналистами, Послѣдніе пріурочиваютъ даже къ опредѣленнымъ событіямъ замѣну стариннаго обычая обозначать дѣтей по имени матери и приписываютъ установленіе постояннаго брака съ вытекающей изъ него властью отца надъ дѣтьми хорошо извѣстнымъ историческимъ дѣятелямъ. Такъ, по Варрону, напр. *), запрещеніе давать новорожденнымъ имя матери должно быть отнесено къ эпохѣ самаго основанія Аѳинъ, ко временамъ перваго царя Кекропса; по словамъ Юстина, тому же лицу должно быть приписано и установленіе въ Аттикѣ постоянныхъ браковъ, фактъ, тѣсно связанный, какъ мы видѣли, съ замѣною матернитета отчествомъ. Что объ Аѳинянахъ повѣствуютъ Варронъ и Юстинъ, то о Беотійцахъ говоритъ Страбонъ, изъ словъ котораго также не трудно заключить, что древнѣйшимъ порядкомъ исчисленія родства у нихъ былъ счетъ поколѣній, отдѣляющихъ данное лицо отъ бабки или прабабки его матери. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими показаніями стоятъ тѣ, которыя Плутархъ даетъ намъ о Критянахъ, а Павзаній о Мессинцахъ, когда говорятъ объ обозначеніи ими ихъ родины не наименованіемъ отечества, иначе говоря, землей отца, а описательно-материнскою землею. Прибавивъ къ этому обозначеніе многихъ мѣстностей въ Греціи женскими именами, какъ, напр., Саламина, Кореира, Эгина, что въ свою очередь свидѣтельствуетъ о происхожденіи ихъ древнѣйшихъ поселенцевъ отъ женщинъ, мы получаемъ въ общемъ результатѣ представленіе о женской филіаціи, какъ о предшествовавшей во времени мужской.

Это заключеніе находитъ себѣ рѣшительное подтвержденіе при изученіи цикла греческихъ легендъ, какъ тѣхъ, которые связаны съ именемъ Гомера, какъ и тѣхъ, которые послужили матеріаломъ для греческихъ трагиковъ. Въ Иліадѣ и Одиссеѣ на каждомъ шагу наталкиваешься на фактъ признанія родства между единоутробными при отрицаніи его между единокровными братьями.

Ликаонъ считаетъ возможнымъ упрашивать о помилованіи его

---

*) Въ передачѣ Августиномъ De civitata Dei, XVIII, 9.

Ахилломъ, мстящимъ за смерть Патрокла, на томъ основаніи, что онъ рожденъ не отъ одной женщины съ Гекторомъ, убійцею его друга, и Ахиллесъ не находитъ инаго отвѣта въ защиту своего поведенія, кромѣ того, что онъ рѣшился не щадить никого изъ дѣтей Пріама. Елена объясняетъ себѣ отсутствіе въ греческомъ лагерѣ Кастора и Поллукса тѣмъ соображеніемъ, что они ея братья по матери, не смѣющіе, поэтому, начать противъ нея вражды. Величайшей утратой, какая можетъ быть понесена человѣкомъ, Гомеръ считаетъ, какъ видно изъ словъ, влагаемыхъ имъ въ уста Аполлона, сперва потерю единоутробнаго брата, а затѣмъ уже сына. Если прибавить къ сказанному, что ни Иліада, ни Одиссея ни разу не упоминаютъ объ агнатахъ, какъ о родственникахъ, то не трудно будетъ прійти къ тому заключенію, что въ героическій періодъ греческой жизни основою родства служила одна связь съ матерью, и понятнымъ станетъ, почему ближайшій ея когнатъ—старшій братъ, считался ближайшимъ родственникомъ и имѣлъ то же первенствующее значеніе, какое по словамъ Тацита принадлежало ему у древнихъ германцевъ.

Въ позднѣйшихъ по времени легендахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ законодательныхъ памятникахъ исторической Греціи, мы находимъ еще явные слѣды переживанія только что указанныхъ отношеній. У Эсхила, который такъ вѣрно передаетъ въ своихъ трагедіяхъ духъ древнихъ сказаній, Эринніи, упорно отстаивая, какъ значится въ текстѣ, «старинныя воззрѣнія», долго не хотятъ согласиться съ молодыми богами, что убійца матери Орестъ долженъ быть оправданъ, такъ какъ онъ не одного съ нею рода. Эта теорія является для нихъ новинкою, въ и защиту ея Аполлонъ долженъ привести то соображеніе, будто дѣйствительнымъ виновникомъ рожденія слѣдуетъ признать одного отца. Если въ сказаніяхъ объ Орестѣ мы присутствуемъ при самомъ зарожденіи, такъ сказать, теоріи патернитета и агнатическаго родства, то въ легендѣ о Мелеагрѣ передъ нами воочію выступаютъ еще характерныя черты материнскаго рода. Мать Алтея не боится призвать смерть на голову собственнаго сына, виновнаго въ убійствѣ ея брата по матери; очевидно, потому, что связь съ послѣднимъ считается самою тѣсною и наиболѣе священной.

Я сказалъ, что въ нѣкоторыхъ законодательныхъ нормахъ также проглядываютъ черты стариннаго материнства. Говоря это, я разумѣлъ въ частности слѣдующій аѳинскій законъ, приведеніемъ котораго я и закончу перечень данныхъ въ пользу защищаемой здѣсь теоріи. Въ Аѳинахъ бракъ между братомъ и его единокровной сестрой считался дозволеннымъ. Что было запрещено, такъ это союзы между единоутробными родственниками по крайней мѣрѣ въ первой степени. Не свидѣтельствуетъ ли этотъ сравнительно поздно встрѣчаемый нами фактъ о томъ, съ какимъ упорствомъ продолжали держаться въ греческомъ обществѣ отдѣльныя черты когнатическаго рода? *).

Тогда какъ греческая жизнь въ ея древнѣйшемъ періодѣ представляетъ сравнительно богатую поживу для построенія теоріи когнатическаго рода, римская, при ближайшемъ ея изученіи, только оправдываетъ воззрѣнія тѣхъ сравнительно немногихъ писателей, которые не видятъ въ ней ничего, что бы противорѣчило признанію материнства исходнымъ моментомъ въ развитіи родства. Едва ли нужно останавливаться на той мысли, что причина указаннаго отличія лежитъ не въ самыхъ особенностяхъ древней жизни римлянъ, а въ недостаточности нашихъ свѣдѣній о ней. Еслибы мы располагали по отношенію къ Римлянамъ такимъ же цикломъ сказаній, какой представляютъ Иліада и Одиссея, еслибы наши свѣдѣнія о древнѣйшемъ бытѣ ихъ не почерпаемы были всецѣло изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ XII таблицъ и далеко не полныхъ показаній анналистовъ и законовѣдовъ, то мы несомнѣнно нашли бы въ условіяхъ римской дѣйствительности рѣшительное подтвержденіе высказываемымъ здѣсь взглядамъ. Дѣлать такое предположеніе мы въ правѣ потому, что и при современномъ недостаткѣ нашихъ свѣдѣній мы все же наталкиваемся на фактъ существованія у римлянъ въ древнѣйшую эпоху ихъ жизни такихъ порядковъ, которые могли мириться только съ господствомъ материнскаго родства. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести прежде всего отсутствіе у большей половины римскихъ гражданъ, у плебеевъ, justae nuptiae, по пред-

*) Всѣ эти факты заимствованы изъ статьи Макъ-Ленана, озаглавленной Kinship in Ancient Greece и повторяющей во многомъ факты и выводы, приводимые Бахофеномъ въ его Mutterrecht.

положенію Bernhöft'a *) заключаемаго покупкою брака, и установленіе послѣдняго путемъ простаго сожительства (usus). На это указываетъ и извѣстный текстъ «connubia promiscua habent more ferrarum», занесенное Діонисіемъ, и преданіе, будто въ Римѣ издревле было двѣ группы людей, одни, которые могли указать на отца и потому именовались патриціями, другіе, которые не могли этого сдѣлать и назывались плебеями. Хотя Діонисій и считаетъ нужнымъ провесть наперекоръ этому преданію ту мысль, что различіе между патриціями и плебеями создано богатствомъ и бѣдностью, но Жиро Телонъ какъ мнѣ кажется, вполнѣ удачно проводитъ тотъ взглядъ, что оба объясненія не стоятъ въ противорѣчіи одно съ другимъ, такъ какъ агнатическое родство, какъ показываетъ примѣръ нѣкоторыхъ племенъ бывшихъ американскихъ владѣній Россіи, развивается прежде всего въ средѣ болѣе богатой части населенія, при чемъ бѣднѣйшая остается вѣрной архаическому материнству **).

У плебеевъ такимъ образомъ мы находимъ два признака материнскаго рода—отсутствіе браковъ, которые бы устанавливали власть мужа надъ женою (manus) и вытекающій отсюда недостатокъ отеческой власти, т. е. правъ отца на приплодъ купленной и состоящей подъ его началомъ жены.

Къ этимъ двумъ указателямъ материнства прибавимъ свидѣтельство Папиніана о томъ, что право жизни и смерти, характеризующее собою отцовскую власть въ Римѣ, установлено закономъ царей, lex regia ***). Если въ немъ, какъ и въ одноха-рактерномъ свидѣтельствѣ Варрона о Кекропсѣ, нельзя видѣть упоминанія объ историческомъ фактѣ, то во всякомъ случаѣ оно не лишено извѣстнаго значенія, такъ какъ говоритъ намъ о господствѣ въ средѣ самого римскаго общества того представленія, что аттрибуты отеческой власти, а слѣдовательно и самая власть, не составляютъ нѣчто исконное и отъ начала вѣковъ пріустановленное, а являются позднѣйшимъ нововведеніемъ.

---

*) Bernhöft. Staat nnd Recht der Römischen Königszeit, 1882 г., стр. 187.

**) Les Origines de la famile, стр. 405.

***) Ефимовъ. Очерки изъ исторіи древне-римскаго родства, стр. 70.

Какъ историческія легенды о первыхъ временахъ Рима, такъ и отдѣльныя юридическія нормы содержатъ въ себѣ рядъ намековъ на существованіе издревле болѣе тѣсной родственной связи между единоутробными нежели единокровными, на первенствующее положеніе, занимаемое въ ряду прочихъ родственниковъ дядей и братомъ по матери, и на образованіе изъ когнатовъ экзогамическаго союза, какъ нельзя лучше подтверждающаго одно изъ основныхъ положеній теоріи материнства.

Бахофенъ первый указалъ на тотъ свѣтъ, какой бросаетъ на фактъ признанія на первыхъ порахъ одного утробнаго родства записанныя анналистами сказанія о римскихъ царяхъ. Дяди, и въ числѣ ихъ Тарквиній Гордый, преслѣдующіе племянниковъ, дѣтей ихъ сестры, изъ опасенія, что послѣдніе отымутъ у нихъ престолъ; Брутъ, мстящій за позоръ Лукреціи при жизни ея мужа, такъ какъ онъ ея дядя по матери, и въ болѣе раннихъ легендахъ сестра Гораціевъ, проклинающая ихъ за то, что они убили своихъ родственниковъ по матери, дѣтей тетки, албанскихъ Куріаціевъ—все это разсказы, смыслъ которыхъ становится понятнымъ лишь въ томъ случаѣ, если мы допустимъ существованіе въ то время, о которомъ идетъ въ нихъ рѣчь, материнскихъ родовъ; при нихъ только ближайшими родственниками дядей, а слѣдовательно и возможными претендентами на престолъ, являются дѣти ихъ сестры, при нихъ обязанность кровной мести предпочтительно предъ мужемъ падаемъ на дядю по матери, а убійство утробныхъ родственниковъ въ такой же мѣрѣ вызываетъ месть, въ какой впослѣдствіи убійство единокровныхъ агнатовъ *).

Въ свою очередь присутствіе однихъ когнатовъ въ семейномъ судѣ, о которомъ говоритъ Титъ Ливій, упоминая о cognatorum decretum, распространеніе на нихъ juris osculi или права давать поцѣлуй замужней женщинѣ, наконецъ, доказываемое Кленце запрещеніе брачныхъ узъ въ тѣхъ самыхъ степеняхъ когнатическаго родства, въ которыхъ допускалось осуществленіе этого нрава, не говоритъ ли все это также объ исконномъ значеніи когнатовъ въ семьѣ и образованіи изъ нихъ въ силу

*) Bachofen. Antiquarische Briefe. 158—163.

экзогамическихъ запрещеній обособленныхъ группъ или такъ наз. утробныхъ родовъ?

Чтобы закончить перечень наиболѣе характерныхъ свидѣтельствъ въ пользу существованія материнства, упомяну еще о томъ, что въ средѣ тѣхъ народностей, изъ искусственнаго соединенія которыхъ съ латинянами въ одно цѣлое образовалось Римское государство, материнскій родъ хорошо былъ извѣстенъ. Нами уже было указано на существованіе его у Этрусковъ. Упомянемъ теперь тотъ фактъ, что Сабинскіе роды, какъ видно на примѣрѣ Фабіевъ, вели свою генеалогію по женской линіи. Эти факты, сопоставленные съ вышеприведенными данными объ отсутствіи justae nuptiae и обозначеніи дѣтей по отцу въ средѣ римскихъ плебеевъ, приводятъ одного изъ защитниковъ теоріи материнства, Бернгёфта, къ тому заключенію, что материнство, неизвѣстное арійскому населенію Италіи, появилось въ низшихъ его слояхъ, какъ результатъ заимствованія у туземныхъ племенъ; но такому допущенію противорѣчитъ одинаково какъ то обстоятельство, что приведенныя нами легенды упоминаютъ по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ чертахъ материнскаго рода въ примѣненіи къ патриціанскимъ родамъ, такъ и то, что общіе съ римлянами по происхожденію эллины въ своемъ общественномъ развитіи отправились отъ эпохи его исключительнаго господства.

Невозможно также остановиться на той мысли, что материнство было извѣстно лишь той части римскаго населенія, которая, какъ плебеи, не была арійской крови. Прежде чѣмъ утверждать это, надо еще доказать, что между плебеями и патриціями существовало различіе расъ, а это далеко не сдѣлано, да едва ли и можетъ быть когда сдѣлано, такъ какъ нѣтъ отвѣчающихъ такой гипотезѣ фактовъ.

При такихъ условіяхъ намъ остается только признать, что приведенныя черты материнства и когнатическаго родства доказываютъ, что и римлянамъ, безъ различія сословій и народностей, была извѣстна такая эпоха, когда родство по отцу и его естественная основа—связь ребенка съ лицомъ, являющимся виновникомъ его рожденія, еще не были признаваемы, и кровный союзъ—родъ—всецѣло былъ построенъ на утробномъ родствѣ и связанныхъ съ нимъ экзогамическихъ запрещеніяхъ.

Въ юридическихъ памятникахъ Индіи сохранились лишь слабые слѣды нѣкогда существовавшаго въ ней материнства. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

При обозначеніи лицъ, на которыхъ, въ случаѣ смерти отца, падаетъ обязанность опеки надъ его дочерью и въ частности выдачи послѣдней въ замужество, сводъ Вишну упоминаетъ материнскаго дѣда, а Нарада сверхъ того и материнскаго дядю *). Привиллегированное положеніе того и другаго родственника въ эпоху исключительнаго признанія утробнаго родства легко бы могли объяснить намъ причину, по которой и при полномъ переходѣ къ агнатическому родству тотъ и другой на правахъ переживанія продолжаютъ играть видную роль въ семьѣ. Тѣмъ же соображеніемъ оправдывается и встрѣчаемое нами въ сводахъ запрещеніе браковъ съ родственниками матери, по отношенію къ которымъ, какъ извѣстно, ранѣе всего была установлена экзогамія **).

Еще рѣзче указываетъ на тотъ же фактъ запрещеніе брака съ женщиной, которая бы носила одно имя съ матерью жениха ***). Вспомнимъ, какое значеніе придаютъ имени народы, бытъ которыхъ построенъ на материнствѣ, вспомнимъ, что одинаковость имени служитъ у нихъ доказательствомъ принадлежности къ одному роду, такъ какъ въ распоряженіи каждаго рода состоитъ лишь извѣстное число именъ — и намъ станетъ понятнымъ, почему существованіе только что приведеннаго запрещенія можетъ быть признано указателемъ нѣкогда господствовавшаго въ Индіи материнства ****).

На когнатическое родство, какъ на предшествующее по времени родству агнатическому, указываетъ между прочимъ и то постановленіе индусскихъ сводовъ, которое запрещаетъ усыновленіе брата, сына сестры и сына дочери. Это запрещеніе не можетъ быть объясняемо близостью ихъ родственныхъ связей съ усы-

---

*) Kohler. Indisches Ehe und Familienrecht, Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. III, Band, III Heft, стр. 360.

**) Стр. 365.

***) Iolly. Rechtliche Stellung der Frauen bei den alten Indern. Sitzungsberichte der bayerischen Akademie 1876 г. Separat Abdruck, стр. 14.

****) Иное объясненіе даетъ этому запрещенію Kohler, стр. 368.

новителемъ, такъ какъ индусскій законодатель предписываетъ оказывать родственникамъ рѣшительное предпочтеніе при адопціи. Съ особенной охотой указываютъ они на сына брата или на внука по отцу, какъ на лицъ, которыя могутъ быть усыновлены ихъ бездѣтнымъ дядею или дѣдомъ *), а между тѣмъ въ то же время они рѣшительно устраняютъ отъ адопціи сына его сестры (bhagineya), а также сына его дочери. Какъ объяснить такое противорѣчіе? Почему племянникъ и внукъ по отцу могутъ быть усыновлены, а племянникъ и внукъ по матери не могутъ? Мнѣ кажется, что ключъ къ объясненію такой странной, повидимому, аномаліи даетъ намъ признаніе материнства исходнымъ моментомъ въ развитіи Индусовъ. При существованіи его братъ, племянникъ и внукъ по матери считаются между собою родственниками, племянникъ же по отцу и внукъ по отцу, какъ принадлежащіе къ другому роду, для нихъ чужеродцы. Усыновленіе на первыхъ порахъ, какъ производимое цѣлымъ родомъ, очевидно, можетъ имѣть мѣсто только между членами разныхъ родовъ. Родъ не можетъ усыновить, т. е. искусственно сдѣлать собственнымъ членомъ лицо, принадлежащее къ нему ео ipso, въ силу рожденія, а если такъ, то не трудно понять, почему одинъ и тотъ же родъ не могъ усыновить одновременно брата, племянника и внука по матери съ одной стороны, и племянника и внука по отцу, съ другой, почему и впослѣдствіи усыновленіе однихъ устраняло возможность усыновленія другихъ. Устраненіе утробныхъ родственниковъ отъ усыновленія, при допущеніи агнатовъ, доказываетъ такимъ образомъ только то, что родственная связь первыхъ возникла ранѣе родственной связи вторыхъ, что какъ принадлежащіе къ роду, они не могли быть усыновляемы имъ **), чего нельзя сказать о родственникахъ по отцу (агнатахъ)

*) Kohler, стр. 415 и 416.

**) Но, скажутъ намъ, мужъ не принадлежалъ къ одному роду съ когнатами его жены, а слѣдовательно нѣтъ препятствій къ усыновленію ихъ послѣднимъ. Совершенно вѣрно. Но вѣрно также и то, что мужъ на первыхъ порахъ вообще не былъ усыновителемъ, что въ индусскихъ сводахъ онъ только заступаетъ мѣсто жены, которой при участіи ея рода производимъ былъ первоначально актъ усыновленія.

бывшихъ на первыхъ порахъ чужеродцами. Старинное запрещеніе продолжало держаться и тогда, когда дѣйствительный смыслъ его совершенно былъ утерянъ. Оно уцѣлѣло, по всей вѣроятности, потому, что къ удержанію его въ жизни явились новыя причины. Индусскіе своды, и въ частности Чаунака, повидимому, оправдываютъ то воззрѣніе, что усыновленіе у индусовъ не должно противорѣчить природѣ, что искусственное родство можетъ быть установлено у нихъ только между лицами, которыя бы могли и естественнымъ путемъ быть въ отношеніяхъ отца къ сыну. Отсюда запрещеніе усыновлять тѣхъ, матери которыхъ не могли бы состоять въ брачной связи съ усыновителемъ: брата, какъ сына матери, племянника по матери, какъ сына сестры, внука по матери, какъ сына дочери. Мать, сестра и дочь принадлежатъ къ числу тѣхъ лицъ, съ которыми индусское право рѣшительно запрещаетъ установленіе брачной связи. Писатели, занимающіеся объясненіями семейнаго права индусовъ, и въ числѣ ихъ Колеръ, ограничиваются приведеніемъ послѣдняго толкованія, не замѣчая того, что оно отнюдь не указываетъ на архаическую причину установленія разсматриваемыхъ ими запретовъ, и что проводимый индусскимъ правомъ взглядъ на невозможность усыновленія извѣстныхъ лицъ, по противорѣчію такой адопціи природѣ, имѣетъ на самомъ дѣлѣ несравненно болѣе глубокіе корни въ фактѣ господства на первыхъ порахъ когнатическихъ или утробныхъ родовъ.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ пережиткѣ материнства въ сферѣ наслѣдственнаго права индусовъ. Производимый женихомъ при бракѣ подарокъ, такъ наз. Çulka, по мнѣнію однихъ индусскихъ сводовъ, Митакшары и Гаутамы, поступаетъ еще при жизни жены къ ея братьямъ по матери (fratres uterini), согласно же другимъ, позднѣйшимъ сводамъ, въ томъ числѣ Дайа-Бага, только при ея смерти *). Послѣдній порядокъ, какъ думаютъ современные толкователи наслѣдственнаго права индусовъ, и между ними Майеръ и Колеръ, долженъ быть признанъ позднѣйшимъ, а если такъ, то оказы-

*) Mayne, Hindu law and usage. стр. 592. Kohler, стр. 431, примѣч.

вается, что при замужествѣ по крайней мѣрѣ часть платимой за невѣсту платы поступала къ ея утробнымъ братьямъ; а это въ свою очередь доказываетъ, что послѣдніе считались ея ближайшими родственниками, что совершенно согласно съ допущеніемъ материнства и тою ролью, какую при немъ играетъ утробный братъ, какъ кормилецъ сестры (bhratar).

Эти пережитки материнства въ правѣ арійскаго населенія Индіи слишкомъ многочисленны, коренятся слишкомъ глубоко въ самыхъ нѣдрахъ народной жизни, чтобы происхожденіе ихъ могло быть объяснено простымъ заимствованіемъ у туземцевъ, хотя и нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что послѣднимъ материнство было извѣстно. На этотъ счетъ не мало указаній содержитъ въ себѣ Магабарата съ ея упоминаніемъ о героѣ Астика, который, желая имѣть наслѣдника, пріискиваетъ мужа для сестры и передаетъ затѣмъ рожденному ею сыну старѣйшинство въ племени Наговъ *).

---

*) Giraud Teulon, стр. 203. Другія указанія у Bachofen'a Antiquarsche Briefe, стр. 210.

IV.

Происхожденіе патернитета и агнатическаго рода.

«Самой неудовлетворительной стороной въ сочиненіяхъ Макъ-Ленана и Моргана, говоритъ ихъ недавній критикъ — Мэнъ, является то объясненіе, какое они даютъ признанію патернитета, иначе говоря, происхожденія отъ отца. Морганъ, какъ кажется, думаетъ, что послѣдній сталъ признаваться вслѣдствіе народнаго рѣшенія (by popular vote). Макъ-Ленанъ же прямо высказывается въ пользу того, что отчество будто бы возникло изъ обычая, по которому предполагаемые отцы дѣлали подарки своимъ предполагаемымъ дѣтямъ» *). Мнѣ кажется, что передавая мнѣніе, по крайней мѣрѣ, одного изъ своихъ противниковъ—Моргана, Мэнъ позволилъ себѣ нѣкоторую неточность; послѣдняя, впрочемъ, легко объясняется тѣмъ, что разбираемый имъ американскій писатель высказывается далеко неопредѣленно по занимающему насъ вопросу. Тѣмъ не менѣе, сопоставляя то, что говоритъ онъ о немъ на 470 стр. своего сочиненія, замѣчая: «когда собственность была установлена и желаніе передать ее дѣтямъвызвало замѣну материнской филіаціи отеческой, впервые созданы были условія для возникновенія патернитета», съ тѣмъ значеніемъ, какое на 157 стр., напр., онъ приписываетъ возникновенію собственности въ процессѣ образованія отеческой власти одинаково въ Греціи и Римѣ,—мы полагаемъ, что точнѣе передадимъ его мысль, сказавши, что въ индивидуализаціи имущественныхъ отношеній и естественномъ для отца желаніи передать собственность своему потомству лежитъ въ его глазахъ дѣй-

*) Мэнъ, стр. 167.

ствительная причина возникновенія власти отца въ семьѣ и связанной съ нею мужской филіаціи. Но это объясненіе то самое, какое даетъ этому факту Макъ-Ленанъ, Леббокъ *), и слѣдующій за ними Жиро-Телонъ **). Такимъ образомъ мы имѣемъ передъ собою не нѣсколько, а всего на всего одну попытку объяснить происхожденіе патернитета. Попытку эту Мэнъ признаетъ неудовлетворительной, и мы спѣшимъ присоединиться къ его мнѣнію. Но поступая такимъ образомъ, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы возникновеніе собственности не имѣло никакого отношенія къ данному вопросу. Мы постараемся даже развить впослѣдствіи ту мысль, что ею въ значительной мѣрѣ ускоренъ былъ процессъ образованія отеческой власти: чѣмъ она не была и не могла быть по отношенію къ патернитету, такъ это первичной причиной,—причиной вызвавшей его къ жизни. Мы не хотимъ также сказать, что считаемъ болѣе удачнымъ то объясненіе, какое генезису патернитета даетъ Мэнъ, говоря, что дѣйствительный отвѣтъ на поставленный вопросъ не иной, какъ тотъ, что на эти неустановившіяся общественныя формы (Мэнъ разумѣетъ материнскій родъ) постоянно должна была оказывать свое вліяніе великая естественная сила, приводившая къ тому, что въ каждомъ обществѣ наиболѣе сильная его половина всегда организовывалась въ группы, допускавшія признаніе патернитета и удовлетвореніе родительскихъ инстинктовъ. Сказать это— не значитъ рѣшить вопросъ, такъ какъ остается еще опредѣлить характеръ той естественной силы, которая вызывала къ жизни означенныя явленія, а этого именно мы, къ сожалѣнію, и не находимъ у Мэна.

Вопросъ, подлежащій нашему рѣшенію, принадлежитъ, какъ намъ кажется, къ числу сложныхъ вопросовъ, иначе говоря отвѣтъ на него можетъ послѣдовать не раньше, какъ послѣ рѣшенія цѣлаго ряда другихъ, такъ сказать предварительныхъ. Первымъ изъ нихъ, какъ мы полагаемъ, долженъ быть вопросъ о томъ, какое вліяніе оказалъ естественный ростъ населенія въ предѣлахъ одного и того же материнскаго рода на послѣ-

*) Стр. 112.
**) Origines, стр. 142—179.

дующій порядокъ общежитія, не явился ли онъ препятствіемъ дальнѣйшей скученности и не разсѣялъ ли въ концѣ концовъ на большое пространство входящія въ составъ рода группы? Такая перемѣна въ образѣ жизни естественно вызывалась, какъ намъ думается, самымъ фактомъ господства въ эту эпоху первобытныхъ занятій и возможностью быстраго исчезновенія при такихъ условіяхъ въ той или другой мѣстности продуктовъ охоты и рыболовства, благодаря почти полному истребленію послѣднихъ разросшимся, населеніемъ *). Если такой исходъ имѣлъ мѣсто на самомъ дѣлѣ, то какое, спрашивается, вліяніе могъ оказать онъ на измѣненіе прежнихъ отношеній родоваго старѣйшины, которымъ обыкновенно является, какъ мы видѣли, дядя или братъ матери, къ отдѣльнымъ женщинамъ рода, и въ частности, сохраняетъ ли старѣйшина при новыхъ условіяхъ тотъ фактическій контроль за дѣйствіями отдѣльныхъ паръ, входящихъ въ составъ рода, какой осуществляемъ былъ имъ въ эпоху ихъ скученности въ одномъ мѣстѣ? Если этого нѣтъ въ дѣйствительности, если власть старѣйшины не находитъ болѣе благопріятныхъ условій для своего проявленія, то это обстоятельство не служитъ ли къ выгодѣ сожительствующаго съ женщиной мужчины, который незамѣтно заступаетъ по отношенію къ ней роль брата—кормильца, и соотвѣтственно начинаетъ обозначаться, по крайней мѣрѣ въ арійскихъ языкахъ — однимъ съ нимъ терминомъ? Эта перемѣна въ роли мужа не ведетъ ли необходимо къ установленію извѣстной зависимости отъ него жены и развитію его власти надъ нею, результатъ, достигаемый съ тѣмъ большею легкостью, что почти повсемѣстная замѣна обычая похищать женъ системой уплаты за нихъ выкуповъ или калымовъ приводитъ въ концѣ концовъ къ уподобленію женщины товару, пріобрѣтаемому дорогою цѣною и обязанному приносить соотвѣтственный доходъ. Послѣднимъ можетъ быть не только трудъ женщины, но и даваемый ею приплодъ, ея дѣти, какъ бы они ни были прижиты. Неудивительно поэтому, если съ теченіемъ времени отецъ пріобрѣтаетъ роди-

*) Значеніе закона народонаселенія на постепенное раздѣленіе родовъ особенно подчеркиваетъ г. Зиберъ въ своихъ Очеркахъ первобытной экономической культуры, стр. 354.

тельскія права безразлично по отношенію ко всѣмъ рожденнымъ его женою лицамъ, кто бы ни былъ ихъ дѣйствительный родитель. Установленіе родительской власти, какъ необходимаго послѣдствія власти мужа, надъ женою совершается тѣмъ легче, что самые союзы между лицами разнаго пола становятся современемъ болѣе постоянными. Разсѣянность жилищъ сама является благопріятнымъ условіемъ къ тому, такъ какъ ею затрудняется постоянная мѣна женъ, что въ свою очередь дѣлаетъ возможнымъ упроченіе силою привычки союзовъ, возникшихъ подъ вліяніемъ одного половаго влеченія. А эта бо̀льшая прочность связей не ведетъ ли въ свою очередь къ тому, что дѣтямъ одинаково становятся извѣстны оба родителя, такъ какъ сожительство отца съ ихъ матерью продолжается всего чаще и послѣ ихъ рожденія. Съ другой стороны отсутствіе прежняго ухода за подростающими поколѣніями со стороны отдѣленной теперь нерѣдко большимъ разстояніемъ материнской родни и зависимость ихъ въ отношеніи средствъ къ пропитанію отъ отца—охотника и рыболова, не вызываютъ ли въ дѣтяхъ совершенно недоступнаго имъ на первыхъ порахъ чувства привязанности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣтеннаго привычкою повиновенія, весьма понятнаго въ слабомъ существѣ по отношенію къ сильному? И въ свою очередь, надежда имѣть въ ближайшемъ будущемъ помощниковъ въ работѣ, а въ старости кормильцевъ, не побуждаетъ ли самихъ отцовъ дорожить порожденною уходомъ и сожительствомъ связью съ происшедшимъ отъ нихъ приплодомъ, и не служитъ ли такимъ образомъ условіемъ развитія и упроченія отеческой власти. Но отецъ не всегда одинъ въ жилищѣ жены. Съ нимъ могутъ сожительствовать и не основавшіе еще самостоятельныхъ семей братья или иные родственники. Ежедневное общеніе съ ними подростающихъ поколѣній, не вызоветъ ли и оно извѣстной привычки въ однихъ приказывать, въ другихъ повиноваться, и эта привычка, поддерживаемая тѣмъ чувствомъ привязанности, какое порождаетъ жизнь сообща и постоянный обмѣнъ услугъ, недѣлается ли со временемъ такимъ же источникомъ развитія родственной связи по отцу, какимъ нѣкогда она была по отношенію къ материнской роднѣ?

Такимъ образомъ гораздо ранѣе появленія пастушескаго и

земледѣльческаго быта, а слѣдовательно, и сколько нибудь широкаго проявленія начала индивидуализаціи собственности, имѣются на лицо условія для возникновенія какъ патернитета, такъ и вытекающаго изъ него сознанія родственной связи по отцу. Но если, какъ само собою слѣдуетъ изъ всего предыдущаго, возникновеніе патернитета мыслимо и до перехода къ высшимъ сравнительно стадіямъ экономическаго быта, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы этотъ переходъ не содѣйствовалъ въ значительной мѣрѣ упроченію разъ установившейся связи дѣтей съ отцомъ и его роднею. Начать съ того, что не ранѣе эпохи доместикаціи животныхъ могли сдѣлаться вполнѣ ясными выгоды, достигаемыя скрещиваньемъ и необходимость избѣгать кровосмѣсительныхъ связей не только съ роднею матери, но и съ родней отца; — обстоятельство, вызвавшее расширеніе на нее экзогамическихъ запрещеній. Связанное съ переходомъ къ пастушеству и земледѣлію развитіе собственности, въ свою очередь, содѣйствовало упроченію патернитета, такъ какъ съ ними вмѣстѣ открылся вопросъ о томъ, кому со смертью отца должны поступить накопленные имъ запасы, материнской ли роднѣ, не участвовавшей въ ихъ пріобрѣтеніи, или ближайшимъ соучастникамъ его въ трудѣ, собственнымъ дѣтямъ. Установленіе собственности дало такимъ образомъ возможность осязательнаго проявленія того чувства привязанности отца къ дѣтямъ, какое вызвано было ихъ сожительствомъ и взаимнымъ обмѣномъ услугъ. Отдавая предпочтеніе имъ передъ собственной роднею, отецъ охотно обращался при жизни къ передачѣ имъ путемъ дареній части своего имущества, а эта цѣлыя поколѣнія державшаяся практика въ концѣ концовъ повела къ возникновенію обычая, неблагопріятнаго дальнѣйшему наслѣдованію материнской родни. Переходъ къ пастушеству и земледѣлію еще тѣмъ повліялъ существенно на замѣну материнскаго рода патріархальнымъ, что впервые сдѣлалъ возможнымъ продолжительное сожительство большихъ группъ на незначительномъ сравнительно пространствѣ—обстоятельство, благодаря которому развѣтвленія одной и той же семьи, не разрывая связи съ главнымъ стволомъ, стали устраивать свою жизнь на началахъ близкаго сосѣдства и почти ежедневнаго обмѣна услугъ, что въ свою очередь укрѣ-

пило въ нихъ чувство солидарности и сознаніе принадлежности къ общему цѣлому и привело въ концѣ концовъ къ образованію изъ нихъ связаннаго круговою порукою союза — иначе говоря патріархальнаго рода. Такимъ образомъ, отправляясь отъ материнства и основанныхъ на немъ родовыхъ группъ народовъ — охотниковъ и рыболововъ, переходя затѣмъ къ разорвавшимъ между собою прежнія сосѣдскія связи отдѣльнымъ парамъ, въ свою очередь являющимся зародышами патріархальныхъ семей, процессъ общественнаго развитія приводитъ въ конечномъ результатѣ къ установленію агнатическихъ родовъ, не ранѣе однако, какъ послѣ рѣшительнаго перехода отъ первобытныхъ занятій къ скотоводству и земледѣлію.

Отдѣльныя стадіи указаннаго нами процесса могутъ быть изучены съ помощью какъ этнографическаго, такъ и историческаго матеріала. Мы видѣли, что существованіе нѣкогда материнскаго рода засвидѣтельствовано какъ фактомъ современнаго его распространенія въ средѣ многихъ дикарей Америки, такъ и пережитками его, уцѣлѣвшими въ древнѣйшихъ памятникахъ арійской культуры. У тѣхъ же Индѣйцевъ американскому этнографу Пауелю удалось наблюдать и тѣ послѣдствія, какія по отношенію къ дальнѣйшему существованію материнства ведетъ за собою рано или поздно наступающая разсѣянность въ жилищахъ. У тѣхъ сѣверо-американскихъ племенъ, говоритъ онъ, у которыхъ нѣтъ обычая жить скученно цѣлыми деревнями, жилища которыхъ отстоятъ нерѣдко на мили одно отъ другаго, родственники жены, ея естественные опекуны и попечители, теряютъ вполнѣ возможность дѣйствительнаго контроля за нею, благодаря отдѣляющему ихъ разстоянію. При такихъ условіяхъ неудивительно, прибавляетъ онъ, если въ семьѣ власть постепенно пріобрѣтается мужемъ и отцомъ и въ концѣ концовъ слѣдуетъ полная замѣна материнства патернитетомъ *). Разобщенными парами съ преобладающей въ нихъ властью мужчины доселѣ живутъ многіе дикари Австраліи, и эта черта, принятая за характеристику первобытнаго порядка, заставила нѣкоторыхъ писателей, въ томъ числѣ Дарвина и Леббока, протестовать не

*) Outlinis of sociology by Lyhn Powell. Febr. 82 г. Warshngton, стр. 21.

только противъ гипотезы первичнаго стаднаго состоянія, но и противъ признанія материнскаго рода предшественникомъ патріархальной семьи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ фактъ только свидѣтельствуетъ о томъ, что для дикарей звѣролововъ рано или поздо наступаетъ моментъ, когда жизнь сообща стадными или когнатическими группами должна уступить мѣсто жизни разсѣянными парами, по причинѣ несоотвѣтствія между средствами пропитанія и ростомъ населенія. Эту же стадію развитія рисуетъ передъ нами между прочимъ библейскій разсказъ объ Авраамѣ и Лотѣ, жившихъ прежде совмѣстно, но разошедшихся въ разныя стороны по недостатку средствъ къ существованію. Если ты пойдешь на право, я пойду на лѣво, говоритъ Авраамъ Лоту, и каждый изъ нихъ устраивается отдѣльно отъ другаго, одинъ въ допускаемомъ обычаемъ союзѣ съ единокровной сестрой (Саррой), другой въ кровосмѣсительной связи съ собственными дочерями.—Хотя бытъ еврейскихъ патріарховъ и послужилъ ближайшимъ матеріаломъ къ построенію теоріи патріархальной семьи, получившей отъ него и самое свое названіе, но на самомъ дѣлѣ бытъ этотъ съ уцѣлѣвшими въ немъ чертами материнскаго рода всего менѣе отвѣчаетъ тому представленію, какое мы связываемъ съ строго экзогамической, исключающей возможность сожитія не только съ единоутробными, но и съ единокровными родственниками, патріархальной семьи.

Въ совершенно выработанномъ видѣ мы находимъ послѣднюю у римлянъ, которымъ равно извѣстна и власть мужа надъ женою (иначе manus) и власть отца надъ дѣтьми (patria potestas). Но между зародышными формами, какія она представляетъ напр. у австралійскихъ дикарей или въ библейскомъ разсказѣ, и той законченностью развитія, какая характеризуетъ ее въ римскомъ быту, лежитъ цѣлый рядъ промежуточныхъ стадій, изученіе которыхъ особенно интересно потому, что на нихъ можно прослѣдить постепенный ростъ идеи патернитета. Со многими изъ этихъ стадій знакомитъ насъ бытъ американскихъ краснокожихъ, съ другими древности права самихъ арійскихъ народовъ. Между первыми особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ тѣ, у которыхъ на нашихъ глазахъ совершается переходъ отъ материнства къ отчеству. Правда, не у всѣхъ пе-

реходъ этотъ можетъ быть названъ самобытнымъ, не у всѣхъ можетъ быть игнорируемо вліяніе въ этомъ отношеніи христіанской нравственности и проповѣдующихъ ее миссіонеровъ, тѣмъ не менѣе нетрудно выдѣлить и такія, у которыхъ переходныя стадіи носятъ всѣ черты безискусственнаго развитія. Къ числу ихъ прежде всего слѣдуетъ отнести племя Шауни, у которыхъ мы наблюдаемъ существованіе наряду съ недавно еще господствующимъ материнствомъ, слѣдующаго обычая, бросающаго яркій свѣтъ на порядокъ возникновенія патернитета. У Шауни, говоритъ Морганъ, а также и у Міами и Делаваровъ *) принято за правило, что послѣ рожденія дѣтей, смотря по выбору ихъ родителей и указанію извѣстнаго числа матронъ или престарѣлыхъ женщинъ, называютъ то именемъ, принадлежащимъ роду по матери, то именемъ, составляющимъ достояніе рода его отца. Имя, какъ извѣстно, такъ тѣсно связано у дикарей съ принадлежностью къ роду, что само по себѣ считается доказательствомъ послѣдней и соотвѣтственно даетъ носящему его извѣстныя права въ родѣ. Получить имя, составляющее собственность рода—то же, что быть записаннымъ въ этотъ родъ. Неудивительно по этому, если дѣти, получившія одно изъ именъ отцовскаго рода, пріобрѣтаютъ право наслѣдовать оставленную ихъ родителемъ собственность, тогда какъ другія на всегда остаются обдѣленными ею» **).—Въ описанномъ обычаѣ выступаетъ вполнѣ та любопытная черта въ происхожденіи патернитета, которая состоитъ въ подведеніи послѣдняго подъ типъ ранѣе его сложившагося материнства. Фикція, какъ извѣстно, играетъ не маловажную роль въ процессѣ развитія юридическихъ институтовъ. Она предполагаетъ въ людяхъ, обращающихся къ ней, производство того наипростѣйшаго умственнаго процесса, который мы называемъ уподобленіемъ или аналогіей. Если имя, взятое изъ рода матери, даетъ новорожденному право считаться членомъ материнскаго рода (на самомъ дѣлѣ, разумѣется, встрѣчается обратное, принадлежность къ роду матери по крови даетъ и право носить извѣстное имя), то, разсужда-

*) Ancient soc. стр. 113.
**) Ancient society, стр. 169.

етъ дикарь, является полное основаніе къ тому, чтобы имя изъ рода отца давало человѣку право считать себя дѣйствительно принадлежащимъ къ его роду и сообщало ему связанныя съ тѣмъ права, въ частности право наслѣдованія.

Такая же фикція лежитъ въ основѣ другаго порядка установленія патернитета, который мы встрѣчаемъ въ полномъ дѣйствіи у цѣлаго ряда какъ древнихъ, такъ и новыхъ народовъ. Мы только что видѣли, что чужеродецъ, получая одно изъ родовыхъ именъ, можетъ этимъ путемъ сдѣлатся членомъ рода. Сообщеніе ему имени равнозначительно усыновленію его цѣлымъ родомъ, и что это такъ, видно изъ того, что принятый въ родъ занимаетъ обыкновенно мѣсто одного изъ умершихъ родственниковъ, вступая во всѣ права послѣдняго и принимая на себя связанныя съ ними обязанности. Совершаемый при этомъ обрядъ у многихъ народовъ напоминаетъ самый актъ рожденія и дѣйствующимъ лицомъ въ немъ является, наряду съ усыновляемымъ, и та женщина, которая отнынѣ должна слыть его матерью; усыновляемый чужеродецъ, прежде чѣмъ быть объявленнымъ членомъ рода, обязанъ прикоснуться къ ея груди или чресламъ. Такая процедура доселѣ встрѣчается, напр., среди Черкесовъ и Южныхъ Славянъ; и, какъ видно изъ Плинія и Діодора, извѣстна была и народамъ классической древности, прибѣгавшимъ въ этомъ случаѣ даже къ брачной постели и симулированію акта рожденія усыновляемаго усыновительницей. Тотъ же обрядъ по ихъ славамъ былъ въ полномъ ходу и у современныхъ имъ варваровъ *), что по отношенію по крайней мѣрѣ Германцевъ находитъ себѣ полное подтвержденіе въ державшейся не далѣе, какъ въ средніе вѣка практикѣ прижимать къ голой груди обнаженное тѣло усыновляемаго, который при этомъ случаѣ принимаемъ былъ подъ рубашку **). Если уподобленіемъ акту рожденія совершается усыновленіе чужеродца одной изъ женщинъ рода, то тотъ же актъ, симулируемый мущиной, считается у многихъ на-

*) См. Bachofen. Mutterrecht, стр. 254.

**) Adoptionis autem talis pro gentis consuetudine fuisse modus. intra lineam interulam, quam nos vocamus camisiam, nudum intrare eum faciens sibi adstrinxit. et haec omnia osculo libato firmavit; idem et mulier postea fecit. Guibert. Gest. dei (Grimm Rechtsalter thümer, стр. 464).

родовъ способомъ установленія кровной связи между новорожденнымъ и дѣйствительнымъ виновникомъ его рожденія. Этотъ обрядъ, извѣстный подъ именемъ кувады, обратилъ на себя особенное вниманіе, потому, что доселѣ въ полномъ ходу у Басковъ Гвипускои и Бискайи *) и что существованіе его у Иберовъ, потомками которыхъ считаются Баски, засвидѣтельствовано еще Страбономъ. У Иберовъ, говоритъ греческой географъ, когда приходитъ время родовъ, мужчина на мѣсто женщины ложится въ постель и требуетъ за собою ухода» **). То же на всѣ лады разсказываютъ о жителяхъ Пиринейскихъ долинъ, ближайшихъ предковъ современныхъ намъ Басковъ, французскіе фабліо XII и XIII столѣтій ***). Въ сопоставленіи съ этими фактами особенную цѣну пріобрѣтаютъ съ одной стороны показанія путешественниковъ, съ другой—свидѣтельства древнихъ писателей о широкомъ распространеніи этого обычая какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ свѣтѣ, какъ въ наши дни, такъ и сотни, и тысячи лѣтъ назадъ.—У Абипоновъ, Караибовъ и всѣхъ вообще туземныхъ племенъ южной Америки существованіе его засвидѣтельствовано еще миссіонерами XVII и XVIII вѣка. Новѣйшіе путешественники нашли однохарактерные обряды на западномъ берегу Африки, на Молукскихъ островахъ, у нѣкоторыхъ не-арійскихъ племенъ Индіи, на Малабарскомъ берегу, въ окрестностяхъ Мадраса. Восточная Азія, повидимому, издавна была ареной его широкаго господства, такъ какъ о немъ упоминаетъ еще въ XIII в. Марко Поло.—Тотъ же обычай существовалъ въ древности на островахъ Корсикѣ и Кипрѣ, а также у нѣкоторыхъ народовъ (Тиверцевъ), жившихъ по берегамъ Чернаго моря ****). Ко всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ прибавлю одно, сообщенное мнѣ профессоромъ Богишичемъ. Жители двухъ

---

*) Cordier. La famille dans les Pyrénees. Rev. hist de droit francais et etranger 1859, стр. 370. Lagrèze, Histoire du droit dans les Pirenees.

**) Страбонъ, въ переводѣ Мищенки; кн. 3.

***) Aucassin et Nicolette; Legrand d'Aussy, Fabliaux des XII et XIII s. Paris. 1829 (Giraud-Teulon, стр. 140).

****) Эти свидѣтельства, принадлежащія перу Діодора, Плутарха и Аполлонія, приведены in extenso у Жиро-Телонъ, стр. 141.

смежныхъ селеній въ Черногоріи, имъ лично посѣщенныхъ, перебрасываются доселѣ слѣдующимъ ругательствомъ: что за народъ, говорятъ одни про другихъ, у нихъ не такъ, какъ у всѣхъ: «рожаютъ не женщины, а мужчины». Не сохранилось ли въ этихъ нареканіяхъ намека на недавнее еще господство на восточномъ побережьѣ Адріатическаго моря обычая, однохарактернаго съ кувадой?—Усыновленіе новорожденнаго отцомъ является также способомъ установленія патернитета какъ у древнихъ ирландцевъ, такъ и у кельтовъ: у тѣхъ и другихъ одинаково оно принимаетъ всего чаще наипростѣйшую форму признанія новорожденнаго отцомъ, который, какъ видно изъ фактовъ, собранныхъ на этотъ счетъ Гриммомъ, какъ бы усыновляетъ его, приказывая поднять его съ земли, обрядъ, напоминающій собою порядокъ установленія фиктивнаго родства сажаніемъ пріемыша на колѣни, genupositio. Идея усыновленія лежитъ, несомнѣнно, въ основѣ и первоначальнаго установленія законнаго наслѣдованія дѣтей послѣ отца. Полнаго вниманія заслуживаетъ догадка Даргуна, что adfatimire значитъ, какъ думалъ это уже Цепфль—anvatern, приписать дѣтей отцу; слово fath въ разныхъ германскихъ языкахъ означаетъ грудь. Рипуарская же правда говоритъ объ adfatimire, какъ о чемъ то тождественномъ пріему въ наслѣдники (adoptare in hereditatem vel adfatimire говорится tit. 48) *). Въ Ирландскомъ правѣ ребенокъ до признанія его отцомъ не считается принадлежащимъ къ его роду, а къ одному лишь роду матери. Послѣдней позволяется однако искать признанія ребенка какъ отъ мужа, такъ и отъ любовника. «Ребенокъ, говоритъ одинъ изъ сводовъ, Айсиль, можетъ быть водимъ отъ одного мужчины къ другому до тѣхъ поръ, пока свидѣтельство людей не укажетъ ему отца».—То же право признается за матерью и законами Уэльса, требующими, чтобы въ этомъ случаѣ показанія ея были подкрѣплены соприсягою семи женщинъ одинаковаго съ нею достоинства и благородства (dignitatis et nobilitatis). Валлійскимъ законамъ извѣстенъ, впрочемъ и другой порядокъ розысканія женщиной отца ея ребенка, носящій на себѣ всѣ признаки глубокой, дохристіанской старины,

*) Mutterrecht und Raubehe, стр. 68.

хотя новая вѣра несомнѣнно наложила на него свой отпечатокъ. «Если женщина, говоритъ древній кодексъ Венедотіи или С. Уэльса, пожелаетъ законнымъ образомъ приписать своего ребенка извѣстному мужчинѣ, какъ отцу, тогда ей необходимо сдѣлать слѣдующее: отправиться съ ребенкомъ въ церковь, гдѣ находится кладбище ея рода, подойти къ жертвеннику, и, положивъ правую руку на него и мощи, а лѣвую на голову ребенка, поклясться прежде всего Богу какъ этимъ жертвенникомъ, такъ и мощами, а равнымъ образомъ и святымъ крещеніемъ ребенка, что никакой другой отецъ не породилъ этого ребенка въ ея утробѣ какъ такой-то мущина, который при этомъ и называется ею по имени» *).—Послѣдствіемъ признанія ребенка отцомъ одинаково въ Ирландіи и Уэльсѣ является включеніе его въ родъ послѣдняго. Признаніе производимо было отцомъ, повидимому, безъ всякаго участія родственниковъ. Но что такой порядокъ не былъ древнѣйшимъ и что ему предшествовалъ другой, допускавшій участіе со стороны всего рода въ актѣ усыновленія, слѣдуетъ изъ того, что ребенокъ, рожденный послѣ смерти отца, хотя бы и ранѣе истеченія девятимѣсячнаго срока, не пріобщаемъ былъ непосредственно къ его роду (порядокъ, встрѣчаемый нами, напр., въ римскомъ правѣ и въ большинствѣ современныхъ законодательствъ), а проходилъ еще черезъ предварительный обрядъ усыновленія его всѣмъ родомъ отца. За отсутствіемъ родителя, мѣсто его въ этомъ обрядѣ занималъ глава рода. Когда родичи были въ полномъ сборѣ, ребенка приносили въ собраніе; правая рука младенца влагалась въ руки каждаго изъ родичей, при чемъ ребенокъ цѣловался съ каждымъ изъ нихъ въ знакъ родства **).—Что признаніе ребенка отцомъ или его родомъ не происходило необходимо и eo ipso каждый разъ, когда въ той или другой семьѣ оказывался новорожденный, что оно не было формальностью, а дѣйствительнымъ актомъ усыновленія, видно изъ того, что какъ за отцомъ, такъ и за родомъ обычай признавалъ не только право принять мла-

*) Всѣ эти факты впервые были отмѣчены проф. Сокольскимъ въ монографіи, озаглавленной «Къ ученію о происхожденіи семьи и родства у кельтовъ и германцевъ», стр. 40 и 41.

**) Venedotian Code B. II. Ch XXI, 25.

денца въ свою среду, но и право отречься отъ него. Такое отреченіе не допускалось, говоритъ г. Сокольскій, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, лишь въ томъ случаѣ, если ребенокъ прежде публично признанъ былъ отцомъ, или если отецъ на содержаніе его давалъ деньги. Если отца не было въ живыхъ, отречься отъ ребенка могъ глава рода съ шестью родичами—соприсяжниками; если же не было на лицо и главы рода, число соприсяжниковъ должно было доходить до 21-го *).

Итакъ патернитетъ, какъ показываетъ примѣръ цѣлаго ряда народностей, установляется не иначе, какъ искусственнымъ путемъ—путемъ усыновленія. Это не только доказываетъ сравнительно позднее его происхожденіе, но и то, что типомъ, по которому сложилось отношеніе отца къ дѣтямъ, служило несравненно ранѣе его возникшее отношеніе къ нимъ матери и что въ основѣ отеческой власти лежитъ не иное что, какъ фикція, въ силу которой сожитель женщины признается, какъ мы видѣли, родильницей происходящихъ отъ союза дѣтей и, какъ вторая, такъ сказать, мать, пріобрѣтаетъ право включить ихъ въ свой родъ, что въ свою очередь приводитъ къ установленію постоянной связи ребенка съ родомъ отца, иначе говоря, съ агнатами.

Послѣдній шагъ въ процессѣ развитія патернитета составляетъ установленіе того правила, что всѣ прижитыя женою дѣти, кто бы ни былъ дѣйствительный виновникъ ихъ рожденія, подлежатъ родительской власти ея мужа. Источникомъ послѣдней является, очевидно, не иное что, какъ власть его надъ женщиной. Купленная жена принадлежитъ мужу вмѣстѣ съ ея приплодомъ. Въ грубой формѣ такое начало выступаетъ доселѣ въ бытѣ кавказскихъ горцевъ, у которыхъ, какъ, напр., у осетинъ, не перешедшихъ еще въ христіанство или слабо проникнутыхъ его ученіемъ, мужья сплошь и рядомъ ссужаютъ своихъ, если не главныхъ, то второстепенныхъ или такъ называемыхъ именныхъ женъ (номулусъ) съ тѣмъ, чтобы прижитые ими дѣти (кадвасарды) считались дѣтьми мужа и поступали въ его семью, увеличивая въ ней число работниковъ.

---

*) Ibid, стр. 42.

Наряду съ экономическими причинами, религіозныя также въ значительной мѣрѣ содѣйствуютъ упроченію такого порядка. Культъ предковъ, въ частности, вызывая постоянную заботу о наслѣдникѣ—жертвоприносителѣ душамъ усопшихъ предковъ, спасителѣ домашняго очага, какъ называютъ его греческіе источники, побуждаетъ нѣкоторые народы, и въ томъ числѣ индусовъ, дозволять прелюбодѣйное сожительство жены при жизни мужа не только съ его родственникомъ, но и съ постороннимъ лицомъ. Дѣти, рожденныя въ такомъ бракѣ, извѣстномъ подъ наименованіемъ «ніога», считаются дѣтьми мужа, права котораго вытекаютъ въ данномъ случаѣ изъ власти его надъ матерью. Тотъ же религіозный мотивъ, по крайней мѣрѣ въ историческую эпоху, лежитъ въ основѣ и тѣхъ родственныхъ отношеній, которыя порождаются такъ наз. левиратомъ. Послѣдній извѣстенъ одинаково какъ Индусамъ, такъ и Евреямъ. Въ вымирающемъ видѣ мы встрѣчаемъ его и у древнихъ Аѳинянъ; широкимъ признаніемъ пользуется онъ и доселѣ у арійскихъ племенъ Кавказа и Закавказья; въ частности у Осетинъ, и родственныхъ Курдамъ Езидовъ *)

Примѣры его господства у цѣлаго ряда народностей стараго и новаго материка, а также и у народовъ древняго міра, слишкомъ часто приводимы были этнографами, чтобы являлась необходимость повторять ихъ здѣсь **)

Левиратъ носитъ далеко не одинаковый характеръ у всѣхъ тѣхъ народовъ, въ бытѣ которыхъ онъ удержался. Изъ арійскихъ племенъ одни только Индусы знаютъ его, какъ сожительство жены съ деверемъ при жизни мужа, и то лишь неспособнаго къ дѣторожденію. Въ Греціи и у Евреевъ, а также и у названныхъ нами племенъ Кавказа, деверство допускается только въ случаѣ бездѣтной смерти мужа, и то лишь до момента рожденія ребенка; но всюду, гдѣ только встрѣчается этотъ институтъ, отцомъ ребенка по закону или обычаю одинаково считается не дѣйствительный виновникъ его жизни, а то лицо, въ чьй власти состоитъ мать, другими словами, ея мужъ ***).

*) См. Егіазарова. «Краткій очеркъ Езидовъ Эриванской губ.(Труды С. А. Егіазарова», стр. 220).

**) См. сочиненія Giraud Teulon. Post'a Mac Lenana' и другихъ.

***) Болѣе обстоятельное развитіе той же мысли читатель найдетъ въ

Разсмотрѣнныя нами отношенія какъ нельзя лучше иллюстрируютъ ту мысль, что въ законодательствѣ многихъ народовъ права отца пріобрѣтаются властью надъ матерью, не однимъ лишь дѣйствительнымъ участіемъ въ актѣ рожденія. Классическое выраженіе это послѣднее начало получило, какъ извѣстно, въ римскомъ правѣ. Pater est quem nuptiae demonstrant, учатъ римскіе юристы.—Широкое распространеніе такого взгляда даетъ однако право утверждать, что съ самаго момента возникновенія патернитета, мужъ безразлично признавался отцомъ, хотя бы дѣти и прижиты были его женою на сторонѣ? Ирландское право убѣждаетъ насъ въ томъ, что такой порядокъ не былъ извѣстенъ, въ древнѣйшую по крайней мѣрѣ эпоху, и что мужъ обязанъ былъ уступить свои права дѣйствительному отцу, разъ послѣднему удавалось установить съ помощью свидѣтелей или суда Божія фактъ происхожденія отъ него ребенка или пріобрѣсть покупкою у мужа право считаться отцомъ рожденныхъ имъ дѣтей: «рогоносцу, говоритъ одинъ изъ сводовъ, принадлежитъ его презумптивный сынъ до тѣхъ лишь поръ, пока онъ не будетъ у него купленъ настоящимъ отцомъ; т. е до толѣ, пока за него не будетъ заплачена сумма, равняющаяся его вирѣ и пенѣ за оскорбленіе: сверхъ того должны быть возмѣщены вполнѣ затраты на вскормленіе и все то, что заплачено было презумптивнымъ отцомъ за совершенныя его мнимымъ сыномъ правонарушенія» *).

Но значитъ ли это, что различіе законныхъ и незаконныхъ дѣтей и устраненіе послѣднихъ отъ наслѣдованія было извѣстно съ древнѣйшихъ временъ? — Да и нѣтъ, отвѣтимъ мы одновременно. — Да, такъ какъ до признанія ихъ отцомъ или любовникомъ они принадлежали къ одному лишь роду матери; нѣтъ, такъ какъ включеніе ихъ въ родъ послѣдней открывало имъ доступъ къ наслѣдованію, признаніе же отцомъ вполнѣ уравнивало съ прочими дѣтьми.

Переходъ отъ древнѣйшаго порядка, по которому отцомъ считается дѣйствительный родитель, къ позднѣйшему, по которому

статьѣ, напечатанной мною въ Юрид. Вѣст., озаглавленной: Архаическія черты въ семейномъ и наслѣдственномъ правѣ Осетинъ, 1885 Іюнь—Іюль.

*) Anc. L. of Ir. т. III, стр. 311.

имъ однообразно признается мужъ матери, можетъ быть отмѣченъ отчасти уже въ древнемъ правѣ Ирландіи, въ томъ фактѣ, что пока любовникъ не предъявитъ своихъ правъ, рожденныя имъ дѣти считаются дѣтьми мужа. На этомъ примѣрѣ мы убѣждаемся въ томъ, что признаніе правъ мужа на всѣхъ рожденныхъ его женой дѣтей является продуктомъ позднѣйшаго развитія патернитета. Установленіемъ правила pater est quem nuptiae demonstrant не начинается, а завершается, слѣдовательно, процессъ развитія отеческой власти, а чрезъ ея посредство и агнатическаго родства.

Признаніе патернитета не повело за собою немедленнаго устраненія всѣхъ тѣхъ явленій, какія вызваны были къ жизни безграничнымъ господствомъ на первыхъ порахъ материнства и основанныхъ на немъ родовыхъ отношеній. Вотъ почему и въ агнатическихъ родахъ, каковы были тѣ, которыми жили германцы во времена Тацита, еще наглядно выступаютъ нѣкоторыя черты замѣненныхъ имъ когнатическихъ. Этимъ только соображеніемъ объясняется въ нашихъ глазахъ та тѣсная родственная связь, которая, по словамъ римскаго анналиста, продолжаетъ соединять дѣтей сестры съ ихъ дядями и которую нѣкоторые, говоритъ онъ, считаютъ даже болѣе священною, чѣмъ связь дѣтей съ отцомъ *). Въ немъ же, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ видѣть ключъ къ объясненію причины, по которой родственники жены, какъ видно и изъ трактатовъ Брегоновъ, и изъ постановленій Салической Правды о такъ называемой chrenecruda **), и изъ англо-саксонскихъ законовъ, не перестаютъ участвовать въ платежѣ виры или композиціи ***),— фактъ, котораго, очевидно, никакъ не ожидаешь встрѣтить въ обществѣ, живущемъ агнатическими родами. И такъ, слѣды материнскаго рода продолжаютъ держаться бокъ объ бокъ и, повидимому, вопреки развивающемуся агнатическому родству и на-

*) Sororum filiis idem apud avunculum, quam apud patrem honor. Quidam sanctiorem... hunc nexum sanguinis arbitrantur. (Germania, c. 20).

**) Quod si iam pater et fratres solserunt, tunc super suos debet illa terra iactare, id est super tres de generatione matris et super tres de generatione patris qui proximiores sunt (Hessel-Kern. Lex Salica).

***) Anglo-saxon family law въ Essays on anglo-saxon law.

правленному одинаково противъ обоихъ новому государственному началу, конечнымъ торжествомъ котораго объясняется совершенное исчезновеніе всякой общественной организаціи, исключительно построенной на кровномъ родствѣ. Удивительно ли послѣ этого, если въ чистомъ видѣ агнатическій родъ, подобно когнатическому, встрѣчается лишь у весьма небольшаго числа народностей, застывшихъ, такъ сказать, въ своемъ развитіи, и если переживанія одного порядка родственныхъ отношеній въ другомъ являются общимъ правиломъ.

Этими соображеніями мы заканчиваемъ тотъ отдѣлъ нашего опыта, который посвященъ изученію характерныхъ чертъ родовой организаціи, источника ихъ происхожденія и послѣдующаго развитія.

Дворец культуры им. С.М.Кирова
102338

Оглавленіе.

стр.

I. Родовой бытъ въ настоящемъ. 1

II. Родовой бытъ въ прошедшемъ 44

III. Материнскій родъ 90

IV. Происхожденіе патернитета и агнатическаго родства. 150

9

Н-94
№ 2513
9

Того же автора:

Исторія Полицейской Администраціи въ Англіи. 1877. Ц. 2 р.
(У Ланга, Москва, Кузнецкій Мостъ).

Собраніе документовъ къ характеристикѣ Англійской Полицейской Администраціи въ XII—XIV в., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.

Полиція Рабочихъ въ Англіи въ XIV в. Ц. 50 к.

Опыты по Исторіи Юрисдикціи Налоговъ во Франціи, 1876. Ц. 2 р.
(У того же книгопродавца).

Общинное Землевладѣніе, 1879. Ц. 2 р.
(У Васильева, Москва, Страстной бульваръ).

Общественный Строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, 1880. Ц. 3 р.
(Москва, у того же книгопродавца).

Историко-Сравнительный Методъ въ Юриспруденціи, 1880 г. Ц. 75 к.
(Москва, у Мамонтова, Кузнецкій Мостъ).

Современный Обычай и Древній Законъ, 1886. Ц. 4 р.

Umriss einer Geschichte der Zerstückelung der Feldgemeinschaft im Kanton Waadt, 1876.
(Zürich, Caesar Schmidt).

Цѣна за два выпуска 2 руб. 65 коп.

4
-561
3392

Максимъ Ковалевскій.

ПЕРВОБЫТНОЕ ПРАВО

ВЫПУСКЪ II.

СЕМЬЯ.

a) Происхожденіе брака; b) древнѣйшіе способы его заключенія; c) брачные подарки.

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1886

Включено
в каталог

Проверено

1960

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

РУ № 20 на бане Т/1-2. Зак. № 261.

34
K-561

KOVALEVSKII, MAKSIM MAKSIMOVICH
Максимъ Ковалевскій.

PERVOBYTNOE PRAVO.

ПЕРВОБЫТНОЕ ПРАВО

ВЫПУСКЪ II.

СЕМЬЯ.

a) Происхожденіе брака; b) древнѣйшіе способы его заключенія; c) брачные подарки.

103392

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1886

I.

Слѣды безпорядочнаго половаго сожитія.

Когда Гоббсъ, характеризуя отношенія людей другъ къ другу въ первобытномъ, или, какъ тогда говорили, естественномъ состояніи, называлъ его bellum omnium contra omnes, онъ дѣлалъ лишь одну вполнѣ понятную въ его время ошибку. Онъ отправлялся отъ воззрѣнія, что люди живутъ особнякомъ, и приходилъ послѣдовательно къ выводу, что, питая взаимно тѣ чувства, какія волкъ питаетъ къ человѣку, они не могутъ относиться другъ къ другу иначе, какъ враждебно. Современная этнологія разсѣяла прежнее воззрѣніе на жизнь людей особнякомъ даже на низшихъ ступеняхъ развитія. Мы находимъ, правда, туземцевъ Новой Голландіи въ этомъ состояніи; но большинство изслѣдователей согласны въ томъ, что современное намъ населеніе внутренней части австралійскаго материка — не болѣе, какъ разсѣянные остатки прежнихъ взаимно истребившихъ другъ друга племенъ, и что по этой причинѣ, при всей его дикости, ихъ состояніе не можетъ быть названо первобытнымъ. Вообще мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что, говоря о первобытномъ состояніи, мы разумѣемъ лишь самую раннюю изъ извѣстныхъ намъ стадій общественнаго развитія, не утверждая въ то же время, что ей не могла предшествовать болѣе ранняя и потому болѣе простая форма общественныхъ отношеній, которая, по недостаточности дошедшихъ до насъ слѣдовъ ея существованія, не можетъ быть нами болѣе возстановлена. И такъ, повторяемъ, древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ періодовъ общественнаго развитія застаетъ отдѣль-

ныя племена въ стадообразномъ состояніи, ведущими постоянную войну другъ съ другомъ.

По описанію Даннера, нѣкоторыя негритянскія племена живутъ доселѣ этой формою быта. Женщины и дѣти считаются общимъ достояніемъ цѣлой группы, отдѣльные члены которой обозначаются не иначе, какъ по ихъ физическимъ особенностямъ, такъ напр., высокій, хромой и т. д. Эти племена, по единогласному утвержденію посѣтившихъ ихъ путешественниковъ, состоятъ въ постоянной войнѣ между собою и взаимно истребляютъ другъ друга. Тѣми же красками путешественники рисуютъ общественный бытъ туземцевъ въ нѣкоторыхъ округахъ Новой Зеландіи, въ южной Америкѣ, на островахъ Андаманскихъ и Никобарскихъ, наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа, насколько можно судить изъ описываемаго Пржевальскимъ свободнаго сожитія, по крайней мѣрѣ, до замужества молодыхъ людей обоего пола. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ стадій общественнаго развитія описанная есть наиболѣе первобытная. Утверждать, что она непремѣнно должна быть найдена въ исторіи каждаго народа, значило бы вносить догматизмъ въ науку, которая, благодаря своему позднему появленію, не успѣла установить до сихъ поръ ничего, кромѣ въ высшей степени правдоподобныхъ гипотезъ; но говорить, что дошедшія до насъ свѣдѣнія касательно ранняго періода въ исторіи общественнаго развитія почти всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ, сохраняя еще многочисленные слѣды общенія женъ, даютъ право заключить, что ихъ первоначальный бытъ мало чѣмъ отличался отъ вышеописаннаго состоянія африканскихъ, американскихъ и австралійскихъ племенъ, значитъ не болѣе, какъ установлять согласную съ положительными данными и потому вполнѣ научную гипотезу. Имѣя главнымъ образомъ въ виду арійскую семью народовъ, я ограничусь точнымъ приведеніемъ тѣхъ фактовъ, на основаніи которыхъ мнѣ кажется возможнымъ считать стадообразное состояніе съ полнымъ общеніемъ женъ низшей ступенью ихъ общественнаго развитія. Изъ различныхъ вѣтвей арійской расы ни одни не сохранили столько остатковъ архаической старины, какъ Славяне; съ нихъ мы и начнемъ поэтому нашъ обзоръ.

Говоря о древнемъ бытѣ Чеховъ, Козьма Пражскій характеризуетъ его слѣдующими чертами: «народъ этотъ не знаетъ постоянства брачныхъ узъ: подобно скотамъ вступаютъ они въ связь каждую ночь съ новой женщиной и съ наступленіемъ зари разрываютъ, какъ онъ выражается, желѣзныя оковы любви. «Qui etiam ipsa connubia erant illis communia. Nam more pecudum singulos ad noctes novos probant hymenaeos et surgente aurora trium gradiarum copulam et ferrea amoris rumpunt vincula». Въ русской литературѣ не разъ высказывалось мнѣніе, что разсказъ Козьмы Пражскаго объ общности женъ у древнихъ Чеховъ есть чистѣйшій вымыселъ, потому что такого быта не знаетъ исторія. Современная этнологія позволяетъ намъ скептически отнестись къ самимъ скептикамъ. Разсказъ Козьмы Пражскаго не можетъ быть названъ плодомъ фантазіи, во первыхъ, потому, что описываемый имъ бытъ дѣйствительно существовалъ и еще въ настоящее время существуетъ какъ на старомъ, такъ и на новомъ материкѣ; а во вторыхъ, потому, что прямое подтвержденіе свидѣтельство Козьмы Пражскаго находитъ въ приводимомъ Маціевскимъ извлеченіи изъ житія св. Адальберта. Изъ этого извлеченія видно, что главною причиною недовольства мѣстнаго населенія св. Адальбертомъ была его ревностная проповѣдь въ пользу брачной жизни и неустрашимые нападки на сожительство съ родственницами, — сожительство, которое цитируемое нами житіе характеризуетъ словами: «populus miscebatur cum cognatis et sine lege cum uxoribus multis», и которое являлось необходимымъ результатомъ общенія женъ въ предѣлахъ одного и того же племени. Что описываемый Косьмой Пражскимъ порядокъ общенія женъ не составляетъ исключительной особенности однихъ чеховъ и что на первыхъ порахъ онъ встрѣчается и у русскихъ славянъ, доказательствомъ этому служитъ свидѣтельство Нестора о бытѣ Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ. «Радимичи, Вятичи и Сѣверъ», говорится въ лаврентьевской лѣтописи, «одинъ обычай имяху..... брацы же не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто совѣщашеся; имѣху же по двѣ и по три жены». Спрашивается теперь, имѣли-ли умыканія на игрищахъ необходи-

мымъ послѣдствіемъ личный бракъ, или они сами по себѣ составляли бракъ временный, сходный съ тѣмъ общимъ смѣшеніемъ половъ, о которомъ говоритъ Козьма Пражскій въ изображеніи древняго быта чеховъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, справедливо замѣчаетъ г. Якушкинъ въ своемъ любопытномъ предисловіи къ библіографіи русскаго обычнаго права, даютъ Переяславская лѣтопись и дошедшія до насъ извѣстія о подобныхъ игрищахъ, существовавшихъ въ позднѣйшее время. По словамъ Переяславской лѣтописи Радимичи, Вятичи и Сѣверяне не любили браковъ, но на игрищахъ между селами у нихъ допускалась свобода половыхъ сношеній. Еще подробнѣе говорится объ игрищахъ въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ. Въ правилахъ митрополита Кирилла, XIII вѣка, значится: «мы слышали, что въ предѣлахъ новгородскихъ невѣстъ водятъ къ водѣ, и нынѣ не велимъ, чтобы это такъ было и повелѣваемъ это проклинать. Мы слышали, что въ субботу вечеромъ собираются вмѣстѣ мужи и жены и играютъ безстыдно и скверну творятъ въ ночь Святаго Воскресенія». То, что на первыхъ порахъ было общимъ правиломъ, съ теченіемъ времени продолжаетъ оставаться не болѣе, какъ исключеніемъ. Общеніе женъ, имѣвшее первоначально мѣсто круглый годъ, ограничивается лишь періодомъ извѣстныхъ праздниковъ, имѣющихъ, правда, чисто христіанскій характеръ, но возникшихъ еще въ эпоху язычества и сохранившихъ поэтому во всѣхъ производимыхъ на нихъ обрядахъ слѣды языческой старины. Кому неизвѣстенъ праздникъ Ивана Купалы, праздникъ, который въ малороссійскихъ селахъ до сихъ поръ не обходится безъ зажиганія большихъ огней въ поляхъ и благороднаго соревнованія между хлопцами и дивчинами въ томъ, кто ловчѣе перепрыгнетъ черезъ разставленные огни, не обжегши себѣ при этомъ босыхъ пятокъ. Извѣстно также, что по мнѣнію всѣхъ знатоковъ славянской миѳологіи этотъ праздникъ возникъ впервые въ эпоху язычества и установленъ былъ въ честь Перуна, что съ введеніемъ христіанства Іоаннъ Предтеча вступилъ въ то положеніе, какое нѣкогда занималъ Перунъ, какъ это случилось со многими христіанскими святыми по отношенію къ языческимъ божествамъ. Неудивительно поэтому, если на этихъ

праздникахъ, по свидѣтельству игумена Елеазарова монастыря Памфила отъ 1505 г., происходило то умыканіе дѣвицъ и то смѣшеніе половъ, о которомъ говорятъ какъ Лаврентьевская, такъ и Переяславская лѣтописи, и противъ которыхъ Стоглавъ счелъ нужнымъ принять весьма строгія, но едва ли успѣшныя мѣры. Не въ одинъ праздникъ Ивана Купалы имѣли мѣсто такія явленія, мы встрѣчаемъ ихъ, по свидѣтельству Стоглава, и на ночныхъ игрищахъ наканунѣ Рождества Христова и Богоявленія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти игрища сохранились и до нашихъ дней съ ихъ первоначальнымъ значеніемъ. Въ Нижегородской губерніи, говоритъ г. Якушкинъ, въ настоящее время сходятся на красную горку женихи и невѣсты, нарядясь какъ можно лучше; при этомъ бываютъ и умыканія. Купальныя ночи (купальни) начинаются съ перваго воскресенья послѣ пасхи и продолжаются до осени во всѣ праздники. Отъ этихъ ночей сначала завязывается лада, потомъ сватовство.

Если индивидуальной семьѣ рано или поздно и удается занять мѣсто полнаго общенія женъ въ предѣлахъ одного и того же племени, то слѣды первоначальнаго коммунизма долгое время сохраняются въ большой свободѣ половыхъ сношеній. Въ современномъ намъ крестьянскомъ быту эта свобода еще далеко не исчезла. Стоитъ вспомнить только о великорусскихъ посидѣлкахъ и малорусскихъ вечерницахъ, сохранившихъ во многихъ мѣстностяхъ нашихъ сѣверныхъ и южныхъ губерній тотъ характеръ, какимъ отличались описываемыя Несторомъ игрища и сходки между селами. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Пинежскаго уѣзда, Архангельской губерніи, говоритъ г. Якушкинъ, ссылаясь на данныя, почерпнутыя имъ изъ архангельскихъ губернскихъ вѣдомостей, сохранилась еще полная свобода половыхъ сношеній на вечеринкахъ. Сношенія эти не считаются тамъ предосудительными; напротивъ того, дѣвушка, не выбранная парнемъ на вечеринкѣ, нерѣдко должна бываетъ выслушивать горькіе упреки отъ своей матери. Въ Харьковской губерніи, на сколько мнѣ извѣстно, родители и родственники смотрятъ на вечерницы, какъ на дѣло очень обыкновенное, и только тогда обнаруживаютъ свое неудовольствіе ими, когда въ той или другой семьѣ оказывается беременная дѣвушка. Ежели

въ другихъ мѣстностяхъ посидѣлки и вечерницы, даже при обычаѣ ложиться спать попарно, имѣютъ вполнѣ цѣломудренный характеръ, то это не опровергаетъ мысли, высказанной выше объ ихъ значеніи, но указываетъ только, что отъ существовавшаго прежде обычая остался одинъ обрядъ *).

Различныя формы гостепріимнаго гетеризма у русскихъ инородцевъ представляютъ самый наглядный примѣръ такого перехода обычая въ обрядъ, потерявшій всякое дѣйствительное значеніе. У сидячихъ Коряковъ и Чукчей гостепріимство требуетъ, чтобы хозяинъ предоставлялъ въ распоряженіе гостя жену свою или дочь. Отказъ гостя составляетъ такое глубокое оскорбленіе, за которое онъ можетъ быть убитъ хозяиномъ. У нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ отъ обычая этого сохранился только обрядъ. У нихъ по тѣмъ же законамъ гостепріимства дочь хозяина спитъ въ одной комнатѣ съ гостемъ, но сохраняетъ вполнѣ цѣломудріе. На ту же свободу половыхъ сношеній, о которой свидѣтельствуютъ сохранившіяся въ нашемъ крестьянскомъ быту посидѣлки и вечерницы, указываютъ и свадебные обряды нѣкоторыхъ мѣстностей, напр., Ставропольской губерніи, въ которой, согласно указаніямъ Альшанскаго, въ день дѣвичника послѣ пирушки, на которую приглашаютъ молодыхъ дѣвушекъ и парубковъ, всѣ ложатся спать, женихъ съ невѣстой, а парубки съ прочими дѣвицами.

Слѣды нѣкогда существовавшаго общенія женъ сохранились не у одной славянской вѣтви арійской семьи народовъ. Если при изложеніи данныхъ въ пользу признанія факта безпорядочности половаго сожительства въ средѣ арійскихъ народовъ мы прежде всего обратились къ изученію обломковъ брачнаго коммунизма у славянскихъ народностей, то лишь потому, что ни у одной вѣтви арійскаго племени мы не можемъ прослѣдить въ такой мѣрѣ, какъ у Славянъ, съ одной стороны, локализацію обычая, съ другой — ограниченіе его во времени, съ третьей — переходъ самаго обычая въ обрядъ. Зная

*) См. Сумцовъ. Статья о вечерницахъ въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1886 г., мартъ мѣсяцъ.

теперь, какіе фазисы проходитъ при своемъ вымираніи первоначальная свобода половыхъ сношеній, мы въ состояніи, на основаніи сохранившихся обломковъ архаическаго общенія женъ у другихъ отраслей арійской рассы, возсоздать въ умѣ тотъ отдаленный періодъ, когда это общеніе было общераспространеннымъ въ ихъ средѣ обычаемъ.

Обратимся прежде всего къ Кельтамъ и посмотримъ, не даютъ ли намъ, съ одной стороны, свидѣтельства древнихъ писателей, съ другой—дѣйствовавшіе уже въ историческій періодъ ихъ жизни обычаи право заключить, что стадообразное состояніе съ полнымъ общеніемъ женъ было дѣйствительной формой ихъ общественныхъ отношеній. Въ пятой книгѣ своихъ знаменитыхъ комментаріевъ на войну съ Галлами Юлій Цезарь даетъ намъ слѣдущее описаніе Бритовъ: «uxores habent deni duodenique inter se communes et maxime fratres cum fratribus, parentesque cum liberis». Изъ дальнѣйшаго изложенія читатель увидитъ, что описываемая здѣсь Цезаремъ форма общенія женъ между братьями есть форма позднѣйшая, возникновеніе которой обусловливается ограниченіемъ извѣстной категоріей лицъ безпорядочнаго на первыхъ порахъ половаго сожитія. Въ настоящую минуту насъ интересуетъ лишь то обстоятельство, что въ эпоху Юлія Цезаря Кельты сохранили еще слѣды брачнаго коммунизма, если не на всемъ протяженіи Галліи, въ большей части провинцій которой самопроизвольный процессъ общественнаго развитія привелъ уже къ выдѣленію не только индивидуальныхъ семействъ и частныхъ помѣстій, но и привиллегированныхъ сословій въ лицѣ друидовъ и рыцарей, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ ея (я разумѣю Бретань и Шотландію), въ которыхъ поступательное развитіе общества было задержано физическими условіями мѣстности. Свидѣтельство Цезаря пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, если сопоставить его съ нѣкоторыми другими Говоря это, я разумѣю, во 1-хъ, правила, принятыя въ серединѣ V вѣка на одномъ изъ помѣстныхъ соборовъ во Франціи противъ брака между родными братьями и сестрами; во вторыхъ, долго державшійся въ средѣ горныхъ Шотландцевъ обычай допускать сожительство жениха съ невѣстой до совершенія религіей освя-

щеннаго обряда и считать обязательство его вступить въ бракъ прекратившимся въ томъ случаѣ, если дѣвушкѣ не удастся забеременеть; въ третьихъ, наконецъ,—до сихъ поръ встрѣчающуюся въ крестьянскомъ населеніи Ирландіи свободу половыхъ сношеній,—свободу, которая ведетъ къ существованію безнравственнаго въ нашихъ глазахъ обычая bundling, другими словами—свободной любви между молодыми мужчинами и женщинами до самаго момента ихъ вступленія въ бракъ. Въ сборникѣ ирландскихъ пѣсенъ (изд. Whitley Stokes) встрѣчается много намековъ на существованіе нѣкогда въ Ирландіи такой безпорядочности половыхъ сношеній.

Отъ Кельтовъ перейдемъ къ Германцамъ. Ни Цезарь, ни Тацитъ не говорятъ намъ ни слова объ общеніи женъ въ ихъ средѣ Но если у извѣстныхъ классическимъ писателямъ племенъ общеніе женъ въ эпоху первоначальнаго знакомства съ ними Римлянъ уже успѣло уступить мѣсто болѣе сложнымъ и потому высшимъ формамъ брачныхъ отношеній, если въ варварскихъ законахъ мы уже имѣемъ дѣло съ вполнѣ индивидуализировавшейся семьей, то изъ этого не слѣдуетъ, что въ отдѣльныхъ частяхъ Германіи или Швейцаріи, въ которыхъ физическія условія страны являлись долгое время тормазомъ въ дѣлѣ развитія гражданственности изслѣдователю нельзя было бы обнаружить слѣдовъ первобытнаго общенія женъ. Одинъ изъ такихъ слѣдовъ мнѣ удалось найти въ обычномъ правѣ одного изъ округовъ кантона Граубюнденъ, именно въ округѣ Kloster. Населеніе этого округа, по единогласному утвержденію всѣхъ историковъ, составилось преимущественно, если не исключительно, изъ нѣмецкихъ колонистовъ аллеманскаго происхожденія. Обычное право его не было кодифицировано вплоть до начала XVII в.; неудивительно поэтому, если въ число его постановленій вошло много обычаевъ, возникновеніе которыхъ относится къ несравненно болѣе ранней эпохѣ. Однимъ изъ такихъ должна быть признана статья, запрещающая такъ называемыя Kilbenen, или сходбища въ селахъ,—сходбища, результатами которыхъ, какъ сказано въ кодексѣ, является блудъ и прелюбодѣяніе. Запрещая на будущее время всѣ подобнаго рода собранія, власти округа поступаютъ точь-въ-точь, какъ это сдѣ-

лали въ 1868 году жители села Воржа (Ярославской губ.), запретивши у себя навсегда ночныя бесѣды.

Но если въ современной намъ общественной жизни нѣмцевъ не сохранилось болѣе прямыхъ слѣдовъ хотя-бы временнаго общенія женъ, то свобода половыхъ сношеній до заключенія брака, держащаяся и по нынѣ въ нѣкоторыхъ кантонахъ нѣмецкой Швейцаріи, свидѣтельствуетъ въ пользу господства нѣкогда безпорядочнаго половаго сожитія у Германцевъ. Свобода, о которой я говорю, выражается въ существованіи еще въ наше время въ кантонахъ Швицъ и Аргау такъ наз. Dorf—gehen или Kilchgand, другими словами, обычая ходить по вечерамъ къ незамужнимъ женщинамъ и съ вѣдома родителей проводить съ ними ночь; обычай этотъ повсемѣстно господствовалъ не только въ нѣмецкой Швейцаріи, но и въ отдѣльныхъ округахъ Виртемберга и Баваріи, доказательствомъ чему служатъ собранныя Рохгольцемъ пѣсни, которыми молодые люди или даютъ знать о своемъ приходѣ своимъ любезнымъ или отгоняютъ своихъ случайныхъ конкуррентовъ.

Изъ всего предыдущаго легко убѣдиться въ томъ, что безпорядочное половое сожитіе не составляетъ особенности однихъ малайскихъ, американскихъ, негритянскихъ или туранскихъ племенъ, какъ это думаютъ нѣкоторые изслѣдователи и въ числѣ ихъ Мэнъ, но что оно можетъ быть обнаружено и на основаніи фактовъ переживанія отдѣльныхъ вѣтвей арійской расы—Славянъ, Кельтовъ и Германцевъ. Спрашивается теперь, насколько примѣнимъ сдѣланный нами выводъ къ исторіи общественнаго развитія, съ одной стороны, древнихъ Индусовъ, а съ другой—народовъ греко-римскаго міра.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію немногихъ фактовъ, добытыхъ для разрѣшенія этого вопроса исторіей законодательствъ и миѳологіей, я позволю сдѣлать себѣ слѣдующее общее замѣчаніе. Скудость и отрывочность нашихъ свѣдѣній по этому предмету обусловливается самымъ характеромъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ они только и могутъ быть почерпнуты. Тогда какъ для изученія древнѣйшаго общественнаго быта Славянъ и Кельтовъ мы имѣемъ прямыя свидѣтельства такихъ анналистовъ и историковъ, какъ Цезарь, Козьма Пражскій, Несторъ; при изу-

ченіи раннихъ формъ общественной жизни Индусовъ и Грековъ мы не располагаемъ другимъ матеріаломъ, кромѣ миѳологическихъ сказаній или произведеній народной поэзіи: Ригъ-Веда, Атарва-Веда, Иліада и Одиссея — таковы тѣ памятники, которыми по неволѣ, за неимѣніемъ другихъ, принужденъ ограничиться изслѣдователь древнѣйшей культуру Индіи и Греціи, тогда какъ историку общественнаго развитія Рима не представляется и этого сомнительнаго богатства матеріала. Неудивительно, если при такихъ условіяхъ мы можемъ съ трудомъ извлечь лишь отрывочныя данныя касательно семейныхъ отношеній у первыхъ двухъ народовъ и совершенно принуждены игнорировать организацію семейства въ ранній періодъ римской жизни.

Аврелю Майеру первому пришло въ голову искать въ постановленіяхъ индусскаго наслѣдственнаго права слѣдовъ архаическаго общенія женъ. Находя въ цѣломъ рядъ законодательныхъ сборниковъ, начиная съ Яджнавалькіи и оканчивая Митакшарой, правило о допущеніи къ наслѣдованію сына невѣрной жены, прижитаго ею въ сожительствѣ съ тѣмъ или другимъ, «изъ соплеменниковъ мужа, человѣка одной съ нимъ варна», по выраженію сборника Куллука, Майеръ пришелъ къ обнаруженію у Индусовъ обычая общенія женъ, по крайней мѣрѣ, въ его позднѣйшей формѣ, половаго сожитія ближайшихъ родственниковъ съ одной и той же женщиной. Знакомство съ современными формами религіознаго гетеризма на берегахъ Ганга, въ Пондишерии Гоа, — гетеризма, состоящаго въ томъ, что женщины добровольно проституируютъ себя въ храмѣ Югернавта, только укрѣпило его въ этой мысли, доказывая ему существованіе еще въ современной Индіи слѣдовъ первобытнаго общенія женъ въ самой поздней по времени формѣ: я разумѣю ограниченіе этого первоначально принадлежавшаго всему племени права одними представителями его—жрецами. Замѣчанія Майера по вопросу о первобытномъ общеніи женъ у Индусовъ навели Всеволода Миллера на счастливую мысль—провѣрить на основаніи строгаго филологическаго и миѳологическаго разбора гимновъ Ригъ-Веды справедливость выставленной Максомъ Мюллеромъ теоріи, будто бы арійскія племена вообще и Индусы въ частности не знали съ

древнѣйшихъ временъ другихъ формъ общественныхъ отношеній, кромѣ малой семьи. Хотя изслѣдованія Всеволода Миллера и привели его къ заключенію, что въ Ведическій періодъ эта послѣдняя является уже вполнѣ организованной, тѣмъ не менѣе ему удалось открыть въ отдѣльныхъ гимнахъ слѣды первобытнаго общенія женъ. Въ 10-мъ гимнѣ X-ой книги Ригъ-Веды, содержащемъ въ себѣ діалогъ между братомъ и сестрой—Ямомъ и Ями, Вс. Миллеръ считаетъ возможнымъ видѣть не одно лишь миѳологическое представленіе объ отношеніи дня и ночи, но и прямое указаніе на сожительство нѣкогда брата съ сестрой. «Кто бы ни были Яма и Ями», говоритъ онъ, «они прежде всего братъ и сестра». Гимнъ, затрогивая вопросъ о бракѣ между ними и указывая на существованіе на этотъ счетъ двухъ противоположныхъ воззрѣній, одного — разрѣшительнаго, представленнаго въ лицѣ сестры, другаго — запретительнаго, выразителемъ котораго является братъ, даетъ такимъ образомъ право заключить о допущеніи нѣкогда обычаемъ кровосмѣшенія, а слѣдовательно и объ отсутствіи всякаго препятствія къ полной свободѣ половыхъ сношеній. Если 10-й гимнъ X книги Ригъ-Веды даетъ право заключить о дозволеніи нѣкогда обычаемъ сожительства брата съ сестрой, то 2-й и 17-й стихи XIV-ой книги Атарва-Веды, въ которыхъ жена названа «любящей деверей», приводитъ къ выводу о сожительствѣ первоначально братьевъ съ одной и той же женщиной. Въ цѣломъ рядѣ весьма темныхъ стиховъ Вс. Миллеръ находитъ также слѣды сожительства отца съ дочерью. Въ свадебномъ гимнѣ Атарва-Веды онъ видитъ уподобленіе жены съ полемъ, при чемъ мужчинамъ дается такой совѣтъ: «Одушевленная пашня, эта женщина пришла сюда; сѣйте, о мужи, въ нее ваше сѣмя». Въ этомъ множественномъ числѣ Миллеръ, въ противность Веберу, ищетъ остатокъ тѣхъ временъ, — мы употребляемъ его подлинныя слова, — когда множественное число по отношенію къ мужьямъ было умѣстно.

Вс. Миллеръ не скрываетъ того обстоятельства, что представленные имъ доводы далеко не имѣютъ рѣшительнаго характера. Выраженіе «любящая деверей» легко можетъ быть, говоритъ онъ, ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ родственной

любви жены къ братьямъ мужа, а терминъ «мужи» въ стихѣ Аттарва-Веды легко можетъ быть pluralis majestatis. Едва ли не самымъ вѣскимъ подтвержденіемъ выставляемой имъ гипотезы является отмѣченыйимъ въ послѣднее время и обязательно сообщенный мнѣ фактъ существованія въ индусскомъ ритуалѣ слѣдующей церемоніи. Жена въ присутствіи мужа должна отвѣтить на вопросъ жреца, кто до брака былъ ея любовникомъ; если у нея и не было таковаго, она тѣмъ не менѣе должна назвать чье нибудь имя. Эта церемонія важна для насъ въ томъ отношеніи, что указываетъ, во 1-хъ, на существованіе нѣкогда полной свободы половыхъ сношеній до заключенія брака, а во 2-хъ, на постепенное вымираніе этой свободы и удержаніе отъ нея въ концѣ концовъ одной лишь внѣшней формы или обряда. Миллеръ старается также поддержать защищаемый имъ взглядъ указаніемъ, на то обстоятельство, что уже въ гимнахъ Ригъ-Веды говорится о правѣ деверей на вдову, — правѣ, признанномъ законами Ману, а также—о правѣ жреца на вознагражденіе брачной сорочкой за добровольный и подразумѣваемый отказъ отъ принадлежащаго ему, какъ представителю племени, права первой ночи,—права, признаваемаго за нимъ и до сихъ поръ въ храмѣ Югернавта. Къ оцѣнкѣ этого послѣдняго факта мы будемъ еще имѣть случай вернуться, когда поведемъ рѣчь о тѣхъ заключеніяхъ, къ которымъ приводитъ широкое распространеніе jus primae noctis.

Какъ ни недостаточны и отрывочны данныя, сообщаемыя Ведами, касательно древнѣйшихъ формъ отношеній между полами, тѣмъ не менѣе они полнѣе тѣхъ, которыя мы имѣемъ по тому же вопросу въ примѣненіи къ древнимъ обитателямъ Греціи и Италіи. Распущенность, съ нашей точки зрѣнія, нравовъ спартанскихъ женщинъ и обязательное сожитіе съ женою умершаго брата, или такъ называемый левиратъ, не только въ древней Троѣ, но и въ Аѳинахъ въ періодъ, слѣдующій за Гомеромъ,— таковы тѣ немногіе факты, которые могутъ быть приведены въ пользу существованія нѣкогда въ Греціи обычая общенія женъ *).

---

*) См. Mac. Lennan Kinship in Ancient Greece въ его Studies in Ancient history.

Факты эти получаютъ однако надлежащее освѣщеніе лишь при сопоставленіи ихъ съ слѣдующимъ свидѣтельствомъ Клеарка о времени установленія въ Аѳинахъ частной семьи: «Кекропсъ первый, говоритъ этотъ писатель, установилъ въ Аѳинахъ постоянную связь между мужчиной и женщиной, возложивши на обоихъ обязанность взаимной вѣрности; до этого же времени отношенія половъ не были регулированы никакими общепринятыми правилами или законами и не было ребенка, который бы могъ назвать своего отца» *). Это свидѣтельство важно для насъ не потому, что даетъ возможность опредѣлить хотя бы съ приблизительной точностью время возникновенія въ Аѳинахъ малой семьи. Этой точности изслѣдователь, имѣющій дѣло съ народными сказаніями, переданными анналистами, едва ли когда будетъ въ состояніи достигнуть. Народная фантазія слишкомъ охотно надѣляетъ наиболѣе любимыхъ ею героевъ славными дѣлами, самый характеръ которыхъ не допускаетъ мысли о совершеніи ихъ тѣмъ или другимъ частнымъ лицомъ, какъ бы геніально ни было это послѣднее. Такъ и въ данномъ случаѣ. Установленіе индивидуальной семьи въ Аѳинахъ не могло быть дѣломъ личной иниціативы полумиѳическаго законодателя. Интересъ приведеннаго свидѣтельства лежитъ не въ фиксированіи имъ эпохи происхожденія въ Аѳинахъ индивидуальнаго брака, а въ констатированіи имъ факта существованія въ Греціи преданія объ отсутствіи нѣкогда опредѣляемыхъ закономъ отношеній между полами, что въ свою очередь обусловливало собою невозможность иной родственной связи, кромѣ той, которую сама природа установляетъ между дѣтьми и произведшею ихъ на свѣтъ матерью.

Переходя отъ жителей древней Греціи къ обитателямъ Итальянскаго полуострова, я принужденъ ограничиться приведеніемъ лишь слѣдующаго показанія историка Теопомпа касательно одного изъ народовъ, заселявшихъ полуостровъ задолго до возникновенія Рима—я разумѣю Тирренцевъ. «Законы послѣднихъ, говоритъ этотъ писатель, предписываютъ имъ общеніе женъ; дѣти

---

*) Clearque, ap. Athenae, XIII, 2. Это мѣсто цитировано Paul Gide въ его: «Étude sur la condition privée de la femme dans le droit ancien et moderne. Paris. 1867.

всѣхъ и каждаго воспитываются совмѣстно, такъ какъ никто не можетъ сказать утвердительно, чей онъ сынъ» *).

Скудость свѣдѣній касательно первобытной формы отношеній между полами у народовъ классической древности, по справедливому замѣчанію Поля Жида, объясняется тѣмъ, что въ эпоху, къ которой относятся даже древнѣйшіе изъ греческихъ и латинскихъ писателей, общеніе женъ уже перестало существовать на правахъ общераспространеннаго обычая, и только немногіе слѣды архаическаго коммунизма продолжали держаться въ такихъ удаленныхъ отъ гражданскаго оборота мѣстностяхъ Европы, каковы Кавказъ, берега Чернаго моря, Далматія, Бретань, Ирландія и Балеарскіе острова.

---

*) Paul Gide, стр. 20.

II.

Общеніе женъ.

Приступая къ изученію древнѣйшихъ формъ брачнаго права, я прежде всего остановился на изученіи тѣхъ, сравнительно немногихъ, данныхъ, которыя представляетъ какъ современный намъ общественный строй, такъ и пройденныя уже стадіи развитія, для рѣшенія вопроса: на сколько можетъ быть признанъ общимъ законъ поздняго возникновенія семьи изъ безпорядочнаго на первыхъ порахъ сожитія половъ. На этотъ счетъ существуетъ два противоположныхъ взгляда. Одни писатели, къ числу которыхъ нужно отнести безъ исключенія всѣхъ и каждаго изъ этнологовъ, занимавшихся вопросомъ о первобытныхъ формахъ общенія людей между собою, признаютъ позднее сравнительно происхожденіе семьи явленіемъ общимъ всѣмъ народностямъ, каковы бы ни были ихъ расовыя отличія. Другіе, и въ томъ числѣ большинство филологовъ и юристовъ, положительно отказываются отъ признанія факта отсутствія семьи у Аріевъ даже на низшихъ ступеняхъ ихъ общественнаго развитія. По ихъ мнѣнію, утверждаемый современной этнологіей фактъ поздняго возникновенія индивидуальной семьи примѣнимъ къ однимъ лишь народамъ туранской и малайской расы, и положительно не имѣетъ мѣста въ средѣ арійской семьи, древнѣйшіе памятники которой заключаютъ въ себѣ будто бы несомнѣнныя свидѣтельства касательно существованія вполнѣ индивидуализировавшихся семейныхъ отношеній, даже въ самый ранній періодъ общественнаго развитія.

Послѣ сказаннаго понятно, что задача каждаго изслѣдованія, пытающагося обосновать мысль о всеобщемъ распространеніи въ первобытныхъ обществахъ людей внѣбрачной формы по-

ловаго сожитія, должно быть приведеніе возможно большаго числа фактовъ изъ жизни арійскихъ народовъ въ подкрѣпленіе вышеуказаннаго положенія. Одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ прекраснаго труда Спенсера «Основанія соціологіи» состоитъ въ совершенномъ упущеніи изъ виду этой стороны вопроса. Говоря объ общераспространенности тѣхъ или другихъ формъ половаго сожитія, Спенсеръ не приводитъ почти ни одного факта изъ жизни арійской семьи народовъ и тѣмъ самымъ оставляетъ полный просторъ ходячимъ воззрѣніямъ на счетъ первоначальнаго существованія исключительно внѣбрачныхъ формъ сожительства лишь у такъ называемыхъ низшихъ расъ—Малайской и Туранской.

Въ виду тѣхъ возраженій, какія могутъ быть сдѣланы противъ всеобщности утверждаемаго этнологами положенія, я счелъ нужнымъ обратиться къ изученію всѣхъ тѣхъ свидѣтельствъ, въ которыхъ можно видѣть прямое или косвенное подтвержденіе тому, что безпорядочное половое общеніе было извѣстно и народамъ арійской крови.

Сдѣлавши это, я считаю возможнымъ обратиться въ настоящее время къ изученію формъ брачнаго коммунизма у современныхъ дикарей, являющихся во многихъ отношеніяхъ типомъ того, чѣмъ были нѣкогда наши прадѣды. Приводя различные факты изъ домашняго быта этихъ народовъ, я постараюсь расположить ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы читатель самъ имѣлъ возможность прійти къ извѣстнымъ заключеніямъ, какъ о характерѣ первобытныхъ отношеній между полами, такъ и о процессѣ постепеннаго нарожденія болѣе совершенныхъ и потому высшихъ формъ сожительства. Приводя эти факты, я буду держаться, съ одной стороны, показаній путешественниковъ, а съ другой—историческихъ свидѣтельствъ, которымъ въ настоящее время, послѣ блистательнаго подтвержденія ихъ этнологическими данными, едва ли можетъ быть отказано въ довѣріи.

По показаніямъ путешественниковъ, Бушмены Южной Африки не имѣютъ даже понятія о бракѣ; мужчины и женщины у этихъ племенъ состоятъ другъ съ другомъ въ безпорядочномъ половомъ сожитіи, не порождающемъ между ними никакихъ сколько нибудь продолжительныхъ союзовъ.

Одно изъ племенъ, встрѣчаемыхъ на Остъ-Индскомъ полуостровѣ, а именно въ Удѣ,—я разумѣю племя Тихуровъ,—живетъ, согласно указаніямъ Буханана, ордами, въ средѣ которыхъ возникаютъ путемъ половаго сожитія лишь кратковременные союзы. «Отдѣльныя пары, говоритъ приводимый нами писатель, считаютъ себя иногда состоящими въ брачныхъ связяхъ; но послѣднія въ дѣйствительности существуютъ только по имени. У другаго народца того же Остъ-Индскаго полуострова,—народца, обитающаго въ горахъ Нейльгери, капитанъ Іоркнисъ нашелъ «отсутствіе всякаго брачнаго договора; мужчины и женщины вступали между собою въ связь почти безъ всякаго разбора; рѣшеніе того, продолжать ли связь или разстаться, зависѣло главнымъ образомъ отъ женщины».

Гарцилласо-де-ла-Вега утверждаетъ, что у нѣкоторыхъ племенъ, заселявшихъ Перу до нашествія Инковъ, ни одинъ мужчина не владѣлъ исключительно той или другой женщиной. Въ Калифорніи въ средѣ краснокожихъ, по показаніямъ Беджерта, индивиды разныхъ половъ вступаютъ въ связь другъ съ другомъ помимо совершенія какого либо предварительнаго обряда. У нихъ нѣтъ даже слова для обозначенія акта женитьбы.

На островахъ Андаманскихъ мужчина и женщина сожительствуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока этого требуетъ уходъ за народившимся младенцемъ, затѣмъ они расходятся и вступаютъ каждый въ новую связь съ лицами, принадлежащими къ одному съ ними стадному соединенію. Таково, по крайней мѣрѣ, свидѣтельство Бельхера, помѣщенное въ бюллетенѣ занятій Лондонскаго Этнографическаго Общества.

По словамъ одного сипая, прожившаго болѣе года между Андаманцами, безпорядочное половое сожительство настолько освящено у нихъ общественнымъ мнѣніемъ, что мужчина, получившій отказъ отъ незамужней женщины, смотритъ на него, какъ на оскорбленіе, и нерѣдко прибѣгаетъ къ немедленному отмщенію.

У Гайдаховъ, живущихъ на островахъ Королевы Шарлотты, по указаніямъ Потоля, понятія о бракѣ совершенно не существуетъ. «Женщины, говоритъ этотъ путешественникъ, повидимому считаютъ своими супругами всѣхъ и каждаго изъ мужчинъ

103392

одного съ ними племени и отказываютъ въ половомъ сожительствѣ лишь иностранцамъ.

Ко всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ европейскихъ путешественниковъ о народахъ Азіи, Африки и Америки, присоединяются, съ одной стороны,—показанія древнихъ писателей и въ особенности Геродота и Страбона о безпорядочномъ половомъ сожитіи нѣкоторыхъ Эѳіопскихъ племенъ, Анзовъ и Гарамантовъ, и о полномъ отсутствіи самаго понятія о бракѣ у Массагетовъ, а, съ другой,—передаваемое Гоге ходячее у Китайцевъ преданіе о существованіи у нихъ начала общенія женъ вплоть до эпохи появленія Руги. Общее заключеніе, къ какому приводятъ перечисленные нами факты, состоитъ въ признаніи, что среди дикихъ или мало развитыхъ еще племенъ, какъ стараго, такъ и новаго материка, можно констатировать въ древности и въ наше время формы отношеній между полами, при которыхъ женщины состоятъ въ половомъ сожитіи со всѣми и каждымъ изъ мужчинъ одного съ ними стаднаго соединенія, и которыя Леббокъ обозначаетъ не вполнѣ удачно терминомъ «коммунальнаго брака».

Какъ самый терминъ, такъ отчасти и выражаемое имъ понятіе, находятъ рѣшительнаго противника въ лицѣ Герберта Спенсера. Заслугой Спенсера должно быть признано то обстоятельство, что, не отвергая вполнѣ, по примѣру Макъ-Ленана, мнѣнія Лёббока о коммунальномъ бракѣ, онъ первый указалъ на существованіе одновременнаго съ нимъ стремленія ограничить послѣдній путемъ установленія личныхъ союзовъ между индивидами разнаго пола, союзовъ, имѣющихъ нѣкоторую продолжительность. Этому же писателю удалось показать ошибочность употребляемой Лёббокомъ терминологіи и необходимость замѣны термина «коммунальный бракъ» описательнымъ названіемъ «безпорядочнаго половаго сожитія».

Излагая мнѣніе Леббока о существованіи на первыхъ порахъ коммунальнаго брака, Спенсеръ прибавляетъ отъ себя: «я не думаю, чтобы факты оправдывали заключеніе, будто бы безпорядочное половое сожительство существовало когда либо въ совершенно неограниченной формѣ. Кромѣ того мнѣ кажется, что если бы оно даже и существовало въ этой формѣ, то всетаки названіе коммунальнаго брака не дало бы намъ вѣрнаго пред-

ставленія о немъ. Начальное общественное состояніе должно было представлять такой порядокъ вещей, при которомъ не существовало еще никакихъ общественныхъ законовъ. Общественные законы предполагаютъ нѣкоторую продолжительность общественнаго существованія, а послѣднее возможно лишь при смѣнѣ последовательно нѣсколькихъ поколѣній. Вслѣдствіе этого, въ самомъ началѣ не могло существовать такого общественнаго закона, какъ законъ коммунальнаго брака, въ силу котораго каждый мужчина и каждая женщина извѣстнаго маленькаго племени считались въ одинаковой степени принадлежащими другъ другу, какъ мужъ и жена; въ самомъ началѣ не могло существовать ни малѣйшаго представленія о правахъ, вытекающихъ изъ коммунальнаго брака. Слова «бракъ» и «право», въ приложеніи къ подобному общественному состоянію, могутъ, какъ мнѣ кажется, привести насъ къ весьма ошибочнымъ представленіямъ. Каждое изъ этихъ словъ подразумѣваетъ нѣкоторое притязаніе и нѣкоторое ограниченіе. Но коль скоро притязаніе признается одинаково за всѣми членами даннаго племени, то единственнымъ ограниченіемъ можетъ быть исключеніе членовъ другихъ племенъ; но мнѣ кажется невозможнымъ утверждать, чтобы идея о бракѣ внутри племени явилась изъ отрицанія притязаній личностей, принадлежащихъ къ другимъ племенамъ. Но оставимъ вопросъ о терминологіи и перейдемъ къ разсмотрѣнію существеннаго вопроса: предшествовало ли то, что мы могли бы назвать племенной монополіей, т. е. общимъ владѣніемъ женщинами, индивидуальной монополіи. Сэръ Джонъ Лёббокъ полагаетъ, что отсутствіе индивидуальнаго супружескаго обладанія шло параллельно съ отсутствіемъ индивидуальнаго обладанія вообще, т. е., пока не существовало понятія объ индивидуальной собственности на другія вещи, не существовало и понятія объ индивидуальной собственности на женщину. Онъ полагаетъ, что какъ территорія даннаго племени была общей собственностью всѣхъ его членовъ, такъ точно и женщины племени были общей собственностью всѣхъ мужчинъ этого племени. Онъ думаетъ, что частная собственность на женщину установилась только, какъ результатъ похищенія женъ, вслѣдствіе того, что женщины, добытыя этимъ путемъ, начали считаться принадлежащими

своимъ похитителямъ. Хотя я тоже вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что развитіе понятія о собственности вообще имѣло большое вліяніе на развитіе понятія о супружескихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе я нахожу вполнѣ возможнымъ не раздѣлять мнѣнія Сэра Джона Лёббока, чтобы понятіе о собственности находилось хотя когда нибудь въ такомъ неразвитомъ состояніи, какое предполагается имъ. Обыкновенно дикари владѣютъ индивидуально своимъ оружіемъ и утварью, своими украшеніями и одеждою. Даже у низко стоящихъ Огнеземельцевъ существуетъ частная собственность по отношенію къ лодкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, то самое представленіе о будущихъ выгодахъ, которое заставляетъ разумное существо овладѣть какою нибудь полезною вещью, или изготовить ее для себя, побуждаетъ его сопротивляться отнятію этой вещи. Въ большинствѣ случаевъ ему не мѣшаютъ владѣть вещью, потому что самая вещь не стоитъ того, чтобы отваживаться изъ-за нея на драку; но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вещь, не смотря на сопротивленіе хозяина, отбирается у него другимъ, этотъ другой опять-таки владѣетъ ею индивидуально, такъ что она снова становится частною собственностью. Побужденія, приводившія первобытныхъ людей къ монополизированію другихъ цѣнныхъ предметовъ, должны были приводить ихъ и къ монополизированію женщинъ. Между ними должна была возникнуть частная собственность на послѣднихъ».

«Мнѣ кажется, что такое заключеніе, прибавляетъ Спенсеръ, вполнѣ подтверждается фактами. Безпорядочное половое сожительство, какъ-бы рѣзко ни было оно выражено въ томъ или другомъ случаѣ, всегда и повсюду оказывается ограниченнымъ союзами, имѣющими нѣкоторую продолжительность. У самыхъ низшихъ изъ существующихъ нынѣ расъ, у Огнеземельцевъ, Австралійцевъ и Андаманцевъ,—мы постоянно находимъ болѣе или менѣе продолжительныя и прочныя половыя отношенія, хотя завязываются они часто безъ всякихъ формальностей; и я не вижу причины, почему въ общественныхъ группахъ, стоящихъ еще ниже, не существовало бы индивидуальнаго обладанія женщинами со стороны мужчинъ. Мнѣ кажется, что мы должны допустить, что даже въ доисторическія времена безпорядочное половое сожительство сдерживалось установленіемъ индивидуальныхъ

связей, являвшихся слѣдствіемъ мужскихъ вкусовъ и склонностей и поддерживаемыхъ противъ другихъ мужчинъ открытою силою *)».

«Впрочемъ, я допускаю вполнѣ (такъ заканчиваетъ Спенсеръ свою замѣчательную критику Леббоковской теоріи), что на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія безпорядочное половое сожительство ограничивалось этимъ способомъ лишь въ очень слабой степени».

Соображенія Спенсера находятъ въ послѣднее время рѣшительное подтвержденіе въ работахъ натуралистовъ, посвятившихъ себя изученію быта животныхъ и успѣвшихъ открыть у высшихъ особей послѣднихъ то же состояніе слабо ограниченнаго безпорядочнаго половаго сожитія, съ котораго начинается самый процессъ общественнаго развитія человѣчества.

Утверждая сравнительно позднее возникновеніе, и при томъ у однихъ лишь высшихъ особей животнаго царства, осмысленныхъ, какъ онъ выражается, соединеній индивидовъ обоего пола въ племена, французъ Эспинасъ и итальянецъ Занетти въ то же время констатируютъ существованіе недобровольныхъ стадныхъ соединеній на самыхъ низшихъ ступеняхъ животнаго царства, примѣромъ чему служитъ имъ стадное сожительство цѣлыхъ милліоновъ моллюсокъ, такъ часто наблюдаемое напр., по отношенію къ устрицамъ **). У этихъ низшихъ особей мы не находимъ еще никакихъ признаковъ существованія связи между нарождающимися поколѣніями и индивидами, вызвавшими ихъ къ жизни. Одинъ только видъ моллюсокъ, такъ называемыя калиптріи, обнаруживаютъ нѣкоторую заботливость по отношенію къ своему потомству ***).

Чѣмъ выше стоятъ по органическому развитію тѣ или другіе виды животнаго царства, тѣмъ ярче выступаетъ впередъ заботливость ихъ насчетъ питанія и храненія нарождающихся поколѣній, по крайней мѣрѣ въ раннюю эпоху ихъ физическаго развитія. Эта заботливость составляетъ исключительную особенность лишь одного изъ родителей, а именно самки. Самецъ

*) Индукціи Соціологіи, глав. V. стр. 699—702.

**) Sociétés animales, стр. 296.

***) Ibid. стр. 182.

не только не принимаетъ мѣръ къ сохраненію потомства, но самкѣ приходится даже не рѣдко охранять послѣднее противъ самца, что наблюдается даже у нѣкоторыхъ породъ млекопитающихъ и въ числѣ ихъ у оленей. Участіе самца въ дѣлѣ охраненія жизни малолѣтняго потомства выступаетъ впервые у рыбъ и пріобрѣтаетъ болѣе или менѣе постоянный характеръ лишь въ птичьемъ царствѣ, въ которомъ собственно и слѣдуетъ искать первыя начала, если не постоянной, то по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе продолжительной семьи, какъ полигамической, такъ и моногамической, продолжительность которой не ограничивается больше однимъ періодомъ половаго сожитія, но обнимаетъ собою и слѣдующій за нимъ періодъ воспитанія нисходящихъ поколѣній. Постоянной семьи въ строгомъ смыслѣ слова мы не находимъ, даже и у высшей породы животныхъ, у млекопитающихъ. Такъ напримѣръ, у плотоядныхъ продолжительность сожитія самца и самки, какъ замѣчаетъ разбираемый нами авторъ, не переходитъ за періодъ воспитанія народившихся поколѣній. У самихъ обезьянъ одно лишь ошибочное обозначеніе наименованіемъ семьи стадныхъ соединеній, предводительствуемыхъ обыкновенно сильнѣйшимъ самцомъ, даетъ возможность утверждать существованіе постоянныхъ полигамическихъ семействъ. На дѣлѣ мы имѣемъ передъ собою стадныя соединенія индивидовъ обоего пола, сожительствующихъ болѣе или менѣе продолжительно, при чемъ у одного изъ нихъ, а именно, у сильнѣйшаго самца, предводителя стада, высказывается стремленіе присвоить себѣ исключительное пользованіе самками. Что, въ самомъ дѣлѣ, какъ не это, разумѣетъ слѣдующее описаніе Brehm'омъ положенія, занимаемаго у обезьянъ предводителемъ стада среди входящихъ въ его составъ индивидовъ обоего пола. «Самый сильный самецъ въ стадѣ становится его предводителемъ,— и не въ силу избранія, а благодаря самому факту физическаго превосходства. Такъ какъ сильнѣйшимъ обыкновенно бываетъ старѣйшій, то между обезьянами неудивительно, если оба начала—силы и старшинства по лѣтамъ—соединяются нерѣдко одновременно въ лицѣ предводителя. Послѣдній требуетъ полнаго повиновенія отъ членовъ предводимаго имъ стада, къ какому бы полу ни принадлежали послѣдніе. Ревнивый и грубый сул-

танъ (я привожу подлинныя слова Брема), онъ присваиваетъ себѣ исключительное право на половое сожитіе съ самками стада, удаляя изъ послѣдняго тѣхъ изъ нихъ, которыя кажутся виновными въ несоблюденіи его требованій на этотъ счетъ» *). И такъ, даже у высшихъ породъ животнаго царства мы находимъ еще существованіе безпорядочнаго сожитія вмѣстѣ впрочемъ съ попытками ограниченія послѣдняго въ интересахъ предводителей стадныхъ соединеній.

Послѣ сказаннаго неудивительно, если и въ первобытныхъ человѣческихъ обществахъ, представляющихъ лишь высшую ступень по отношенію къ только что разсмотрѣннымъ нами животнымъ обществамъ, мы встрѣчаемъ еще наряду съ успѣшными попытками постепеннаго ограниченія половаго сожитія лишь извѣстными категоріями лицъ и даже отдѣльными индивидуами, и несомнѣнные слѣды безпорядочнаго сожитія.

---

*) Ibid, стр. 286.

III

Формы вымиранія безпорядочнаго половаго сожитія.

Одинъ изъ основныхъ выводовъ, къ которымъ приводитъ изученіе сравнительной исторіи учрежденій, заключается въ признаніи консерватизма обычнаго права, другими словами, въ установленіи той несомнѣнной истины, что смѣна одной системы общественныхъ отношеній другой не происходитъ мгновенно, благодаря личной волѣ того или другаго законодателя—реформатора, но напротивъ того, что нарожденіе новыхъ формъ жизни происходитъ одновременно и параллельно съ разложеніемъ старыхъ, и что по этой причинѣ процессъ общественнаго развитія не можетъ быть сознательно выясненъ иначе, какъ подъ условіемъ тщательнаго изученія переходныхъ типовъ между вымирающими старыми и нарождающимися новыми. Послѣ сказаннаго ясно, почему, прежде чѣмъ говорить о возникновеніи новой и болѣе совершенной системы отношеній между полами, я считаю нужнымъ остановиться на изученіи, съ одной стороны, вымирающихъ формъ безпорядочнаго половаго сожитія, а съ другой—причинъ и процесса самого вымиранія послѣдняго.

Обращаясь прежде всего къ выполненію первой задачи (я разумѣю изученіе позднѣйшихъ по времени формъ безпорядочнаго половаго сожитія), я обращу вниманіе на то обстоятельство, что всѣ и каждая изъ нихъ являются не болѣе, какъ ограниченіемъ, во первыхъ, во времени, во вторыхъ, въ пользу извѣстнаго постепенно уменьшающагося числа лицъ общаго на первыхъ порахъ права сожительства всѣхъ и каждаго изъ муж-

чинъ того или другаго стаднаго соединенія съ женщинами послѣдняго; ограниченіе во времени ведетъ къ тому, что изъ постояннаго безпорядочное половое сожитіе становится моментальнымъ явленіемъ; что касается численнаго ограниченія, то оно происходитъ въ двухъ, если не противуположныхъ, то во всякомъ случаѣ крайне отличныхъ другъ отъ друга направленіяхъ; съ одной стороны, оно стремится исключить изъ права общаго пользованія женщинами племени всѣхъ и каждаго изъ мужчинъ послѣдняго и оставить его лишь за представителями племени, свѣтскими и духовными; а съ другой—оно направлено къ тому, чтобы устранить отъ права сожительства съ той или другой женщиной иныхъ лицъ, кромѣ ближайшихъ родственниковъ ея мужа, обыкновенно братьевъ.

Я уже сказалъ, что безпорядочное половое сожитіе необходимо должно было вызвать и въ дѣйствительности вызвало уже съ древнѣйшихъ временъ въ отдѣльныхъ индивидахъ мужескаго пола, входившихъ въ составъ того или другого племени, стремленіе къ ограниченію его путемъ образованія болѣе или менѣе продолжительныхъ союзовъ съ тою или другою женщиною. Неудивительно поэтому, если съ теченіемъ времени отъ первоначальнаго фактически осуществляемаго права сохранилось, ~~съ одной стороны,~~ одно лишь юридическое признаніе принадлежности женщинъ всему племени, имѣвшее своимъ результатомъ возникновеніе обычая обязательнаго проституированія себя со стороны выходящей замужъ дѣвицы въ освященныхъ для этого религіей мѣстахъ.

Извѣстно всеобщее распространеніе, какъ въ древности, такъ и въ средніе вѣка, культа производительныхъ силъ природы и человѣка. Извѣстно, что поклоненіе какъ гигантскимъ, такъ и миніатюрнымъ изображеніямъ дѣтороднаго органа подъ разными наименованіями, — лингама у Индусовъ, фегора у Евреевъ въ эпоху перехода девяти колѣнъ въ язычество, фаллуса у Римлянъ, пріапа у Грековъ и т. д., долго существовало въ Египтѣ, Сиріи, Персіи, Малой Азіи, Греціи, Италіи, что испанцы нашли его въ Мексикѣ и что даже въ наше время оно не только имѣетъ мѣсто въ Индіи и нѣкоторыхъ частяхъ Африки, но что слѣды его до сихъ поръ удержались во многихъ мѣстностяхъ Италіи и что

въ самой Франціи они исчезли не ранѣе начала XVII в. *). Извѣстно также, что этотъ культъ стоялъ въ связи, въ Индіи съ культомъ одного изъ членовъ Тримурти, бога Шивы, въ Египтѣ съ поклоненіемъ священному быку и козлу и т. д.

Не менѣе распространеннымъ является и культъ Венеры, именуемой восточными народами Милитой и Астартой, а Греками Афродитой (не рѣдко Котито—особенно у Аѳинянъ),—культъ, существовавшій въ Вавилонѣ, во всей Финикіи, въ Іудеѣ, Карѳагенѣ, на островахъ Кипрѣ и Самосѣ, наконецъ въ Коринѳѣ и Аѳинахъ. Чѣмъ въ Греціи были празднества въ честь Афродиты, тѣмъ въ Римѣ являлись Вакханаліи; культъ Вакха имѣлъ здѣсь тоже значеніе, какое имѣло поклоненіе Афродитѣ въ Греціи.

Съ вышеуказанными двумя культами, Пріапа и Венеры, связано совершеніе освящаемаго религіей обряда добровольнаго проституированія себя первому встрѣчному со стороны незамужнихъ женщинъ, получавшихъ въ силу этого акта право принадлежать впредь исключительно выбравшимъ ихъ въ жены мужьямъ.

Вотъ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ объ этомъ обрядѣ, какъ у народовъ древняго міра, такъ и у современныхъ намъ дикарей.

Начнемъ съ Египтянъ. По свидѣтельству Геродота, женщины Египта разъ въ жизни были проституируемы священному козлу (Мендесу). Этотъ обычай былъ особенно распространенъ въ Хеминсѣ, одномъ изъ городовъ Дельты. «Во время моего пребыванія въ этомъ городѣ, пишетъ приводимый нами писатель, произошелъ необычайный фактъ. Священный козелъ, вступивъ въ связь съ одной изъ заключенныхъ съ нимъ женщинъ, сдѣлался виновникомъ рожденія у ней ребенка». Этотъ разсказъ показываетъ, что священный козелъ не обходился безъ субститутовъ и что лишеніе невинности дѣвушекъ, какъ религіозный обрядъ, совершаемо было на дѣлѣ имѣвшимися при храмѣ Мендеса лицами. Разсказъ Геродота тѣмъ менѣе можетъ показаться баснословнымъ, что приводимыя имъ данныя были неоднократно подтверждаемы Страбономъ, цитировавшимъ съ этою цѣлью стихъ

*) Des divinités génératrices ou du culte du Phallus chez les anciens et les modernes, par J. A. D....., Paris, 1805, стр. 2; въ новомъ изданіи 1885 г. стоитъ полное имя автора Dulaure.

Пиндара, и Климентомъ Александрійскимъ. Одному изъ европейскихъ путешественниковъ, Vivant Denon, удалось даже быть въ полузасыпанныхъ землею сводахъ того храма, въ которомъ нѣкогда производимы были вышеописанные обряды. Онъ нашелъ въ немъ терпимыхъ и признаваемыхъ правительствомъ гетеръ, такъ называемыхъ almès *).

Отъ Египтянъ перейдемъ къ Евреямъ. Въ книгѣ пророка Осіи, жившаго въ эпоху отпаденія десяти колѣнъ отъ культа Іеговы и перехода ихъ къ идолослуженію Bal-Phegor'у (соотвѣтствовавшему греческому Пріапу), можно найти между прочимъ указаніе на характеръ того религіознаго гетеризма, которому предавались моавитскія женщины въ храмѣ послѣдняго. Согласно свидѣтельству Филона и интерпретаціямъ Сельдена и Бейера, дочери Моавитянъ проституировали себя, подъ предлогомъ отдачи своей дѣвственности идоламъ, приходившимъ въ храмъ Израильтянамъ. Многія изъ нихъ затѣмъ навсегда оставались при храмѣ на правахъ его служительницъ, находя, согласно свидѣтельству св. Иринея, религіозное освященіе своему гетеризму **).

Въ окрестностяхъ Пондишери, по описанію Дидпта, выходящія замужъ дѣвушки лишаютъ себя предварительно невинности въ храмѣ Сивы при помощи желѣзнаго изображенія penis'а, почитаемаго здѣсь подъ наименованіемъ Lingam. Тотъ же обрядъ имѣетъ мѣсто въ Гоа, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ Индіи роль Lingam'овъ принимаютъ на себя состоящіе при храмахъ жрецы. По описанію адмирала фонъ-Кердина въ Калькутѣ раджа самъ отдаетъ на одну ночь дочь свою какому нибудь жрецу и затѣмъ уже ищетъ ей мужа. Согласно свидѣтельству другаго путешественника, француза Bernier, въ теченіе ежегоднаго празднества, совершаемаго въ храмѣ Югернавта, жрецы имѣютъ обыкновеніе вводить торжественно въ храмъ одну изъ молодыхъ дѣвушекъ и оставлять ее тамъ на ночь подъ предлогомъ, что само божество вступитъ съ нею въ связь; растлѣнная дѣвушка пріобрѣтаетъ съ этого момента право на вступленіе въ бракъ ***).

Религіозный гетеризмъ, связанный въ Египтѣ, Индіи и Іудеѣ

*) Dulaure, стр. 27 и 28.
** Ibid, стр. 56.
***) Ibid, стр. 89 и 90.

съ культомъ Пріапа, практикуемъ былъ Вавилонянками въ храмахъ Милиты (Венеры). «Вавилоняне, говоритъ Геродотъ, имѣютъ одинъ весьма постыдный законъ. Каждая женщина, уроженка страны, должна разъ въ жизни проституировать себя въ храмѣ Милиты первому встрѣчному иностранцу. Она не ранѣе можетъ вернуться въ свой домъ, какъ удовлетворивши вышеприведенному предписанію и получивши отъ своего случайнаго любовника вознагражденіе той или другой, хотя бы самой ничтожной монетой, которая съ этого момента почитается священной. Исполнивши требуемый религіей обрядъ жертвоприношенія своей невинности, Вавилонянка пріобрѣтаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ право принадлежать исключительно избравшему ее или избранному ею супругу» *).

Въ заключеніе этой картины вавилонскихъ нравовъ Геродотъ прибавляетъ: «Почти однохарактерный обычай существуетъ и на островѣ Кипрѣ». Свидѣтельство Геродота подтверждается Юстиномъ, показывающимъ вмѣстѣ съ тѣмъ господство того же религіознаго гетеризма и у Финикіянъ въ храмахъ Астарты и въ Кареагенѣ въ особомъ мѣстѣ, посвященномъ Венерѣ (Sicca Veneriса по имени). О немъ говорятъ также Валерій Максимъ, Лукіанъ и блаженный Августинъ. Тогда какъ, по описанію перваго, добровольное проституированіе себя кареагенскими дѣвушками давало имъ возможность составить хорошее приданое, тотъ же актъ, по свидѣтельству послѣднихъ двухъ писателей, не имѣлъ въ Финикіи другаго результата, кромѣ обогащенія храма полученной за совершеніе его платой. Лукіанъ повѣствуетъ, что въ его время дѣвушки могли даже избѣжать требуемаго религіей приношенія своей невинности, замѣнивши этотъ видъ жертвы другимъ, а именно—обрѣзываніемъ своихъ косъ — явный признакъ вымиранія прежде безусловно обязательнаго обряда. Слѣды послѣдняго продолжали, однако, держаться вплоть до царствованія Константина въ храмѣ Геліополиса, какъ видно изъ свидѣтельства Евсевія, приписывающаго этому императору полнѣйшее запрещеніе обряда на будущее время **).

---

*) Ibid, стр. 168.
**) Ibid, стр. 170—172.

Тотъ же обычай проституировать себя до вступленія въ бракъ имѣлъ мѣсто въ средѣ Лидійскихъ дѣвушекъ, какъ видно изъ показаній Геродота. Страбонъ говоритъ, что онъ существовалъ въ Арменіи. Помпоній Мела указываетъ на господство его у одного африканскаго племени, Авиловъ. Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ мы встрѣчаемъ его и у племенъ Ливіи, среди которыхъ считается за правило, что первую ночь по совершеніи брака дѣвушка проводитъ съ друзьями мужа. Совершенно однохарактернымъ является описываемый Діодоромъ Сицилійскимъ порядокъ одновременнаго сожительства женщины въ первую брачную ночь со всѣми находящимися на лицо гостями (см. кн. 5, гл. 18). Наконецъ, имѣются свидѣтельства о религіозномъ гетеризмѣ у туземныхъ жителей Ѳракіи, въ Коринѳѣ, на островѣ Самосѣ, на которомъ преданіе приписываетъ отмѣну его Креонту, въ Александріи въ эпоху Птоломеевъ, въ Аѳинахъ каждый разъ при отправленіи мистерій въ пользу народной Венеры, извѣстной подъ наименованіемъ Котито, на такъ называемыхъ діонизіакскихъ празднествахъ, наконецъ въ Римѣ при совершеніи Вакханалій *).

Съ этими многочисленными и взаимно, хотя и не преднамѣренно повторяющими другъ друга свидѣтельствами древнихъ писателей не мѣшаетъ сопоставить показанія европейскихъ путешественниковъ о существованіи еще недавно и даже въ наше время обрядовъ и обычаевъ религіознаго гетеризма, совершенно тождественныхъ съ только что разсмотрѣнными.

Цитированный уже нами испанскій путешественникъ Гарциласо-де-ла-Вега, говоря о бытѣ одного изъ перуанскихъ племенъ по имени Мантасъ, приписываетъ послѣднему тотъ же обычай половаго сожитія въ первую ночь брака всѣхъ присутствующихъ гостей съ невѣстой, существованіе котораго на Балеарскихъ островахъ засвидѣтельствовано было Діодоромъ Сицилійскимъ, и этотъ обычай, въ свою очередь, находитъ аналогію себѣ въ томъ, который господствовалъ у жителей Нукагивы, какъ слѣдуетъ изъ описанія Лангсдорфа. У нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ, согласно Ондеману, выходящая замужъ жен-

*) Ibid, стр. 177, 181 и 182.

щина вмѣстѣ со своими подругами проводитъ первую ночь въ безпорядочномъ половомъ сожитіи не только съ женихомъ, но и со всѣми имѣющимися на лицо гостями—мужчинами. На берегу Лаонго женщина не можетъ вступить въ бракъ раньше, какъ послѣ предварительнаго сожитія со всѣми желавшими имѣть ее мужчинами одного съ нею племени. На Филиппинскихъ островахъ существуютъ спеціально назначенныя племенными начальниками лица для лишенія невинности желающихъ вступить въ бракъ дѣвушекъ. Какъ на Золотомъ Берегу, такъ и въ Бразиліи, такъ, наконецъ,—согласно показаніямъ Марко-Поло, и въ Тибетѣ ни одна сохранившая свою дѣвственность дѣвушка не можетъ выйти замужъ. Наконецъ, на островахъ Мореплавателя безпорядочное половое сожитіе въ первую ночь по заключеніи брака допускается, но не иначе какъ съ согласія супруга.

У нѣкоторыхъ племенъ предшествующее брачной жизни проституированіе дѣвушки имѣетъ мѣсто лишь на правахъ рѣдкаго исключенія, такъ, напр., у многихъ краснокожихъ Сѣверной Америки, относительно которыхъ мы находимъ слѣдующія подробности въ отчетѣ о путешествіи Карьера. У одного изъ племенъ, которыя ему удалось посѣтить, а именно, у такъ называемыхъ Нодовессіевъ онъ нашелъ одну женщину, окруженную бо́льшимъ ночетомъ, нежели всѣ остальныя. На его распросы о причинахъ такого преимущественнаго вниманія къ ея личности, ему отвѣчали, что въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ десятилѣтій нельзя было указать ни на одну, помимо той, о которой идетъ рѣчь, какъ на имѣющую достаточно силы и энергіи, чтобы предпослать вступленію въ бракъ поперемѣнное сожительство въ одну и туже брачную ночь съ 40 лучшими воинами племени, которыхъ она нарочно пригласила для этой цѣли въ свою палатку. Сдѣлавшись въ послѣднее время рѣдкимъ, обычай безпорядочнаго сожитія, въ первую ночь вступленія въ бракъ налагаетъ на женщину особое отличіе и вызываетъ къ ней уваженіе всего племени

Не смотря на бездну, отдѣляющую культуру христіанской Европы отъ той, которая выпала въ удѣлъ языческой древ-

*) Леббокъ, стр. 104.

ности и дикимъ и полудикимъ племенамъ Сѣверной Америки, мы тѣмъ не менѣе находимъ въ нѣкоторыхъ обрядахъ средневѣковой Европы слѣды религіознаго гетеризма. Дѣло въ томъ, что принятіе христіанства нисколько не помѣшало дальнѣйшему удержанію культа Пріапа. Изъ прежняго бога послѣдній, правда, долженъ былъ снизойти до роли святаго католической церкви, но въ этой видоизмѣненной формѣ культъ его продолжался по прежнему не только въ Галліи и Германіи, но и въ самой Италіи, вызывая повсюду къ жизни вѣру въ таинственную силу извѣстныхъ талисмановъ, такъ называемыхъ мандрагоровъ, изображавшихъ собою въ миніатюрѣ мужской половой органъ, и поддерживая дальнѣйшее существованіе прежнихъ языческихъ мистерій, сдѣлавшихся нынѣ христіанскими праздниками. Смѣшивая въ своемъ представленіи сказанія о христіанскихъ подвигахъ Ліонскаго епископа Фотина съ языческими преданіями о Пріапѣ, народъ южной Франціи продолжалъ поклоняться послѣднему подъ новымъ и искаженнымъ наименованіемъ Футина, тогда какъ въ другихъ частяхъ Франціи и въ Италіи тотъ же Пріапъ ожилъ въ лицѣ святыхъ Рене въ Анжу, Гверлимона въ округѣ Бурга и Гиньоле въ Бретани. Въ ряду другихъ религіозныхъ обрядовъ, совершаемыхъ въ ихъ честь въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи и Франціи, мы находимъ между прочимъ одинъ, который, представляя рѣдкое сходство съ предписываемымъ Ригъ-Ведою обрядомъ поднесенія въ даръ жрецу брачной сорочки, способенъ по этой причинѣ приковать къ себѣ наше вниманіе. Одинъ изъ Германскихъ писателей XVII в., авторъ сочиненія, озаглавленнаго «Theses inaugurales de virginibus, facetiae facetiarum», на стр. 277-й названной книги упоминаетъ о святомъ Футинѣ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе любимыхъ простымъ народомъ. Этому святому, продолжаетъ онъ, дѣвушки наканунѣ выхода замужъ приносятъ въ даръ свой дѣвичій костюмъ. Втеченіи дальнѣйшаго изложенія, упоминая объ одной невѣстѣ, которая могла слыть дѣвственной лишь въ глазахъ ослѣпленнаго любовію къ ней жениха, приводимый мною писатель замѣчаетъ, что она давно уже сложила свое дѣвственное одѣяніе къ подножью алтаря св. Футина. Приношеніе новобрачной ея дѣвичьяго одѣянія за-

мѣнившему Пріапа христіанскому святому производится какъ бы на правахъ выкупа, потерявшаго всякое дѣйствительно значеніе и сохранившаго одинъ лишь символическій характеръ.

Существованіемъ на первыхъ порахъ безпорядочнаго половаго сожитія въ предѣлахъ племени объясняется также въ нашихъ глазахъ происхожденіе того уродливаго обычая, который привыкли называть не отвѣчающимъ ему терминомъ права первой ночи, и который по моему является результатомъ перенесенія на старѣйшинъ племенъ и родовъ тѣхъ преимуществъ, которыя нѣкогда раздѣляли всѣ мужчины одного съ ними кровнаго соединенія

Существованіе такого обычая не возбуждало ни малѣйшаго сомнѣнія въ лучшихъ представителяхъ науки и беллетристики прошедшихъ двухъ столѣтій. Стоитъ открыть знаменитую энциклопедію на словѣ «culage», чтобы найти весьма обстоятельныя свѣдѣнія о jus primae noctis, относимомъ авторомъ статьи къ числу злоупотребленій феодализма и одинаково констатируемымъ имъ по отношенію какъ къ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ владѣльцамъ феодальныхъ леновъ. Въ періодъ клерикально-аристократической реакціи, занимающей собою первыя десятилѣтія XIX в., попытки отрицанія права первой ночи, какъ оскорбительнаго для чести превозносимаго ораторами и публицистами феодальнаго строя, были весьма обычнымъ явленіемъ. Но если писатели реакціонныхъ памфлетовъ, въ родѣ Бональда и Деместра, и не отступали предъ рѣшительнымъ искаженіемъ смысла историческихъ текстовъ, съ цѣлью доказать, что jus primae noctis не болѣе, какъ клевета либераловъ на старый порядокъ, то, съ другой стороны, серьезные изслѣдователи, даже въ томъ случаѣ, когда они подобно Шатобріану, принадлежали по своимъ политическимъ убѣжденіямъ къ крайней правой партіи, не рѣшались отрицать слишкомъ очевиднаго и подкрѣпляемаго многими свидѣтельствами факта всеобщей распространенности этого безобразнаго въ нашихъ глазахъ обычая.

Изданіе Bouthors'омъ «Сборника постановленій обычнаго права отдѣльныхъ мѣстностей Аміенскаго бальяжа», изданіе, сдѣланное имъ въ началѣ 60-хъ годовъ, въ которомъ читатели нашли неоднократныя упоминанія о правѣ первой ночи, оживило на

время повидимому замершую полемику по вопросу о томъ, существовалъ ли когда либо такой обычай, или нѣтъ. Одинъ изъ членовъ французскаго института—Dupin, которому было поручено составленіе отчета о трудѣ Bouthors'a, вызвалъ противъ себя цѣлую бурю со стороны редактора клерикальнаго органа «l'Univers» извѣстнаго публициста Louis Veuillot. 467 страницъ потребовались Veuillot для мнимаго опроверженія факта существованія обычая первой ночи. Задача, принятая на себя авторомъ «Droit du seigneur», слѣдующимъ образомъ формулируется имъ самимъ на первыхъ же страницахъ его книги. Право сеньера, le droit du seigneur, въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно привыкли говорить о немъ; никогда не существовало. Все, что говорено или писано было въ доказательство противнаго, не болѣе какъ вымыселъ, открытая ложь и позорное невѣжество. Въ томъ видѣ, въ какомъ это право существовало на дѣлѣ, оно было правомъ справедливымъ, естественнымъ и невиннымъ. Очевидно, что для того, чтобы придти къ такому выводу, Veuillot пришлось подвергнуть своеобразному толкованію всѣ относящіеся къ вопросу тексты. Оставляя безъ всякаго вниманія встрѣчающіеся въ памятникахъ законодательства и юридической практики термины droit de cullage, droit de marquette, онъ рѣшился утверждать, что всѣ свидѣтельства, которыя мы имѣемъ о «droit du seigneur», говорятъ лишъ, съ одной стороны, о правѣ феодальнаго владѣльца выдавать замужъ дочерей подчиненныхъ ему вассаловъ или получать денежное вознагражденіе за свободный выборъ ими супруга, а съ другой—о правѣ тѣхъ или другихъ членовъ католической іерархіи освобождать вѣрующихъ отъ предписываемаго каноническими законами воздержанія отъ брачнаго сожитія въ первыя три ночи, слѣдующія за совершеніемъ свадебнаго обряда. Хотя мнѣніе Veuillot и нашло себѣ защитниковъ, съ одной стороны, въ лицѣ молодаго и талантливаго историка Леопольда Делиля, автора исторіи земледѣлія и земледѣльческихъ классовъ въ Нормандіи, а съ другой въ лицѣ Анатоля де Бартелеми, высказавшагося въ томъ же смыслѣ, что и Veuillot, въ особой статьѣ, помѣщенной имъ по вопросу о правѣ сеньера въ начавшемъ выходить въ это время (я разумѣю 1854 г.) Обозрѣніи историческихъ вопросовъ «Revue

des questions historiques», но большинство французскихъ историковъ и юристовъ, и въ числѣ ихъ Лафферьеръ и Лагрезъ, продолжали держаться прежняго воззрѣнія на счетъ дѣйствительнаго существованія jus primae noctis въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно привыкли связывать съ нимъ. Предпринятыя частью ими самими, частью нѣмецкими и англійскими юристами и этнологами поиски за новыми данными по вопросу о существованіи его въ другихъ странахъ Европы, кромѣ Франціи, не оставляютъ въ настоящее время сомнѣнія въ общераспространенности его нѣкогда у различныхъ народовъ земнаго шара. Это не помѣшало, однако, появленію не далѣе, какъ въ 1881 г.—новой попытки категорическаго отрицанія факта существованія jus primae noctis. Карлъ Шмидтъ въ обширномъ трактатѣ, основанномъ на обстоятельномъ, по видимому, изученіи источниковъ, старается убѣдить читателей въ томъ, что сказаніе о существованіи такого права сложилось къ концу XV и началу XVI столѣтій, что ближайшимъ основаніемъ къ тому явилось распространеніе въ публикѣ повѣствованій о тиранахъ древности, нерѣдко оскорблявшихъ женскую стыдливость и прибѣгавшихъ къ насилію по отношенію къ дѣвушкамъ. Другимъ источникомъ тогоже сказанія, думаетъ Шмидтъ, надо принять разсказы путешественниковъ о лишеніи невинности дѣвушекъ жрецами у разнообразнѣйшихъ народовъ земнаго шара. Ко всему этому присоединилось еще непониманіе дѣйствительнаго характера тѣхъ платежей, какіе производимы были феодальнымъ сеньерамъ по случаю замужества крестьянскихъ дочерей. Въ XVI в. думали еще, что право первой ночи существовало лишь во времена язычества и отмѣнено было христіанствомъ. Но въ слѣдующія за тѣмъ столѣтія стали уже говорить о немъ, какъ о господствующемъ въ средѣ христіанской Европы, чуть не въ большинствѣ западно европейскихъ государствъ. Чтобы прійти къ такому выводу, Шмидтъ слѣдитъ за постепеннымъ извращеніемъ послѣдующими писателями тѣхъ свѣдѣній, какія по вопросу о правѣ первой ночи даютъ анналисты XVI в., и въ большинствѣ случаевъ успѣшно доказываетъ, что позднѣйшая редакція не отвѣчаетъ первоначальной, что въ ней произошло смѣшеніе понятій и правомъ первой ночи окрещены такіе обычаи, корень ко-

торыхъ лежитъ или въ каноническихъ предписаніяхъ на счетъ соблюденія супругами цѣломудрія въ первую брачную ночь, или въ требованіяхъ феодальнаго права касательно платежа феодальному сеньеру свадебныхъ денегъ или производства въ его пользу особаго взноса за право гражданства, пріобрѣтаемое жительствомъ на его землѣ въ первое время, слѣдующее за бракомъ. Путемъ такой критики Шмидту удается доказать, что фактъ существованія права первой ночи во многихъ странахъ Европы далеко не обоснованъ такъ прочно, какъ это думали до сихъ поръ; что нѣтъ, поэтому, достаточнаго основанія говорить о немъ въ Германіи, Италіи и Шотландіи, а тѣмъ болѣе Россіи, въ которой только одинъ г. Кулишеръ можетъ видѣть въ распущенности помѣщиковъ въ эпоху Пугачевскаго бунта доказательство существованія права первой ночи. Но за этими болѣе или менѣе сомнительными свидѣтельствами идутъ другія, менѣе поддающіяся критикѣ: записи обычнаго права тѣхъ или другихъ мѣстностей, судебныя рѣшенія, наконецъ законодательные акты, прямо говорящіе о правѣ сеньера вступать въ сожительство съ новобрачной въ первую ночь, слѣдующую за празднованіемъ свадьбы, или получать взамѣнъ того извѣстный выкупъ. Г. Шмидтъ не отступаетъ, однако, передъ мыслью подвергнуть и эти факты рѣшительному отрицанію. Съ этою цѣлью онъ придаетъ преувеличенное значеніе народному юмору и имъ старается объяснить появленіе въ оффиціальныхъ актахъ подобнаго рода описаній. Но поступая такимъ образомъ, онъ, очевидно, совершенно упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что, если народный юморъ и сказывается нерѣдко въ юридическихъ пословицахъ и поговоркахъ, то отнюдь не въ судебныхъ рѣшеніяхъ или записяхъ обычаевъ, и что какого нибудь Фердинанда Католическаго довольно трудно заподозрить въ желаніи острить, когда въ 1486 г. онъ, въ ряду другихъ дурныхъ обычаевъ, приступилъ къ отмѣнѣ и права сожительства сеньеровъ съ крестьянскими дѣвушками въ ночь, слѣдующую за ихъ замужествомъ *).

Высказываясь отрицательно по отношенію къ общимъ резуль-

*) Karl Schmidt, Jus primae noctis, стр. 162—379.

татамъ, какіе пытаются установить одинаково Вельо и Шмидтъ, я въ то же время полагаю, что ихъ попытки отрицанія обычая первой ночи во многомъ подготовили почву для того объясненія его, какое будетъ представлено нами въ настоящей главѣ. Начать съ того, что ими вполнѣ выяснена невозможность дальнѣйшаго смѣшенія всѣхъ платежей, получаемыхъ духовными и свѣтскими сеньерами по случаю отдачи въ замужество крестьянскихъ дѣвушекъ, съ тѣми, какіе слѣдуютъ имъ за отказъ отъ права первой ночи. При объясненіи первыхъ надо имѣть въ виду, что феодальному владѣльцу, какъ свѣтскому, такъ и духовному, принадлежало право выдавать замужъ дочерей подвластныхъ ему вассаловъ; это—то maritagium, о которомъ говорятъ какъ англосаксонскія и норманскія хартіи, такъ и грамоты феодальныхъ владѣльцевъ Франціи, сборники обычнаго права отдѣльныхъ ея провинцій и округовъ. Въ силу этого права феодальный владѣлецъ могъ на первыхъ порахъ свободно распоряжаться рукою опекаемой имъ дѣвушки и выдавать ее замужъ помимо ея воли за избраннаго имъ однимъ жениха. Въ этомъ первоначальномъ видѣ maritagium, или droit de mariage, очевидно, не могло держаться долго, такъ какъ противорѣчило и естественному стремленію семействъ вассаловъ имѣть голосъ въ рѣшеніи судьбы своихъ женскихъ представителей, и предписываемой христіанскою церковью свободѣ заключенія брака. Необходимость уступки этимъ обоимъ моментамъ, съ одной стороны, и желаніе сохранить въ то же время за феодальнымъ владѣльцемъ выгоды, связанныя съ осуществленіемъ вышеуказаннаго права, съ другой,—необходимо должны были рано или поздно привести и въ дѣйствительности привели къ замѣнѣ прежняго обязательнаго для дочери вассала брака съ женихомъ, указаннымъ ей феодальнымъ владѣльцемъ, одной уплатой послѣднему извѣстныхъ натуральныхъ или денежныхъ сборовъ по случаю вступленія въ бракъ съ избраннымъ семействомъ дѣвушки или ею самою женихомъ.

Если мы зададимся вопросомъ, какія причины могли повести къ предоставленію феодальнымъ владѣльцамъ права выдавать замужъ дочерей своихъ вассаловъ, то изъ опасенія непослѣдовательности, мы не будемъ, какъ это дѣлало еще недавно

большинство изслѣдователей, сближать это право съ правомъ феодальной опеки и путемъ такого совершенно произвольнаго сопоставленія доказывать принадлежность его феодальному владѣльцу, какъ опекуну несовершеннолѣтнихъ дочерей его умершихъ вассаловъ. Дѣло въ томъ, что, поступая такимъ образомъ, мы положительно принуждены были-бы игнорировать прямое и неоспоримое свидѣтельство англо-саксонскихъ и норманскихъ хартій, въ которыхъ maritagium, или право получать извѣстные денежные платежи по случаю выхода замужъ дочерей того или другаго вассала, не ставится ни въ какую зависимость отъ ея сиротскаго состоянія. И такъ, мы совершенно должны отказаться отъ мысли искать въ правѣ феодальной опеки источникъ и причину возникновенія droit de mariage, такъ какъ такому объясненію прямо противорѣчатъ имѣющіяся у насъ свидѣтельства хартій X и XI вѣковъ. Спрашивается, въ чемъ же, если не въ правѣ феодальной опеки, лежитъ корень возникновенія maritagium? Для правильнаго разъясненія только что поставленнаго вопроса, намъ придется познакомиться съ обычаями и обрядами, возникшими задолго до образованія феодализма въ періодъ разложенія первобытнаго стаднаго состоянія и перехода послѣдняго сперва въ общинно-родовой, а позднѣе въ общинно-сельскій бытъ. Такого рода восхожденіе къ обычаямъ и учрежденіямъ предшествовавшихъ феодализму формъ общественныхъ отношеній является въ моихъ глазахъ единственнымъ путемъ къ разъясненію причинъ возникновенія многихъ одновременныхъ съ нимъ юридическихъ обычаевъ и обрядовъ, до сихъ поръ составляющихъ загадку для изслѣдователей, незнакомыхъ съ методомъ переживаній или непривыкшихъ пользоваться имъ.

Въ ближайшей главѣ я познакомлю читателя съ тѣмъ процессомъ, въ силу котораго безпорядочное половое сожитіе въ предѣлахъ племени сведено было постепенно къ факту совмѣстнаго пользованія женщинами со стороны членовъ отдѣльныхъ родовъ, позднѣе семейныхъ общинъ. Я прошу пока принять этотъ фактъ на вѣру и дѣлать изъ него тотъ выводъ, къ какому необходимо приводитъ его признаніе. Разъ мы допустимъ право собственности родовъ и семей на входящихъ въ составъ

ихъ женщинъ, мы тѣмъ самымъ принуждены признать, съ одной стороны, запрещеніе свободнаго выхода ихъ въ бракъ за членовъ чужаго рода и чужой семейной общины, а съ другой— права послѣднихъ на полученіе извѣстнаго выкупа за выходящую изъ ихъ среды дѣвушку. По мѣрѣ сосредоточенія на родовыхъ, а позднѣе на семейныхъ старѣйшинахъ, совокупности правъ отдѣльныхъ членовъ рода и семейной общины, общее на первыхъ порахъ право выкупа становится ихъ личнымъ правомъ и ведетъ къ возникновенію того maritagium, или права феодальнаго владѣльца, какъ самому выдавать за члена рода или семейной общины ту или другую изъ незамужнихъ женщинъ, такъ и получать извѣстное вознагражденіе за выходъ ея замужъ и слѣдующій за нимъ переходъ ея въ другой родъ и въ другую семейную общину. Такому праву и отвѣчаетъ существованіе такъ наз. maritagium, но послѣдній составляетъ не болѣе, какъ одинъ изъ видовъ тѣхъ платежей, поводъ къ взиманію которыхъ феодальнымъ сеньеромъ даетъ фактъ заключенія брака подвластными ему лицами.

Рядомъ съ нимъ мы встрѣчаемъ, правда, у однихъ лишь духовныхъ владѣльцевъ, существованіе права на полученіе извѣстныхъ платежей за свободу половаго сожитія съ женою, гдѣ въ одну лишь первую, а гдѣ въ первыя три ночи по совершеніи обряда вѣнчанія. Это право, какъ встрѣчающееся у однихъ лишь духовныхъ владѣльцевъ, можетъ по этому самому найти объясненіе себѣ лишь подъ условіемъ привлеченія къ изслѣдованію матеріала каноническаго законодательства. Обращаясь къ этому послѣднему, мы находимъ въ немъ предписаніе одного помѣстнаго собора IV вѣка (четвертаго по счету собора въ Карѳагенѣ), въ которомъ молодымъ супругамъ воспрещается половое сожительство въ первыя три ночи, слѣдующія за заключеніемъ брачнаго союза. Что это предписаніе не оставалось мертвой буквой, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ, лучшимъ доказательствомъ тому служитъ свидѣтельство Dom Calmet («Dictionnaire de la Bible», т. IV, слово Noces), подлинный текстъ котораго гласитъ въ переводѣ слѣдующее: «въ былое время молодые имѣли обыкновеніе исповѣдываться и пріобщаться въ день вступленія въ

бракъ въ той самой церкви, въ которой совершенъ былъ свадебный обрядъ, и воздерживаться всю слѣдующую ночь отъ брачнаго сожитія. Этотъ обычай до сихъ поръ продолжаетъ держаться, какъ я слышалъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ»,— такъ заканчиваетъ Dom-Calmet свои любопытныя сообщенія.

По мѣрѣ того, какъ феодальный характеръ общественныхъ отношеній началъ проникать во всѣ сферы жизни, не исключая и церковной, во владѣльцахъ церковныхъ помѣстій необходимо должно было возникнуть и въ дѣйствительности возникло стремленіе извлекать извѣстныя выгоды изъ осуществленія предоставленнаго имъ церковными законами права слѣдить за выполненіемъ вышеразсмотрѣнныхъ предписаній. Тѣ самые мотивы, которые вызвали къ жизни существованіе индульгенцій, повели и къ возникновенію натуральныхъ и денежныхъ платежей въ пользу отдѣльныхъ членовъ духовенства, получавшихъ эти сборы не на правахъ феодальныхъ собственниковъ, а на правахъ церковныхъ іерарховъ, способныхъ по этой причинѣ освобождать вѣрующихъ отъ соблюденія тѣхъ или другихъ церковныхъ предписаній. Этимъ путемъ объясняется возникновеніе надѣлавшаго столько шуму права епископа аміенскаго получать извѣстныя денежныя пошлины за предоставленіе новобрачнымъ права половаго сожительства въ первыя три ночи, слѣдовавшія за совершеніемъ брачнаго обряда. Приговоромъ парламента отъ 19 марта 1409 г. это право было отмѣнено и новобрачнымъ было дозволено проводить совмѣстно даже первую брачную ночь *).

Наряду съ указанными двумя основаніями къ производству извѣстныхъ платежей феодальному сеньеру по случаю празднованія свадьбы, еще Юстусомъ Мезеромъ указано было третье, корень котораго лежитъ частью въ наслѣдственномъ правѣ, дѣйствовавшемъ среди крестьянъ, частью въ средневѣковомъ законодательствѣ о подданствѣ и пріобрѣтеніи правъ гражданства. Согласно средневѣковому праву, только тотъ наслѣдуетъ имущество въ предѣлахъ феода, кто подчиненъ власти его сеньера, а имъ не можетъ быть дѣвушка, выходящая замужъ за крестьянина чужаго помѣстья. Чтобы обойти такое

*) Bouthors. Coutumes locales du baillage d'Amiens.

запрещеніе, придумана была слѣдующая практика. Новобрачные проводили первую ночь на земляхъ того феодальнаго сеньера, которому подсудна была невѣста. Согласно обычаямъ многихъ сельскихъ и городскихъ округовъ, этимъ фактомъ устанавливалось разъ навсегда подданство молодыхъ тому сеньеру, на земляхъ котораго проведена была ими первая ночь, а слѣдовательно, въ частности пріобрѣталось и право наслѣдованія въ имуществѣ отца невѣсты. Очевидно, что такое пріобрѣтеніе могло быть сдѣлано лишь съ согласія феодальнаго сеньера, который въ вознагражденіе требовалъ производства ему извѣстнаго платежа со стороны новобрачныхъ. Таковъ источникъ происхожденія многихъ изъ тѣхъ правъ, которыя долгое время смѣшиваемы были съ правомъ первой ночи *).

Изъ разсмотрѣнныхъ нами правъ ни одно не заключаетъ въ себѣ намека на существованіе обычая половаго сожительства феодальныхъ владѣльцевъ съ женами ихъ вассаловъ въ первую ночь, слѣдующую за заключеніемъ брака. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы послѣдній никогда не имѣлъ мѣста, а только то, что цѣлый рядъ фактовъ, привлекаемыхъ къ обсужденію этого вопроса, въ дѣйствительности находитъ себѣ совершенно иное объясненіе.

Дальнѣйшее изложеніе будетъ заключать въ себѣ приведеніе неоспоримыхъ данныхъ въ пользу распространенности jus primae noctis. Мы начнемъ съ разсмотрѣнія свидѣтельствъ путешественниковъ о существованіи его еще въ наше время у нѣкоторыхъ дикарей, какъ стараго, такъ и новаго материка.

Въ Антропологіи Вайца, въ сочиненіи Бастіана о правовыхъ отношеніяхъ у различныхъ племенъ земнаго шара, наконецъ, въ спеціальной монографіи Либрехта о правѣ первой ночи, я нашелъ цѣлый рядъ свѣдѣній касательно существованія его на островахъ Маріанскихъ и Андаманскихъ, въ Южной Америкѣ у племени краснокожихъ, извѣстнаго подъ наименованіемъ Каликосъ, и т. д.

Какъ писатели классической древности, такъ и средневѣковые путешественники неоднократно констатируютъ существованіе

*) См. Шмидтъ, стр. 158, 162.

этого обычая у тѣхъ или другихъ народовъ стараго материка. Такъ, напримѣръ, Геродотъ говоритъ о немъ, какъ о существующемъ у одного изъ ливійскихъ племенъ, именно у племени Адирмахидовъ, Солинусъ свидѣтельствуетъ о признаніи его за племенными старѣйшинами Гебридскихъ, такъ называемыхъ имъ Эбудскихъ острововъ. Переходя отъ писателей древности къ средневѣковымъ, мы прежде всего должны остановить наше вниманіе на слѣдующемъ свидѣтельствѣ Марко-Поло, одного изъ наиболѣе заслуживающихъ довѣрія путешественниковъ. Описывая бытъ жителей юго-восточной части полуострова Камбоджа, расположеннаго, какъ извѣстно, къ югу отъ Кохинхины и посѣщеннаго имъ лично въ 1280 г., Марко - Поло замѣчаетъ (я привожу здѣсь въ переводѣ подлинныя его слова), что во владѣніи короля Ціамбы ни одна молодая дѣвушка не можетъ быть отдана замужъ иначе, какъ послѣ предварительнаго лишенія ея невинности королемъ. Прибавимъ ко всѣмъ этимъ даннымъ приводимый Caussin de Perceval въ первомъ томѣ его «Исторіи Аравитянъ» фактъ пользованія этимъ правомъ нѣкіимъ Амлекомъ, королемъ или, лучше сказать, старѣйшиною надъ племенами Дшадисъ и Тасмъ,—и мы получимъ довольно полное представленіе о господствѣ этого права нѣкогда или еще въ наше время у народовъ какъ стараго, такъ и новаго материка.

Если отъ племенъ малайскаго, туранскаго или американскаго происхожденія мы перейдемъ къ аріямъ, то у народовъ германо-романскаго міра мы найдемъ не одни преданія объ осуществленіи тѣмъ или другимъ полумиѳическимъ героемъ ius primae noctis, но цѣлый рядъ прямыхъ постановленій обычнаго права, нерѣдко даже письменно закрѣпленныхъ въ томъ или другомъ средневѣковомъ кодексѣ, въ томъ или другомъ постановленіи отдѣльныхъ городовъ, округовъ и общинъ.

Доказывая превосходство древне-германскихъ нравовъ надъ нравами народовъ кельтическаго происхожденія, нѣкоторые германскіе писатели, и въ числѣ ихъ Яковъ Гриммъ, Гирке и Карлъ Вейнгольдъ, тщетно пытались установить фактъ отсутствія у народовъ германскаго племени обычая, однохарактернаго съ французскимъ droit du seigneur. Неоспоримый текстъ статутовъ нѣсколькихъ швейцарскихъ общинъ, а именно: Мауръ, об-

щины, лежащей въ окрестностяхъ Цюриха, и Гирсланденъ и Штадельгофенъ, расположенныхъ обѣ на берегахъ Грейфензе, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ существованія jus primae noctis въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, заселенныхъ германцами, не далѣе еще, какъ въ половинѣ XVI вѣка (Offnungen, о которыхъ идетъ рѣчь, составлены—одна въ 1543 году, другая—въ 1538 году). И той, и въ другой, говорится о правѣ мэра каждой изъ общинъ проводить первую ночь съ новобрачной того или другаго изъ поселянъ. Мужъ можетъ избавить свою жену отъ такого сожитія уплатой мэру извѣстной денежной суммы (5 шиллинг. 4 пфенига въ общинѣ Мауръ, и 4 шиллинг. 3 пфенига въ общинѣ Гирсланденъ и Штадельгофенъ). Вальтеръ, а за нимъ Блунчли, имѣя передъ глазами одну Offnung von Maur, пытались объяснить происхожденіе вышеуказаннаго предписанія шуткой самаго составителя Offnung. Это объясненіе падаетъ само собою передъ однообразнымъ включеніемъ постановленія о jus primae noctis въ другія Offnungen того же кантона. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, что составители послѣднихъ сговорились между собою шутить, да притомъ еще такимъ святымъ правомъ, какъ право мужа на исключительное обладаніе своею женою. Не болѣе удачной должна быть признана попытка Озенбрюгена объяснить происхожденіе вышеприведенныхъ постановленій желаніемъ составителя послѣднихъ дать пластическое выраженіе крѣпостной зависимости жителей обѣихъ общинъ отъ ихъ феодальныхъ владѣльцевъ, такъ какъ при такомъ объясненіи все таки остается открытымъ вопросъ, почему составители обѣихъ Offnungen придали именно такую, а не иную форму выраженію этой крѣпостной зависимости.

При составленіи моей исторіи полицейской администраціи въ Англіи въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ, мнѣ неоднократно приходилось пользоваться толкованіями англо-саксонскихъ юридическихъ терминовъ, толкованіями, встрѣчающимися въ до сихъ поръ неизданныхъ сборникахъ документовъ XII и XIII вв., каковы, наприм., красная книга казначейства, или помѣщенный мною въ извлеченіи текстъ одного монастырскаго свода конца XII в. или начала XIII в. Въ этомъ текстѣ между прочимъ, можно прочесть слѣдующее опредѣленіе термина legervite или legerwita. Ле-

гервита, говорится въ немъ, есть право помѣщика взимать извѣстную сумму денегъ съ лица, растлившаго ту или другую изъ подчиненныхъ его власти крестьянскихъ дѣвушекъ помимо его позволенія (sine licentia vestra). Я попрошу обратить особенное вниманіе на эти послѣднія слова. Было бы крайне ошибочно толковать ихъ въ томъ смыслѣ, что отъ помѣщика (глафорда, позднѣе норманскаго барона) зависѣла выдача замужъ дочери крестьянина; дѣло идетъ здѣсь не о выдачѣ въ бракъ, а о дозволеніи акта растлѣнія, corruptio. Право помѣщика отдавать замужъ дочерей подчиненныхъ ему лицъ извѣстно англо-саксонскому праву: только терминъ для него не legerwite, а maritagium. Legerwite указываетъ поэтому на совершенно другія отношенія, нежели тѣ, которыя порождаемы были обычаемъ полученія извѣстныхъ денежныхъ платежей по случаю выхода замужъ дочери того или другаго виллана. Объяснить возникновеніе его нельзя иначе, какъ допустивши признаніе за англо-саксонскимъ глафордомъ права на совершеніе самого акта corruptio или растлѣнія незамужней дѣвушки до выхода ея въ бракъ, права, которое глафордъ могъ перенести и на третье лицо, на что указываетъ самый текстъ разбираемаго документа, говоря о licentia domini на совершеніе акта corruptio.

Извѣстно, что однимъ изъ немногочисленныхъ остатковъ племени Иберовъ, принадлежность котораго къ арійской семьѣ народовъ не могла быть до сихъ поръ съ точностью констатирована, являются Баски, заселяющіе въ наше время часть южныхъ, прилежащихъ къ Пиренеямъ департаментовъ Франціи и сѣверныя окраины испанскихъ провинцій. Въ обычномъ правѣ отдѣльныхъ мѣстностей, заселенныхъ Басками, можно открыть слѣды сравнительно недавняго существованія права первой ночи; говоря это, я разумѣю въ частности соглашеніе, заключенное между феодальнымъ владѣльцемъ Louvie и жителями деревни Aas, расположенной среди той вѣтви Пиренейскихъ горъ, которая извѣстна подъ названіемъ Ossau. Это соглашеніе впервые было составлено въ 1538 г.; около затѣмъ полутораста лѣтъ спустя, въ 1674 г., заключено было подобное-же между сеньоромъ Луви и жителями селенія Базакосъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, мы встрѣчаемъ постановленіе, смыслъ ко-

тораго сводится къ предоставленію сеньору Луви права половаго сожительства съ только что вышедшею замужъ крестьянскою дѣвушкою въ первую же ночь по совершеніи брачнаго обряда, или, буде онъ не захочетъ лично воспользоваться этимъ правомъ, къ уплатѣ ему извѣстнаго выкупа, если не деньгами, то натуральными продуктами. Въ эпоху составленія перваго соглашенія, т. е. въ 1538 г., осуществленіе права натурою, повидимому, было весьма обычнымъ явленіемъ, такъ какъ размѣръ выкупа вовсе не былъ опредѣленъ и поставленъ такимъ образомъ въ зависимость отъ личнаго произвола сеньора, и въ соглашеніи въ то же время выговорено, что первый родившійся въ крестьянской семьѣ сынъ долженъ быть почитаемъ свободнымъ, такъ какъ, читаемъ мы дальше, виновникомъ его жизни легко можетъ быть сеньоръ Louvie. Въ позднѣйшемъ по времени появленія соглашеніи сеньора Луви съ жителями Базакоса отъ 1674 г. о выкупѣ говорится уже, какъ о нормальномъ, даже единственномъ способѣ осуществленія jus primae noctis. Самый размѣръ выкупа точно опредѣленъ. Молодой супругъ обязанъ доставить сеньору курицу, каплуна, баранье плечо, два хлѣба, пирогъ и три горшка нѣкоего навару, извѣстнаго на мѣстѣ подъ наименованіемъ Bibaran.

Отъ Басковъ перейдемъ къ Кельтамъ и прежде всего къ жителямъ сѣверныхъ провинцій Испаніи. Существованіе нѣкогда jus primae noctis прочно установлено въ одной лишь Каталоніи, въ которой, какъ видно изъ любопытной монографіи испанскаго историка Nougues'a, jus primae noctis было если не совершенно уничтожено, то по крайней мѣрѣ замѣнено уплатой феодальному владѣльцу 6-ти динаріевъ во второй половинѣ XV в., благодаря спеціальному приговору, изданному на этотъ счетъ Фердинандомъ Католическимъ 11 апрѣля 1468 г. Цитируемый нами писатель ссылается на каталонскую хронику дона Jerom'a Pujades, въ которой это уродливое право описано въ слѣдующихъ чертахъ: право это было величайшею несправедливостью, какую только можно придумать; когда кто либо изъ подданныхъ вступалъ въ бракъ, сеньоръ, въ награду за свое согласіе, удерживалъ за собою право провести первую ночь въ постели новобрачной, предупреждая тѣмъ самымъ всякое предварительное прикосновеніе ея со стороны супруга».

Въ судебномъ рѣшеніи отъ 21 апрѣля 1486 г. Фердинанда Католическаго мы читаемъ на этотъ счетъ буквально слѣдующее: «Мы присудили и постановляемъ, чтобы феодальные сеньеры не могли ни для себя, ни для своихъ дѣтей или кого либо другаго присвоивать себѣ женъ своихъ крестьянъ (pagenses de remença), съ платою или безъ платы, иначе, какъ съ ихъ согласія; и чтобы въ такой же мѣрѣ они не могли проводить съ новобрачной первую ночь, слѣдующую за свадьбой; или, въ знакъ принадлежности имъ сеньеріальныхъ правъ, перешагать черезъ нее въ то время, когда она впервые ляжетъ въ постель*). Повидимому, вышеприведенный текстъ не оставляетъ никакого простора для сомнѣнія. Это не мѣшаетъ, однако, Шмидту посвятить цѣлыхъ 14 страницъ совершенно неудачной, какъ намъ кажется, попыткѣ доказать, что и этотъ актъ имѣетъ въ виду не право первой ночи, а только право символически заявлять о подчиненности новобрачныхъ феодальнымъ сеньерамъ. Но съ такимъ толкованіемъ уже потому нельзя согласиться, что о фактическомъ сожительствѣ господъ съ новобрачными женщинами въ первую ночь, слѣдующую за свадьбой, говоритъ далеко не одинъ лишь вышеприведенный нами приговоръ, какъ ошибочно думаетъ Шмидтъ, а также и другія, столь же неоспоримыя свидѣтельства. Въ путешествіи поляка Попеллова по Испаніи и Португаліи отъ XV вѣка, упоминается о существованіи такого права помѣщиковъ въ Каталоніи. Въ свою очередь запись обычаевъ города и округа Героны въ древнѣйшей ея редакціи, уцѣлѣвшей въ рукописяхъ Эскуріала, говоритъ о такомъ сожительствѣ, а также о частой замѣнѣ его денежнымъ или натуральнымъ взносомъ. Въ одной позднѣйшей редакціи, въ которой ученые юристы, ея ближайшіе составители, удержали лишь желательные въ ихъ глазахъ обычаи, о правѣ первой ночи не встрѣчается болѣе и помину.

Переходя въ настоящее время къ приведенію многочисленныхъ фактовъ существованія этого права на всемъ протяженіи Франціи, мы постараемся расположить ихъ такимъ обра-

---

*) См. Каталанскій текстъ приводимый Marichalar-y-Manrique, т. VI, стр. 50. Historia del derecho espanol.

зомъ, чтобы читатель самъ имѣлъ возможность констатировать, какъ древнѣйшія, такъ и позднѣйшія формы этого обычая, такъ, наконецъ, и самый процессъ медленнаго и постепеннаго его вымиранія.

Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ касательно существованія права первой ночи во Франціи, двоякаго происхожденія: съ одной стороны, это юридическіе акты, постановленія того или другаго сборника обычнаго права, судебные приговоры и т. п.; съ другой—это произведенія народной поэзіи, отпечатлѣвшей въ себѣ характеръ общественныхъ отношеній современной ея возникновенію эпохи. Обратимся прежде всего къ свидѣтельствамъ перваго рода. Несомнѣнно важнѣйшимъ изъ нихъ являются постановленія обычнаго права нѣкоторыхъ мѣстностей Аміенскаго бальяжа и именно сеньоріи Drucat и аббатства Blangy en Ternois. Смыслъ обоихъ постановленій таковъ, что не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ въ существованіи на первыхъ порахъ натурой осуществляемаго права, такъ и въ замѣнѣ послѣдняго съ теченіемъ времени однимъ полученіемъ денежныхъ взносовъ со стороны супруга новобрачной. Въ первомъ изъ приводимыхъ двухъ источниковъ хотя и допускается выкупъ, но говорится въ то же время о правѣ сюзерена, «couchier avecq la dite de noerce» (спать или правильнѣе—лежать съ молодой), и самое это право называется droit de cullage и почитается такимъ стариннымъ «qu'il n'est mémoire du contraire» — буквально: что нѣтъ и памяти о томъ времени, когда бы оно не существовало. Во второмъ изъ цитируемыхъ мною источниковъ сохранилось въ моихъ глазахъ несомнѣнное доказательство тому, что вопреки противодѣйствію, какое вызывало осуществленіе jus primae noctis, даже въ формѣ уплаты извѣстнаго выкупа членамъ духовенства и монастырей, послѣднее въ этой позднѣйшей формѣ,—формѣ выкупа, продолжало быть осуществляемо и духовными владѣльцами феодальныхъ леновъ, какъ таковыми. Недаромъ же анализируемый нами текстъ прямо употребляетъ терминъ «cullage» для обозначенія права монаховъ аббатства Blangy en Ternois требовать уплаты въ ихъ пользу 2 солидовъ парижскаго чекану со стороны супруга новобрачной. При постепенномъ огрубѣніи пра-

вовъ духовенства, благодаря постоянному соединенію въ членахъ высшей іерархіи обязанностей священства съ правами феодальныхъ владѣльцевъ, неудивительно, если нѣкоторые изъ нихъ обнаруживали стремленіе осуществлять самое право натурой, не ограничиваясь однимъ полученіемъ опредѣленной суммы натуральныхъ или денежныхъ поборовъ. Если свидѣтельства французскихъ хронистовъ, и въ числѣ ихъ Borellus'a, и въ особенности историковъ XVII и XVIII вѣковъ, какъ лицъ, завѣдомо враждебныхъ церкви, на счетъ осуществленія натуторою, какъ монахами монастыря Св. Теодеберта, близь Монтобана, такъ и капитуломъ кафедральнаго собора въ Ліонѣ, такъ называемаго этими историками «juris cunni», и можетъ быть до нѣкоторой степени заподозрѣно, то едва ли тотъ же скептицизмъ мыслимъ при обсужденіи точнаго и рѣшительнаго свидѣтельства президента парламента въ Буржѣ, по имени Bouhier, который въ составленномъ имъ сборникѣ судебныхъ рѣшеній буржскаго парламента между прочимъ помѣстилъ слѣдующія слова: «я лично присутствовалъ при обсужденіи въ аппелляціонномъ порядкѣ, въ присутствіи мѣстнаго епископа, одного процесса по иску приходскаго священника касательно предоставленія ему права сожитія въ первую ночь по заключеніи брака съ женою подчиненнаго ему виллана. Парламентъ, такъ заканчиваетъ приведеніе этого судебнаго случая Bouhier, не только отказалъ истцу въ его просьбѣ, но и приговорилъ его еще къ уплатѣ штрафа». Если изъ приведеннаго факта и можно вывести заключеніе насчетъ существованія индивидуальныхъ попытокъ личнаго осуществленія jus primae noctis тѣми или другими лицами духовнаго званія, на правахъ феодальныхъ владѣльцевъ, то изъ него же видно, что какъ церковь, такъ и магистратура, постоянно отказывали въ своей санкціи всѣмъ притязаніямъ подобнаго рода.

Сборники обычнаго права отдѣльныхъ мѣстностей Аміенскаго бальажа далеко не составляютъ единственнаго источника, въ которомъ изслѣдователи вопроса о droit du seigneur во Франціи могутъ черпать данныя для его разрѣшенія. Всюду, гдѣ этотъ вопросъ подвергнутъ былъ спеціальной разработкѣ, изслѣдователямъ его удавалось открывать крайне любопытныя данныя ка-

сательно его существованія. Такъ Делиль, отрицающій, какъ извѣстно, существованіе этого обычая во Франціи, въ то же время приводитъ слѣдующій, крайне любопытный документъ начала XV в. (именно 1419 г.), въ которомъ при перечисленіи феодальныхъ правъ одного норманскаго сеньера, между прочимъ упоминается о правѣ его «буде онъ пожелаетъ, пойти ночевать съ женой его вассала въ первую ночь, слѣдующую за заключеніемъ брака, чему,—читаемъ мы далѣе, — никто не можетъ воспрепятствовать». Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Франціи,—въ однихъ раньше, въ другихъ позднѣе, личное осуществленіе этого права было замѣнено полученіемъ лицомъ, призваннымъ къ его отправленію, извѣстнаго выкупа натуральными повинностями или деньгами. Въ Нормандіи, по отзыву Gardin, автора историческаго этюда объ округѣ Берне, выкупъ замѣнилъ собою личное осуществленіе права уже въ XV вѣкѣ. Причемъ въ народной поэзіи, судя по отрывку, приводимому Делилемъ, продолжала держаться память о происхожденіи послѣдняго изъ перваго. Въ этой позднѣйшей формѣ, — формѣ выкупа, право первой ночи просуществовало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вплоть до XVII в., такъ напр., въ общинѣ Saulbire, около Кодебека, гдѣ оно и въ то время было еще извѣстно подъ стариннымъ наименованіемъ «jambage».

Оставимъ теперь германо-романскій міръ и перейдемъ къ восточной вѣтви индо-арійской семьи—къ Славянамъ. Единственное свидѣтельство, имѣющееся о существованіи, по крайней мѣрѣ, у восточныхъ Славянъ права первой ночи заключается въ приводимомъ Татищевымъ извлеченіи изъ одной раскольничьей лѣтописи, въ которой подъ 964 г. мы встрѣчаемъ сообщеніе слѣдующаго факта. «Тогда же отрѣши Ольга княжее и уложила брать отъ жениха по черной кунѣ (т. е. деньгами) какъ князю, такъ и боярину отъ его подданныхъ». Это мѣсто приводится Буслаевымъ,— въ доказательство существованія и у насъ нѣкогда права первой ночи. Надо замѣтить, что по своей краткости и неопредѣленности выраженія это свидѣтельство раскольничьей лѣтописи одинаково можетъ быть приводимо, какъ въ доказательство существованія у насъ подобія jus maritagii, такъ и права или обычая первой ночи. Поэтому мы не считаемъ себя вправѣ

сдѣлать В. Н. Лешкову упрекъ въ томъ, что, разбирая мнѣніе Буслаева, онъ въ приводимомъ мѣстѣ изъ раскольничьей лѣтописи, видитъ лишь «нѣчто въ родѣ еще такъ недавно существовавшаго «вывода» или сбора въ пользу помѣщика за потерю дѣвушки, выданной замужъ за чужаго крестьянина». Намъ не кажется поэтому также удачной попытка г. Смирнова пополнить недостатокъ данныхъ по вопросу о существованіи у насъ права первой ночи совершенно не относящимися къ нему фактами взиманія большей противъ обыкновенной пошлины съ невѣсты, выходившей замужъ за человѣка не одной съ нею общины. Эти факты скорѣе доказываютъ возможность толкованія текста раскольничьей лѣтописи въ томъ смыслѣ, въ какомъ толкуетъ его и профессоръ Лешковъ, и отнюдь не подкрѣпляютъ вывода, что въ этомъ текстѣ рѣчь идетъ о jus primae noctis.

Сводя къ немногимъ положеніямъ результаты, добытые путемъ обстоятельнаго изученія слѣдовъ нѣкогда существовавшаго обычая первой ночи у различныхъ племенъ земнаго шара, я считаю себя вправѣ признать прежде всего то, что этотъ обычай не стоитъ въ прямой причинной связи съ феодальнымъ строемъ жизни, среди которой онъ дѣйствовалъ. Феодализмъ не могъ создать его уже потому, что при изученіи слѣдовъ его существованія у разноплеменныхъ народовъ, мы между прочимъ констатируемъ фактъ распространенія его у племенъ, не имѣющихъ понятія о феодальной системѣ. Феодализмъ не могъ создать его еще и потому, что преслѣдовалъ интересы радикально противоположные тѣмъ, выразителями которыхъ являлось въ ряду другихъ право первой ночи. Не усиленіе власти племенныхъ и родовыхъ старѣйшинъ было задачей феодализма, а напротивъ—обезпеченіе интересовъ отдѣльныхъ и соподчиненныхъ другъ другу классовъ путемъ добровольныхъ договоровъ и соглашеній, ограничивающихъ власть прежнихъ старѣйшинъ и признающихъ извѣстныя привиллегіи за зависимыми отъ нихъ лицами. Признанію jus primae noctis порожденіемъ феодальнаго безправія, какимъ считали его писатели XVIII в., противорѣчитъ уже такъ часто упоминаемый федистами фактъ прекращенія дальнѣйшаго обязательства вѣрности со стороны вассала, разъ сеньеръ по-

зволяетъ себѣ оскорбленіе его чести насиліемъ надъ его дочерью или женою.

Если jus primae noctis не стоитъ въ причинной связи съ феодальнымъ строемъ жизни, если оно встрѣчается одинаково у народовъ, какъ переживающихъ эту стадію развитія, такъ и выходящихъ только изъ болѣе первобытныхъ стадій общественности, то источникъ его возникновенія необходимо долженъ лежать въ постепенномъ ограниченіи извѣстными лицами, племенными и родовыми старѣйшинами, первоначальнаго общенія женъ въ предѣлахъ того или другого стаднаго соединенія. Съ теченіемъ времени племенные и родовые старѣйшины сдѣлались королями и феодальными владѣльцами, и одновременно jus primae noctis изъ достоянія начальниковъ племенъ и старѣйшинъ родовъ сдѣлалось правомъ князей и феодальныхъ сюзереновъ. Таковъ источникъ происхожденія права первой ночи. Спрашивается теперь, какія были причины и каковъ былъ процессъ его постепеннаго вымиранія?

Что касается до причинъ, то мнѣ кажется, что главной причиной должно быть признано развитіе феодальнаго строя жизни, — того самаго строя, которому ошибочно приписывали до сихъ поръ созданіе самаго обычая. Въ самомъ дѣлѣ, при опредѣленіи всѣхъ жизненныхъ отношеній началомъ договорнымъ, естественно должно было зародиться стремленіе и должна была вмѣстѣ съ тѣмъ возникнуть возможность къ выкупу этого права сперва одними вассалами благороднаго происхожденія, а затѣмъ и остальными.

Рядомъ съ этой главной причиной дѣйствовали одновременно и другія, и на первомъ планѣ—стремленіе церкви положить конецъ этому противному ея нравственнымъ представленіямъ институту.

Переходя къ разсмотрѣнію самаго процесса вымиранія послѣдняго, мы должны замѣтить, что онъ состоялъ въ замѣнѣ de facto осуществляемаго права одной уплатой сперва натуральныхъ, а затѣмъ и денежныхъ платежей князьямъ и феодальнымъ владѣльцамъ,—платежей, имѣвшихъ на первыхъ порахъ реальное, а потомъ одно лишь символическое значеніе. Не смотря на постепенное расширеніе системы выкупа, слѣды

фактическаго осуществленія jus primae noctis долгое время продолжали держаться въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и между прочимъ въ Каталоніи и нѣкоторыхъ частяхъ Нормандіи въ особомъ символическомъ обрядѣ, состоявшемъ въ томъ, что феодальный владѣлецъ переносилъ ногу черезъ постель, на которой лежала только-что вышедшая замужъ дѣвица. Объ этомъ обрядѣ говоритъ какъ Pragmatica de Cataluña Фердинанда Католика, такъ и почти одновременные съ ея появленіемъ обычаи и распорядки нѣкоторыхъ общинъ Нормандіи.

IV.

Поліандрія. Снохачество. Левиратъ.

До сихъ поръ я имѣлъ случай говорить объ ограниченіи безпорядочнаго половаго сожительства частью во времени, частью въ пользу извѣстныхъ только лицъ—племенныхъ и родовыхъ старѣйшинъ. Въ настоящей главѣ я намѣренъ приступить къ разсмотрѣнію самаго процесса вымиранія архаическаго начала отношеній между полами путемъ постепеннаго съуженія круга лицъ, въ средѣ которыхъ оно дѣйствовало. Читатель увидитъ, что признаваемое на первыхъ порахъ за всѣми безъ различія мужчинами того или другаго стаднаго соединенія право на половое общеніе съ женщинами послѣдняго было съ теченіемъ времени удержано лишь за членами одной и той же семейной общины и въ концѣ концовъ предоставлено однимъ ближайшимъ родственникамъ мужа въ восходящей и боковой линіяхъ, его отцу и слѣдующему за нимъ по возрасту брату, при томъ сперва при жизни самого супруга, позднѣе только въ случаѣ его смерти или безплодія. Указавши вслѣдъ за тѣмъ на самый ходъ вымиранія этихъ послѣднихъ остатковъ безпорядочнаго половаго сожитія, я перейду къ разсмотрѣнію вопроса о процессѣ нарожденія новыхъ формъ отношеній между полами, отношеній, зародышъ которыхъ кроется въ состояніи безпорядочнаго половаго сожитія и окончательное сложеніе которыхъ обусловливается фактомъ совершеннаго вымиранія послѣдняго.

Изъ всѣхъ писателей, занимавшихся вопросомъ о древнѣйшихъ формахъ семейныхъ отношеній, Спенсеръ, на сколько мнѣ извѣстно, первый указалъ на ограниченіе со временемъ половаго общенія сравнительно небольшимъ числомъ индивидовъ

какъ мужскаго, такъ и женскаго пола въ предѣлахъ одного и того же стаднаго соединенія. Въ подкрѣпленіе высказаннаго имъ взгляда, Спенсеръ приводитъ извлеченіе изъ путешествія адмирала Фицроя на Огненную землю. Описывая бытъ огнеземельцевъ, Фицрой между прочимъ говоритъ: «мы имѣемъ основаніе думать, что между ними (огнеземельцами) попадаются группы, состоящія изъ немногихъ женщинъ и многихъ мужчинъ, которые всѣ находятся въ безпорядочномъ половомъ сожительствѣ».

Такое сожительство можетъ имѣть мѣсто одинаково какъ при отсутствіи, такъ и при существованіи родственной связи, съ одной стороны, мужчинъ между собою, съ другой—женщинъ другъ съ другомъ. Первая форма, какъ наиболѣе близкая къ архаической безпорядочности половаго общенія всѣхъ мужчинъ стаднаго соединенія съ женщинами послѣдняго, независимо отъ того, состоятъ ли эти мужчины въ родственной связи другъ съ другомъ или нѣтъ, должна быть признана древнѣйшей. Несравненно позднѣйшей по времени должна быть почитаема та общность женъ, какую мы встрѣчаемъ у народовъ, которые, какъ наприм. Тодасы, допускаютъ половое общеніе родственниковъ только съ родственными между собою женщинами. О Тодасахъ путешественникъ Шортъ сообщаетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія. «Когда имѣется четверо или пятеро братьевъ и когда старшій изъ нихъ, достигнувъ брачнаго возраста, возьметъ себѣ жену, то эта жена заявляетъ притязаніе и на всѣхъ его остальныхъ братьевъ, какъ на своихъ мужей, такъ что подростая и достигая возраста половой зрѣлости, всѣ они послѣдовательно сожительствуютъ съ нею, какъ мужья; точно также, когда у жены имѣется сестра или нѣсколько сестеръ, эти сестры, по мѣрѣ достиженія ими брачнаго возраста, становятся поочередно женами мужа или мужей своей старшей сестры. Такимъ образомъ, семья, состоящая изъ нѣсколькихъ братьевъ, можетъ, смотря по обстоятельствамъ, имѣть или одну жену на всѣхъ или нѣсколько женъ. Но будетъ ли ихъ одна или нѣсколько, во всякомъ случаѣ вся семья живетъ подъ одною кровлею и всѣ сожительствуютъ другъ съ другомъ безъ разбора».

Половое общеніе одного и того же мужчины со всѣми сестрами избранной имъ женщины, — общеніе, о которомъ гово-

ритъ Вайцъ, какъ о существующемъ въ средѣ Гренландцевъ, согласно свидѣтельству американца Моргана, можетъ быть до сихъ поръ констатировано въ бытѣ сѣверо-американскихъ краснокожихъ; оно является не болѣе какъ результатомъ удержанія имъ одной стороны безпорядочнаго половаго сожитія, точно такъ, какъ система поліандріи, къ разсмотрѣнію которой я перейду въ настоящее время, обязана своимъ возникновеніемъ продолжительному господству другой стороны того же начала, — я разумѣю переходъ при немъ женщины изъ рукъ въ руки.

Воззрѣніе на полигамію, какъ на такую систему отношеній между полами, которая стоитъ въ ближайшей связи съ безпорядочнымъ половымъ общеніемъ, является въ наше время вполнѣ установленнымъ. Какъ Швейцарецъ Giraud-Teulon и Американецъ Morgan, такъ и англійскій позитивистъ Спенсеръ, согласны между собою въ томъ, что фактъ возникновенія многомужества, поліандріи, нѣсколькихъ мужчинъ, какъ совершенно неродственныхъ между собою, такъ и состоящихъ другъ съ другомъ въ агнатическомъ родствѣ, съ одною и тою же женщиной, не можетъ быть объясненъ иначе, какъ подъ условіемъ допущенія на первыхъ порахъ безпорядочнаго половаго общенія у народа, въ бытѣ котораго онъ былъ констатированъ. Постепенный упадокъ его и вызвалъ къ жизни появленіе поліандріи, при которой къ половому общенію съ одною и тою же женщиною допускается лишь небольшое число лицъ, обыкновенно родственныхъ между собою. «Безпорядочное половое сожительство, говоритъ Спенсеръ, можетъ быть разсматриваемо, какъ неопредѣленное многомужество (поліандрія), въ соединеніи съ неопредѣленнымъ многоженствомъ (полигамія). Мы должны, поэтому, смотрѣть на многомужество, какъ на одинъ изъ типовъ супружескихъ отношеній, возникающихъ изъ первобытнаго безпорядочнаго сожитія». При такомъ воззрѣніи на источникъ поліандріи намъ невозможно будетъ, слѣдуя за Леббокомъ, признать не входящей въ обычный, нормальный ходъ развитія брачнаго права ту форму поліандріи, при которой одна и та же женщина сожительствуетъ съ нѣсколькими неродственными другъ другу мужчинами, какъ это, напр., имѣетъ мѣсто еще и въ наше время у Наировъ, у которыхъ, по описанію путешественниковъ, женщина живетъ въ

домѣ своей матери съ большимъ или меньшимъ числомъ неродственныхъ между собою мужчинъ. Эта форма поліандріи должна быть признана древнѣйшею, какъ болѣе другихъ приближающаяся къ архаическому началу безпорядочнаго половаго сожитія. Позднѣйшей по отношенію къ ней является та, при которой къ половому общенію съ одною и тою же женщиной допускаются одни лишь родственныя другъ съ другомъ лица, обыкновенно братья, какъ кровные, такъ и сводные. Примѣръ подобной формы поліандріи мы находимъ въ Тибетѣ. При ней, по описанію Тернера, одна и та же женщина сожительствуетъ со всѣми братьями одной и той же семьи, все равно, каково бы ни было ихъ число. Этотъ видъ поліандріи является весьма распространеннымъ. Для моей ближайшей цѣли достаточно будетъ указать на господство его не только у американскихъ туземцевъ на рѣкѣ Ориноко, въ Новой Зеландіи, на островѣ Цейлонѣ и у подошвы Гималайскихъ горъ, въ Кашмирѣ, и т. д., но и у отдѣльныхъ вѣтвей арійской семьи—Кельтовъ и Славянъ. О существованіи его у Бритовъ въ эпоху знакомства съ ними Юлія Цезаря мы имѣемъ несомнѣнныя данныя въ знаменитыхъ комментаріяхъ, въ которыхъ объ общеніи женъ говорится, какъ о встрѣчающемся всего чаще въ средѣ родственниковъ и особенно братьевъ. О томъ, что поліандрія держалась въ русскомъ обществѣ еще въ XII в., мы имѣемъ неоспоримое свидѣтельство церковнаго Устава Ярослава, гдѣ содержится такое постановленіе: «Оже два брата будутъ съ единою женою, епископу 100 гривенъ, а женка въ домъ церковный».

О господствѣ нѣкогда поліандріи въ средѣ индусской вѣтви арійской семьи я нахожу слѣдующія свѣдѣнія въ уже не разъ цитированномъ мною сочиненіи Всеволода Миллера, озаглавленномъ «Очерки арійской миѳологіи». «Если, говоритъ авторъ, искать культурныхъ фактовъ въ индусскихъ легендахъ, то примѣръ поліандріи и здѣсь можно найти. Оба Ашвина называются въ гимнахъ Ригъ-Веды мужьями дочери солнца, а изъ Магабгараты извѣстно, что пять братьевъ были женаты на одной и той же дѣвушкѣ, красавицѣ Драупади. Нѣтъ доказательства, такъ заканчиваетъ Миллеръ свои остроумныя соображенія, значительнаго распространенія поліандріи въ Индіи, но

можно думать, что иногда она встрѣчалась въ жизни, конечно, въ глубокой древности».

Отъ Индусовъ перейдемъ къ Грекамъ. Существованіе поліандріи у Спартанцевъ прямо засвидѣтельствовано двумя классическими писателями—Тимеемъ и Полибіемъ, которые оба одинаково говорятъ о сожительствѣ братьевъ съ одною и тою же женщиною.

Остается еще разсмотрѣть вопросъ о томъ, на сколько поліандрія можетъ быть признана существовавшей нѣкогда у древнихъ Германцевъ. Нѣкоторые писатели, и въ числѣ ихъ Леббокъ, опираясь на текстъ 20 главы тацитовской Германіи, доказываетъ господство нѣкогда и у Нѣмцевъ поліандріи, по крайней мѣрѣ, въ ея позднѣйшей формѣ, — формѣ сожительства братьевъ съ одной и той же женщиной. Текстъ, на который обыкновенно ссылаются, не оправдываетъ такого рода заключенія. Тацитъ рисуетъ предъ нами не поліандрическую форму общенія, а моногамическій бракъ, раннее возникновеніе котораго въ средѣ германскихъ племенъ обусловливается, какъ я постараюсь показать впослѣдствіи, неблагопріятными физическими условіями ихъ жизни, затруднявшими добываніе средствъ къ пропитанію и поневолѣ принуждавшими ихъ довольствоваться каждый одной женой. Выраженіе «pares validaeque miscentur», приводимое въ доказательство признанія Тацитомъ поліандрической семьи у Германцевъ, при такомъ толкованіи его, положительно не согласно съ другими мѣстами того же писателя, предполагающими существованіе личнаго брака. Интерпретація его поэтому должна быть совершенно иная, и новѣйшіе толкователи этого мѣста согласны между собою въ томъ, что терминъ «miscentur» употребленъ здѣсь не въ смыслѣ вступленія въ безпорядочное общеніе, а въ смыслѣ осуществленія личнаго брака, при заключеніи котораго требовалось по возможности равенство въ возрастѣ и положеніи вступающихъ въ него лицъ.

Рядомъ съ поліандрической семьей, въ которой нѣсколько братьевъ или родственниковъ сожительствуютъ съ одной и той же женщиной, мы встрѣчаемъ одновременно и такую, при которой имѣетъ мѣсто сожительство жены не только съ своимъ мужемъ, но и съ отцомъ послѣдняго или старшимъ родствен-

никомъ. Свѣдѣнія объ этой формѣ половаго общенія я почерпаю изъ «Очерковъ семейныхъ отношеній по русскому обычному праву» г. Смирнова. «У нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ, говоритъ онъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи указаніямъ Леббока, женою одного изъ членовъ семьи могли, кромѣ его братьевъ, пользоваться и другіе члены послѣдней. У Реддіевъ Южной Индіи женщина лѣтъ 16 или 20 выходитъ иногда за мальчика 5 или 6 лѣтъ. Въ такомъ случаѣ она живетъ обыкновенно съ какимъ нибудь взрослымъ мужчиною, наприм. съ дядей или двоюроднымъ братомъ со стороны матери, но никакъ, впрочемъ, не съ родственниками отца; случается, что она живетъ съ отцомъ своего малолѣтняго мужа, т. е. со своимъ свекромъ. Если отъ подобной связи у нея появятся дѣти, они считаются дѣтьми ея малолѣтняго мужа. Къ тому времени, когда мальчикъ выростетъ, жена его оказывается обыкновенно уже слишкомъ старой. Тогда и онъ, въ свою очередь, сходится съ женой какого нибудь другаго мальчика на тѣхъ же основаніяхъ, и та производитъ на свѣтъ дѣтей, которыя считаются дѣтьми ея малолѣтняго мужа. Изъ этого примѣра видно, что когда снохачество, т. е. сожительство отца мужа съ женою послѣдняго, начинаетъ въ народномъ понятіи принимать характеръ злоупотребленія, тогда отецъ, желающій пользоваться женою своего сына и въ то же время опасающійся столкновеній съ послѣднимъ, для достиженія своихъ желаній прибѣгаетъ обыкновенно къ ранней женитьбѣ сына, чтобы такимъ образомъ жить безъ всякаго препятствія со снохою. М. В. Ломоносовъ обыкновенію крестьянъ Архангельской губерніи женить малолѣтнихъ парней приписываетъ происхожденіе многихъ пороковъ, унижающихъ человѣческое достоинство, и въ то же время препятствующихъ естественному росту населенія. «Хотя по деревнямъ, говоритъ онъ, и показываютъ причиной, что женятъ малыхъ ребятъ для работницъ, однако все пустое». Причина была не та: отцы очевидно женили малолѣтнихъ сыновей для того, чтобы пользоваться ихъ женами. Подобное пользованіе женами малолѣтнихъ сыновей было въ недавнее время весьма распространено въ Сибири. На факты подобнаго рода встрѣчаются указанія въ ея архивахъ. Въ 1749 г. одинъ Енисейскій крестьянинъ

жаловался, что отецъ женилъ его семилѣтняго на сорокалѣтней дѣвкѣ, что теперь ей уже 60 лѣтъ и она не способна быть женой. Нѣкоторые факты свидѣтельствуютъ о значительной распространенности снохачества и въ настоящее время. Отецъ, женивъ своего очень молодого сына, начинаетъ ухаживать за своей снохой. Пословицы говорятъ: «сношка у свекра госпоженька»; «смалчивай, невѣстка,—сарафанъ куплю». Большею частью дѣло кончается тѣмъ, что между отцомъ и женою молодаго парня возникаетъ связь. Женщина обыкновенно вступаетъ въ нее изъ боязни, которую питаетъ къ свекру. Если свекру не придется овладѣть снохою вслѣдствіе ея несогласія, то онъ начинаетъ ее преслѣдовать, а ему подражаетъ и вся семья. Если же эти сношенія возникаютъ, то часто служатъ къ семейнымъ раздорамъ и даже страшнымъ дракамъ. Въ послѣднее время народъ начинаетъ смотрѣть на снохачество, какъ на развратъ.

Но остатки прежняго порядка вещей, когда отецъ имѣлъ опредѣленное право на жену своего сына, еще встрѣчаются въ народѣ и до сихъ поръ. Такъ, по словамъ г. Никулина, на Дону между раскольниками сожительство свекровъ со снохами рѣдко считается за грѣхъ. Хотя вообще теперь народъ и видитъ въ снохачествѣ преступленіе, но не относитъ его къ разряду особенно важныхъ. Это видно изъ сравнительной незначительности налагаемыхъ народнымъ судомъ наказаній за снохачество.

Снохачество не является чѣмъ то новымъ въ нашемъ юридическомъ быту. Существованіе его съ древнѣйшихъ временъ нашей общественной жизни доказывается какъ держащимися еще въ наше время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оригинальными обрядами, совершаемыми при входѣ невѣсты въ домъ мужа, такъ и прямыми законодательными постановленіями, принятыми противъ него церковью и правительствомъ уже въ XII в. Въ Мезенскомъ уѣздѣ до сихъ поръ имѣетъ мѣсто слѣдующій обрядъ: когда приведутъ молодыхъ отъ вѣнца въ избу родителей молодаго, то молодая бываетъ закрыта фатою (платкомъ). Отецъ молодаго старается поднять фату. Молодая не дается. Ее хлопаютъ тогда ковригою хлѣба по лбу и сулятъ денегъ и нарядовъ. Она ни за что не соглашается. «Ну, вотъ же», говоритъ отецъ новобрачнаго, «даю тебѣ сына своего». Тогда новобрач-

ная открываетъ фату. Однохарактерные съ только что описаннымъ обряды встрѣчаются и въ другихъ частяхъ Россіи. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Псковскаго уѣзда, когда новобрачныхъ приведутъ отъ вѣнчанія въ домъ родителей молодаго, тогда чрезъ нѣсколько времени дружка говоритъ родителямъ. Батюшка и матушка! любо-ли вамъ приведеніе мое? Отецъ молодаго говоритъ: «мнѣ любо, но нужно посмотрѣть», послѣ чего онъ беретъ кнутъ, снимаетъ имъ покрывало, которымъ была закрыта молодая, потомъ обводитъ кнутомъ три раза вокругъ головы молодыхъ и бѣжитъ съ покрываломъ изъ комнаты. Гости стараются отнять покрывало; если это имъ удается, то отецъ молодаго долженъ ихъ угостить, и тогда они отдаютъ ему покрывало. Понять смыслъ этого обычая намъ кажется, не труднымъ. Закрываніе молодой покрываломъ, какъ свадебный обрядъ, имѣетъ то значеніе, что имъ выражается поступленіе жены въ исключительное обладаніе мужа. Въ приведенномъ обрядѣ видимъ борьбу домохозяина, отца новобрачнаго, съ свадебными гостями изъ за покрывала. Очевидно, эта борьба происходитъ изъ за того, что̀ это покрывало символически обозначаетъ, т. е. изъ-за тѣхъ исключительныхъ правъ, которыя мужъ пріобрѣтаетъ надъ женою и на которыя заявляетъ временное притязаніе отецъ мужа и свадебные гости. Замѣтимъ, что кнутъ, а въ Малороссіи палка, играющіе роль въ этомъ обрядѣ, очевидно, не иное что, какъ символы той власти, въ силу которой домовладыка заявляетъ свои права на новобрачную. Въ другихъ мѣстахъ отецъ молодаго уже безъ противодѣйствія съ чьей либо стороны снимаетъ покрывало съ лица невѣсты.

Если отъ толкованія обрядовъ, до сихъ поръ совершаемыхъ при входѣ невѣсты въ домъ жениха, мы перейдемъ къ анализу памятниковъ древне-русскаго права, то принуждены будемъ признать древность и общераспространенность снохачества въ русскомъ юридическомъ быту, главнымъ образомъ, въ виду слѣдующаго свидѣтельства Церковнаго Устава Ярослава: «Аже свекоръ со снохою будетъ», постановляетъ ст. 17 этого устава, «епископу 100 гривенъ и епитимья по закону».

Отъ поліандріи и снохачества перейдемъ къ послѣдней, въ нашихъ глазахъ, стадіи въ процессѣ вымиранія первобытнаго об-

щенія женъ,—я разумѣю систему левирата, другими словами систему обязательнаго сожительства не только вдовы съ оставшимся въ живыхъ ближайшимъ родственникомъ ея покойнаго мужа и прежде всего съ деверемъ или левиромъ (откуда и самое названіе левиратъ), но и жены въ случаѣ безплодія или болѣзни ея мужа, въ виду произведенія ему потомства. Я имѣлъ уже случай говорить, что изъ всѣхъ областей права того или другаго народа ни одно не удерживаетъ въ себѣ такъ долго и столько слѣдовъ архаическихъ формъ жизни, какъ право наслѣдственное. Не удивительно поэтому, если въ наслѣдственномъ правѣ Индусовъ удержались до позднѣйшаго времени слѣды нѣкогда существовавшаго у этого народа левирата и при томъ въ его древнѣйшей формѣ,—формѣ обязательнаго сожитія жены при жизни мужа не только съ деверемъ, обыкновенно слѣдующимъ по возрасту братомъ, но, въ случаѣ неимѣнія послѣдняго, съ любымъ родственникомъ мужа, членомъ одного съ нимъ рода (gens, по санкритски называемаго gotra). Такое обязательное сожительство имѣетъ мѣсто каждый разъ, когда бракъ мужа съ женой не сопровождался рожденіемъ ребенка мужескаго пола. Хотя прекращеніе дальнѣйшаго сожительства и поставлено Ману въ зависимость отъ факта рожденія такого ребенка, но тѣмъ же Ману засвидѣтельствовано существованіе до него въ Индіи болѣе ранней практики продолжающагося сожительства жены съ деверемъ, даже послѣ достиженія цѣли этого сожитія—я разумѣю рожденіе наслѣдника мужчины. Въ книгѣ IX, ст. 61, говоря о различныхъ мнѣніяхъ касательно срока продолженія левирата, Ману констатируетъ существованіе такихъ, которые допускаютъ сожитіе деверя съ женою мужа вплоть до момента рожденія втораго ребенка мужескаго пола. Самъ Ману высказывается противъ этого мнѣнія, давая тѣмъ самымъ возможность заключить объ ограниченіи съ теченіемъ времени братской поліандріи въ Индіи однимъ лишь сожитіемъ деверя съ женою брата въ интересахъ и до момента рожденія ему наслѣдника. Мальчикъ, произошедшій отъ такой связи, пріобрѣталъ двойное право наслѣдованія: съ одной стороны,—своему родителю, съ другой—мужу своей матери. Въ ряду родственниковъ наслѣдниковъ, индійскіе своды знаютъ и сына деверя или ближайшаго

родственника мужа, прижитаго послѣднимъ въ кровосмѣсительномъ и прелюбодѣйномъ союзѣ съ женою его безплоднаго брата или родственника. Имя такому наслѣднику Ksetraǧa (кшетраджа). Тогда какъ древнѣйшіе индійскіе своды и въ числѣ ихъ Vasistha и Vishnu прямо призываютъ кшетраджа къ наслѣдованію вслѣдъ за собственнымъ сыномъ лица, смертью котораго было открыто наслѣдство; позднѣйшіе по времени появленія кодексы стараются отодвинуть его права по возможности на задній планъ. Въ этомъ приниженномъ сравнительно состояніи кшетраджа и донынѣ является въ числѣ наслѣдниковъ, сохраняя тѣмъ самымъ въ нашихъ умахъ память о древнѣйшей формѣ левирата,—формѣ переходной отъ братской поліандріи къ моногамическому браку *).

Рядомъ съ только что описанной формой левирата мы еще встрѣчаемъ другую, пользующуюся большимъ распространеніемъ на всей поверхности земнаго шара, я разумѣю ту, при существованіи которой вдова обязана вступить въ бракъ съ родственникомъ мужа, обыкновенно младшимъ братомъ послѣдняго, ея деверемъ. Въ этой формѣ левиратъ встрѣчается, судя по показаніямъ путешественниковъ, еще и въ наше время у нѣкоторыхъ кавказскихъ горцевъ, у отдѣльныхъ племенъ восточной Африки, и въ числѣ ихъ у Кафровъ, Полинезіи и Новой Голландіи, у цѣлаго ряда племенъ американскихъ краснокожихъ Сѣверной и Средней Америки и т. д.

Тотъ же видъ левирата, на ряду съ описаннымъ уже нами, встрѣчается и въ древней Индіи. Въ одномъ гимнѣ, посвященномъ Ашвинамъ, читаемъ мы у Всеволода Миллера, мы находимъ слѣдующій стихъ: «Гдѣ вы вечеромъ, о Ашвины, гдѣ вы утромъ, гдѣ вы имѣете ночлегъ, гдѣ пребывали? Кто васъ принимаетъ въ жилище, какъ вдова, на ложе деверя, какъ женщина мужа»? На основаніи этого текста Миллеръ приходитъ къ заключенію о существованіи левирата въ ведическій періодъ. Въ позднѣйшее время левиратъ въ только что описанной формѣ допускался самимъ закономъ. Ману (кн. IX, ст. 69 и 70) заключаетъ въ себѣ по этому поводу слѣдующее предписаніе:

*) Mayr. Das Indische Erbrecht., стр. 97 и слѣд.

«если у дѣвицы умретъ мужъ послѣ бракосочетанія, то пусть ея деверь возметъ ее, соблюдая при этомъ слѣдующее предписаніе: одѣвъ ее въ бѣлое платье, да приближается онъ къ ней цѣломудренной, постоянно до рожденія потомка.

Въ позднѣйшей формѣ дозволеннаго закономъ сожительства вдовы съ деверемъ левиратъ извѣстенъ наряду съ индусскимъ и еврейскому праву.

Источникомъ для ознакомленія съ этимъ любопытнымъ институтомъ у Евреевъ является Библія и въ ней книги «Руѳь» и «Второзаконіе». Приводя извлеченіе изъ первой, я буду руководствоваться русскимъ переводомъ, исполненнымъ Сѵнодомъ и напечатаннымъ въ 1876 году. Содержаніе книги «Руѳь», какъ извѣстно, составляетъ разсказъ о томъ, какъ одна молодая моавитянка, именемъ Руѳь, потерявшая мужа своего, выходца изъ Виѳлеема, Елимелеха, оставляетъ родину, въ надеждѣ найдти пропитаніе въ Іудеѣ для себя, своей свекрови Ноемини, и вдовы мужнинаго брата Орфы. Въ теченіи разсказа Ноеминь не разъ убѣждаетъ своихъ снохъ, Руѳь и Орфу, оставить ее на произволъ судьбы, между прочимъ, слѣдующими соображеніями: «Зачѣмъ вамъ идти со мною? Развѣ есть еще у меня сыны въ моемъ чревѣ, которые были бы вамъ мужьями. Да еслибъ я и сказала: есть мнѣ еще надежда, и если бы я сію ночь была замужемъ и потомъ родила сыновей, то можно ли вамъ ждать, пока они выросли бы? Можно ли вамъ медлить и не выходить замужъ». Эти тексты важны для насъ, такъ какъ указываютъ на господствующій въ эпоху ихъ составленія взглядъ, что вдова вправѣ сдѣлаться женою деверя, хотя бы родившагося на свѣтъ и послѣ кончины ея мужа. Но вотъ еще нѣкоторые другіе тексты, способные подобно предыдущему бросить яркій свѣтъ на институтъ левирата. Руѳи указываютъ на Вооза, допустившаго ее собирать колосья на своемъ полѣ, какъ на одного изъ родственниковъ ея мужа. «Не поискать ли тебѣ пристанища, дочь моя», говоритъ Руѳи ея свекровь, Ноеминь. «Вотъ Воозъ, съ служанками котораго ты была, родственникъ намъ. Вотъ въ эту ночь онъ вѣетъ на гумнѣ ячмень. Умойся, помажься, надѣнь на себя нарядныя одежды свои и поди на гумно, но не показывайся ему, доколѣ не кончитъ ѣсть и пить. Когда же онъ ляжетъ спать,

узнай мѣсто, гдѣ онъ ляжетъ; тогда прійдешь и откроешь у ногъ его и ляжешь. Онъ скажетъ тебѣ, что тебѣ дѣлать». Руѳь, читаемъ мы далѣе въ библейскомъ разсказѣ, сдѣлала все такъ, какъ приказывала ей свекровь ея. Воозъ наѣлся и напился, и развеселилъ сердце свое, и пошелъ и легъ спать подлѣ скирда. И она пришла тихонько, открыла у ногъ его и легла. Въ полночь онъ содрогнулся, приподнялся—и вотъ у ногъ его лежитъ женщина. И сказалъ ей Воозъ: «кто ты»? Она отвѣчала: «я Руѳь — раба твоя, простри крило твое на рабу твою, ибо ты родственникъ»... На это заявленіе Воозъ не нашелъ другаго отвѣта, кромѣ слѣдующаго: «хотя и правда, что родственникъ, но есть еще родственникъ болѣе меня. Если онъ приметъ тебя, то хорошо, пусть приметъ; а если онъ не захочетъ принять тебя, то я приму». На слѣдующее утро Воозъ исполнилъ свое обѣщаніе. Онъ призвалъ родственника, о которомъ шла рѣчь между нимъ и Руѳью, и въ присутствіи старѣйшинъ города объявилъ ему слѣдующее: «Ноеминь, возвратившаяся съ полей Моавитскихъ, продаетъ часть поля, принадлежащую брату нашему Елимелеху; я рѣшился довести до ушей твоихъ и сказать: «купи при сидящихъ здѣсь и при старѣйшинахъ народа моего. Если хочешь выкупить, выкупай; а если не хочешь выкупить, скажи мнѣ, и я буду знать, ибо кромѣ тебя некому выкупить, а по тебѣ я». Тотъ сказалъ: «я выкуплю».—Воозъ сказалъ: «когда ты купишь поле у Ноемини, то долженъ купить поле у Руѳи, Моавитянки, жены умершаго, и долженъ взять ее въ замужество, чтобы возстановить имя умершаго въ удѣлъ его». И сказалъ тотъ родственникъ: «не могу я взять ее себѣ, чтобы не разстроить своего удѣла; прими ее ты, ибо я не могу принять».

Прежде такой былъ обычай у Израиля, прибавляетъ отъ себя самъ повѣствователь; при выкупѣ и при мѣнѣ, для удостовѣренія самаго акта сдѣлки, одинъ снималъ сапогъ свой и давалъ другому (который получалъ въ силу этой передачи право родственника). Согласно съ этимъ обычаемъ, родственникъ снялъ сапогъ и далъ его Воозу, говоря: купи. И сказалъ Воозъ старѣйшинамъ и всему народу: «вы теперь свидѣтели тому, что я покупаю у Ноемини все Елимелехово и все Хилеоново и Махла-

ново (всѣ ея поземельные надѣлы), также и Русь, Моавитянку, жену Махланову, беру себѣ въ жену, чтобы оставить имя умершаго между братьями его и у воротъ мѣстопребыванія его: вы сегодня свидѣтели тому». Разсказъ заканчивается слѣдующимъ заявленіемъ: «И взялъ Воозъ Руѳь, и она сдѣлалась его женою. И вошелъ онъ къ ней, и Господь далъ ей беременность, и она родила сына».

Этотъ разсказъ важенъ для насъ въ двоякомъ отношеніи. Съ одной стороны, мы констатируемъ на основаніи его существованіе у Евреевъ левирата, а съ другой—мы въ состояніи, благодаря ему, дать сами себѣ отвѣтъ на вопросъ, какъ о причинѣ продолжительнаго удержанія левирата у народовъ, вышедшихъ уже вполнѣ изъ стадной формы общенія, такъ и о характерѣ тѣхъ интересовъ, которымъ съ теченіемъ времени онъ призванъ былъ служить. Итакъ, мы приходимъ прежде всего къ заключенію о существованіи у Евреевъ левирата, по формѣ своей совершенно тожественнаго съ однимъ изъ видовъ его у Индусовъ,—левирата, въ силу котораго Руѳь признаетъ себя въ правѣ требовать сожительства съ нею отъ Вооза, а послѣдній считаетъ себя обязаннымъ вступить съ ней въ бракъ. На основаніи того же разсказа мы приходимъ, далѣе, къ заключенію о существованіи въ эпоху его составленія извѣстной связи между имущественнымъ и семейнымъ правомъ оставшихся въ живыхъ родственниковъ. Ближайшему родственнику Руѳи принадлежитъ право вступить съ ней въ бракъ, повидимому, на томъ же основаніи, на какомъ ему принадлежитъ право предпочтительной покупки и выкупа ея поземельнаго участка. Отсюда до мысли о томъ, что самое право родственника на вдову есть право имущественное, право обусловливаемое воззрѣніемъ на женщину, какъ на вещь, по отношенію къ которой наслѣдованіе открывается вслѣдъ за смертью ея мужа,—всего одинъ шагъ. Это именно воззрѣніе на источникъ происхожденія левирата и высказываютъ одинаково, какъ Леббокъ, такъ и Спенсеръ. «Въ древнихъ общественныхъ системахъ, говоритъ послѣдній изъ названныхъ писателей, на женщинъ смотрѣли, какъ на собственность, и наслѣдовали наравнѣ съ прочимъ имуществомъ. У насъ поэтому, продолжаетъ Спенсеръ, невольно возникаетъ по-

дозрѣніе, что левиратъ, или вступленіе во владѣніе женою покойнаго брата, не имѣетъ никакой связи съ многомужествомъ, поліандріей, и, что, напротивъ того, всюду, гдѣ жены считаются просто цѣнными вещами, наслѣдованіе ихъ братьями разсматривается лишь какъ часть ихъ права на наслѣдство». Ни мало не отрицая существованія у слабо развитыхъ народовъ воззрѣнія на женщину, какъ на объектъ имущественныхъ сдѣлокъ, я въ то же время положительно отказываюсь видѣть въ левиратѣ одинъ лишь результатъ признаваемаго за родственниками права наслѣдовать женщинъ наравнѣ съ прочимъ имуществомъ покойнаго. Такому воззрѣнію противорѣчитъ фактъ существованія левирата при жизни мужа, по крайней мѣрѣ, въ Индіи.— Удержаніе сравнительно развитымъ правомъ такого архаическаго остатка, какимъ является левиратъ, объясняется привхожденіемъ въ общественную жизнь новыхъ началъ, сдѣлавшихся условіями его консерватизма. Такимъ началомъ далеко не было одно лишь постепенное расширеніе института индивидуальной собственности, подчиненіе ей наряду съ движимостью и недвижимости; хотя въ то же время я и не рѣшусь отрицать важность этого момента въ данномъ вопросѣ. При объясненіи причинъ продолжительнаго удержанія левирата нужно, по моему, принять во вниманіе возникшій съ теченіемъ времени культъ предковъ и воззрѣніе на необходимость имѣть наслѣдника въ интересахъ спасенія и блаженства на небѣ. Этого-то наслѣдника, являющагося, по выраженію греческихъ источниковъ, спасителемъ домашняго очага, и долженъ былъ доставить левиратъ, или сожительство вдовы, а также незачавшей по винѣ мужа женщины, съ ближайшимъ родственникомъ послѣдняго. Не даромъ же законодательство разсматривало порожденнаго этимъ сожитіемъ мужчину какъ наслѣдника покойнаго или безплоднаго мужа.

Левиратъ принадлежитъ къ числу исконныхъ учрежденій еврейства, доказательствомъ чему служитъ упоминаніе о немъ впервые еще книгою Бытія (XXXVIII). Онъ продолжаетъ держаться и во II вѣкѣ до Р. Х., какъ слѣдуетъ изъ редактированнаго въ это время Второзаконія. «Если братья живутъ вмѣстѣ, читаемъ мы въ этомъ источникѣ (XXV, 5—6) и одинъ изъ нихъ умретъ, не оставивъ сына, то жена умершаго не

должна выходить на сторону за человѣка чужаго, но деверь ея долженъ войти къ ней и взять ее себѣ въ жены. И первенецъ, которого она родитъ, получитъ имя умершаго брата, дабы имя его не изгладилось во Израилѣ». Какъ слѣдуетъ изъ приведенныхъ словъ, левиратъ во II вѣкѣ перестаетъ уже быть правомъ сожительства всякаго родственника со вдовою покойнаго; такое сожительство дозволено только деверю. Мы далеки уже отъ той эпохи, когда возможно было бракосочетаніе молодой Ѳамари съ ея дряхлымъ тестемъ (случай, упоминаемый книгою Бытія) или взятіе въ жены Руѳи ея отдаленнѣйшимъ родственникомъ. Бракъ съ вдовою обязателенъ только для деверя и можетъ быть вынужденъ страхомъ такъ называемаго *халица*, особаго обряда, производимаго въ присутствіи старѣйшинъ и состоявшаго приблизительно въ слѣдующемъ. Обиженная вдова подходила къ нежелавшему взять ее въ жены деверю, снимала башмакъ съ его ноги и плевала предъ нимъ на землю, восклицая: «Такъ поступаютъ съ человѣкомъ, который отказывается отъ созиданія дома брату своему (Второзаконіе XVI, 6—10)». Сниманіе сапога выражало символически готовность вдовы подчиниться деверю на правахъ законной жены; плевокъ же означалъ негодованіе и презрѣніе, вызываемое въ ней его поступкомъ. Церемонія, о которой идетъ рѣчь, удержалась до нашихъ дней, несмотря на то, что Талмудическое право вообще неблагопріятно левирату, запрещая его въ томъ случаѣ, когда деверь родился послѣ смерти мужа вдовы, а также въ случаѣ, если въ моментъ его кончины деверь будетъ уже женатъ. Отказъ отъ него разрѣшается Маймонидомъ не только родственнику, но и заинтересованной въ томъ вдовѣ *).

Переходя отъ Евреевъ къ жителямъ Большой и Малой Греціи, мы прежде всего имѣемъ возможность констатировать фактъ существованія левирата въ древней Троѣ, какъ видно изъ одного мѣста Иліады, въ которой говорится о выходѣ Елены, вслѣдъ за кончиною Париса, замужъ за брата его Дейфоба. Примѣръ такихъ же браковъ представляетъ намъ и бытъ древнихъ Спар-

*) См. Гурвича, Къ исторіи еврейскаго брако-разводнаго права 1882 г., стр. 33—45.

танцевъ. «Ликургъ, говоритъ Ксенофонтъ, хотѣлъ, чтобы браки были заключаемы, по возможности, между индивидами одного и того же возраста. На тотъ же случай, если въ бракъ вступалъ старикъ, а невѣстой была молоденькая женщина, дозволялось мужу приводить къ женѣ молодаго мужчину, одареннаго, по возможности, всѣми физическими и нравственными качествами. Сближеніе молодыхъ людей должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ рожденіе сына, который объявляемъ былъ наслѣдникомъ старика» *). Ксенофонтъ не говоритъ о томъ, былъ ли доставляемый самимъ мужемъ любовникъ родственникомъ его или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе изъ единственнаго извѣстнаго намъ случая существованія на дѣлѣ вышеописаннаго права явствуетъ, что къ сожительству съ женою допускались именно родственники. Вотъ этотъ случай. Клеонимъ женился на старости лѣтъ на прекрасной Хилонисъ. Не будучи болѣе способенъ къ брачной жизни, онъ самъ свелъ ее со своимъ внукомъ, храбрымъ Акротатусомъ, сыномъ короля Ареуса. Ихъ отношенія пользовались не только всеобщимъ признаніемъ, но, можно сказать, покровительствомъ народа, охотно привѣтствовавшаго любовника словами: «Акротатусъ! живи съ прекрасной Килонисъ и рождай Спартѣ могучихъ и храбрыхъ дѣтей». Нечего и говорить, что эти послѣдніе почитались наслѣдниками Клеонима. Весь приведенный мною разсказъ взятъ изъ плутарховой біографіи Пирра и любопытенъ въ томъ отношеніи, что указываетъ на старинную форму левирата, — форму неопредѣленнаго въ своей продолжительности сожительства жены съ родственникомъ мужа.

Переходя отъ Спарты къ Аѳинамъ, мы находимъ въ послѣднихъ одни лишь слѣды нѣкогда существовавшаго левирата. Извѣстно предписаніе Солона о томъ, чтобы оставшаяся сиротою наслѣдница (эпиклера) не вступала въ бракъ иначе, какъ съ родственникомъ по отцу. Позднѣйшій мотивъ существованія такого правила лежитъ въ стремленіи законодательства поддержать имущественное положеніе старинныхъ родовъ, но первоначальный несомнѣнно кроется въ существованіи нѣкогда левирата въ средѣ эллинскаго населенія Аттики.

**) Claudio Jannet. Les institutions sociales et le droit civil à Sparte, Paris, 1880, стр. 101.

Если вѣрить Плутарху, Солонъ дозволилъ также эпиклерѣ при безплодіи ея супруга вступить въ связь съ любымъ изъ его родственниковъ по собственному ея выбору *). Греческій біографъ даетъ своеобразное толкованіе только что упомянутой мною нормѣ. Она, думаетъ онъ, вызвана была желаніемъ парализовать корыстолюбіе тѣхъ стариковъ, которые вступаютъ въ бракъ съ эпиклерами изъ одного разсчета. Зная, что имъ грозитъ. они, по всей вѣроятности, предпочтутъ безчестью отказъ отъ пользованія принадлежащимъ правомъ и эпиклера пріобрѣтетъ возможность вступить въ бракъ по естественной склонности. Не таковъ, однако, дѣйствительный мотивъ разбираемаго нами предписанія. Стоитъ только сопоставить его съ однохарактерными нормами индусскаго права, чтобы вывести заключеніе, что въ Греціи, какъ и въ Индіи, законодатель считаетъ возможнымъ удержать унаслѣдованную отъ старины форму левиратнаго брака въ интересахъ продленія рода и дарованія предкамъ готоваго совершать по нимъ поминальныя жертвы наслѣдника **).

---

*) Caillemer. Le droit de succession à Athènes, стр. 47.
**) Ibid., стр. 48.

V.

Полигамія и моногамія.

Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что изъ первоначальнаго стаднаго состоянія, основаннаго на полномъ общеніи женъ, выдѣляются постепенно поліандрическія группы. Въ настоящей мы покажемъ, что одновременно съ ними возникаютъ и другія, представляющія союзъ одного мужчины съ одной или нѣсколькими женщинами. «Отправляясь отъ первобытной ступени безпорядочнаго половаго сожитія», справедливо говоритъ Спенсеръ, «развитіе семейныхъ отношеній происходитъ въ нѣсколькихъ различныхъ направленіяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ связи болѣе или менѣе прочнаго характера образуются между одною женщиною и нѣсколькими мужчинами; въ другихъ случаяхъ, и это всего чаще, такія связи заключаются между однимъ мужчиною и нѣсколькими женщинами. Наконецъ, рядомъ съ тѣми и другими существуютъ обыкновенно еще связи между однимъ мужчиною и одною женщиною».

Изучивши въ предыдущихъ главахъ причины и процессъ возникновенія многомужества (поліандріи), мы обратимся въ настоящее время къ вопросу о многоженствѣ. Въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, уже разсмотрѣнныхъ нами или подлежащихъ дальнѣйшему разсмотрѣнію, намъ придется считаться съ существованіемъ цѣлаго ряда теорій, пытающихся объяснить возникновеніе общечеловѣческаго явленія климатическими, національными, политическими или религіозными причинами. Чтобы показать несостоятельность подобныхъ объясненій полигаміи въ частности, а также съ цѣлью обнаружить любопытный про-

цессъ позднѣйшаго по времени возникновенія моногаміи въ средѣ полигамическихъ племенъ, я обращусь къ изученію данныхъ, доставляемыхъ намъ какъ этнологіей, такъ и сравнительной исторіей учрежденій по вопросу о полигамической формѣ семьи у различныхъ племенъ земнаго шара.

Я не буду приводить въ подробности всѣхъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи фактовъ по вопросу о существованіи полигаміи у низко стоящихъ по своему общественному развитію племенъ стараго и новаго материка и ограничусь однимъ буквальнымъ перечисленіемъ ихъ по Спенсеру (Основанія соціологіи, т. II, стр. 720). Говоря о полигаміи, этотъ писатель замѣчаетъ, что она существуетъ у Огнеземельцевъ, Австралійцевъ и Тасманійцевъ. Многоженство, продолжаетъ онъ, составляетъ обычное явленіе у Негритосовъ Новой Каледоніи и острововъ: Такны, Эреманги и Лифу. Народы Малайо-Полинезійской расы представляютъ примѣръ его повсюду: на Таити, на Сандвичевыхъ островахъ, на Тонго, Новой Зеландіи, Мадагаскарѣ и Суматрѣ. Въ Америкѣ мы находимъ его у отсталыхъ народностей сѣвернаго континента, начиная съ Эскимосовъ и кончая Москитосами Панамскаго перешейка, и у столь же грубыхъ племенъ южнаго континента, начиная съ Караибовъ и кончая Патагонцами. Оно господствовало въ древнихъ полуцивилизованныхъ американскихъ государствахъ: Мексикѣ, Перу и Центральной Америкѣ. Оно составляетъ общее явленіе для всѣхъ народовъ Африки: для Готтентотовъ, Дамаровъ и Кафровъ южной ея оконечности; для обитателей Конго, береговыхъ Негровъ, Дагомейцевъ и Ашантіевъ средней Африки; для Фулаховъ и Абиссинцевъ на сѣверѣ. Въ Азіи оно свойственно одинаково и осѣдлымъ Сингалезцамъ, и полукочевымъ горнымъ племенамъ Индіи, и кочевымъ Якутамъ.

Отъ низко стоящихъ по своему общественному развитію племенъ стараго и новаго материка перейдемъ къ народамъ древняго Востока и прежде всего къ Евреямъ. Въ сочиненіи Сельдена «de uxore hebraica» (о женѣ у евреевъ) собрано не мало данныхъ по вопросу о существованіи полигаміи въ древней Іудеѣ. Моисеево законодательство прямо говоритъ о немъ: примѣры ея неоднократно встрѣчаются въ книгѣ Бытія. Ука-

жу хотя бы на сожительство Іакова съ двумя женами, Рахилью и Ліей, не считая большаго числа наложницъ. На господство полигаміи въ законодательствѣ Моисея указываютъ и нѣкоторыя изреченія, влагаемыя въ уста Іисусу Христу Евангелистами Матѳеемъ и Маркомъ (см. Еванг. Матѳ., гл. XIX, ст. 8 и Марка гл. X, ст. 5): «Моисей дозволилъ вамъ многоженство въ виду черствости вашихъ сердецъ». Довольно рано проявляется въ еврейскомъ правѣ стремленіе ограничить полигамію. Второзаконіе воспрещаетъ даже царямъ множить себѣ женъ (XVIII, 17). Одинъ изъ комментаторовъ халдейскаго перевода книги Руѳь. — Алмона влагаетъ въ уста Воозу слѣдующія слова: «я не могу жениться на ней, Руѳи, ибо я уже имѣю одну жену»;—цѣнное указаніе, свидѣтельствующее о томъ, что за долго до появленія талмудическаго ученія начался среди евреевъ поворотъ къ моногаміи. Что касается до послѣдняго, то, запрещая совершенно первосвященникамъ имѣть нѣсколькихъ женъ, оно для мірянъ дозволило одну ограниченную полигамію въ томъ смыслѣ, что установило извѣстный maximum по отношенію къ числу женъ: дозволяется имѣть не болѣе четырехъ женъ, не считая, разумѣется, наложницъ *).

Процессъ постепеннаго ограниченія полигаміи у Евреевъ повелъ къ вытѣсненію ея моногамическимъ бракомъ въ періодъ времени, слѣдующій за возвращеніемъ изъ плѣна Вавилонскаго. Эта замѣна одного начала брака другимъ совершилась подъ вліяніемъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Желаніе удержать Евреевъ отъ общенія съ невѣрными побудило Эздру и Неемію запретить на будущее время браки между Іудеями и сосѣдними съ ними племенами. Принужденные вступать въ бракъ съ одними только единоплеменными имъ женщинами, Іудеи нашли въ строгомъ соблюденіи этого предписанія фактическое препятствіе къ установленію полигамическихъ связей. Развитіе единоженства такимъ образомъ было вызвано необходимостью и ускорено въ періодъ господства Римлянъ въ Іудеѣ. При переходѣ Іудеевъ подъ владычество Римскихъ императоровъ полигамія

*) Гурвичъ, Исторія развитія еврейскаго бракоразводнаго права, 1882, стр. 13 и 14.

совершенно вымираетъ и въ первые вѣка по Р. Х. мы не находимъ уже слѣдовъ ея существованія. Насильственное сближеніе еврейскаго быта съ римскимъ и существованіе рядомъ въ одной и той же странѣ двухъ законодательныхъ системъ, изъ которыхъ одной, я разумѣю римскую, полигамическое начало въ бракѣ было неизвѣстно, по всей вѣроятности, не мало содѣйствовало установленію въ еврейскомъ обществѣ начала единоженства. Современное возникновенію христіанства, оно было усвоено послѣднимъ и разнесено имъ затѣмъ въ различные концы міра.

Отъ Евреевъ перейдемъ къ Египтянамъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ полное и неограниченное господство полигаміи, если не во всѣхъ безъ различія кастахъ, то по крайней мѣрѣ въ низшихъ. Что касается до высшихъ кастъ, то, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, членамъ жреческой касты законодательство предписывало воздержаніе отъ одновременнаго сожительства съ нѣсколькими женщинами.

Подвигаясь на западъ отъ Ирана, мы встрѣчаемъ на почвѣ Аравіи, въ средѣ заселяющихъ ее арабскихъ племенъ, полное господство полигамическаго брака въ эпоху появленія Магомета, который въ своемъ законодательствѣ далъ признаніе этому существовавшему до него началу. Допуская многоженство, Магометъ въ то же время старался ограничить его установленіемъ извѣстнаго maximum'а женъ. Этотъ послѣдній тотъ же, что и въ позднѣйшемъ еврейскомъ (талмудическомъ) правѣ, я разумѣю-четыре жены, не считая наложницъ. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано для одного пророка: «пророкъ, читаемъ мы въ стихѣ 49 главы 23, ты можешь жениться на всѣхъ и каждой изъ женщинъ, надѣленныхъ тобою приданымъ», и нѣсколько далѣе: «всякая благовѣрная женщина, отдающая свободно свою душу пророку, можетъ сдѣлаться его женою, буде онъ того захочетъ. Это преимущество, которое онъ имѣетъ надъ другими людьми». Отъ пророка право имѣть неограниченное число женъ перешло къ арабскимъ имамамъ, какъ къ его преемникамъ, представителямъ и вождямъ правовѣрныхъ.

Если полигамія является до сихъ поръ предписываемою закономъ формой брака, если законоучители четырехъ главнѣй-

шихъ школъ мусульманскихъ юристовъ даютъ ей полное признаніе въ своихъ юридическихъ комментаріяхъ, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы на практикѣ моногамія у мусульманъ вовсе не встрѣчалась. Свидѣтельства путешественниковъ, посѣтившихъ въ разное время тѣ или другія страны магометанскаго міра, приводятъ насъ къ совершенно обратному заключенію; изъ ихъ сообщеній оказывается, что полигамія встрѣчается въ средѣ однихъ состоятельныхъ классовъ общества,

Ламэ и Бурхгардъ даютъ намъ слѣдующія данныя касательно численнаго отношенія магометанскихъ моногамическихъ браковъ къ полигамическимъ. Изъ ста человѣкъ, говорятъ они, трудно встрѣтить одного, который бы имѣлъ двѣ жены, а изъ 500 мусульманъ едва ли окажется одинъ, имѣющій болѣе двухъ женъ. Итакъ, экономическія причины препятствуютъ распространенію полигаміи въ средѣ большинства населенія и ограничиваютъ господство этого начала одними состоятельными классами.

Мы покончили съ народностями не одинаковаго съ Арійцами происхожденія и стоимъ въ настоящее время предъ вопросомъ, насколько примѣнимо къ народамъ индо-европейской семьи выставленное нами въ началѣ положеніе о всеобщей распространенности полигаміи на низшихъ ступеняхъ историческаго развитія и о постепенной замѣнѣ ея моногамическимъ принципомъ.

Изъ того обстоятельства, что жена обозначается въ Ригъ-Ведѣ терминомъ patnia, а мужъ словомъ pati (оба наименованія отъ одного и того же корня pat, означающаго господство), одинъ изъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ сравнительнаго языкознанія, нѣмецкій ученый Фикъ *) считаетъ себя вправѣ дѣлать заключеніе касательно существованія моногаміи даже въ древнѣйшемъ періодѣ арійской культуры. «Бенфей, говоритъ онъ, первый призналъ, что въ обозначеніи жены госпожею высказывается начало полнаго равенства мужчины и женщины. Многоженство и рабское положеніе женщины—явленіе, которое никогда не было извѣстно Арійцамъ». Съ мнѣніемъ Фика нельзя согласиться уже потому, что какъ въ религіозныхъ, такъ и въ законода-

*) См. Die ehemalige Spracheinheit der Indo-germanen Europas, гл. VII, gemeinsam-europäischer Wortschatz.

тельнахъ и литературныхъ памятникахъ древнихъ Индусовъ встрѣчаются прямыя указанія на существованіе полигаміи. Въ гимнахъ Ригъ-Веды, какъ замѣчено было Всеволодомъ Миллеромъ, говорится иногда о женахъ во множественномъ числѣ; въ одномъ мѣстѣ Ригъ-Веды мы встрѣчаемъ ясный намекъ на ссоры между женами соперницами, (кругомъ тѣснятъ меня ребра, сказано въ гимнѣ, какъ жены одного мужа).

Не меньше данныхъ въ пользу существованія полигаміи заключаютъ въ себѣ древнѣйшіе памятники индусскаго права. Такъ въ книгѣ 9-й свода Ману, ст. 198, мы между прочимъ читаемъ: все имущество, данное отцомъ замужней женщинѣ, принадлежащей къ одной изъ трехъ низшихъ кастъ,—женщинѣ, мужемъ которой является браминъ, имѣющій другихъ женъ помимо ея, должно достаться, въ случаѣ ея бездѣтной смерти, дочери брамина, или же дѣтямъ этой дочери. Въ другомъ сборникѣ индусскаго права—Яджнавалькіи, книга 1, ст. 58, говорится о правѣ брамина имѣть три жены, кшатрію дозволяется состоять въ бракѣ одновременно только съ двумя женщинами, а вайсію и судрасу только съ одною». Вишну еще снисходительнѣе въ этомъ отношеніи: число дозволенныхъ имъ женъ зависитъ отъ того, къ какой кастѣ принадлежитъ мужъ: браминъ можетъ имѣть четыре жены, кшатрій три, вайсій двѣ, судрасъ одну *). Указанія на существованіе въ Индіи многоженства встрѣчается и въ памятникахъ народной поэзіи и письменности. Въ Рамаянѣ Душъ-Рута имѣетъ 3 женъ, а въ Сакунталѣ Душъ-Манта гаремъ изъ ста женъ.

Въ числѣ легендъ, собранныхъ въ Кашгарѣ нашимъ извѣстнымъ санскритологомъ Минаевымъ, мы встрѣчаемъ не мало такихъ, въ которыхъ имѣются указанія на полигамическую форму брака. Такъ въ одной изъ нихъ мы читаемъ: «былъ царь Малусай; три раза онъ женился, отъ 3-хъ женъ было у него двѣ дочери и одинъ сынъ. Однажды мать его сказала ему: отчего ты не спишь сегодня въ полночь, или нѣтъ при тебѣ женъ? отвѣчалъ царь: мои царицы при мнѣ».

«Семь свадебъ сыгралъ отецъ Жираужа, изъ роду Бханара,

*) Vishnu, XXIV, 1—4.

своему сыну Калуве», читаемъ мы въ другой легендѣ, «но ни одна жена не была его сердцу мила».

Если полигамія и должна быть признана общераспространеннымъ явленіемъ въ быту древнихъ Индусовъ, то въ то же время нельзя отрицать и того, что идеаломъ ихъ религіознаго законодательства, со временъ Ману, является моногамическій бракъ. Это всего рѣзче выступаетъ изъ слѣдующихъ изреченій Ману: мужъ тогда лишь совершененъ, когда состоитъ изъ трехъ лицъ: жены (а не женъ), себя самого и сына. Семья, въ которой мужъ довольствуется одною женою, всегда будетъ счастлива». Изъ позднѣйшихъ законодательныхъ сводовъ, въ особенности изъ Катіаяны, глав. 19, ст. 13, видно, что съ теченіемъ времени въ индусскомъ обществѣ въ ряду другихъ женъ и рожденныхъ отъ нихъ дѣтей привиллегированное положеніе стала занимать первая жена и ея дѣти, впрочемъ лишь въ томъ случаѣ, если первою женою была женщина высшей касты *), что обыкновенно и имѣло мѣсто, ввиду того, что по индусскому праву первая жена необходимо должна быть одной съ мужемъ касты.

Привиллегированное положеніе первой жены проявляется въ томъ, что она одна призвана раздѣлять съ мужемъ обязанности по совершенію домашнихъ жертвоприношеній и поддержанію домашняго очага. Рожденныя отъ нея дѣти допускаются къ большей, сравнительно съ другими, долѣ участія въ оставленномъ ихъ отцомъ наслѣдствѣ. Изъ всего сказаннаго видно, что и на примѣрѣ Индіи можно провѣрить правильность мнѣнія, высказаннаго впервые Унгеромъ и защищаемаго мною, насчетъ самопроизвольнаго возникновенія моногаміи въ средѣ полигамическихъ обществъ.

Придерживаясь буквально текста одного изъ предписаній Зороастра, можно, пожалуй, прійти къ убѣжденію, что многоженство было неизвѣстно народамъ, заселявшимъ въ древности Иранское плато. На вопросъ о томъ, что всего угоднѣе Богу, Агура-Мазда отвѣчаетъ, что Богу желательно, чтобы

*) Прямое указаніе на этотъ счетъ содержитъ въ себѣ Вишну: „если у человѣка нѣсколько женъ одной съ нимъ касты, старшая та, съ которой онъ обязанъ осуществлять свои религіозныя обязанности; если же онѣ разныхъ кастъ, то и съ младшей, если она одной съ нимъ касты“, (XXVI, 1—2).

благочестивый человѣкъ жилъ въ пространномъ, имъ самимъ построенномъ жилищѣ, жилищѣ, снабженномъ огнемъ, женою *(а не женами)*, дѣтьми и стадами. Изъ того обстоятельства, что о женѣ въ приведенномъ мѣстѣ говорится въ единственномъ, а не множественномъ числѣ, нѣкоторые изслѣдователи считаютъ себя вправѣ выводить то заключеніе, будто бы Иранцы съ древнѣйшихъ временъ знали одно единоженство. Самое большее, что мы можемъ утверждать на основаніи этого текста, это то, что у Зороастра было стремленіе ввести въ Персіи моногамическое начало брака. Отъ существованія такого стремленія до факта исключительнаго господства у Персовъ единоженства еще далеко. Неоднократные случаи многоженства въ средѣ персидскихъ царей даютъ намъ право сдѣлать обратное заключеніе. Полигамія продолжала существовать въ Персіи вопреки неодобренію, высказанному ей законодателемъ.

Переходя отъ восточныхъ вѣтвей арійской семьи къ западнымъ и прежде всего къ Славянамъ, мы находимъ несомнѣнныя доказательства существованія у нихъ полигаміи, въ слѣдующемъ словахъ начальнаго лѣтописца. «Радимичи, Вятичи и Сѣверъ... имѣютъ по двѣ и по три жены». Это свидѣтельство находитъ подтвержденіе себѣ въ показаніяхъ, какъ арабскихъ, такъ и нѣмецкихъ писателей о русскихъ, а равно и о другихъ славянскихъ народахъ. По словамъ Фредегара, Сàмо имѣлъ 12 женъ. У русскаго князя, по сказанію Ибнъ-Фоцлана, было 40 женъ, считая въ томъ числѣ, по всей вѣроятности, и наложницъ. Казвини († 1283) говоритъ, что у Славянъ было позволено имѣть 20 и болѣе женъ. О многоженствѣ у балтійскихъ поморцевъ говоритъ Сефридъ, у Чеховъ—Козьма Пражскій, и житіе св. Войтеха. Какъ и другія народности арійской семьи, славяне далеко не признавали за всѣми женами равнаго достоинства. У Владиміра I, по словамъ нашего начальнаго лѣтописца, было 800 наложницъ и только 6 женъ. Въ свою очередь Сефридъ, свидѣтельствуя о многоженствѣ балтійскихъ Славянъ, говоритъ, что только одна жена считалась у нихъ законною; остальныя же были наложницами. По словамъ Козьмы Пражскаго у Чеховъ могло быть двѣ или три жены, но только одна законная.

Изъ сопоставленія вышеприведенныхъ данныхъ, вѣрно замѣ-

чаетъ Макушевъ, мы придемъ къ слѣдующему заключенію: у Славянъ преобладала моногамія, хотя дозволено было и многоженство. Въ послѣднемъ случаѣ, однако, число женъ было ограничено, число же наложницъ неопредѣленно. Не смотря на введеніе христіанства, слѣды полигаміи продолжали держаться въ русскомъ народѣ въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій. Въ числѣ задачъ русскаго проповѣдничества въ періодъ времени отъ XI до XIV вѣка анонимный изобразитель его историческихъ судебъ выставляетъ между прочимъ и постоянный протестъ противъ многоженства. Послѣднее, продолжаетъ онъ, встрѣчалось особенно часто въ средѣ инородцевъ. Изрѣдка оно попадалось и между Славянами, какъ видно изъ посланій митрополита Іоны къ Вятичамъ (XV вѣка). «Слышу я, дѣти, говоритъ онъ въ одномъ изъ нихъ, что у васъ въ Вяткѣ творится весьма много дѣлъ, противныхъ и ненавистныхъ Богу, на погибель христіанъ: многіе христіане живутъ беззаконно съ многими женами безъ вѣнчанія». Сравнительно рѣдкіе случаи упоминанія въ проповѣдяхъ о многоженствѣ въ средѣ славянскаго населенія въ Россіи находятъ себѣ, по мнѣнію автора «Историческаго очерка русскаго проповѣдничества», слѣдующее объясненіе: «Надобно думать, пишетъ онъ, что духовенство, имѣвшее въ древности надзоръ за домашнимъ поведеніемъ мірянъ, истребляло подобныя заблужденія не столько словомъ, сколько властью и полицейскими мѣрами».—Отъ славянъ обратимся къ кельтамъ и германцамъ. Указаніе на существованіе у нихъ полигаміи заключаетъ въ себѣ книга 6-я, глава 19-я комментаріевъ Юлія Цезаря о войнѣ съ Галлами. «Когда умираетъ глава благороднаго семейства, читаемъ мы въ ней, его родственники сходятся и, буде возникнетъ сомнѣніе на счетъ причинъ его смерти, жены (uxores) подвергаются пыткѣ наравнѣ съ рабынями *).—Отрывочное свидѣтельство Тацита о полигаміи у Германцевъ получаетъ надлежащее освѣщеніе лишь при сопоставленіи его съ показаніями Цезаря объ Аріовистѣ, имѣвшемъ двухъ женъ, — и меровингскихъ хроникъ о короляхъ Клотарѣ, Дагобертѣ и Пипинѣ II, имѣвшихъ по двѣ и по три

*) Видя въ этомъ текстѣ доказательство существованія полигаміи, я слѣдую интерпретаціи, даваемой ему Шарлемъ Жиро, въ противность Лаферьеру.

жены *) «Nam prope soli barbarorum singulis uxoribus contenti sunt, говоритъ о Германцахъ Тацитъ, exceptis admodum paucis, qui non libidine, sed propter nobilitatem plurimis nuptiis ambiuntur». Баумштаркъ почти одинъ переводитъ: «между варварами они одни довольствуются каждый одною женой, за исключеніемъ немногихъ. Эти послѣдніе не столько въ виду ихъ сластолюбія, сколько благодаря принадлежности къ дворянскому роду, получаютъ большое число предложеній на вступленіе съ ними въ бракъ». Такому толкованію противорѣчатъ не только вышеприведенныя данныя насчетъ существованія полигаміи въ дворянскихъ и княжескихъ родахъ, но и тѣ факты, съ которыми знакомитъ насъ современная этнологія, говоря о полигаміи между богатыми классами, при одновременномъ господствѣ единоженства, если не de jure, то de facto, въ средѣ бѣднаго населенія. Поэтому вмѣстѣ съ Тудихумомъ и большинствомъ историковъ германскаго права мы не откажемся отъ буквальнаго перевода текста и въ словахъ: «окружаютъ себя многими браками» признаемъ указаніе на существованіе полигаміи въ средѣ состоятельныхъ и знатныхъ германскихъ родовъ, при одновременномъ распространеніи моногаміи въ остальной части населенія. Въ Скандинавскомъ мірѣ полигамія удержалась весьма долго. По словамъ Адама Бременскаго, Шведы отличались умѣренностью во всемъ, если не говорить о числѣ женъ. Каждый беретъ ихъ извѣстное число — обыкновенно двѣ, три, смотря по состоянію. Князья и богатые имѣютъ неопредѣленное число женъ. Скандинавскія хроники даютъ полное оправданіе этому утвержденію, упоминая, напр., о десяти женахъ Гаральда Прекрасноволосаго; или о выборѣ, сдѣланномъ королемъ Альрекомъ между двумя своими женами, одной, въ виду постоянныхъ ихъ ссоръ между собой, при чемъ избранной оказалась та, которая съумѣла сварить лучшее пиво **).

Для полноты этого очерка не считаемъ возможнымъ обойти молчаніемъ и классическіе народы древняго міра. Въ гомерической Греціи мы встрѣчаемся только съ однимъ примѣромъ полигаміи, именно съ многоженствомъ Пріама. Въ

*) Weinhold. Die deutschen Frauen, Wien 1882. изд. 2, т. II, стр. 15.
**) Ibid., стр. 13 и 14.

Аѳинахъ попадаются нѣкоторые случаи многоженства; такъ про Сократа преданіе говоритъ, что онъ имѣлъ двѣ жены, изъ которыхъ одна, Ксантиппа, была на время уступлена имъ Алкивіаду.

Въ Спартѣ также встрѣчаются рѣдкія упоминанія о полигаміи, но лишь при бездѣтности перваго брака и съ цѣлію произведенія потомства. Такъ царь Анаксагорасъ имѣлъ съ этою цѣлью двухъ женъ вопреки господствующему моногамическому принципу.—Приведенные факты скорѣе говорятъ намъ о господствѣ въ Греціи единобрачія, нежели наоборотъ. Примѣръ Пріама ничего не доказываетъ, такъ какъ можетъ быть вызванъ подражаніемъ обычаями восточныхъ деспотовъ; многоженство же Сократа и Анаксагора каждый разъ отмѣчается, какъ исключеніе изъ общаго правила.

Что касается древняго Рима, то въ исторіи его нельзя открыть слѣдовъ полигаміи ранѣе законовъ Діоклетіана, запрещающихъ двоеженство, «cum etiam in edicto praetoris hujusmodi viri infamia notati sunt».

Изъ предшествующаго очерка не трудно прійти къ заключенію объ общераспространенности полигаміи даже у наиболѣе передовыхъ расъ, каковы—Семитическая и Арійская. Изъ него же видно, что съ самаго начала сфера ея распространенія была ограничена наиболѣе зажиточными классами, что объясняется, разумѣется, чисто экономическими причинами, существованіемъ необходимаго для содержанія нѣсколькихъ женъ достатка. Къ этимъ причинамъ присоединяются впрочемъ и другія. Говоря о томъ, что германцы окружаютъ себя многими браками не изъ сластолюбія, а потому, что признаютъ это почетнымъ, Тацитъ не даетъ дальнѣйшаго объясненія, чѣмъ именно вызываемъ былъ этотъ почетъ. Едва ли мы ошибемся, признавши, что такой причиной было желаніе вступить въ дружескія отношенія съ возможно большимъ числомъ вліятельныхъ родовъ. Бракъ является, какъ показываютъ намъ данныя этнографіи, однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ къ установленію такого дружескаго общенія, и неудивительно потому, если озабоченные расширеніемъ своего вліянія, германскіе вожди считали желательнымъ заключеніе многочисленныхъ браковъ. Этой же причиной объясняется, какъ мы

полагаемъ. фактъ удержанія полигаміи всего долѣе въ средѣ правящихъ династій, примѣръ чему представляетъ династія Меровинговъ и первые Карловинги. Признавая ближайшимъ основаніемъ къ установленію единоженства экономическій разсчетъ, я въ то же время полагаю, что развитію единоженства въ средѣ полигамическихъ обществъ не мало содѣйствовали еще слѣдующія два обстоятельства. Во первыхъ, частыя несогласія между женами, о которыхъ говорятъ намъ между прочимъ скандинавскія саги, по словамъ которыхъ мужъ прибѣгаетъ къ выбору одной изъ спорящихъ между собою женъ, какъ къ единственному средству достигнуть внутренняго міра и спокойствія *). Вторымъ, и еще болѣе важнымъ основаніемъ къ развитію единоженства въ ущербъ полигаміи является тотъ религіозный характеръ, какой со временемъ принимаетъ институтъ брака. Мы увидимъ въ ближайшихъ главахъ, что на смѣну стариннымъ способамъ заключенія брака путемъ похищенія или купли является совершеніе особаго обряда, которымъ жена равнаго состоянія съ мужемъ пріобщается къ общему съ нимъ фамильному культу, культу предковъ. Подобно тому, какъ изъ мужчинъ одного и того же семейства отецъ одинъ играетъ первенствующую роль при совершеніи поминальныхъ жертвоприношеній, такъ точно и изъ числа имѣющихся во дворѣ женщинъ одна лишь равная по состоянію жена призывается къ ежечасному поддержанію пламени на семейномъ очагѣ. Мы видѣли уже примѣръ этому въ древнемъ индусскомъ правѣ и можемъ только примѣнить сказанное одинаково къ греческому и римскому. Если въ обоихъ мы не находимъ почти слѣдовъ полигаміи, то объясняется это въ нашихъ глазахъ раннимъ торжествомъ въ Греціи и Римѣ религіозныхъ формъ заключенія брака, возведшихъ женщину до роли первосвященника въ семьѣ, неспособнаго дѣлиться ни съ кѣмъ своими обязанностями по отношенію къ sàcra, за исключеніемъ собственнаго супруга.

---

*) Weinhold., стр. 14.

VI.

Древнѣйшіе способы заключенія брачнаго союза.

Едва ли какой вопросъ въ исторіи брачнаго права подвергаемъ былъ столь тщательной обработкѣ, какъ вопросъ о древнѣйшемъ порядкѣ заключенія брачнаго союза. Мы имѣемъ передъ собою чуть не 300-лѣтнюю литературу и могли бы составить цѣлую библіотеку изъ монографическихъ изслѣдованій, написанныхъ на всевозможныхъ языкахъ и посвященныхъ самому детальному его изученію у различнѣйшихъ народовъ земнаго шара. И все же вопросъ этотъ далеко не рѣшенъ окончательно; разнорѣчія и несогласія продолжаютъ держаться попрежнему. Защитники и противники ученія о вліяніи народнаго духа на учрежденія, послѣдователи патріархальной теоріи и ея антагонисты—конструируютъ каждый согласную съ ихъ общимъ ученіемъ схему древнѣйшихъ порядковъ заключенія брака. Одни полагаютъ, что извѣстные способы его установленія совершенно чужды извѣстнымъ народностямъ. Такъ, напр. думаютъ, что германцамъ съ древнѣйшихъ временъ неизвѣстны были—ни купля невѣсты, ни заключеніе брака путемъ похищенія, какъ противорѣчащіе ихъ правовому сознанію. Другіе полагаютъ, что порядокъ заключенія брака на низшихъ ступеняхъ развитія былъ одинъ и тотъ же у разноплеменнѣйшихъ народностей земнаго шара, въ виду общности условій ихъ быта и порожденной ею однохарактерности древнѣйшихъ правовыхъ представленій. Но и въ средѣ этихъ послѣднихъ писателей возникаетъ разнорѣчіе по вопросу о томъ, какой именно порядокъ долженъ быть признанъ древнѣйшимъ: одно ли похищеніе невѣсты женихомъ или

же наряду съ нимъ и купля ея у родителей. Защитники того взгляда, что агнатическому роду предшествовалъ по времени когнатическій и патернитету—матернитетъ, видятъ явное противорѣчіе своему основному воззрѣнію въ ученіи о заключеніи брака издревле путемъ купли. Вѣдь плата за невѣсту, полагаютъ они, необходимо поступаетъ къ ея отцу. Но отецъ на первыхъ порахъ не былъ извѣстенъ. Какая же, спрашивается, возможность толковать о покупкѣ невѣсты, какъ о древнѣйшемъ порядкѣ заключенія брака? Противники теоріи материнства, наоборотъ, полагаютъ, что изъ ихъ ученія непосредственно вытекаетъ архаичность того порядка, при которомъ глава и неограниченный владыка семьи—отецъ распоряжается рукою дочери въ формѣ продажи ея жениху.

Ища отвѣта на поставленный вопросъ, — какъ въ историческихъ памятникахъ, такъ и въ данныхъ этнографіи, мы одинаково встрѣчаемся съ тѣмъ непреодолимымъ препятствіемъ, какое представляетъ сравнительно позднее происхожденіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Древнѣйшіе даже своды обычаевъ и законодательныхъ предписаній говорятъ уже не объ одномъ, а о нѣсколькихъ способахъ заключенія брака. Я затруднился бы также указать примѣръ народности, которая бы въ наши дни не практиковала по крайней мѣрѣ двухъ формъ заключенія брака: такъ называемой умычки и купли невѣсты. При такихъ условіяхъ понятно, если самый характеръ имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала заставляетъ насъ обратиться къ дедукціи и постараться рѣшить вопросъ на основаніи послѣдовательнаго вывода изъ тѣхъ основныхъ посылокъ, какія представляетъ, съ одной стороны, господство материнства и основанныхъ на немъ родовыхъ группъ, а съ другой—состояніе не прекращающагося междуусобія, въ какомъ эти группы живутъ между собою, поддерживая въ то же время каждая въ собственной средѣ относительный миръ и спокойствіе.

Тотъ фактъ, что главою древнѣйшихъ общественныхъ союзовъ является не мужъ, а дядя или старшій братъ матери, едва ли говоритъ что либо противъ возможности заключенія брака путемъ купли, какъ склоненъ думать это, повидимому, голландецъ Вилькенъ и популяризаторъ его ученія въ Россіи, г. Зиберъ.

Весь вопросъ сводится къ тому, въ чью пользу производится платежъ. Въ эпоху существованія агнатическихъ родовъ и патріархальной семьи онъ идетъ въ пользу отца или старшаго въ родѣ. И тотъ, и другой вступаютъ въ обладаніе имъ не на частноправовомъ основаніи, а какъ представители — первый малой, второй – большой семьи или рода. Ничто не мѣшаетъ намъ думать, что, пока человѣческія сообщества основаны были на материнствѣ, мѣсто отца въ полученіи платы за невѣсту занималъ старшій родственникъ по матери, а мѣсто старшаго агната въ родѣ—старшій когнатъ. Этнографическія данныя до нѣкоторой степени оправдываютъ такую догадку. Сплошь и рядомъ мы находимъ у этнографовъ примѣры народностей, которыя, при господствѣ материнства въ ихъ средѣ, въ то же время знаютъ покупку невѣсты ея женихомъ, обыкновенно въ наипростѣйшей формѣ обмѣна однимъ материнскимъ родомъ своихъ женщинъ на женщинъ другаго, однохарактернаго съ нимъ союза. Не противорѣчатъ также теоріи когнатическаго рода — ни пріобрѣтеніе невѣсты путемъ отработка, примѣръ чему представляетъ намъ библейское сказаніе объ Іаковѣ, ни уплата однимъ кровнымъ сообществомъ другому извѣстнаго количества скота и другихъ цѣнностей, какъ эквивалента пріобрѣтаемой имъ рабочей силы, (я разумѣю переходящую въ его среду невѣсту). Надо помнить, что въ уплатѣ калыма или платы за невѣсту, какъ показываетъ еще примѣръ многихъ современныхъ народностей, хотя бы нашего Кавказа, участвуетъ далеко не одинъ женихъ, а вся совокупность лицъ, живущихъ съ нимъ въ одномъ дворѣ, нерѣдко вся его родня. Мы имѣемъ такимъ образомъ не болѣе какъ заключеніе мѣновой сдѣлки не между отдѣльными индивидами, а между цѣлыми сообществами, — сдѣлки, содержаніе которой составляетъ отчужденіе рабочей силы подъ условіемъ вознагражденія.

Очевидно, однако, что при той враждебности, какая характеризуетъ собою отношеніе древнѣйшихъ родовыхъ сообществъ, одинаково когнатическихъ и агнатическихъ, женщины рѣдко когда пріобрѣтались мирнымъ путемъ, и обыкновеннымъ способомъ ихъ добыванія былъ грабежъ, практикуемый или въ формѣ нападенія на сосѣднія чужеродныя поселенія цѣлою толпою лицъ

одного и того же сообщества, или въ формѣ открытой кражи той или другой дѣвушки или женщины ищущимъ ея руки мужчиною. Бытъ австралійскихъ и африканскихъ дикарей знакомитъ насъ въ равной степени какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ порядкомъ добыванія женщинъ, а лѣтописныя свидѣтельства объ уводѣ побѣдителемъ женщинъ покореннаго имъ народа и о раздѣлѣ ихъ наравнѣ съ прочей добычей между участниками похода, отнынѣ вступающими съ ними въ брачное сожительство, не оставляютъ сомнѣнія въ общераспространенности порядка заключенія брака путемъ похищенія женщинъ одинаково въ древности и средніе вѣка.

Изъ всего сказаннаго нами слѣдуетъ, что мы не видимъ причины, по которой между обоими порядками заключенія брака — похищеніемъ и куплею—необходимо было бы устанавливать ту связь преемства и послѣдовательности, какую приписываютъ имъ нѣкоторые изслѣдователи брачнаго права. Я полагаю, что каждая имѣла свою опредѣленную сферу распространенія: первая въ средѣ самихъ родовыхъ сообществъ, которыя, какъ древнѣйшіе союзы мира, не могли, конечно, мириться съ порядкомъ заключенія брака путемъ похищенія; вторая—во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о заключеніи брака съ женщиной изъ чужаго рода.

Наиболѣе удачной попыткой обоснованія противуположнаго высказываемому взгляда является попытка Вилькена доказать, что плата за невѣсту была на первыхъ порахъ не болѣе, какъ выкупомъ, однохарактернымъ съ тѣмъ, какой производимъ былъ во всѣхъ случаяхъ нанесенія однимъ родомъ матеріальнаго вреда другому, съ того момента, когда на смѣну кровомщенія явилась система платежа виръ или композицій.

Нисколько не отрицая того, что переходъ отъ умычки къ куплѣ произошелъ путемъ примѣненія къ отдѣльнымъ актамъ похищенія системы выкуповъ, находя подкрѣпленіе такой догадки въ многочисленныхъ случаяхъ прекращенія порожденной умычкой распри путемъ имущественнаго вознагражденія родственниковъ невѣсты ея женихомъ и его роднею, я въ то же время отнюдь не могу сдѣлать изъ этого положенія того вывода, какой дѣлаютъ изъ него г. Вилькенъ и вслѣдъ за нимъ

г. Зиберъ. Оно вовсе не говоритъ, въ моихъ глазахъ, противъ заключенія брака уже на первыхъ порахъ куплею; оно указываетъ только на путь, какимъ заключеніе брака съ чужеродными женщинами приблизилось къ порядку заключенія его въ средѣ родоваго сообщества. Оно объясняетъ процессъ не зарожденія купли, а вымиранія умычки, причину, по которой покупка невѣсты сдѣлалась со временемъ единственной общераспространенной практикой.

Я не вижу возможности иныхъ возраженій противъ высказываемаго здѣсь взгляда, кромѣ того, какое необходимо вытекаетъ изъ безусловнаго признанія защищаемаго Макъ-Ленапомъ положенія, что экзогамія предшествовала во времени эндогаміи, и что, слѣдовательно, единственно возможными на первыхъ порахъ были браки, заключаемые умычкой.

Отправляясь отъ гипотетическаго предположенія, что женщины одного и того же рода состояли въ общемъ обладаніи всѣхъ родственниковъ, и что поэтому индивидуальный бракъ возможенъ былъ только съ чужеродными, добываемыми путемъ похищенія, Макъ Ленанъ приходитъ къ тому выводу, что умычка должна была предшествовать куплѣ. Но признавая вполнѣ правильность его исходныхъ посылокъ, я все же отказываюсь понимать, почему экзогамія могла препятствовать заключенію браковъ въ средѣ самого рода. Вѣдь и въ материнскомъ родѣ на разстояніи одного, двухъ поколѣній необходимо появляется значительный контингентъ женщинъ, не единокровныхъ съ матерью—родоначальницей. Ими будутъ жены и дѣти отдѣльныхъ когнатовъ—мужчинъ, почему, какъ показываетъ примѣръ австралійцевъ, браки весьма нерѣдко заключаются съ односельчанками, даже при строгомъ соблюденіи требованій объ экзогаміи. Но такого рода браки, очевидно, не могутъ быть заключаемы путемъ похищенія невѣсты, иначе отношенія семействъ, входящихъ въ составъ одного и того же поселка, сразу пріобрѣли бы враждебный характеръ, и никакое дальнѣйшее общежитіе между ними не было бы мыслимо. Замѣчу здѣсь кстати, что при изученіи древнѣйшихъ представленій на счетъ преступности или дозволенности извѣстныхъ дѣйствій, изслѣдователь постоянно долженъ имѣть въ виду, направлены ли эти послѣднія противъ

чужеродцевъ или же противъ лицъ, живущихъ въ предѣлахъ одного и того же родоваго сообщества. Въ первомъ случаѣ то или другое дѣйствіе считается дозволеннымъ, во второмъ—оно строго запрещается обычаемъ. Такъ воровство, совершенное по отношенію къ члену одного и того же рода, наказуется нерѣдко смертью въ средѣ тѣхъ самыхъ племенъ, которыя не только дозволяютъ, но даже поощряютъ его, разъ оно направлено противъ чужеродцевъ. Сказанное о воровствѣ вполнѣ примѣняется и къ умычкѣ, которая, разъ она была направлена противъ женщинъ враждебныхъ родовъ, являлась вполнѣ дозволенной, и наоборотъ, строго запрещалась во всѣхъ остальныхъ случаяхъ.

Переходя къ изученію въ частности каждаго изъ вышеупомянутыхъ двухъ способовъ заключенія брачнаго союза, я не считаю нужнымъ останавливаться подробно на характеристикѣ тѣхъ порядковъ, какихъ при добываніи невѣсты придерживаются дикія или варварскія народности и ограничусь приведеніемъ одного только примѣра, въ моихъ глазахъ, наиболѣе рѣзкаго. Я разумѣю описываемый Леббокомъ обычай австралійскихъ туземцевъ охотиться за женщинами и, завладѣвши той или другой изъ нихъ силою, послѣ предварительнаго нанесенія ей нерѣдко тяжкихъ для ея жизни раненій, немедленно приступать къ сожительству съ нею.

Заключеніе брака путемъ умычки распространено на всей поверхности земнаго шара:—въ Азіи, одинаково въ средѣ народностей туранской, кавказской, семитической или арійской расы; въ Африкѣ на всемъ протяженіи отъ 18 южной по 8° сѣв. широты: по всей вѣроятности, и южнѣе у народностей, быть которыхъ еще недостаточно изслѣдованъ; въ Америкѣ на протяженіи всего континента и въ такой же степени въ Австраліи и Полинезіи *).

Ограничивая нашу задачу главнымъ образомъ изученіемъ раннихъ формъ общественной жизни у народовъ арійскаго племени, мы обратимся къ констатированію факта существованія у нихъ нѣкогда обычая похищать невѣстъ на основаніи, съ одной стороны, ихъ юридическихъ сводовъ, а, съ другой, свадебныхъ обрядовъ, сохранившихъ до нашихъ дней многіе слѣды древнѣйшаго порядка заключенія брачнаго союза.

*) Mutterrecht und Raubehe, Dargun, стр. 110.

Первая изъ вѣтвей арійской семьи, которая должна остановить на себѣ наше вниманіе при изученіи занимающаго насъ вопроса—это Индусы. У нихъ въ большей степени, нежели у какой либо другой отрасли той же семьи, удержались въ писанномъ правѣ слѣды издревле практиковавшагося увода невѣстъ. Одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ индусскаго права, памятникъ, заключающій въ себѣ кодификацію не только обычаевъ, но и видоизмѣняющихъ послѣднія судебныхъ рѣшеній браминовъ (я разумѣю сводъ Ману), даетъ намъ неоспоримыя данныя для утвержденія, что похищеніе невѣстъ является одной изъ древнѣйшихъ формъ установленія семейнаго союза у восточной вѣтви арійской семьи. Сводъ Ману знаетъ 8 формъ заключенія брака. Изъ нихъ три: ракшаза, гандарва и пайшака считаются нечистыми и, какъ таковыя, запрещаются почитателямъ Ведъ. Согласно опредѣленію, даваемому самимъ сводомъ термину ракшаза, подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть заключеніе брака путемъ похищенія невѣсты. Признавая этотъ бракъ недозволеннымъ по отношенію ко всему населенію, сводъ Ману удерживаетъ въ то же время прежнюю практику основанія семьи уводомъ невѣсты въ тѣсной сферѣ воинской касты. Въ отличіе отъ ракшазы, являющейся самымъ грубымъ выраженіемъ общераспространеннаго нѣкогда похищенія женъ, гандарва представляетъ ту форму заключенія брачнаго союза, съ установленіемъ которой начинается собственно вымираніе архаическаго увода. Согласіе невѣсты на совершеніе послѣдняго—такова существенная черта отличія этой формы отъ предыдущей,—черта, совершенно достаточная для того, чтобы на основаніи ея мы имѣли возможность указать на самый ходъ вымиранія практики похищать невѣстъ силою. Послѣдняя у Индусовъ и, какъ мы увидимъ ниже, и у другихъ вѣтвей арійской семьи, состояла въ переходѣ прежняго обычая въ обрядъ,—обрядъ, практиковавшійся въ Индіи въ формѣ условленнаго напередъ съ невѣстою увода и находившій выраженіе себѣ въ цѣломъ рядѣ свадебныхъ дѣйствій, къ констатированію которыхъ мы и перейдемъ въ настоящее время.

Втеченіи дальнѣйшаго изложенія намъ неоднократно придется указывать на существованіе въ свадебномъ ритуалѣ многихъ

народностей арійской семьи цѣлаго ряда актовъ, символически изображающихъ фактъ присвоенія невѣсты женихомъ силою. Всѣ эти акты въ нашихъ глазахъ имѣютъ тотъ интересъ, что на основаніи ихъ можно прійти къ заключенію о первоначальномъ порядкѣ вступленія въ бракъ, — порядкѣ, отъ котораго удержались одни лишь символическія дѣйствія при совершеніи самого свадебнаго обряда. Такими актами въ индусскомъ ритуалѣ являются возведеніе невѣсты женихомъ на камень и хватаніе ея руки *). Сами по себѣ эти акты едва ли остановили бы на себѣ наше вниманіе, если бы мы неимѣли возможности указать на существованіе цѣлаго ряда подобныхъ же дѣйствій въ ритуалѣ Грековъ и Римлянъ,—дѣйствій, значеніе которыхъ, какъ символическихъ изображеній самого акта овладѣнія невѣстою силой, признается лучшими знатоками классической археологіи. Уцѣлѣвшимъ слѣдомъ стариннаго порядка заключенія брака путемъ увода является тотъ, котораго доселѣ придерживаются нѣкоторыя арійскія племена Пенджаба и въ числѣ ихъ Джаты. Названіе ему карсу. Основаніемъ къ признанію брака заключеннымъ считается одинъ фактъ состоявшагося между брачущимися соглашенія сожительствовать другъ съ другомъ. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ уводомъ, производимымъ съ согласія невѣсты и однохарактернымъ съ тѣмъ, какой извѣстенъ своду Ману подъ названіемъ гандарва **).

Переходя отъ Индусовъ къ Грекамъ, мы укажемъ прежде всего на то обстоятельство, что, по словамъ Плутарха, Спартанцы имѣли обыкновеніе добывать себѣ женъ уводомъ, и что Ромулъ въ передачѣ Діонисія, оправдывалъ похищеніе Сабинокъ, на томъ будто бы основаніи, что, такое дѣйствіе согласно съ древнимъ эллинскимъ обычаемъ. Въ Критѣ, по словамъ того же Плутарха, господствующей формой заключенія брака былъ бракъ уводомъ. Уцѣлѣвшими слѣдами такого порядка вещей одинаково какъ въ Аѳинскомъ, такъ и въ Спартанскомъ свадебномъ церемоніалѣ является рядъ символическихъ дѣйствій, симулирующихъ умычку; описаніе ихъ можно найти между прочимъ

*) Weber. Indische Studien, стр. 316.

**) См. Punjab Customary law, т. IV, стр. 103.

въ Плутарховыхъ біографіяхъ Ликурга и Лизандра. Такъ въ Спартѣ женихъ имѣлъ обыкновеніе уносить невѣсту на рукахъ въ домъ своихъ родителей, при чемъ невѣста оказывала ему притворное сопротивленіе и, повидимому, уступала только силѣ. На заключеніе брака уводомъ указываетъ также державшійся въ средѣ спартанцевъ обычай посѣщать жену только ночью, тайно, нерѣдко въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ, слѣдующихъ за свадьбой. Восходя отъ исторической Греціи къ легендарной, мы находимъ доказательство въ пользу заключенія брака уводомъ въ извѣстномъ разсказѣ о похищеніи Парисомъ Елены, которая потому уже должна быть признана его законной женой, что по смерти его дѣлается по праву женою старшаго его брата, какъ это должно было имѣть мѣсто по отношенію къ законной женѣ, при существованіи въ законодательствѣ системы левирата *).

Что касается до Римлянъ, то въ образцовой монографіи Росбаха о римскомъ бракѣ собрано не мало данныхъ въ доказательство той мысли, что въ древности похищеніе невѣсты признаваемо было законнымъ способомъ заключенія брака. Одинъ уже предписываемый свадебнымъ ритуаломъ обрядъ насильственнаго увода невѣсты изъ объятій ея матери или ближайшей родственницы, обрядъ, о которомъ говоритъ Фестъ, замѣчая: «Rapi simulabatur virgo ex gremio matris, aut si ea non esset, ex proxima necessitudine, quum ad virum (tradicitur, стоитъ въ текстѣ, вѣроятно слѣдуетъ читать: traditur или trahitur)», наводитъ на мысль о существованіи нѣкогда въ Римѣ обычая похищать невѣстъ. Къ тому же выводу приводитъ и заключительный актъ римской «domum deductio», совершенно аналогичный съ тѣмъ, какой предписывается нашими свадебными обрядами, и состоявшій въ томъ, что женихъ хваталъ невѣсту въ свои объятія, приподымалъ ее нѣсколько на воздухъ и затѣмъ переносилъ черезъ порогъ своего дома. Существованіе этихъ строго предписываемыхъ свадебнымъ ритуаломъ дѣйствій заставляетъ меня безусловно присоединиться къ высказываемому Росбахомъ положенію о существованіи нѣкогда у Римлянъ обычая похищать

*) Лёббокъ, прибавленіе.

невѣсты,—обычая, нашедшаго себѣ, какъ онъ думаетъ, типическое выраженіе въ извѣстномъ преданіи о похищеніи Сабинокъ *).

Если отъ народовъ классической древности мы обратимся къ тѣмъ, историческая роль которыхъ наступаетъ съ паденіемъ Западной Римской Имперіи, то какъ въ памятникахъ древнѣйшей поэзіи и письменности Славянъ, Германцевъ, и Кельтовъ, такъ и въ ихъ законодательныхъ сборникахъ, переходящихъ изъ рода въ родъ обычаяхъ и до сихъ поръ держащихся свадебныхъ обрядахъ, мы найдемъ цѣлый рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что похищеніе невѣстъ было нѣкогда общераспространеннымъ въ ихъ быту явленіемъ. Чтобы придать большую достовѣрность дѣлаемой филологами и юристами интерпретаціи не рѣдко сомнительныхъ и во всякомъ случаѣ отрывочныхъ свидѣтельствъ тѣхъ или другихъ литературныхъ или законодательныхъ памятниковъ по вопросу объ умыканіи невѣстъ у народовъ славянскаго племени, мы обратимся прежде всего къ констатированію въ современномъ быту или въ недавнемъ прошломъ южныхъ, восточныхъ и западныхъ Славянъ факта заключенія брака путемъ увода невѣсты. Недавніе труды собирателей народныхъ обычаевъ, какъ въ Россіи, такъ и въ юго-славянскихъ земляхъ, доставляя возможность констатировать фактъ существованія не только обряда, но и обычая уводить невѣстъ въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ нерѣдко другъ отъ друга на разстояніи цѣлыхъ тысячъ верстъ, являются существеннымъ подспорьемъ изслѣдователю древнѣйшихъ формъ заключенія брачнаго союза. Недавно вышедшимъ въ свѣтъ сочиненіемъ Поповича «о правѣ и судѣ у Черногорцевъ» подтверждается неоднократно выставляемый историками славянскаго права фактъ существованія у этого народа еще и въ наше время случаевъ похищенія невѣстъ, не смотря на строгія запрещенія всякаго рода подобныхъ дѣйствій, какъ каноническими правилами, такъ и свѣтскимъ законодательствомъ **). Если не въ наше время, то не далѣе, какъ полстолѣтія на-

*) Untersuchungen über die Römische Ehe, von D-r. August Roszbach, 1853, стр. 330.

**) Das Recht und Gericht in Montenegro, стр. 39.

задъ, обычай похищать невѣстъ имѣлъ мѣсто и въ Сербіи подъ наименованіемъ «Отмицы». Въ Сербскомъ словарѣ Вука Караджича мы находимъ на этотъ счетъ слѣдующія подробности. «Въ Сербіи и доселѣ похищаютъ дѣвушекъ. Молодые парни очень охотно идутъ на похищеніе и часто одинъ подстрекаетъ другаго: «пойдемъ отымемъ себѣ ту или другую невѣсту». На отмицу выходятъ съ оружіемъ, какъ на войну. Иногда похитители поджидали дѣвушку у стада, или когда она пойдетъ за водою, хватали ее и уводили, а иногда нападали на домъ ночью, какъ разбойники, окружали домъ и связывали отца и братьевъ, пока не находили дѣвушки и не уводили ея. Всему селу срамота, продолжаетъ далѣе Вукъ Караджичъ, если изъ села уведутъ дѣвушку, а похитителямъ еще больше, если воротились одни. Когда похитители захватятъ дѣвушку въ руки, они не хотятъ ее оставить, хотя бы всѣ погибли; если же дѣвушка не захочетъ идти и станетъ сопротивляться, тянутъ ее за косы и бьютъ палкою, какъ вола у капусты... Когда погоня дойдетъ до села, тогда тѣ, откуда похититель, выходятъ впередъ, добрымъ порядкомъ и наступаетъ миръ».

Описанный Вукомъ Караджичемъ порядокъ производства умычки, по показанію Богишича, въ послѣднее время почти не имѣетъ мѣста. Исчезновенію его сперва въ Кроаціи, а позднѣе и въ Сербіи, содѣйствовали строгія законодательныя предписанія, принятыя противъ него, начиная еще съ XVII в. По полицкому статуту 1605 г., читаемъ мы въ сочиненіи Леонтовича о Хорвато-Далматскомъ правѣ, имущество виновнаго подлежало грабежу въ пользу общины. Не менѣе строгія мѣры были приняты противъ умычки,—правда много времени спустя послѣ появленія вышеуказаннаго законодательнаго предписанія, и въ нынѣшнемъ княжествѣ Сербіи, особенно со времени воцаренія Милоша Обреновича *).

Но если обычай исчезъ, то обрядъ сохранился. На этотъ счетъ Сборникъ Богишича содержитъ много крайне любопытныхъ данныхъ, изъ которыхъ я упомяну лишь объ обычаѣ выѣзжать дружкамъ жениха вооруженными и готовыми на бой, каждый

*) Le droit coutumier de slaves meridionaux стр. 81.

разъ, когда они отправляются за невѣстой. Въ Болгаріи *) умычка имѣетъ мѣсто и теперь, но не иначе, какъ съ предварительнаго согласія родителей. Практикуется она съ цѣлью избѣжать издержекъ, связанныхъ съ обыкновеннымъ, нормальнымъ порядкомъ вступленія въ бракъ, по уговору съ родными невѣсты. Если умычка встрѣчается не болѣе какъ на правахъ рѣдкаго исключенія, то въ то же время въ свадебномъ ритуалѣ удержалось не мало символическихъ дѣйствій, свидѣтельствующихъ о еще недавней ея распространенности въ Болгаріи; таковъ, напр., предписываемый свадебными обрядами актъ насильственнаго привлеченія невѣсты въ домъ жениха съ помощію привязаннаго къ ея поясу полотенца. Женихъ тянетъ невѣсту, ухватившись за оба конца полотенца, невѣста употребляетъ всѣ старанія, чтобы удержаться на ногахъ, и прекращаетъ сопротивленіе не раньше, какъ заручившись обѣщаніемъ главы семейства (домачина) получить въ подарокъ корову или овцу. Въ Босніи, по словамъ Мартича, похищеніе невѣстъ еще весьма часто; оно происходитъ обыкновенно съ вѣдома и согласія дѣвушки, весьма часто также съ вѣдома ея родителей, съ цѣлью избѣжать свадебныхъ издержекъ; тѣми же причинами объясняются нерѣдкіе случаи умычекъ и въ Герцеговинѣ **).

Символическая сторона древней умычки выступаетъ всецѣло въ обрядахъ, которые предшествуютъ свадьбѣ въ Конавліе. Невѣста и женихъ имѣютъ каждый свою свиту вооруженныхъ людей. Поѣзжане,—я употребляю до сихъ поръ ходячій въ великорусскихъ губерніяхъ терминъ для обозначенія дружекъ жениха, отправляющихся за невѣстой,—поѣзжане жениха, говорю я, встрѣчаются со свитой суженой на полу пути отъ дома жениха къ дому невѣсты. Между тѣми и другими завязывается споръ, при чемъ поѣзжане стараются овладѣть невѣстой. Споръ этотъ заканчивается сдѣлкой, состоящей въ томъ, что свита невѣсты обѣщаетъ выдать ее поѣзжанамъ, но не раньше, какъ у самаго входа въ храмъ, послѣ чего обѣ группы всадниковъ продолжаютъ путь одна возлѣ другой по направленію къ церкви ***).

*) См. Krauss, Sitte und Brauch der Südslaven, Вѣна, 1885, стр. 295.
**) Ibid, стр. 110 и 102.
***) Krauss, стр. 249.

Какъ умычка, такъ и напоминающіе ее символическіе обряды при празднованіи свадебъ, встрѣчаются не у однихъ только южныхъ славянъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ западныхъ губерній похищеніе невѣстъ еще недавно имѣло мѣсто; такъ, напр., во многихъ уѣздахъ Витебской губерніи, въ которыхъ на масляницѣ, во время особаго гулянья, называемаго кирмашъ, уводъ былъ явленіемъ обычнымъ. Въ Енисейскомъ краѣ родители, говоритъ г. Кривошапкинъ, сами желаютъ, чтобы кто укралъ ихъ дочь, считая нечестнымъ дѣломъ выдать ее своими руками. Вслѣдъ за умычкой, женихъ посылаетъ къ отцу молодой свата *). Въ средѣ нѣкоторыхъ раскольниковъ бракъ до сихъ поръ не считается дѣйствительнымъ, буде женихъ не похититъ невѣсты, разумѣется, съ ея предварительнаго согласія **). Шпилевскій въ сочиненіи, озаглавленномъ: «Семейныя власти у древнихъ Славянъ и Германцевъ»,—высказываетъ мысль, что въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, въ которыхъ до сихъ поръ встрѣчается заключеніе свадебъ убѣгомъ, умычка имѣетъ мѣсто съ согласія невѣсты и ея родныхъ съ цѣлію избѣжать расходовъ на свадьбу. При такихъ условіяхъ на нее уже нельзя смотрѣть какъ на обычай, а только какъ на обрядъ. Въ Украйнѣ не далѣе какъ въ первой половинѣ XVII в. похищеніе невѣстъ было весьма обычнымъ явленіемъ. О немъ упоминаетъ Бопланъ въ своемъ описаніи Украйны. Французскій путешественникъ разсказываетъ, что похититель долженъ былъ бѣжать съ своей добычей въ лѣсъ и скрываться тамъ не менѣе сутокъ, если же его открывали раньше, то онъ лишался жизни. Похищенной предоставлялось открыто выразить свое согласіе на вступленіе въ бракъ съ похитителемъ; въ такомъ случаѣ похититель не могъ отказаться отъ женитьбы подъ страхомъ смерти; если же похищенная не изъявляла согласія на бракъ, то они расходились ***).

Если въ большинствѣ мѣстностей современной Россіи умычка болѣе не имѣетъ мѣста ни въ формѣ обычая, ни какъ обрядъ,

---

*) Г. Кривошапкинъ, Енисейскій округъ, стр. 49 и 50.

**) Терещенко. Бытъ русскаго народа, II, 28.

***) Description d'Ukranie.

то слѣды всеобщей ея распространенности въ болѣе или менѣе отдаленномъ для насъ прошломъ продолжаютъ жить до сихъ поръ въ цѣломъ рядѣ свадебныхъ дѣйствій, освящаемыхъ обычнымъ правомъ той или другой мѣстности. Въ спеціальной монографіи, посвященной изученію свадебныхъ обрядовъ и преимущественно русскихъ, проф. Сумцовъ перечисляетъ всѣ тѣ дѣйствія, въ которыхъ, по его мнѣнію, можно видѣть намекъ на нѣкогда практиковавшуюся умычку. Мы считаемъ возможнымъ подвести важнѣйшіе изъ нихъ подъ слѣдующія группы:

1) Передъ воротами дома невѣсты устраиваются искусственныя преграды, препятствующія свободному въѣзду во дворъ жениха и его поѣзжанъ. «Въ наше время, говоритъ г. Сумцовъ, это веселый, забавный обрядъ, не болѣе; въ прежнее время— дѣйствительная мѣра предосторожности отъ набѣга жениха— хищника». Въ свадебной пѣснѣ Тульской губерніи невѣста проситъ своихъ братьевъ:

Замечите дубьемъ поле,
Застружите стругомъ рѣку,
Защитите щитомъ ворота,
Не пускайте войны на дворъ,
Не отдавайте въ полонъ.

Запираніе воротъ во дворѣ невѣсты передъ прибытіемъ въ него жениха и его поѣзжанъ доселѣ практикуется въ Костромской, Орловской, Пензенской, Вологодской, Курской, Тверской, Тульской, Рязанской, Псковской и Архангельской губерніяхъ, а также на протяженіи всей Малороссіи.

2) Какъ непріятеля встрѣчаютъ жениха родители и родственники невѣсты.

Въ Пермской губерніи отецъ стрѣляетъ изъ ружья по поѣзду жениха холостымъ зарядомъ. Въ поморскихъ селахъ Архангельской губ. свадебный поѣздъ встрѣчаютъ выстрѣлами изъ оконъ домовъ. Въ Галиціи, когда въ день свадьбы женихъ подходитъ къ невѣстѣ, брать ея размахиваетъ деревянной саблей, при чемъ дѣвушки поютъ:

«Сѣчи, рубай, сестры не давай!....

Въ Малороссіи еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія за свадебнымъ столомъ сажали «свѣтилку» (одну изъ подругъ невѣсты), которая держала казацкую шашку, увитую калиновыми вѣтвями съ ягодами. Въ измѣненной формѣ обычай этотъ удержался доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. За спиной невѣсты становится мальчикъ съ палкой въ рукахъ и не пускаетъ къ ней жениха.

3) Вооруженнымъ также отрядомъ является поѣздъ жениха, ѣдущаго за невѣстой. Въ западной Россіи самые бѣдные поселяне считаютъ долгомъ сопровождать жениха не иначе, какъ верхомъ, не рѣдко съ оружіемъ. Насколько можно судить по малорусскимъ и бѣлорусскимъ пѣснямъ, о своемъ пріѣздѣ поѣзжане объявляютъ бросаніемъ стрѣлы въ окно:

Пустими стрѣлу перлову,
Вибьемо стіну камьяну,
Візьмемо Марусеньку молоду.

Одинаково у Бѣлоруссовъ, какъ и у Великороссовъ—дружка жениха вооружается плетью и хлещетъ ею лавки и стѣны въ домѣ невѣсты. Ею же выгоняетъ онъ ея гостей изъ за стола, послѣ чего за послѣдній садятся гости жениха.

4) Отношенія жениховой свиты къ невѣстиной роднѣ далеко не дружелюбныя. Въ малорусскихъ пѣсняхъ женихъ прямо называется «ворогомъ», а въ окрестностяхъ Харькова крестьяне о подаркахъ, дѣлаемыхъ жениховой роднѣ, говорятъ, какъ объ идущихъ къ грабителямъ—ракламъ (ракло мѣстное названіе для вора и бродяги). Женихъ и поѣзжане въ день свадьбы ведутъ себя въ домѣ невѣсты крайне надменно. Они садятся за столъ, не снимая шапки и не здороваясь ни съ кѣмъ, и этотъ обычай доселѣ соблюдается одинаково въ западной Россіи и Малороссіи. Еще нагляднѣе выступаютъ враждебныя отношенія жениховой и невѣстиной стороны въ обыкновеніи прятать невѣсту. Въ Чердыни, Пермской губ., невѣста во время рукобитья прячется въ избѣ на полатяхъ. Въ былые годы она забиралась въ порожній изъ подъ муки куль и зашивалась въ него. Въ Пензенской губ. подруги прячутъ ее въ уголъ и завѣши-

ваютъ платкомъ; женихъ вырываетъ платокъ изъ рукъ невѣсты и цѣлуетъ ее насильно. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи въ свадебныхъ обрядахъ доселѣ сохранилась еще память о тѣхъ временахъ, когда невѣста искала спастись бѣгствомъ отъ жениха. Во Владимірской губ. кто нибудь изъ гостей—мужчинъ, нарядившись въ женское платье въ подражаніе молодой, бѣжитъ къ своимъ; за нимъ гонятся, кто съ чѣмъ попало, нерѣдко съ плетушками въ рукахъ. Поймавши его, привязываютъ къ лошади и притворно наносятъ ему побои; при этомъ молодая объявляетъ, что больше не будетъ бѣгать.

И передъ входомъ въ собственное жилище женихъ продолжаетъ относиться къ невѣстѣ, какъ къ своей добычѣ. Въ Костромской губ. доселѣ притворно рвутъ косу у молодой—символъ насильственнаго захвата. Весьма распространено также, одинаково въ Великороссіи и въ западныхъ губерніяхъ, обыкновеніе переносить молодую на рукахъ въ домъ новобрачнаго, иногда при притворномъ сопротивленіи съ ея стороны *).

Крестьянскія свадебныя пѣсни въ свою очередь постоянно упоминаютъ объ умычкѣ, какъ объ обычномъ способѣ заключенія брака. Такъ, напр., въ Вологодской губерніи поютъ:

«Пріѣдутъ (разумѣется—поѣзжане) ко батюшкѣ
Съ боемъ да со грабежемъ,
Да ограбятъ же батюшку
Да полонятъ мою матушку,
Повезутъ меня молоду
На чужую на сторонушку»

а въ Тверской о поѣзжанахъ прямо говорится, что они невѣсту въ полонъ взяли.

Мы разсмотрѣли одни за другими слѣды существованія умычки въ современномъ быту или въ недавнемъ прошломъ, какъ южныхъ, такъ и восточныхъ Славянъ. То же самое мы сдѣлаемъ въ настоящее время для Славянъ западныхъ: Чеховъ, Поляковъ, Руссиновъ. Прежде всего мы постараемся констатировать существованіе въ ихъ средѣ въ наше время, или по крайней мѣрѣ,

---

См. Сумцовъ, О свадебныхъ обрядахъ, Харьковъ, 1881 года, стр. 9—21.

не такъ давно еще обычая умыкать невѣстъ, а затѣмъ обратимся къ анализу ихъ свадебныхъ обрядовъ съ цѣлію прослѣдить переходъ обычая въ обрядъ.

Существованіе въ средніе вѣка, какъ въ Чехіи, такъ и въ Польшѣ обычая похищать невѣстъ можетъ быть доказано приведеніемъ цѣлаго ряда законодательныхъ предписаній, изданныхъ въ разное время правительствами обѣихъ названныхъ странъ, съ цѣлію искорененія его въ обществѣ.

По древнему земскому праву Чеховъ отецъ отрубалъ головы, какъ похитителя, такъ и похищенной, каждый разъ, когда послѣдняя объявляла на судѣ, что была согласна на похищеніе, если же она заявляла о насиліи, то ей самой предоставлялось отрубить голову похитителю и возвратиться къ отцу.

По древнимъ законодательнымъ памятникамъ Поляковъ, именно по мазовецкимъ статутамъ 1386 и 1421 г., родителямъ и родственникамъ похищенной предоставлялось, отправившись въ погоню за похитителемъ, убить его. Позднѣйшее законодательство 1496 г. наказываетъ похитителя безславіемъ и, подъ угрозой смертной казни, изгоняетъ его изъ государства. Статутъ 1532 г. освобождаетъ его отъ этого наказанія, буде похищеніе произошло съ вѣдома невѣсты,—явное указаніе на то, что въ это время похищеніе только маскировало собою предварительный свободный уговоръ между женихомъ и невѣстой, заключенный безъ испрошенія родительскаго согласія. Въ этой позднѣйшей формѣ похищеніе встрѣчается особенно часто въ XVII в., почему законодательство, озабоченное его подавленіемъ, въ 1631 г. отмѣняетъ постановленія статута 1532 г. и приравниваетъ такимъ образомъ похищеніе съ согласія невѣсты къ насильственному уводу послѣдней.

Констатировавши фактъ широкаго распространенія нѣсколько вѣковъ назадъ обычая похищать невѣстъ, какъ въ Чехіи, такъ и въ Польшѣ, обратимся къ вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ названный обычай оставилъ свой отпечатокъ на порядкѣ совершенія свадебныхъ обрядовъ. У Чеховъ, выѣзжая за невѣстой, поѣзжане обыкновенно дѣлаютъ изъ ружей нѣсколько выстрѣловъ и тоже обыкновеніе доселѣ удержалось у познанскихъ поляковъ при отправленіи молодыхъ въ церковь. Какъ и въ Велико-

россіи, поѣзжане всегда сопровождаютъ жениха на коняхъ. При приближеніи жениха къ дому невѣсты, подруги ея прямо заявляютъ: «прячься, непріятель близокъ» (Andalko schowejse, nepritel blizise, поется въ Чешской свадебной пѣснѣ) *). Когда пріѣдетъ жениховъ поѣздъ къ дому родителей невѣсты, ворота запираютъ. Чтобы взять невѣсту, надобно, по свидѣтельству одной галицкой свадебной пѣсни, замки «ломать».

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ частію современные обычаи умыканія невѣстъ у Славянъ, частію тѣ, существованіе которыхъ въ недавнемъ прошломъ доказывается ихъ свадебными обрядами. Теперь намъ уже не трудно рѣшить вопросъ, заслуживаютъ ли какого нибудь довѣрія уцѣлѣвшіе до насъ, какъ письменныя, такъ и изустныя свидѣтельства на счетъ существованія нѣкогда у Славянъ обычая похищать невѣстъ. Вмѣсто того, чтобы, по примѣру Тюрина и Палацкаго, задаваться патріотической, можетъ быть, но во всякомъ случаѣ не научной задачей освобожденія Славянъ отъ нареканій въ приверженности къ тѣмъ или другимъ обычаямъ и обрядамъ дикихъ племенъ, и, въ частности, къ умычкѣ, мы попытаемся сблизить имѣющіяся у насъ свидѣтельства народной поэзіи и письменности на счетъ древнѣйшаго порядка заключенія брака у Славянъ съ вышеприведенными данными изъ ихъ современнаго быта и, истолковывая первыя съ помощью послѣднихъ, попробуемъ дать отвѣтъ на вышепоставленный вопросъ.

Обращаясь прежде всего къ русскому народному эпосу,—этому богатѣйшему источнику для возсозданія тѣхъ или другихъ чертъ древнѣйшей культуры Славянъ, я укажу на слѣдующіе отрывки изъ былинъ, помѣщенныхъ въ сборникахъ Рыбникова и Кирши Данилова. «Онъ (Илья-Муромецъ) меня въ полѣ полюбилъ, со мной грѣхъ творилъ, съ того я тебя и прижила». О подобномъ же насильственномъ уводѣ женщины говорится въ былинѣ о «Богатырѣ Дунаѣ». Этихъ свидѣтельствъ было бы совершенно достаточно для признанія факта существованія издревле у Славянъ обычая похищать женъ въ той самой первобытной по гру-

*) См. Сумцовъ, стр. 16.

бости формѣ, въ какой этотъ обычай встрѣчается у дикихъ племенъ стараго и новаго материка, если бы туземное происхожденіе героевъ нашихъ былинъ считалось вполнѣ доказаннымъ, и появленіе въ нашемъ народномъ эпосѣ, благодаря процессу миграціи, миѳовъ съ Востока не имѣло бы на своей сторонѣ такихъ серьезныхъ изслѣдователей, какъ Стасова и Александра Веселовскаго.

Въ виду сказаннаго, мы признаемъ полезнымъ привлечь къ обсужденію занимающаго насъ вопроса нѣкоторыя мѣста изъ нашей первоначальной лѣтописи, и изъ древнѣйшаго памятника нашего права—Русской Правды. Въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» мы находимъ слѣдующее извѣстіе о бытѣ Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ. На игрищахъ «умыкаху жоны собѣ съ нею же кто свѣщашеся». Это свидѣтельство, какъ намъ кажется, вовсе не имѣетъ отношенія къ обычаю похищенія женъ, такъ какъ въ немъ говорится лишь объ одной изъ формъ безпорядочнаго половаго сожитія, формѣ, представляющей подобіе съ тѣми, которыя донынѣ имѣютъ мѣсто на посидѣлкахъ нѣкоторыхъ нашихъ сѣверныхъ губерній. Кавелину, какъ писателю, совершенно игнорирующему характеръ древнѣйшихъ отношеній между полами, можетъ быть дозволено видѣть въ вышеприведенномъ свидѣтельствѣ указаніе на «умычку», «не какъ на обычай, а какъ на обрядъ, совершаемый съ согласія невѣсты», но г. Смирнову, для котораго не прошли безслѣдными новѣйшія работы по общественной эмбріологіи, такое толкованіе должно быть поставлено въ вину. Какъ въ самомъ дѣлѣ примирить его съ слѣдующимъ свидѣтельствомъ того же лѣтописца о тѣхъ же Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ: «браци не бываху у нихъ, но игрища межю селы»? Какъ также допустить противорѣчіе Нестора съ самимъ собою въ одной и той же фразѣ, въ которой, если слѣдовать толкованію Кавелина и Смирнова, надо видѣть сперва отрицаніе факта существованія брака у названныхъ племенъ, а вслѣдъ за тѣмъ упоминаніе объ обрядѣ умычки при его заключеніи? Если приводимый обыкновенно изъ Нестора текстъ о Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ не имѣетъ вовсе никакого отношенія къ умычкѣ, то, съ другой стороны, упускается изслѣдователями ранныхъ формъ заключенія брака лю-

бопытное, хотя и до крайности отрывочное свидѣтельство о Полянахъ: «брачныя обычаи имяху, не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ». Въ противность г. Смирнову, который въ этихъ строкахъ видитъ одно лишь указаніе на вмѣшательство у Полянъ родственниковъ въ заключеніе брака, на перекоръ старому обычаю, будто бы ставившему заключеніе его въ зависимость отъ одной лишь воли брачущихся, я, съ своей стороны, предлагаю слѣдующее толкованіе. Несторъ намекаетъ на существованіе у славянскихъ племенъ двухъ различныхъ формъ заключенія брака, рядомъ съ уже разсмотрѣнными видами безпорядочнаго половаго сожитія: одну господствующую и древнѣйшую, другую позднѣйшаго происхожденія и встрѣчавшуюся въ его время у однихъ только Полянъ. Первая предполагала добываніе себѣ невѣсты женихомъ путемъ увода,—добываніе, обозначаемое въ текстѣ словами: «хожаше зять (женихъ) по невѣсту». Вторая являлась результатомъ предварительнаго соглашенія между семействами жениха и невѣсты на счетъ величины платимаго женихомъ калыма или вѣна. Я не думаю, чтобы помимо толкованій, даваемыхъ только что приведенному тексту Нестора, съ одной стороны, Кавелинымъ и Смирновымъ, а съ другой стороны мною, можно было бы придумать еще какое нибудь третье. Въ опроверженіе кавелинскаго и смирновскаго толкованія я замѣчу въ заключеніе, что оно отправляется отъ совершенно произвольнаго и отрицаемаго сравнительной исторіей права факта существованія въ ранній періодъ народной жизни свободнаго заключенія брака женихомъ и невѣстой, помимо всякаго вмѣшательства родителей той или другой стороны. Такой свободы, повторяю я, не знаетъ древнѣйшая исторія права. Смотря на женщинъ, какъ на имущество, родъ необходимо долженъ былъ вмѣшиваться и дѣйствительно вмѣшивался въ вопросъ о вступленіи той или другой изъ нихъ въ бракъ съ чужеродцемъ. Это вмѣшательство выражалось на первыхъ порахъ въ защитѣ женщины отъ нападенія жениха и его родичей и въ устраненіи этимъ путемъ возможности умычки, а позднѣе въ требованіи извѣстнаго вознагражденія, «калыма», за теряемую родомъ женщину, переходящую въ силу брака въ чуждый ей родъ жениха. Первая форма вступательства рода есть та,

которую предполагаетъ умычка, или, выражаясь словами нашей лѣтописи, «хожденіе зятя (жениха) по невѣсту»; вторая напротивъ того вполнѣ отвѣчаетъ ходячему у Полянъ обычаю приводить невѣстъ и получать за нихъ «что вдадуче».

Объ умыканіи невѣстъ говоритъ не одна Несторова лѣтопись, но и церковный уставъ Ярослава, предписывающій платить за умычку, съ одной стороны, штрафъ епископу, а съ другой вознагражденіе женщинѣ «за соромъ»; о ней упоминается также въ уставной грамотѣ Ростислава Мстиславича, данной имъ въ 1156 г. епископіи Смоленской, во всѣхъ трехъ литовскихъ статутахъ, наконецъ, въ одномъ указѣ Петра отъ 1722 г., указѣ, которымъ дѣла о похищеніи невѣстъ изъяты были изъ вѣдомства духовныхъ судовъ и предоставлены разбирательству свѣтскихъ.

Отъ славянъ я перейду къ Германцамъ. Ошибочно было бы искать точныхъ указаній, на первоначальный порядокъ заключенія у нихъ брачныхъ союзовъ въ тѣхъ немногихъ строкахъ, которыя Тацитъ посвящаетъ этому предмету, описывая бытъ извѣстныхъ ему нѣмецкихъ народцевъ. Изслѣдователь долженъ помнить, что въ эпоху Тацита бытъ послѣднихъ далеко не носилъ характера первобытности. Чтобы составить себѣ поэтому понятіе о древнѣйшихъ формахъ вступленія въ бракъ, приходится, пользуясь методомъ переживаній, искать какъ въ народномъ эпосѣ и лирикѣ, такъ и въ памятникахъ письменности и права уцѣлѣвшихъ слѣдовъ общераспространенныхъ нѣкогда формъ вступленія въ бракъ. Поступая согласно сказанному, мы прежде всего постараемся привести рядъ фактовъ относительно древнѣйшаго порядка установленія семейнаго союза у Германцевъ на основаніи частью пѣсень древней Эдды, частію сказаній о Нибелунгахъ; какъ тѣ, такъ и другія, занимаютъ въ германской литературѣ то-же мѣсто, какое въ русской—такъ называемый богатырскій эпосъ, и заключаютъ въ себѣ, подобно послѣднему, цѣлую массу историко-литературныхъ данныхъ по вопросамъ общественной эмбріологіи. Съ этой именно точки зрѣнія Эдда и Нибелунги были подвергнуты недавно весьма обстоятельному изученію докторомъ Лотаромъ Даргуномъ. Общій выводъ, къ какомъ приводитъ его такое изученіе, передается имъ самимъ въ слѣдующихъ словахъ. Скандинавскія саги не

оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что въ эпоху ихъ составленія народъ допускалъ заключеніе брака уводомъ помимо сватовства и свадьбы; иначе они бы не называли лицъ, вступавшихъ въ сожительство, мужемъ и женой и не говорили бы о законномъ наслѣдованіи дѣтей, прижитыхъ въ такомъ сожительствѣ. Для иллюстраціи сказаннаго приведу вкратцѣ содержаніе одной изъ пѣсень Эдды *). «Ліотъ блѣдноволосый желаетъ вступить въ бракъ съ нѣкоей Гидой; ему отказываютъ; тогда онъ вызываетъ на единоборство малолѣтняго брата своей возлюбленной съ тѣмъ, чтобы исходъ поединка рѣшилъ вопросъ, быть ли ему мужемъ Гиды или нѣтъ. По малолѣтству его противника не трудно было предсказать, на чьей сторонѣ останется побѣда. Мать Гиды, будучи вдовою и не имѣя поэтому естественнаго защитника, кромѣ сына, предавалась горькой печали, напередъ предвидя, что сынъ ея будетъ убитъ. Въ это время неожиданно является къ ней скальдъ Эгилъ, сынъ Скалагрима, столь же страшный своимъ мечемъ, сколько и словомъ, и предлагаетъ ей замѣнить сына ея въ единоборствѣ. Мать съ радостью изъявляетъ свое согласіе. Единоборство кончается гибелью Ліота, сраженнаго опытной рукой Эгила. Въ этой легендѣ я прошу отмѣтить слѣдующія бытовыя черты. Ліотъ сватается на Гидѣ съ соблюденіемъ ходячихъ въ то время свадебныхъ обычаевъ, т. е., по всей вѣроятности, предлагая выплатить за нее извѣстный выкупъ или калымъ. Предложеніе его отвергнуто. Ему остается или отказаться отъ своей возлюбленной или прибѣгнуть къ старинному способу добыванія невѣсты съ оружіемъ въ рукахъ. Въ легендѣ говорится о единоборствѣ, какъ о чемъ то, имѣющемъ рѣшить вопросъ, быть-ли Гидѣ женой Ліота или нѣтъ. Получивши вызовъ, семейство невѣсты считаетъ себя обязаннымъ принять его, не взирая на то, что единственнымъ мужскимъ представителемъ его является малолѣтній братъ Гиды. Мать сокрушается при мысли объ угрожающей смерти, но ей и въ голову не приходитъ принять какія либо мѣры, чтобы сдѣлать невозможнымъ самое единоборство. Чтобы понять высокое культурно-историческое значеніе этой

*) Dargun, Mutterrecht und Raubehe, стр. 125.

легенды, я приведу аналогичные съ разсказываемыми ею факты изъ современныхъ намъ свадебныхъ обычаевъ одного изъ племенъ нашего Закавказья,—племени, принадлежность котораго къ арійской семьѣ не вызываетъ болѣе разногласія въ средѣ, какъ западно-европейскихъ, такъ и русскихъ филологовъ и этнографовъ,—я разумѣю Осетинъ. Существованіе у нихъ нѣкогда обычая добывать невѣстъ умычкой доказывается цѣлымъ рядомъ мелочныхъ подробностей ихъ свадебнаго ритуала. Хотя въ наше время вступленіе въ бракъ имѣетъ мѣсто не иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго уговора семьи жениха съ семьей невѣсты, тѣмъ не менѣе каждый разъ, когда, вопреки такому уговору, родители невѣсты откажутся выдать ее жениху или отдадутъ замужъ за другаго, «женихъ» — по словамъ г. Шанаева, — «всячески старается завладѣть невѣстой, какимъ бы то ни было образомъ, обыкновенно посредствомъ похищенія, и скорѣе обратить ее въ жену, во избѣжаніе дурныхъ, чаще всего кровавыхъ результатовъ этого отказа. Если всѣ старанія его остались тщетными, т. е. соперникъ его, другой претендентъ, уже завладѣлъ ею, то онъ считаетъ себя оскорбленнымъ съ двухъ сторонъ, со стороны родителей невѣсты и со стороны жениха-соперника. Поэтому онъ выжидаетъ удобной минуты, чтобы смыть нанесенное оскорбленіе убійствомъ кого нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ невѣсты, или самого соперника, сдѣлавшагося для него отъявленнымъ врагомъ».

Сопоставляя данныя, заключающіяся въ вышеприведенной легендѣ, взятой изъ древней Эдды, съ тѣми, которыя доставило намъ изученіе современныхъ свадебныхъ обычаевъ Осетинъ, мы не находимъ возможнымъ объяснить возникновеніе приведеннаго сказанія о сватаніи Ліота на Гидѣ иначе, какъ допустивши, что описываемый здѣсь способъ добыванія невѣсты путемъ единоборства съ ея ближайшимъ мужскимъ родственникомъ нѣкогда осуществляемъ былъ на практикѣ, и что въ этомъ видѣ этотъ обычай представлялъ собою не болѣе, какъ вымирающую форму древней умычки,—ту форму, которая выступаетъ у народа, замѣнившаго уже древнѣйшій способъ добыванія невѣсты куплей у родителей или уговоромъ о приданомъ, но допускающаго въ то-же время и насильственное

похищеніе ея женихомъ при невозможности добиться инымъ способомъ вступленія съ нею въ бракъ.

Въ варварскихъ правдахъ, меровингскихъ и карловингскихъ формулахъ трудно, конечно, искать формальнаго признанія законности брака, заключаемаго уводомъ, такъ какъ одной изъ первыхъ задачъ власти, заботящейся о сохраненіи мира, является подавленіе такой вызывающей междоусобія практики. Тѣмъ не менѣе въ нихъ не трудно найти нѣкоторыя переживанія такого порядка вещей, когда уводъ невѣсты считался достаточнымъ основаніемъ къ признанію законности брака. Такъ законы турингов грозятъ женщинѣ, вступившей въ бракъ безъ согласія отца или опекуна, иначе говоря — бракъ уходомъ, одной лишь потерей того имущества, какое должно было поступить ей въ приданое. Законы же Фризовъ только полагаютъ въ этомъ случаѣ штрафъ — большій или меньшій, смотря по сословному положенію ушедшей изъ родительскаго дома дѣвицы. Ни тѣ, ни другіе—ни словомъ не говорятъ о недѣйствительности заключеннаго такимъ путемъ брака. Въ свою очередь Лонгобардскіе законы, употребляя выраженія въ родѣ слѣдующихъ: Si quis violento ordine tollerit uxorem; si vir mulierem invitam tulerit uxorem, — не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что въ глазахъ ихъ похищенная становилась законной женою, uxor. Къ тому же заключенію приводитъ насъ по отношенію къ Салическимъ франкамъ одна изъ формулъ Маркульфа: dulcissima coniuge mea etc.... dum te absque tua vel parentum tuorum voluntate faciente contubernio rapto scelere meo coniugio sociavi *).

Рѣшительное доказательство тому, что бракъ уводомъ нѣкогда извѣстенъ былъ нѣмцамъ, заключаютъ въ себѣ ихъ современные свадебные обряды. Сопоставленіе ихъ съ уже разсмотрѣнными нами славянскими, давая настоящій ключъ къ ихъ пониманію, необходимо убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ нихъ въ формѣ символовъ и обрядовъ сохранились многія характерныя черты стариннаго увода. Въ Скандинавскомъ мірѣ поѣзжане, какъ и у насъ въ Россіи, выѣзжаютъ не иначе, какъ на коняхъ,

*) Dargun, стр. 112 и 113.

въ прежніе годы обыкновенно вооруженными, и то же до настоящаго времени соблюдается въ Зальцбургѣ и Гессенѣ. Во многихъ мѣстностяхъ Германіи мы доселѣ встрѣчаемся съ симулированнымъ бѣгствомъ невѣсты отъ жениха, а также съ укрывательствомъ ея по выходѣ изъ церкви. Женихъ обязанъ настигнуть ее и взять въ руки силой. Въ Швеціи во многихъ мѣстахъ невѣсту прикрываютъ соломой. Въ нѣмецкихъ округахъ Чехіи, между прочимъ въ Эгерѣ, какъ и въ заселенной потомками Бургундовъ французской провинціи Брессъ,—невѣсту прячутъ отъ жениха, который ищетъ ее, подобно тому, какъ это доселѣ практикуется во многихъ мѣстностяхъ Россіи *).

Очевидно, что при заключеніи брака путемъ похищенія между семьей жениха и семьею невѣсты должны были установиться на первыхъ порахъ открыто враждебныя отношенія. Уцѣлѣвшимъ слѣдомъ такого порядка вещей надо считать обязательное отсутствіе матери невѣсты на свадебномъ пиршествѣ, одинаково въ Верхней Швабіи и Зальцахѣ. Однохарактерное съ этимъ явленіе представляетъ русскій обычай, не дозволяющій матери невѣсты присутствовать въ церкви въ моментъ вѣнчанія **).

Намъ остается теперь разсмотрѣть вопросъ о томъ, извѣстна ли была умычка и въ средѣ Кельтовъ. Трудность изученія этого вопроса, какъ и всѣхъ тѣхъ, которые касаются древнѣйшаго быта этого племени, обусловливается скудостью источниковъ, лучше сказать, — почти совершеннымъ недостаткомъ ихъ, по крайней мѣрѣ, для исторіи самопроизвольнаго развитія до періода насильственнаго сближенія съ Римлянами. Въ сочиненіи Цезаря мы не находимъ никакихъ упоминаній объ умычкѣ, и это неудивительно, такъ какъ послѣдняя едва ли могла еще держаться въ народѣ, у котораго религія и жреческое сословіе (друиды) получили такое широкое развитіе. Извѣстно, что за исключеніемъ Цезаря мы имѣемъ для ознакомленія съ бытомъ кельтическаго населенія Европы лишь сравнительно поздніе памятники: въ Ирландіи — законы Брегоновъ, въ Бретани — La

---

*) См. Dargun, стр. 128, 132 и 133.

**) Ibid., стр. 132.

très ancienne coutume de Bretagne XIII в., заключающую въ себѣ на половину франкское право, и нѣкоторые мѣстные обычаи сѣверной части полуострова столь же поздняго происхожденія, а въ Валлисѣ такъ называемые законы Гоэля Добраго, составленные не ранѣе X в. Неудивительно поэтому, если ни въ одномъ изъ этихъ памятниковъ мы не встрѣчаемъ иныхъ указаній на существованіе умычки, кромѣ общаго имъ со всѣми древнѣйшими кодексами запрещенія похищать какъ незамужнихъ, такъ и замужнихъ женщинъ. Эти запрещенія встрѣчаются неоднократно, какъ въ Senchus Mor и Corus bescna, такъ и въ такъ называемыхъ leges Wallicae, т. е. законахъ герцогства Уэльскаго.

Болѣе рѣшительнымъ доказательствомъ господства нѣкогда и въ средѣ Кельтическихъ народовъ обычая похищать невѣстъ является приводимый лордомъ Кемсомъ фактъ существованія въ настоящее время въ Уэльсѣ одного свадебнаго обряда, возникновеніе котораго необъяснимо, если не допустить господства нѣкогда въ этой странѣ обычая похищать невѣстъ. Въ утро того дня, когда должна послѣдовать свадьба, говоритъ лордъ Кемсъ въ своихъ очеркахъ исторіи человѣка, женихъ является верхомъ въ сопровожденіи вооруженныхъ дружекъ, соотвѣтствующихъ нашимъ поѣзжанамъ, и требуетъ выдачи невѣсты. Родственники и друзья послѣдней встрѣчаютъ его на коняхъ и въ полномъ вооруженіи и на предъявленное требованіе о выдачѣ отвѣчаютъ рѣшительнымъ отказомъ. Затѣмъ между тѣми и другими завязывается притворное сраженіе, при чемъ въ дѣлѣ бываетъ не рѣдко до 300 человѣкъ. Старшій родственникъ невѣсты сажаетъ ее къ себѣ на сѣдло и мчится съ нею во весь опоръ. Женихъ съ дружками начинаетъ погоню. Когда всѣ порядкомъ устанутъ, слѣдуетъ выдача невѣсты жениху, который торжественно ведетъ ее въ свой домъ. Этотъ обрядъ представляетъ слишкомъ большое сходство съ тѣмъ, который донынѣ встрѣчается у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, чтобы мы могли затрудниться дать ему надлежащее объясненіе. Существованіе его прямо указываетъ на то, что обрядное похищеніе было нѣкогда реальнымъ, и что по крайней мѣрѣ въ средѣ уэльскихъ Кельтовъ умычка имѣла мѣсто. Въ Ирландіи еще въ по-

ловинѣ XVIII в. встрѣчаются нерѣдкіе случаи заключенія брака уводомъ и даже тогда, когда дѣло обходилось безъ похищенія, черты старинной умычки оживали въ обычаѣ бросать коротенькія стрѣлы въ поѣзжанъ на такомъ разстояніи, при которомъ не возможно было серьезное ихъ раненіе *).

Согласно высказанному выше взгляду, купля невѣстъ съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе и стремится вытѣснить окончательно изъ жизни одновременную ея появленію и, можетъ быть, даже древнѣйшую форму заключенія брака, умычку. По мѣрѣ соединенія родовъ въ племена, и сліянія послѣднихъ въ націи все болѣе и болѣе расширяется сфера тѣхъ союзовъ мира, въ средѣ которыхъ практика похищенія немыслима, такъ какъ противорѣчитъ ближайшей цѣли ихъ существованія. Неудивительно поэтому, если правительства организованныхъ въ государства племенъ всюду принимаютъ мѣры противъ дальнѣйшаго господства обычая увода, если этотъ послѣдній приравнивается къ числу дѣйствій, за которыя слѣдуетъ удаленіе виновнаго, какъ нарушителя мира, изъ предѣловъ самаго государства; такой именно видъ наказаній постигаетъ похитителя согласно исландскому Gragas. Законодательства континентальныхъ нѣмцевъ относятся къ виновному еще суровѣе — одни требуютъ его казни, другіе — значительныхъ по размѣру денежныхъ платежей, равняющихся то платѣ за невѣсту, то цѣлому или частичному выкупу за ея кровь. Въ этомъ высокомъ размѣрѣ вознагражденій Weinhold справедливо видитъ доказательство тому, что первоначальной карой похитителю была или смерть отъ руки родителя невѣсты или соединенное съ изгнаніемъ провозглашеніе его безправнымъ **).

Однохарактерныя запрещенія умычки попадаются и въ другихъ законодательныхъ памятникахъ: въ Русской Правдѣ, напр., ограждающей женщинъ отъ похищенія высокими денежными платежами; въ сводѣ Ману, относящемъ къ числу запрещенныхъ формъ заключенія брака — бракъ уводомъ. Послѣдствія такихъ мѣропріятій могли быть только благопріятны для купли невѣстъ,

*) Dargun, стр. 103.

**) См. Weinhold, Die deutschen Frauen, 1882 года. 2-е изданіе, т. I, стр. 308 и слѣд.

которая, благодаря имъ, дѣлается господствующимъ способомъ заключенія брака. Но спрашивается, не существовало ли и помимо запрещенія умычки, столь же, если не болѣе самопроизвольныхъ причинъ, постепеннаго вытѣсненія практики увода и замѣны ея куплею. Мы имѣли случай указать выше на то значеніе, какое имѣла по отношенію къ господству умычки такъ называемая эндогамія или обязательное вступленіе въ бракъ съ чужеродными женщинами; понятно поэтому, что все, содѣйствующее замѣнѣ ея эндогаміей или требованіемъ, чтобы невѣста была, если не одного рода, то одного племени съ женихомъ, рано должно было повлечь за собою и торжество купли надъ умычкой. Но этой замѣнѣ прежде всего содѣйствовали чисто религіозныя предписанія, а заботливость, съ которой церковные законодатели охраняли чистоту вѣры, побуждала ихъ нерѣдко устанавливать искусственныя преграды проникновенію въ среду народа чуждаго ему по религіи элемента, въ частности и женъ иностранокъ, заставляла его запрещать браки съ женщинами чужой вѣры и чужой народности. Такъ поступали одинаково Моисей и Магометъ. Не считая возможнымъ сохранить чистоту вѣры въ небольшихъ по своей численности обществахъ поклонниковъ Іеговы и Аллаха, они запретили членамъ послѣднихъ всякое общеніе, и между прочимъ вступленіе въ бракъ съ невѣрными, въ какой бы формѣ оно ни выражалось. Этимъ запрещеніемъ и объясняется раннее возникновеніе строгой эндогаміи въ средѣ народностей, принявшихъ магометанство и исповѣдывавшихъ еврейство,—народностей, у которыхъ, какъ напр. у Арабовъ, въ эпоху язычества можно было встрѣтить господство противуположнаго экзогамическаго начала. Но если нѣкоторыя вѣроученія, и въ числѣ ихъ магометанство и іудейство, и содѣйствовали раннему водворенію эндогаміи въ средѣ постепенно принявшихъ ихъ племенъ, то того же нельзя сказать о другихъ религіозныхъ системахъ и, въ частности, о политеистическихъ религіяхъ. Кто знаетъ процессъ развитія политеизма—у народовъ ли классической древности, или у современныхъ намъ Индусовъ, кому извѣстенъ ходъ постепеннаго включенія этими вѣроученіями въ свой пантеонъ на правахъ, если не высшихъ, то среднихъ и низшихъ божествъ, добрыхъ и злыхъ духовъ, фетишей, которымъ поклонялись покоренные народы,—тѣмъ станетъ ясно,

что политеизмъ нигдѣ не могъ вызвать самъ собою вышеуказаннаго перехода отъ экзогаміи къ эндогаміи. Послѣдній долженъ искать себѣ объясненія, поэтому, въ независимыхъ отъ религіи причинахъ. Ими является перемѣна въ самыхъ условіяхъ общественной жизни, выразившаяся прежде всего въ замѣнѣ прежнихъ систематически-враждебныхъ отношеній отношеніями мирными и въ возникшей тѣмъ самымъ невозможности добывать себѣ женъ прежнимъ грабительскимъ образомъ, путемъ увода или умычки. При такихъ условіяхъ другое начало заключенія брачнаго союза (я разумѣю куплю невѣстъ) необходимо должно было выступить на первый планъ и сдѣлаться, если не исключительной, то господствующей формой установленія брачнаго союза. Эта замѣна одной формы другою произошла, конечно, не съ разу, и слѣды древней умычки сохранились долгое время не въ однихъ лишь символическихъ обрядахъ, соблюдаемыхъ при свадьбахъ, но и въ формѣ фактически осуществляемаго увода, имѣвшаго мѣсто каждый разъ при невозможности для жениха сдѣлаться мужемъ нормальнымъ путемъ — путемъ покупки невѣсты у ея родителей. Доказательствомъ утверждаемаго является до сихъ поръ господствующій у нѣкоторыхъ горскихъ племенъ нашего Кавказа, и въ числѣ ихъ у Лаковъ, обычай прибѣгать къ уводу невѣсты въ случаѣ полученнаго женихомъ отказа въ ея рукѣ. Вотъ что сообщаетъ намъ по этому предмету г. Омировъ, проведшій всю свою молодость въ средѣ Лаковъ и успѣвшій по этой причинѣ получить обстоятельное знакомство съ ихъ обычаями. «Молодой человѣкъ, сватавшійся за какую нибудь дѣвушку и получившій въ томъ отказъ, стремится къ отмщенію за такое оскорбленіе и къ достиженію своей цѣли во что бы то ни стало. Въ такихъ случаяхъ по большей части дѣвушка подвергается нападенію молодаго человѣка, когда идетъ по воду. Задумавши увезти ее, онъ подготовляетъ заранѣе для себя товарищей изъ близкихъ друзей, которые ради дружбы рискуютъ лишиться по одному быку въ штрафъ на пользу общества. Собранная такимъ путемъ компанія дѣлаетъ засаду въ удобномъ мѣстѣ, гдѣ и поджидаетъ появленія своей жертвы. Бросившись внезапно, она увлекаетъ дѣвушку насильно. Мнѣ помнится, какъ однажды вечеремъ на улицѣ около фонтана

сбѣжалась толпа на отчаянный женскій крикъ. Оказалось, что одинъ молодой человѣкъ, получившій отказъ отъ своей троюродной сестры, увозилъ ее съ улицы силой. Ее завезли въ домъ одного почетнаго жителя, гдѣ похититель заперся вмѣстѣ со своими друзьями; туда же сбѣжались родственники его и хозяинъ дома съ оружіемъ въ рукамъ. Узнавши объ этомъ, ближайшіе родственники дѣвушки бросились на этотъ домъ и стали стрѣлять въ него изъ ружей. Въ цѣломъ аулѣ поднялась страшная суматоха. Аульныя власти, вмѣстѣ съ посторонними жителями, удерживали нападающихъ; женщины кричали и плакали, и только тогда успокоился аулъ, когда ночью вывели виновниковъ въ другую деревню подъ прикрытіемъ вооруженныхъ родственниковъ, а дѣвушка, изнасилованная, униженная, осталась въ домѣ покровителя, который, хотя и вовсе не сочувствовалъ похищенію, но долженъ былъ по обычаю гостепріимства защищать честь своего дома. Мальчики расказывали, какъ они слышали вопли и крики несчастной дѣвушки, говорили, что похититель съ товарищами связалъ ее по рукамъ и ногамъ. При подобныхъ случаяхъ принято непремѣнно насиловать несчастную жертву, чтобы послѣ ни она, ни родные не могли отказать въ рукѣ ея похитителю. На другой день были выведены 4 быка и зарѣзаны сельскими мангушами, а недѣли двѣ спустя дѣвушка была выдана замужъ за ея похитителя, который устроилъ пиръ для родныхъ и цѣлаго общества и помирился. Случалось иногда, что молодой человѣкъ, прибавляетъ г. Омировъ, напавши на дѣвушку, отнималъ у нея платокъ или просто хваталъ ее за руку или за грудь и удалялся. Это называлось поймать дѣвушку и имѣло равносильное значеніе съ похищеніемъ; виновный въ этомъ подвергался тѣмъ же наказаніямъ и опасностямъ, какимъ могъ бы подвергнуться при похищеніи. Но разница въ томъ что при такихъ случаяхъ часто не устраивался бракъ и родные пойманной дѣвушки на отрѣзъ отказывали войти съ оскорбителемъ въ родство».

Указавши на процессъ постепенной замѣны древней умычки куплею невѣсты, я обращусь въ настоящее время къ констатированію факта всеобщей распространенности этой купли. По отношенію къ народамъ неодинаковаго съ арійцами происхожденія

я ограничусь въ этомъ вопросѣ, какъ и въ предыдущихъ, приведеніемъ лишь немногихъ примѣровъ, за то остановлюсь съ значительной подробностью на формахъ купли невѣстъ въ средѣ всѣхъ и каждой изъ главнѣйшихъ вѣтвей арійской семьи.

Существованіе у краснокожихъ Америки обычая покупать женъ констатировано было издавна цѣлымъ рядомъ испанскихъ, французскихъ, англійскихъ и американскихъ путешественниковъ.

Что та же форма заключенія брачнаго союза встрѣчается и на Африканскомъ материкѣ, на это указано было еще въ прошломъ вѣкѣ въ сочиненіи Гоге (Goguet), озаглавленномъ: «Происхожденіе законовъ, искусствъ и наукъ». Показанія Гоге подтверждены были и дополнены свѣдѣніями, сообщенными въ текущемъ столѣтіи цѣлымъ рядомъ путешественниковъ, проникавшихъ въ разное время во внутренность Африки. Наконецъ, что касается до Азіи, то здѣсь господство начала купли невѣстъ у ихъ родителей встрѣчается, начиная отъ Сибири и оканчивая южною оконечностью Индостана. У инородцевъ Сибири оно было констатировано оффиціальною коммиссіею, назначенною при Николаѣ Павловичѣ для собиранія и кодификаціи ихъ обычаевъ,—коммиссіею, отчетъ которой напечатанъ былъ въ нѣсколько искаженной копіи проф. Самоквасовымъ въ его «Обычномъ правѣ инородцевъ Сибири». Изъ этого отчета видно, что у Калмыкъ, и ясашныхъ Татаръ Бейскаго уѣзда и Кузнецкаго округа, у Тунгузовъ, Якутовъ и Бурятъ, бракъ совершается путемъ уплаты женихомъ извѣстнаго выкупа за невѣсту, — выкупа, называемаго калымомъ. У послѣднихъ изъ названныхъ инородцевъ купля собственно не имѣетъ мѣста, ее замѣняетъ обмѣнъ; семейство жениха получаетъ невѣсту подъ условіемъ доставить семейству послѣдней жениха для одной изъ сестеръ или ближайшихъ родственницъ невѣсты.

Въ Китаѣ купля невѣсты женихомъ до сихъ поръ признается законнымъ способомъ вступленія въ бракъ. У народовъ, у которыхъ, какъ было сказано выше, эндогамія была вызвана къ жизни самымъ характеромъ ихъ религіозныхъ ученій, купля невѣсты издревле является единственнымъ извѣстнымъ религіозному законодательству способомъ основанія брачнаго союза; такъ

напр., у Евреевъ, въ священныхъ книгахъ которыхъ мы не находимъ указаній на существованіе когда бы то ни было умычки, тогда какъ господство съ древнѣйшихъ временъ обычая покупать невѣстъ или,—лучше сказать,—зарабатывать ихъ многолѣтнимъ трудомъ доказывается такими преданіями, каково приводимое книгой Бытія преданіе о служеніи Іакова у Лавана въ теченіи 14 лѣтъ съ цѣлью заработать себѣ жену, сперва семилѣтней службой—Лію, а потомъ, послѣ столь же продолжительнаго служенія, Рахиль. Въ извѣстномъ сочиненіи Михаэлиса—«Моисеево Право» (ч. II § 25), указаны тѣ мѣста Библіи, изъ которыхъ изслѣдователь можетъ заключить о существованіи у Евреевъ издревле обычая покупать невѣстъ. Это, во первыхъ, уже приведенное нами преданіе объ Іаковѣ и Лаванѣ (кн. Бытія, гл. 29, ст. 15—29), во вторыхъ, преданіе о сватовствѣ Сихема, сына Эмморова, на Динѣ, дочери Іакова и Ліи, преданіе занесенное въ XXXIV гл. книги Бытія, въ которой между прочимъ мы встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: «Сихемъ же сказалъ отцу Дины и братьямъ ея: только бы мнѣ найти благоволеніе въ очахъ вашихъ, я дамъ, что ни скажете мнѣ (за невѣсту). Назначьте самое большое вѣно и дары; я дамъ, что ни скажете, только отдайте мнѣ дѣвицу въ жены». Позднѣйшій по времени появленія текстъ Библіи, свидѣтельствующій о существованіи купли невѣстъ, это книга Оссіи, въ которой (гл. III) упоминается объ уплатѣ Оссіей за невѣсту частью деньгами, частью зерномъ. Сравнивая размѣръ платежей, взносимыхъ Оссіей родителямъ невѣсты, съ одновременной платой за совершеннолѣтняго раба, Михаэлисъ приходитъ къ заключенію, что размѣръ калыма, или вѣна, зависѣвшій на первыхъ порахъ исключительно отъ соглашенія между женихомъ и родителями невѣсты, съ теченіемъ времени былъ опредѣленъ законодательствомъ, и что, установляя размѣръ послѣдняго, законодатель имѣлъ въ виду приравнять куплю жены къ покупкѣ взрослаго раба.

Отъ Евреевъ перейдемъ къ принявшимъ Исламъ Арабамъ, Персамъ и османскимъ Туркамъ. Извѣстно, что религія Магометанъ предписываетъ имъ строгую эндогамію. При такихъ условіяхъ неудивительно, если похищеніе невѣсты не допускается въ ихъ средѣ ни закономъ, ни обычаемъ, и если заключеніе брака

покупкой издавна является нормальнымъ путемъ для основанія семейнаго союза. Въ первоначальной формѣ—формѣ выплачиваемаго родителямъ невѣсты калыма, покупка невѣстъ до сихъ поръ встрѣчается какъ у исповѣдующихъ исламъ кабильскихъ родовъ, такъ и у тѣхъ изъ русскихъ инородцевъ, которые принадлежатъ къ магометанскому вѣроисповѣданію. Въ сочиненіи Ганото и Летурне, озаглавленномъ: «Кабилія и Кабилы», мы находимъ слѣдующія подробности о порядкѣ заключенія брака въ средѣ кабильскихъ племенъ. Отецъ и, въ случаѣ, если бы его уже не было въ живыхъ,—братъ, дядя и вообще ближайшій родственникъ съ отцовской стороны продаетъ невѣсту жениху, который, объявляя о заключеніи имъ брачнаго союза, не употребляетъ на туземномъ нарѣчіи другаго термина, кромѣ слѣдующаго: «я купилъ жену». Точно также объ отцѣ невѣсты не говорятъ: онъ выдалъ свою дочь замужъ, а «онъ вкусилъ отъ своей дочери», другими словами—онъ пріобрѣлъ извѣстныя средства отъ продажи дочери. Продажа невѣсты ея родителемъ не только не составляетъ особенности однихъ Кабиловъ-язычниковъ, но встрѣчается сплошь и рядомъ у племенъ, издавна обращенныхъ въ магометанство, какъ то у Эдуговъ, Ганенховъ и Немемховъ, у которыхъ калымъ или плата за невѣсту обозначается терминомъ «джала» (djaála), что въ переводѣ съ арабскаго языка значитъ «подарокъ съ цѣлью подкупить судью» (судьею въ данномъ случаѣ называется отецъ) *) О покупкѣ невѣстъ исповѣдующими Исламъ татарами Казанской губерніи можно найти не мало подробностей въ трудахъ Казанскаго губернскаго статистическаго комитета. Я особенно обращаю вниманіе читателя на одну статью, помѣщенную въ третьемъ выпускѣ этого сборника и озаглавленную «Народные юридическіе обычаи у Татаръ Казанской губерніи» (1869 г.). Въ этой статьѣ я нахожу между прочимъ слѣдующее описаніе порядка заключенія брака у названныхъ инородцевъ. «Свадьбы Татаръ обыкновенно устраиваются чрезъ свахъ. По закону строго запрещено жениху видѣть невѣсту, прежде чѣмъ она сдѣлается его женою, но этотъ законъ не всегда соблюдается, по-

*) La Kabylie et les Kabyles, т. II, стр. 149.

тому что сваха какъ нибудь тайкомъ доставитъ случай видѣть другъ друга желающимъ вступить въ бракъ; послѣ такого осмотра сваха посылается съ предложеніемъ и положительный отвѣтъ объявляется при первомъ посѣщеніи жениха: въ случаѣ согласія заключается словесное условіе, которое мулла записываетъ при свидѣтеляхъ въ метрическую книгу. Въ этихъ условіяхъ говорится о томъ, сколько денегъ женихъ или его родители должны дать за невѣсту (такъ называемый калымъ, размѣръ котораго различенъ, смотря по состоянію жениха, и простирается отъ 10 до 500 руб.); сколько женихъ или его родители должны дать невѣстѣ разной одежды, напр., рубахъ, платковъ и проч. и, наконецъ, сколько времени послѣ брака молодая жена должна оставаться въ домѣ своихъ родителей или родственниковъ. По совершеніи этихъ условій женихъ вноситъ часть калыма, обыкновенно половину или треть, другая же уплачивается при вступленіи молодыхъ въ супружескія отношенія». Изъ этого описанія мы видимъ, что покупка невѣстъ имѣетъ еще въ наше время полное дѣйствіе у нѣкоторыхъ наиболѣе отсталыхъ въ своемъ развитіи народностей магометанскаго міра.

Перехожу къ изученію формъ купли невѣсты у отдѣльныхъ вѣтвей арійской семьи и прежде всего у Индусовъ. Въ одной изъ предыдущихъ главъ я имѣлъ уже случай указать на существованіе у Индусовъ восьми различныхъ формъ брака. Одной изъ этихъ формъ является «Азура», изъ которой, какъ мы увидимъ нѣсколько ниже, возникла съ теченіемъ времени и другая форма заключенія брака, или такъ называемая Арша. Характеръ купли выступаетъ уже изъ самаго опредѣленія Азуры, дѣлаемаго индійскими сводами Ману, Яджнавалькіей и Ашвалаяной. Бракъ Азура, читаемъ мы въ третьей книгѣ свода Ману, стихъ 31-й, имѣетъ мѣсто всякій разъ, когда женихъ по собственной волѣ вступаетъ въ бракъ съ невѣстой, сдѣлавши предварительно роднымъ послѣдней тѣ или другіе подарки, сообразно его средствамъ. Еще опредѣленнѣе выступаетъ характеръ купли въ опредѣленіи, даваемомъ Азурѣ Яджнавалькіей: бракъ Азура совершается путемъ принятія (родными) извѣстнаго имущества; тоже повторяетъ и Ашвалаяна, говоря: по уплатѣ денегъ, женихъ сожительствуетъ съ своей нареченной, таковъ бракъ Азура. Итакъ, изъ всѣхъ этихъ трехъ

опредѣленій ясно выступаетъ, что Азура былъ способъ заключенія брачнаго союза путемъ купли. Способъ этотъ признается запрещеннымъ браминскимъ законодательствомъ и сводъ Ману прямо относитъ его къ числу нечистыхъ формъ брака. Одного этого уже запрещенія достаточно для того, чтобы показать, что купля невѣстъ нѣкогда существовала въ Индіи. Къ тому же выводу приводитъ, какъ свидѣтельство Страбона объ обычаѣ Индусовъ покупать невѣстъ, такъ и рядъ постановленій индусскаго права, приравнивающихъ къ вору отца, который бы не выдалъ свою дочь жениху по совершеніи съ нимъ о томъ предварительнаго уговора. Наконецъ, самымъ вѣскимъ доказательствомъ въ пользу утверждаемаго нами является до сихъ поръ господствующая въ южной Индіи купля невѣстъ, по показаніямъ Стренжа, почти единственная форма заключенія здѣсь брачнаго союза.

Могутъ сказать, конечно, что описанная форма брака есть форма, свойственная одному не арійскому населенію Индіи, народамъ дравидійскаго происхожденія, въ доказательство чего можетъ быть приведенъ фактъ господства ея еще въ настоящее время въ южной Индіи, заселенной, какъ извѣстно, дравидійскими племенами. Это возраженіе было бы существеннымъ, если бы рядомъ съ только что описанной формой брака не существовало другой, очевидно, представляющей не болѣе какъ видоизмѣненіе первой, хотя и почитаемой индусскимъ правомъ дозволенной по отношенію ко всему обществу правовѣрныхъ. Эта форма такъ называемая Арша. По опредѣленію свода Ману (кн. III, ст. 53), она имѣетъ мѣсто каждый разъ, когда женихъ уплатитъ отцу невѣсты какое нибудь вознагражденіе. Вотъ на этотъ счетъ подлинныя слова Ману: «Нѣкоторые мудрые мужи утверждаютъ, что подарокъ женихомъ коровы и быка въ пользу отца невѣсты ведетъ къ заключенію брака Арша. Съ этимъ нельзя согласиться. Всякое вознагражденіе, будетъ ли оно велико или ничтожно, принятое отцомъ при выдачѣ дочери замужъ, ведетъ къ заключеніе брака Арша». Передача пары рогатаго скота вовсе не составляла исключительнаго содержанія брачнаго акта. Изъ учрежденій Нарады видно, что женихъ нерѣдко въ этомъ случаѣ дарилъ отца невѣсты и тѣмъ или другимъ одѣяніемъ, на-

зываемымъ въ сводѣ терминомъ «vastra». Такимъ образомъ отличительную черту этой формы брака отъ остальныхъ составляла лишь передача извѣстныхъ предметовъ отцу невѣсты, все равно, каковы бы ни были эти послѣдніе. Если даже и согласиться съ Джолли, что небольшая цѣнность этихъ предметовъ не даетъ права видѣть въ нихъ дѣйствительнаго калыма и что передача ихъ должна быть почитаема не болѣе, какъ символическимъ дѣйствіемъ, то и въ такомъ случаѣ, помня то, что было сказано о значеніи символическихъ обрядовъ въ брачномъ ритуалѣ, легко прійти къ заключенію, что въ передачѣ женихомъ отцу невѣсты тѣхъ или другихъ предметовъ слѣдуетъ видѣть не иное что, какъ вымирающіе слѣды древней купли. Обращая вниманіе на самый характеръ передаваемыхъ предметовъ, нельзя не признать ихъ принадлежащими къ числу тѣхъ, которыми издавна отецъ нераздѣльной семьи имѣлъ право свободнаго распоряженія, другими словами, къ числу тѣхъ, по отношенію къ которымъ ранѣе всего совершился процессъ индивидуализаціи *).

Отъ Индусовъ перейдемъ къ народамъ классической древности, къ Грекамъ и Римлянамъ. О господствѣ въ древности во Ѳракіи и Ѳессаліи обычая покупать невѣстъ мы имѣемъ свидѣтельство Страбона, Гераклида и Аристотеля (я разумѣю Политику послѣдняго, кн. II, стр. 8). Такъ какъ населеніе вышеназванныхъ странъ далеко не было исключительно эллинскаго происхожденія, то изъ этихъ данныхъ мы еще не имѣемъ права дѣлать заключенія о господствѣ въ Греціи обычая покупать невѣстъ. Гораздо важнѣе для насъ тѣ косвенныя указанія, которыя изслѣдователь можетъ найти частью въ Гомеровой Иліадѣ, частью въ сочиненіи Павзанія. Гомеръ часто называетъ дочерей «приносящими родителямъ быковъ». Очевидно, что появленіе такого эпитета было бы немыслимо, если бы въ то время, когда онъ возникъ, дочери не доставляли своимъ родителямъ возможности получать извѣстную плату при выдачѣ ихъ замужъ. Въ 11-й пѣснѣ Иліады (ст. 146) расказывается объ Агамемно-

---

*) Jolly, Ueber die rechtliche Stellung der Frauen bei den alten Indern, стр. 16, 17 и 18.

нѣ, что онъ предложилъ одну изъ своихъ дочерей въ жены Ахиллу, при чемъ объявилъ ему, что не потребуетъ отъ него въ свою пользу никакого дара. Изъ этихъ мѣстъ Иліады мы уже имѣемъ право заключить о существованіи въ эпоху ея составленія обычая приносить родителямъ невѣсты извѣстные дары, но каковъ былъ характеръ этихъ послѣднихъ, могутъ ли они быть приравниваемы къ калыму, или передачѣ ихъ слѣдуетъ придавать одинъ лишь символическій характеръ, — этого изъ Иліады еще не видно. Рѣшеніе поставленному вопросу даетъ слѣдующій отрывокъ изъ сочиненія Павзанія. Данай, не находя жениховъ для своихъ дочерей, виновныхъ въ совершеніи того ряда преступленій, о которомъ повѣствуетъ миѳъ о Данаидахъ, и желая въ то же время избавиться отъ нихъ выдачей ихъ замужъ, оповѣстилъ, что отъ жениховъ онъ не станетъ требовать въ свою пользу никакихъ имущественныхъ пожертвованій. Если Данай придавалъ такое рѣшающее значеніе факту освобожденія жениховъ отъ обязанности внести извѣстное имущество въ его пользу, то, мнѣ кажется, отсюда можно заключить, что приносимый женихомъ въ героическій періодъ даръ отцу невѣсты имѣлъ не одно символическое значеніе, и съ полнымъ основаніемъ можетъ быть отождествляемъ съ калымомъ.

Едва ли мнѣ нужно останавливаться съ нѣкоторой подробностью на фактѣ заключенія нѣкогда у Римлянъ брака путемъ купли невѣсты. Хорошо извѣстно, что изъ трехъ формъ заключенія семейнаго союза у этого народа, — confarreatio, usus и coemptio — одна и именно послѣдняя въ самихъ институціяхъ Гая называется imaginaria venditio и, по описанію его, состояла въ совершеніи акта mancipatio въ присутствіи пяти свидѣтелей и одного libripens. Древнѣйшія упоминанія о coemptio встрѣчаются у Цицерона (pro Flacco, гл. 34) и Варрона. Какъ тотъ, такъ и другой, говорятъ о ней какъ о символическомъ обрядѣ. Изъ этого обстоятельства слѣдуетъ, что мы вправѣ отнести существованіе ея въ формѣ дѣйствительной купли къ отдаленнѣйшему періоду римской жизни, слѣдующему за временемъ возникновенія извѣстнаго преданія о Сабинкахъ, но предшествующему эпохѣ составленія leges regiae. Вотъ подлинный текстъ Гая о порядкѣ совершенія брака путемъ coemptio. Кому из-

вѣстно, что сдѣлавшееся со временемъ символомъ, нѣкогда имѣло характеръф актическаго отношенія, тотъ не станетъ сомнѣваться въ существованіи у древнихъ Римлянъ обычая покупать невѣстъ. Къ этому же выводу приводитъ и ходячее въ ихъ средѣ опредѣленіе конкубины: Uxor gratuita utpote quae coempta non esset,—опредѣленіе, которое мы встрѣчаемъ на нѣкоторыхъ римскихъ надписяхъ и которое своимъ противоположеніемъ некупленной купленной женѣ прямо указываетъ на реальный характеръ нѣкогда совершаемой купли невѣсты. «Coemptione, говоритъ Гай, in manum conveniunt per mancipationem, id est per quamdam imaginariam venditionem, adhibitis non minus quam V testibus civibus romanis, item libripendi, praeter mulierem eumque cujus in manum convenit».

Насколько съ теченіемъ времени утратилось правильное представленіе о coemptio, какъ объ актѣ символической купли, и о ея первоначальномъ происхожденіи изъ фактически осуществляемой отцомъ продажи своей дочери, всего лучше можно судить изъ приводимаго Кэнигсвартеромъ извлеченія изъ комментарія Нонія Марцелла на вышеприведенный текстъ Гая. Ноній Марцеллъ полагаетъ, что при совершеніи coemptio покупщикомъ является не женихъ, а невѣста, и предметомъ продажи служитъ право вступленія въ домъ своего нареченнаго, — право пріобщиться къ культу его домашнихъ боговъ, ларовъ, и принимать участіе въ совершаемыхъ въ ихъ честь жертвоприношеніяхъ.

Спрашивается теперь, какъ долго держалось въ римской жизни совершеніе брака путемъ coemptio? По примѣру Росбаха, мы уклонимся отъ положительнаго отвѣта и ограничимся приведеніемъ лишь нѣкототорыхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что и въ императорскій періодъ coemptio еще практиковалась. О господствѣ этой формы заключенія брака во II и III в. по Р. Х. свидѣтельствуетъ упоминаніе о ней въ сочиненіяхъ Гая, Папиніана, Павла и Ульпіана. Къ тому же времени относится и цѣлый рядъ надписей, говорящихъ о фактическомъ осуществзеніи ея тѣмъ самымъ порядкомъ, какой описанъ у Гая. Эти надписи отпечатаны какъ у Гейнекція, такъ и въ сборникѣ Орелли. Вотъ одна изъ нихъ. «Публій Клавдій квесторъ, Antoniam Volumniam virginem.... a parentibus suis coemit et... in domum duxit».

Въ эпоху Сервія, Боэтія и Исидора, т. е. въ концѣ IV и V в. по Р. Х., coemptio, повидимому, уже вышла изъ употребленія; въ этомъ убѣждаетъ насъ прямое заявленіе послѣдняго изъ названныхъ писателей «coemptio... apud priscos peragebatur *).

Отъ восточныхъ и южныхъ вѣтвей индо-арійской семьи перейдемъ къ тѣмъ, которыя въ разное время заняли центральную и сѣверную Европу, и прежде всего къ славянамъ. По вопросу о существованіи у нихъ нѣкогда купли мы не въ состояніи прибавить много новаго къ тому весьма обстоятельному очерку, какой проф. Шпилевскій посвящаетъ этому вопросу въ своемъ трудѣ о «семейныхъ властяхъ у древнихъ Славянъ и Германцевъ». Единственнымъ существеннымъ добавленіемъ къ сообщаемымъ имъ даннымъ по этому вопросу можетъ быть приведеніе нѣкоторыхъ современныхъ свидѣтельствъ въ пользу существованія символическаго обряда купли въ быту нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ. Сочиненіе Богишича и новѣйшія работы по русскому обычному праву доставятъ намъ необходимый для этой цѣли матеріалъ.

Караджичъ говоритъ о Сербіи: «тамъ не получаютъ денегъ съ дѣвушкою, но за нее даютъ, напр., брату сапоги или платье, матери какое нибудь платье, также сестрѣ и всѣмъ остальнымъ что нибудь, и сверхъ того деньги въ домъ (я прошу обратить особенное вниманіе на эти послѣднія слова). Въ Сербіи нѣсколько лѣтъ прежде, продолжаетъ Караджичъ, такъ много просили за дѣвушекъ, что бѣдный человѣкъ не могъ жениться; поэтому Георгій Черный издалъ указъ, что нельзя просить и брать за дѣвушку болѣе одного дуката. Съ этого времени, какъ видно въ особенности изъ данныхъ, собранныхъ Богишичемъ, — покупка невѣстъ въ Сербіи является рѣдкимъ случаемъ. Тѣмъ не менѣе отъ времени до времени она встрѣчается и теперь, но, разумѣется, лишь въ формѣ символическаго обряда. Женихъ выплачиваетъ отцу невѣсты отъ одного до шести дукатовъ, смотря по состоянію, не считая въ этомъ числѣ подарковъ, дѣлаемыхъ имъ родственникамъ его будущей жены, и прежде всего брату ея, и наконецъ ей самой для покупки себѣ шубы.

* Rossbach, Untersuchungen über die römische Ehe, стр. 65, 95.

Въ Болгаріи жених выплачиваетъ родителямъ невѣсты до 1,000 грошей и сверхъ того дѣлаетъ подарки ея матери, сестрамъ и братьямъ. Эти подарки не переходятъ обыкновенно за сумму нѣсколькихъ дукатовъ и состоятъ нерѣдко изъ платковъ и обуви. Въ немногихъ мѣстностяхъ Болгаріи и въ числѣ ихъ въ Ризанѣ свадебные обряды удержали нѣкоторые слѣды прежней купли невѣсты ея женихомъ. Не задолго до празднованія свадьбы отецъ жениха и отецъ невѣсты созываетъ друзей на сельскую площадь. Всѣмъ собравшимся здѣсь подается водка. Отецъ жениха первый пьетъ за здоровье молодыхъ. Осушивъ свою чарку, онъ беретъ въ правую руку другой стаканъ съ водкой, на которомъ лежитъ яблоко съ положенной на него мелкой монетой, секиномъ. Этотъ стаканъ онъ подаетъ отцу невѣсты. Послѣдній беретъ секинъ и кладетъ себѣ въ карманъ. Описанный обрядъ повелъ даже къ возникновенію особой до сихъ поръ ходячей въ этой мѣстности поговорки: продать дочь за секинъ,—поговорка, которая своимъ содержаніемъ прямо указываетъ на происхожденіе этого символическаго дѣйствія изъ реальнаго акта продажи невѣсты ея родителемъ.

Въ народныхъ пѣсняхъ Болгаръ также удержались до сихъ поръ нѣкоторые слѣды совершенія нѣкогда брака путемъ купли невѣстъ. Въ одной пѣснѣ, въ которой невѣста проситъ своего брата спрятать ее отъ жениха, братъ отвѣчаетъ: какъ же мнѣ тебя спрятать? Съ этихъ поръ ты уже продана, продана и заложена, предъ кумами, предъ сватами ты продана юнаку.

У Черногорцевъ по свадебному обряду родные невѣсты требуютъ отъ сватовъ большаго выкупа за нее, такъ какъ, по ихъ словамъ, они даютъ имъ дѣвушку, которая бы стоила Царяграда. У Лужичанъ женихъ, пріѣзжая свататься, начинаетъ вопросомъ: «нѣтъ ли продажной скотинки»? А одна Чешская свадебная пѣсня отъ лица дружки говоритъ: «выдайте мнѣ невѣсту, я хорошо заплачу вамъ, — на то я и посланъ, чтобы заплатить за невѣсту полновѣсными талерами».

И у западныхъ славянъ купля невѣсты еще недавно была общераспространеннымъ явленіемъ. Въ Чехіи, говоритъ г. Сумцовъ, въ началѣ прошлаго столѣтія встрѣчался обычай ходить за невѣстой на дороги и базары. Въ Красномъ Бродѣ дѣ-

вичьи базары были два раза въ годъ. Сюда приходили дѣвицы и вдовы со своими родными, а молодые люди — со своими. Мужчина подходилъ къ женщинѣ, которая ему нравилась, подавалъ ей руку, говоря: «если тебѣ нуженъ хлопецъ, то иди до попа». Дѣвушка выражала свое согласіе тѣмъ, что подавала молодому человѣку руку; затѣмъ женихъ уговаривался съ ея родными о платѣ, и въ заключеніе слѣдовало свадебное пиршество.

На польской свадьбѣ, по словамъ того же писателя, разыгрывалась цѣлая сцена продажи молодой мужу подъ видомъ коровы. Продажа невѣсты также прямо упоминается въ польскихъ свадебныхъ пѣсняхъ.

Въ Познани женихъ до сихъ поръ кладетъ мелкую монету на сапогъ невѣсты, другую — на ея колѣна, третью — на плечо, четвертую — на голову; послѣ чего слѣдуетъ передача ея въ его руки *).

Переходя въ частности къ восточнымъ Славянамъ, мы на основаніи новѣйшихъ работъ по обычному праву можемъ сообщить слѣдующія данныя какъ на счетъ господствующаго еще въ наше время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи обычая покупать невѣстъ, такъ и на счетъ удержанія нашими свадебными обрядами символической стороны древней купли. Сообщаемыя нашими обычниками данныя нашли рѣшительное подтвержденіе въ трудахъ коммиссіи, назначенной для изслѣдованія современнаго положенія сельскаго населенія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, говоритъ г. Пахманъ, съ понятіемъ о кладкѣ, т. е. платежѣ, производимаго женихомъ, соединяется представленіе о платѣ за невѣсту. Сами крестьяне заявляли, «что у нихъ принято, чтобы женихъ платилъ за невѣсту отцу ея деньги, кладку, что женихъ покупаетъ невѣсту, платя за нее вывозъ»; въ томъ же смыслѣ встрѣчаются и такія заявленія: «у насъ, если кто беретъ невѣсту, долженъ за нее заплатить, а то даромъ не дадутъ», или: — «у насъ каждую невѣсту надо купить» **).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ русскихъ крестьянъ доселѣ удержа-

---

*) Сумцовъ, О свадебныхъ обрядахъ, стр. 26, 22.

**) Пахманъ, Обычное гражданское право въ Россіи, стр. 61.

лись упоминанія о куплѣ. «Бояре ворота облегли», поютъ саратовскіе крестьяне о поѣзжанахъ,—«торгуютъ, торгуютъ Дуняшу». «Бояре ворота облегли, посыпали золота по землѣ», поется въ свою очередь въ бѣлорусской пѣснѣ. Въ олонецкой пѣснѣ невѣста жалуется, что «сватъ предложилъ ея родителямъ много серебра и жемчуга, города съ пригородками, села съ приселками; отцу сулилъ пуховую шляпу и одинцовый тулупъ; матери — кунью шубу». Родители все же не соглашались. Тогда сватъ пообѣщалъ имъ «бадью меду, сорокъ ведеръ пива и 60 ведеръ водки». Родители не выдержали и «промѣняли дорогую дѣвичью волюшку своей дочери на вѣковѣчную злодѣйную неволюшку». Въ русскомъ свадебномъ ритуалѣ до сихъ поръ сохранились нѣкоторыя черты древней купли, на нее указываетъ уже ходячая формула, которой открывается сватанье: «у васъ товаръ, у насъ купецъ»; осмотръ невѣсты ея женихомъ, доселѣ практикуемый въ Вологодской губерніи, съ цѣлью убѣдиться въ ея физическихъ качествахъ; покупка женихомъ въ однѣхъ мѣстностяхъ косы невѣсты, символа ея дѣвственности, въ другой — вѣнка, украшающаго ея голову и имѣющаго то же символическое значеніе *).

Въ одной русской пѣснѣ говорится о томъ, какъ парень покупаетъ у невѣсты вѣнъ (вѣнокъ): «чѣмъ мнѣ вѣна выкупить? ужъ я дамъ ли, ужъ дамъ за вѣна три гривны серебряныя».

Приведенныхъ данныхъ болѣе чѣмъ достаточно для признанія факта существованія нѣкогда у Славянъ обычая покупать невѣстъ, обычая засвидѣтельствованнаго историческими данными. Одна лишь тенденціозная интерпретація могла видѣть въ довольно прямыхъ указаніяхъ на этотъ счетъ въ нашей начальной лѣтописи намекъ на существованіе совершенно инаго порядка заключенія брачнаго союза. Заслугу г. Шпилевскаго составляетъ обстоятельный разборъ мнѣній, высказанныхъ въ разное время по этому вопросу лучшими знатоками русской юридической старины. Игнорируя преднамѣренно тѣ результаты, къ которымъ приводитъ изслѣдователя изученіе современныхъ свадебныхъ обычаевъ и обрядовъ, они отнюдь не хотѣли при-

*) См. Сумцовъ, стр. 26 и 27.

знать за встрѣчающимся въ лѣтописи вѣномъ характера калыма. «Г. Шульгинъ, говоритъ Шпилевскій, въ изслѣдованіи «о состояніи женщины въ Россіи до Петра Великаго», предполагаетъ, что продажа дѣвицъ не была исконнымъ обычаемъ славянъ, а явилась впослѣдствіи, подъ вліяніемъ татарщины; въ доказательство тому онъ указываетъ на продажу невѣстъ въ Нерехтѣ, гдѣ продажная цѣна называлась калымомъ, названіемъ донынѣ означающимъ то же самое у татаръ и калмыковъ. Потомъ, приводя пѣсню, которая поется при продажѣ братомъ дѣвичьей косы:

Братецъ татаринъ
Продалъ сестру за талеръ,
Русу косу за полтину—

г. Шульгинъ говоритъ, что продажа здѣсь порицается, какъ обычай иноземный. Г. Шульгинъ противополагаетъ браки скандинавскіе, при которыхъ необходима была плата за жену, славянскимъ, которые отличались приданымъ и вѣномъ, не въ смыслѣ платы за жену, а въ смыслѣ обезпеченія жены мужемъ, какъ, напр., Ингигерда, дочь Олафа, выходя за Ярослава, требовала, чтобы ей за вѣно отданъ былъ г. Альдейгаборгъ, а Ольга, вѣроятно, получила отъ Игоря Вышгородъ, Малуша отъ Святослава—с. Будишино, Рогнѣда отъ Владиміра—с. Предславино».

«Но самымъ лучшимъ опроверженіемъ того предположенія, что продажа невѣстъ явилась только подъ татарскимъ вліяніемъ, говоритъ г. Шпилевскій, можетъ быть повсемѣстность этого обычая у всѣхъ славянскихъ племенъ, свободныхъ отъ татарскаго вліянія, слѣдовательно, это обычай исконный, общеславянскій».

«Что вѣно, о которомъ не разъ упоминается въ лѣтописи, означало куплю, видно изъ слѣдующаго мѣста въ переводѣ правилъ Іоанна Схоластика: «и о дѣвствахъ и о рабыняхъ дающихся самѣмъ чрезъ вѣно владущихъ ими». Въ славянскомъ переводѣ Библіи словомъ «вѣно» обозначается прямо плата за жену. Такъ Сихемъ, прося у Іакова дочь его Дину, говорилъ отцу ея и братьямъ: множите вѣно зѣло, и дамъ, якоже речете ми: и дасте ми отроковицу сію въ жену». (Быт. гл. XXXIV; ст. 12)

Отъ Славянъ перейдемъ къ Германцамъ. Спрашивается, существовала ли у послѣднихъ купля невѣстъ въ ея первобытной формѣ—реально осуществляемаго договора, или же уплата женихомъ того или другаго имущества родителямъ невѣсты имѣла не болѣе какъ символическій характеръ? И въ этомъ вопросѣ, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ, прямо или косвенно затрогивающихъ тѣ или другія стороны изъ жизни германскихъ племенъ въ ранній періодъ ихъ общественнаго развитія, изслѣдователю приходится считаться съ цѣлымъ рядомъ совершенно произвольныхъ построеній, сходныхъ между собою лишь въ томъ отношеніи, что всѣ и каждое изъ нихъ вызваны однимъ и тѣмъ же ненаучнымъ, по своей тенденціозности, стремленіемъ оправдать древній германскій міръ отъ тѣхъ или другихъ, будто бы взводимыхъ на него, обвиненій. Однимъ изъ такихъ обвиненій является въ глазахъ германистовъ утверждаемый французскими историками фактъ существованія нѣкогда у Германцевъ обычая покупать невѣстъ. По мнѣнію большинства германистовъ, въ числѣ ихъ Friedberg'a, во взносѣ женихомъ извѣстной платы родителямъ невѣсты не слѣдуетъ видѣть вознагражденія за уступку дочери или родственницы члену чужой семьи, а эквивалентъ пріобрѣтаемаго женихомъ права опеки и попечительства надъ своей будущей женою, или такъ называемаго mund, до нѣкоторой степени, хотя и не вполнѣ, отвѣчающаго римской manus. Къ чести Якова Гримма нужно сказать, что въ этомъ вопросѣ онъ съумѣлъ отрѣшиться отъ узко-національныхъ и мнимо-патріотическихъ воззрѣній. Широкое знакомство съ первобытной культурой разноплеменныхъ съ Германцами народовъ предостерегло его отъ возможности совершенно произвольнаго утвержденія, будто нѣмецкіе народы съ древнѣйшихъ временъ не знали купли женъ, и будто выкупъ въ ихъ глазахъ имѣлъ значеніе одного вознагражденія за пріобрѣтаемую женихомъ опеку надъ дѣвушкой.

Обращаясь за рѣшеніемъ этого вопроса къ прямымъ источникамъ, мы находимъ рѣшительное доказательство существованія купли невѣстъ у англо-саксовъ VI и VII вѣка въ слѣдующихъ постановленіяхъ королей Этельберта и Ины.—Буде свободный человѣкъ (friman), станетъ сожительствовать съ чьей

либо женою, ему слѣдуетъ купить (begeten) эту женщину уплатою ей мужу виры и пріобрѣсть вслѣдъ за тѣмъ для этого послѣдняго другую жену на средства, взятыя изъ собственнаго имѣнья. Если кто купитъ себѣ жену и не внесетъ слѣдуемой за нее платы, пусть сверхъ послѣдней взыщутъ съ него еще штрафъ de plegio infracto, читаемъ мы въ латинскомъ текстѣ законовъ Ины (ст. 31, озаглавленная слѣдующимъ образомъ: «De emente feminam et pretium retinente»).

Если въ VI и VII в. купля невѣстъ была еще въ полномъ ходу у англо-саксовъ, то въ XI в. память о ней сохраняетъ лишь слѣдующее постановленіе короля Канута, запрещающее «принуждать женщину или дѣвушку брать въ мужья того или другаго мужчину противъ ея воли, равно и отдавать ее замужъ за деньги».

Во всѣхъ и каждомъ изъ вышеприведенныхъ постановленій прямо и рѣшительно высказывается то воззрѣніе законодателя, что купля есть средство пріобрѣтенія самой женщины, а не одного лишь права опеки и попечительства надъ нею.

Тотъ же характеръ калыма,—другими словами—платы за невѣсту, а не за право опеки и попечительства надъ женою (mund), носитъ взносимое за нее женихомъ вѣно и въ законахъ континентальныхъ саксовъ, въ которыхъ (титулъ 18, § 1) мы прямо читаемъ: «Leto regis (лиду) liceat uxorem emere, ubicumque voluerit. Употребляемые этими законами термины «emere» и «pretium emptionis», по справедливому замѣчанію Königswarter'a, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ дѣйствительнаго характера заключенія брачнаго союза у саксонцевъ, другими словами, на счетъ установленія брака путемъ купли.

Обращаясь къ обычному праву народовъ сѣверной Германіи, мы укажемъ прежде всего на существованіе въ средѣ Дитмаршенскихъ родовъ еще въ эпоху Неокоруса обычая покупать невѣстъ, при чемъ, какъ слѣдуетъ изъ его хроники, женихъ каждый разъ вступалъ въ особое соглашеніе съ родителемъ невѣсты насчетъ самаго размѣра уплачиваемаго за нее вознагражденія. Не мало указаній на установленіе брака путемъ дѣйствительной купли заключаютъ и уже не разъ цитированныя нами пѣсни древней Эдды, въ которыхъ неоднократно упоминается объ уп-

латѣ за невѣсту золотомъ или другими цѣнностями. Такъ напр., мы читаемъ въ одной изъ этихъ пѣсень, что Атли даетъ за свою невѣсту Гудруну 30 рабовъ и 7 рабынь и сверхъ того много серебра и драгоцѣнныхъ камней. Въ одной исландской плясовой пѣснѣ мы находимъ также прямое указаніе на заключеніе брака куплею. Пѣсня эта поется при слѣдующей обстановкѣ. Нѣсколько дѣвушекъ собрались въ томъ или другомъ домѣ. Молодые люди стучатся къ нимъ и просятъ впустить ихъ. На эти просьбы дѣвушки насмѣшливо отвѣчаютъ слѣдующимъ привѣтомъ: «Чего хотятъ Альфъ и Гофъ»?—«Камней предлагаетъ дать Альфъ, отвѣчаютъимъ, камней и Гофъ».—«Что предлагаютъ товарищи Гофа?»—«Камней предлагаютъ товарищи Гофа». Получивши отказъ отъ входа въ домъ, молодые люди обѣщаютъ дать дѣвушкамъ мѣдь и въ отвѣтъ должны прослушать тотъ же насмѣшливый припѣвъ. Тогда молодежь рѣшается предложить золото. На это предложеніе дѣвушки отвѣчаютъ согласіемъ впустить ихъ въ жилище. Двери отворяются, молодежь врывается въ домъ и начинается танецъ.

Вейнгольдъ, у котораго я заимствую только что приведенныя данныя, сопоставляетъ содержаніе названной пѣсни съ одной шлезвигской плясовой и выводитъ изъ сопоставленія обѣихъ то заключеніе, что какъ та, такъ и другая, представляютъ собою несомнѣнное доказательство современнаго ихъ составленію обычая покупать невѣстъ.

Послѣ всѣхъ приведенныхъ нами данныхъ едва ли является серьозная необходимость останавливаться на разборѣ нѣкоторыхъ сомнительныхъ въ ихъ толкованіи мѣстъ изъ средневѣковыхъ романовъ и лимбургской хроники, мѣстъ, въ которыхъ встрѣчается слово «kaufen» покупать, въ примѣненіи къ невѣстамъ. Если бы, вопреки мнѣнію Гримма, глаголъ «kaufen» и употреблялся здѣсь въ смыслѣ не покупки, а просто взятія невѣсты, то такого рода интерпретація отнюдь не была бы въ состояніи поколебать того положенія, что купля невѣстъ была извѣстна древнимъ германцамъ. Надо сознаться, однако, что въ большинствѣ варварскихъ правдъ, и въ томъ числѣ въ аллеманской и баварской, а также въ законахъ англовъ и вериновъ о куплѣ невѣсты уже не говорится. Если въ салической правдѣ платежъ

дѣлаемый женихомъ родственникамъ мужа при вступленіи въ бракъ съ пребывающей въ ихъ домѣ вдовою, иначе говоря такъ наз. reipus, говоритъ въ пользу той мысли, что купля невѣстъ извѣстна была Салическимъ Франкамъ, то, съ другой стороны, незначительность поступающаго въ пользу мундвальда или опекуна задатка (arr) свидѣтельствуетъ уже о переходѣ купли въ символическій обрядъ. У Лонгобардовъ женихъ еще заключаетъ съ мундовальдомъ письменное условіе о размѣрѣ платежа за невѣсту (meta), но этотъ платежъ поступаетъ уже въ пользу новобрачной, и то же должно быть сказано о Бургундскомъ и Вестготскомъ сводахъ, изъ которыхъ особенно интереснымъ является послѣдній, такъ какъ въ немъ еще виденъ дѣлежъ калыма между родственниками и самой невѣстой, а незначительность самаго платежа говоритъ въ пользу одного лишь символическаго его значенія *).

Спрашивается теперь, въ чемъ состоялъ процессъ вымиранія разсмотрѣнной нами формы заключенія брака у германскихъ племенъ? Мнѣ кажется, что изъ сказаннаго уже видно, что ближайшей, по крайней мѣрѣ по времени, фазой является низведеніе акта покупки къ одному лишь символическому обряду. Типическимъ примѣромъ можетъ служить описываемый Григоріемъ Турскимъ фактъ уплаты Хлодвигомъ при вступленіи въ бракъ съ Клотильдою одного солида и динарія. Въ формѣ символическаго обряда купля невѣсты продолжала существовать еще долгое время, вопреки настояніямъ церкви, издавна стремившейся освободить актъ заключенія брака отъ цѣлаго ряда оскверняющихъ его, въ ея глазахъ, обрядовъ, непримиримыхъ съ воззрѣніемъ на бракъ, какъ на таинство. Лучшимъ доказательствомъ справедливости утверждаемаго служитъ то обстоятельство, что въ постановленіяхъ одного помѣстнаго собора, 1227 г., въ Туринѣ еще встрѣчается запрещеніе роднымъ невѣсты брать подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, quocunque colore quaesito, деньги за согласіе на бракъ (aliquam pecuniam pro matrimonio contrahendo).

Уступая мало по малу мѣсто позднѣйшимъ по времени появ-

*) Weinhold, die deutschen Frauen. 1882, т. I, стр. 325.

ленія формамъ заключенія брака,—формамъ религіознымъ, покупка невѣстъ не исчезла однако безслѣдно изъ обычнаго права германскихъ племенъ. Имущественныя отношенія супруговъ навсегда сохранили въ себѣ слѣды ея существованія въ такъ называемомъ приданомъ, возникновеніе котораго изъ этой платы будетъ доказано мною въ ближайшей главѣ.

Заглянемъ теперь въ древнѣйшее право отдѣльныхъ вѣтвей кельтическаго племени и постараемся обнаружить и въ немъ слѣды существованія нѣкогда общечеловѣческаго обычая покупать невѣстъ.

Мнѣ едва ли нужно настаивать на той мысли, что въ Галліи покупка женъ вышла изъ употребленія задолго до времени завоеванія ея Римлянами. Очевидно, что широкое развитіе друидизма, громадное значеніе, какимъ пользовался въ Галліи жреческій классъ,—не могли не повліять на измѣненіе архаической формы заключенія брака. Подъ вліяніемъ духовенства купля женъ рано принуждена была отойти въ область прошедшаго, уступая мѣсто религіознымъ формамъ установленія семьи. Если въ Галліи не сохранилось прямыхъ слѣдовъ нѣкогда существовавшей покупки женъ, того же нельзя сказать ни объ Ирландіи, ни объ Уэльсѣ.

Получаемая отцомъ плата за невѣсту носитъ въ законодательствѣ Брегоновъ названіе loglanamnais. «Нѣтъ основанія сомнѣваться, говоритъ лучшій изъ туземныхъ знатоковъ ирландскаго права, Sullivan, въ своемъ обширномъ вступленіи къ изданнымъ имъ лекціямъ O'Curry, что въ эпоху язычества бракъ не могъ состояться въ Ирландіи иначе, какъ подъ условіемъ уплаты loglanamnais или калыма, размѣръ котораго каждый разъ опредѣлялся принадлежностью вступавшихъ въ бракъ къ тому или другому сословію».

Со временемъ только часть дѣлаемаго женихомъ платежа поступала родителю невѣсты. Она извѣстна подъ наименованіемъ tindscra. Наименованіе это сложилось изъ двухъ словъ: tinde (ожерелье) и escra (кубокъ). Ничтожная, сравнительно, цѣнность предметовъ, входившихъ въ составъ этого платежа, какъ слѣдуетъ изъ самаго ихъ названія, указываетъ уже сама по себѣ на переходъ купли въ символическій обрядъ, что въ свою очередь объяс-

няется вліяніемъ упрочившагося въ странѣ, начиная уже съ VIII в., христіанства.

Въ Уэльсѣ переживаніемъ древней купли является платежъ 24 пенсовъ, дѣлаемый женихомъ въ пользу родителя невѣсты по случаю своего вступленія въ бракъ. Платежъ этотъ для того времени отнюдь не можетъ быть признанъ ничтожнымъ и говоритъ поэтому противъ возможности признанія за нимъ одного символическаго значенія.

Заканчивая сказаннымъ главу о древнѣйшихъ способахъ заключенія брака, я считаю нужнымъ прибавить, однако, еще нѣсколько словъ о характерѣ смѣнившихъ эти формы порядковъ установленія семьи. Эти порядки имѣютъ между собою то общее, что въ равной мѣрѣ вызваны къ жизни одной и той же причиной: — рано или поздно возникшимъ въ средѣ отдѣльныхъ народовъ земнаго шара культомъ предковъ. Культъ этотъ, какъ доказали Бенкрофтъ и Бастіанъ, принадлежитъ къ числу общераспространеннѣйшихъ явленій въ исторіи человѣческихъ расъ. Громадное вліяніе, оказанное имъ на характеръ правовыхъ институтовъ, принадлежитъ къ числу общепризнанныхъ положеній сравнительной исторіи права. Одной изъ сферъ проявленія этого вліянія является между прочимъ и свадебный обрядъ. Послѣдній не только у грековъ и римлянъ, но и у индусовъ, славянъ и германцевъ,—одинаково носитъ на себѣ отпечатокъ того почитанія, какимъ древніе аріи окружали своихъ усопшихъ, и согласно этому символически выражаетъ собою пріобщеніе новобрачной къ семейному культу. Фюстель де-Куланжъ первый остановилъ вниманіе на сходствѣ греческаго свадебнаго ритуала съ римскимъ, сходствѣ, вызванномъ въ его глазахъ тѣмъ вліяніемъ, какое оказалъ на него общій обѣимъ народностямъ культъ предковъ. Греческій свадебный ритуалъ состоялъ, какъ извѣстно, изъ трехъ актовъ. Первый происходилъ передъ очагомъ отца невѣсты, третій у очага мужа, а второй состоялъ въ переходѣ отъ одного очага къ другому. Въ домѣ отца невѣсты происходитъ жертвоприношеніе. Оно совершается отцомъ семейства въ присутствіи всѣхъ членовъ послѣдняго, равно и жениха. Разъ богослуженіе окончено, отецъ семейства произноситъ сакраментальную формулу и объявляетъ

вмѣстѣ съ тѣмъ объ отдачѣ своей дочери замужъ. Это объявленіе считается необходимымъ условіемъ для совершенія брака: безъ него,—другими словами,—безъ предварительнаго освобожденія отъ связи съ семейнымъ очагомъ, невѣста не могла бы отправиться на поклоненіе очагу своего жениха. Чтобы получить доступъ къ новому культу, она должна быть предварительно освобождена отъ всякой связи съ прежнимъ.

Второй актъ при совершеніи свадьбы состоитъ въ слѣдующемъ. Невѣста переходитъ въ домъ жениха, при чемъ послѣдній нерѣдко самъ ведетъ ее въ свое жилище. Этотъ переходъ невѣсты окруженъ особою торжественностью и носитъ черты религіозной церемоніи. Послѣдній актъ, предписываемый свадебнымъ ритуаломъ, происходитъ уже въ домѣ жениха. Молодые приближаются къ очагу; другими словами—женихъ представляетъ своимъ домашнимъ богамъ свою будущую жену. Въ это время ее обливаютъ прозрачною, какъ струя, водою, при чемъ слѣдуетъ чтеніе извѣстныхъ молитвъ. За тѣмъ женихъ и невѣста съѣдаютъ вдвоемъ пирогъ или хлѣбъ, переломивши его предварительно пополамъ. Вся церемонія заканчивается жертвоприношеніемъ и молитвами.

Римскій бракъ, продолжаетъ Фюстель-де-Куланжъ, во многомъ напоминаетъ собою греческій и, подобно послѣднему, заключаетъ въ себѣ три религіозныхъ акта: traditio, domum deductio, confarreatio. Молодая дѣвушка покидаетъ домашній очагъ. Такъ какъ она связана съ нимъ не непосредственно, а лишь чрезъ посредство своего родителя, то послѣдній одинъ и имѣетъ право разорвать связь ея съ домашнимъ очагомъ путемъ совершенія акта выдачи невѣсты, другими словами—акта traditio.

Второй сценой является приведеніе невѣсты женихомъ въ его жилище, другими словами—domum deductio. О немъ я имѣлъ уже случай говорить прежде. Въ дополненіе къ сказанному я прибавлю лишь слѣдующія черты. Свадебный поѣздъ останавливается передъ домомъ жениха. Невѣстѣ подносятъ огонь и воду: огонь—символъ домашнихъ боговъ, вода—это та жидкость, которая служитъ при жертвоприношеніяхъ для совершенія религіозныхъ возліяній. Наконецъ, третья часть того же свадебнаго акта начинается съ того, что невѣсту сажаютъ близь домашняго

очага, вокругъ котораго сгруппированы пенаты и изображенія предковъ. Новобрачные совершаютъ жертвоприношеніе, точь въ точь, какъ въ Греціи. За жертвоприношеніемъ слѣдуетъ религіозное возліяніе, произнесеніе нѣкоторыхъ молитвъ и преломленіе тутъ же съѣдаемаго супругами пшеничнаго пирога (panis farreus).

Цѣль всѣхъ этихъ дѣйствій пріобщить невѣсту къ культу домашнихъ боговъ и сдѣлать тѣмъ самымъ возможнымъ религіозное общеніе супруговъ. Не даромъ же римскіе юристы опредѣляли бракъ слѣдующими словами: «Nuptiae sunt... divini atque humani juris communicatio».

Съ этими данными сблизимъ слѣдующія подробности изъ индусскаго свадебнаго ритуала, съ которыми такъ обстоятельно знакомитъ статья Гаса, помѣщенная въ 5 томѣ «Индійскихъ этюдовъ» Вебера. Изъ сопоставленія цѣлаго ряда стиховъ Ригъ-Веды и Атарва-Веды Гасъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно древнѣйшаго характера совершаемыхъ на свадьбѣ религіозныхъ обрядовъ. Производство жертвоприношеній, какъ въ домѣ родителей невѣсты, такъ и въ домѣ мужа, составляетъ необходимое условіе всякой закономъ дозволенной брачной формы. До прихода жениха въ домъ невѣсты зажигается большой костеръ при самомъ входѣ въ жилище и на немъ приносятся жертвы. Первымъ дѣломъ вошедшей подъ кровъ мужа жены также составляетъ жертвоприношеніе, очевидно, на очагѣ жениховыхъ предковъ, который трижды обходится невѣстой въ знакъ готовности ея пріобщиться къ культу ея новой семьи. Средній по времени свадебный актъ составляетъ близкое къ греческому и римскому domum deductio. Очевидно, смыслъ всего обряда у восточной вѣтви арійской семьи, какъ и у западной, одинъ и тотъ же. Это выраженное дѣйствіями желаніе невѣсты перейти отъ домашняго культа своей семьи къ культу мужа. Символомъ для выраженія этого желанія служитъ обхожденіе очага. Эта послѣдняя черта пріобрѣтаетъ тѣмъ большій интересъ, что мы находимъ ее у отдаленнѣйшихъ народовъ арійской семьи, не только въ сѣверной Германіи, въ которой, по словамъ Вейнгольда, троекратное обхожденіе очага молодою доселѣ не вышло изъ практики *), но и у такихъ оторванныхъ отъ общаго ствола

*) Weinhold, стр. 375.

народовъ арійской крови, какъ Курды или Осетины*). И въ средѣ Славянскихъ народностей этотъ извѣстный, повидимому, еще древнимъ аріямъ обычай удержался вплоть до нашихъ дней. Такъ въ Болгаріи по свѣдѣніямъ, собраннымъ Богишичемъ, невѣста, вошедши въ домъ мужа, считаетъ первой своей обязанностью присѣсть къ домашнему очагу и, поворачивая дрова, поддерживать тѣмъ самымъ пламя въ немъ. Въ Ликѣ троекратное обхожденіе вокругъ очага и троекратное преклоненіе предъ нимъ считаются необходимыми передъ выходомъ невѣсты изъ дома ея родителей. Тотъ же церемоніалъ совершается ею въ домѣ мужа и по отношенію къ его очагу.

Не упоминаю о совершеніи однохарактерныхъ обрядовъ и въ наше еще время въ южной Италіи, въ Абруццахъ, такъ какъ этотъ фактъ можетъ быть не болѣе какъ пережиткомъ древнеримской confarreatio **).

Любопытно то, что описанныя нами религіозныя формы заключенія брака, вызванныя установившимся съ теченіемъ времени культомъ предковъ, не вытѣсняютъ собою сразу старинныхъ символическихъ формъ его установленія, но осуществляются одновременно и рядомъ съ ними. Отсюда то симулированное похищеніе, какое долгое время продолжаетъ представлять собою римское domum deductio и однохарактерный съ нимъ актъ греческаго свадебнаго ритуала. Отсюда уцѣлѣвшіе слѣды умычки и купли—какъ въ германскихъ, такъ и въ славянскихъ свадебныхъ обрядахъ,—новое подтвержденіе тому, что ни одинъ самопроизвольно развившійся обычай не исчезаетъ вполнѣ и безслѣдно, и что обломки давно прожитыхъ уже стадій развитія продолжаютъ встрѣчаться и въ наши дни.

---

*) Егіазарьянцъ, Этнографическій очеръ Курдовъ Эриванской губерній, стр. 36.

Ковалевскій, Современный обычай и древній законъ, глава объ общественномъ устройствѣ осетинъ.

**) Почерпаю эти данныя изъ спеціальной монографіи объ обычаяхъ въ Абруццахъ, появившейся въ Италіи нѣсколько лѣтъ назадъ. Ею пользовался г. Цвѣтаевъ въ своихъ «Путевыхъ Замѣткахъ», напечатанныхъ въ «Вѣстн. Европы».

VII.

Различные виды дареній между лицами, вступающими въ бракъ, ихъ семьями и родами.

Въ настоящей главѣ я перейду къ изученію древнѣйшаго характера имущественныхъ отношеній между супругами. Этотъ отдѣлъ обнимаетъ собою изученіе цѣлаго ряда вопросовъ, изъ которыхъ раньше другихъ долженъ быть разсмотрѣнъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ возникало у жены отдѣльное отъ ея мужа состояніе, и каковы были составныя части этого послѣдняго.

Я имѣлъ уже случай замѣтить, что вступленіе въ бракъ сопровождалось обоюдными дареніями: съ одной стороны, женихъ одаривалъ невѣсту, съ другой—невѣста одаривала жениха. Мало того, подарки были дѣлаемы какъ родителями жениха или самимъ женихомъ семейству невѣсты, такъ и наоборотъ. Наконецъ, тамъ, гдѣ родовыя связи продолжали держаться съ большей или меньшей силою, тамъ къ полученію подарковъ призываемы были не только ближайшіе, но и отдаленные родственники той или другой стороны. Въ подтвержденіе этого я могъ бы привести цѣлый рядъ данныхъ, какъ этнологическихъ, такъ и историко-юридическихъ, но и немногихъ будетъ достаточно для моей ближайшей цѣли. Во всей внутренней Африкѣ, какъ видно изъ показаній Мунцингера, имѣютъ мѣсто подобныя даренія. Въ Китаѣ, говоритъ de Guignes, родители невѣсты и жениха до сихъ поръ обмѣниваются подарками. Въ средѣ арійскихъ народовъ мы одинаково можемъ указать на существованіе ихъ какъ у Германцевъ, о чемъ повѣствуетъ Тацитъ, такъ и у Славянъ, вос-

точныхъ и южныхъ. Въ доказательство послѣдняго достаточно привести фактъ обдариванія еще въ наше время въ средѣ мѣщанъ города Онеги отца, матери, брата, сестры и жены женихова брата невѣстой,—все это на деньги, доставленныя отчасти ея родителями, отчасти женихомъ, и его роднею. Послѣ же свадьбы слѣдуетъ обдариваніе и отдаленныхъ родственниковъ, обыкновенно вслѣдъ за возвращеніемъ изъ церкви *). Подобные приведенному факты разсыпаны въ изобиліи на страницахъ «Очерковъ семейныхъ отношеній по русскому обычному праву» г. Смирнова и читателю не трудно будетъ подкрѣпить ими высказанный мною взглядъ на всеобщую распространенность въ русскомъ быту обычая обоюднаго обдариванія семейства жениха семьей невѣсты и наоборотъ.

Въ сборникѣ Богишича и составленной на основаніи его монографіи Демелича о юго-славянскомъ правѣ, появившейся въ русскомъ переводѣ г. Гецевича, указано также не мало примѣровъ существованія въ современномъ быту южныхъ Славянъ обычая жениха и невѣсты, равно и родственниковъ ихъ, обмѣниваться подарками. Изъ этихъ фактовъ я напомню здѣсь только одинъ, а именно до сихъ поръ держащійся въ Сербіи обычай дарить отца невѣсты шубой, а брата ея сапогами. Подобные же подарки встрѣчаются и въ Индіи, на что имѣются прямыя указанія въ Яджнавалькіи (кн. 2, ст. 143) и Апастамбѣ (кн. 2, ст. 6, 14, 9).

Констатировавши фактъ всеобщей распространенности обычая обоюднаго обдариванія невѣстой жениха и женихомъ невѣсты, мы обратимся къ разсмотрѣнію вопроса, какое значеніе слѣдуетъ придавать этимъ подаркамъ. Въ моихъ глазахъ они не болѣе, какъ знаки взаимнаго расположенія производящихъ ихъ лицъ. Поэтому неудивительно, если они имѣютъ мѣсто и помимо заключенія брака, каждый разъ, когда два или нѣсколько человѣкъ желаютъ сблизиться и подружиться, установить меж-

---

*) Этотъ фактъ взятъ мною изъ «Матеріаловъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ.», собранныхъ г. Ефименко и помѣщенныхъ въ недавно появившемся 30 т. Трудовъ этнограф. отдѣла общества естествознанія въ Москвѣ (115 стр.).

ду собою то общеніе, какое мы встрѣчаемъ между членами югославянскихъ побратимствъ или въ отношеніяхъ такъ называемыхъ кунаковъ у горцевъ нашего Кавказа.

Не придавая свадебнымъ подаркамъ инаго значенія, кромѣ внѣшняго выраженія тѣхъ тѣсныхъ отношеній, какія заключеніе брака порождаетъ между семействомъ или родомъ жениха и семействомъ или родомъ невѣсты, я въ то же время считаю нужнымъ обратить вниманіе на два особые вида даренія, встрѣчаемые нами при заключеніи брака, — я разумѣю, съ одной стороны,—приданое, а съ другой,—утренній даръ. Какъ тотъ, такъ и другой подарокъ связаны въ одинаковой мѣрѣ съ древнѣйшими семейными обычаями различныхъ племенъ земнаго шара,—одинъ съ обычаемъ купли невѣсты женихомъ у ея родителей, другой—съ еще болѣе архаической системой отношеній между полами,—системой безпорядочнаго половаго общенія. Ихъ изученіе любопытно не потому лишь одному, что возникновеніе того и другаго тѣсно связано съ вымираніемъ архаическихъ отношеній половъ между собою, но и потому, что оба они представляютъ собою первичныя формы обособленнаго женскаго имущества, или такъ называемаго peculium. Изученіе имущественныхъ отношеній между супругами въ ранній періодъ гражданственности немыслимо поэтому безъ первоначальнаго, болѣе или менѣе основательнаго, изученія причинъ и хода возникновенія вышеназванныхъ формъ даренія, равно и характера предметовъ, издавна входившихъ въ ихъ составъ.

Прежде всего обращусь къ приданому. Первый вопросъ, представляющійся изслѣдователю причинъ и хода возникновенія института приданаго, есть вопросъ о томъ, когда возникъ этотъ институтъ. Въ нашей литературѣ мы встрѣчаемъ по этому вопросу два радикально противуположныхъ мнѣнія. Представителемъ одного изъ нихъ является Кавелинъ; представителемъ другаго Ефименко. Первый полагаетъ, что появленіе приданаго нельзя отнести не только къ эпохѣ похищенія, но даже и къ эпохѣ купли невѣстъ. Второй утверждаетъ, что купля невѣстъ и полученіе съ жениха приданаго легко уживаются вмѣстѣ. Обратимся къ разбору каждаго изъ этихъ мнѣній, и прежде всего мнѣнія г. Ефименко, послѣдователемъ котораго является и г. Смир-

новъ въ своихъ «Очеркахъ семейныхъ отношеній по русскому обычному праву».

Если мы вполнѣ поняли мотивировку, даваемую послѣдними двумя писателями факту существованія приданаго съ древнѣйшихъ временъ народной жизни, то намъ придется сказать, что ихъ положеніе опирается исключительно на аналогіи приданаго и калыма—съ одной стороны, съ подарками, дѣлаемыми обоюдно женихомъ невѣстѣ и родственниками обоихъ, — съ другой. «Не надобно забывать того, говоритъ г. Ефименко, что и до сихъ поръ у насъ дары и отдариванья, какъ между невѣстой и женихомъ, такъ и между ихъ родными, составляютъ характеристическую черту свадебныхъ обрядовъ, о чемъ говорится и въ пословицѣ: «подарки дарятъ — отдарковъ глядятъ». Если, полагаетъ далѣе г. Ефименко, признать куплю и приданое взаимно исключающими другъ друга фактами, какъ это дѣлаетъ г. Кавелинъ, то послѣдовательно нужно объявить явленіемъ, заключающимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, взаимные дары и отдариванія жениха и невѣсты и родственниковъ съ той и другой стороны *). Такова мотивировка, даваемая г. Ефименко, а за нимъ и г. Смирновымъ факту одновременнаго существованія приданаго и купли невѣсты. Не трудно согласиться, что она опирается исключительно на аналогію и что, слѣдовательно, для рѣшенія вопроса о томъ, на сколько убѣдительны представляемыя г. Ефименко соображенія, нужно прежде всего обратиться къ провѣркѣ правильности производства имъ самой аналогіи, другими словами—дать отвѣтъ на вопросъ: однохарактерны или нѣтъ сравниваемыя между собою явленія?

Въ началѣ настоящей главы я старался показать, что обоюдно дѣлаемые женихомъ и невѣстой, равно и ихъ родственниками подарки не имѣютъ никакого отношенія ни къ куплѣ невѣсты, ни къ приданому, что они неоднократно встрѣчаются и помимо заключенія брака и что цѣль ихъ—дать внѣшнее выраженіе дружескимъ отношеніямъ, въ какія вступаютъ между собою семьи жениха и невѣсты. Обоюдные подарки при праздно-

*) Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи, стр. 105.

ваніи свадьбы—это, выражаясь словами одного изъ гоголевскихъ героевъ, вещественные знаки невещественныхъ отношеній, въ которыя вступаютъ родители жениха съ родителями невѣсты. Если таковъ дѣйствительный характеръ свадебныхъ подарковъ, то спрашивается не то, почему же имъ и не быть обоюдными, а то, могутъ ли они не быть обоюдными? Въ самомъ дѣлѣ, разъ желаніе вступить въ дружескія отношенія возникаетъ одновременно въ двухъ различныхъ семействахъ, и это желаніе наглядно выражается въ передачѣ извѣстныхъ подарковъ, самая передача необходимо должна быть обоюдная—отъ невѣсты и ея семьи жениху и его родственникамъ и наоборотъ. Итакъ, въ фактѣ одновременнаго существованія свадебныхъ подарковъ со стороны невѣсты и жениха нѣтъ и не можетъ быть противорѣчія. Противорѣчивымъ и невозможнымъ было бы производство подарковъ съ одной стороны—все равно—со стороны ли жениха или со стороны невѣсты.

Допустивши необходимость обоюдности свадебныхъ подарковъ, мы тѣмъ самымъ подрываемъ возможность установленія какой бы то ни было аналогіи между совершенно разнохарактерными, какъ оказалось, взаимными подарками жениховой и невѣстиной родни, съ одной стороны, и существованіемъ приданаго съ куплею невѣсты — съ другой; а изъ этого слѣдуетъ само собою, что представляемая г. Ефименко мотивировка опирается исключительно на недоразумѣніи.

Итакъ, вопросъ остается открытымъ, примиримо ли одновременное существованіе купли невѣсты и приданаго или нѣтъ. Г. Кавелинъ, сказали мы, думаетъ, что непримиримо, и опираетъ свое мнѣніе на слѣдующія положенія, повидимому, неопровержимыя послѣ только-что представленной нами критики теоріи г. Ефименко. «Трудно, говоритъ онъ, представить себѣ, какимъ образомъ родственники невѣсты, съ одной стороны, надѣляли ее (приданымъ), а съ другой—получали плату за нее. Это было бы чѣмъ то такимъ искусственнымъ, чего простымъ, здравымъ разсудкомъ, котораго такъ много у каждаго неразвитаго народа, понять нельзя, да и нельзя выдумать». Въ свою очередь, мы прибавимъ къ этимъ соображеніямъ еще слѣдующее. Все, что было сказано о положеніи женщины въ ранній

періодъ общественной жизни, могло убѣдить читателя, что въ періодъ широкаго распространенія купли невѣсты женщина не пользуется правами личности, а является вещью, т. е. такимъ же объектомъ имущественнаго права, какимъ можетъ быть всякая движимость: одежда, оружіе, рабъ, скотъ и т. д. Ее продаютъ, перепродаютъ, дарятъ, закладываютъ, истребляютъ на могилѣ покойнаго супруга вмѣстѣ съ остальнымъ оставленнымъ имъ имуществомъ. Спрашивается, примиримо ли все это съ обезпеченіемъ ея приданымъ со стороны ея родителей? Если женщина — имущество, то можно ли допустить, что за уступку этого имущества той семьей, которой оно принадлежитъ, послѣдняя еще призвана будетъ къ производству новыхъ имущественныхъ затратъ? Очевидно, нѣтъ. Такое предположеніе грѣшило бы противъ здраваго смысла, и потому не можетъ быть допущено. Заключая въ себѣ внутреннее противорѣчіе, ученіе объ одновременномъ возникновеніи купли и приданаго независимо другъ отъ друга находитъ еще рѣшительное опроверженіе въ области положительныхъ фактовъ. Дѣло въ томъ, что намъ не трудно указать на цѣлый рядъ народностей, у которыхъ при существованіи умычки и купли невѣстъ нѣтъ и помину о приданомъ. Достаточно для этого сослаться лишь на тѣ данныя, которыя приведены были Постомъ въ его «Исходныхъ моментахъ въ развитіи государственной и правовой жизни» *). У Бареа и Кунама внутренней Африки, судя по показаніямъ Мунцингера, отецъ ничего не даетъ въ приданое за своею дочерью. То же имѣетъ мѣсто въ Монголіи и Китаѣ, какъ видно изъ показаній De Guignes.

Спрашивается, какъ примирить, однако, съ этими фактами цѣлый рядъ другихъ, основанныхъ на столь же неоспоримыхъ свидѣтельствахъ, и не оставляющихъ въ то же время ни малѣйшаго сомнѣнія въ одновременномъ существованіи у многихъ племенъ купли невѣсты и приданаго. Эти факты собраны г. Ефименко и заимствованы у него г. Смирновымъ. Дальнѣйшимъ попыткамъ объясненія причинъ и хода возникновенія приданаго я предпошлю буквальное приведеніе ихъ изъ сочиненій назван-

*) Post. Ursprung, стр. 54.

ныхъ писателей: «Инородцы Архангельской губерніи, говоритъ г. Ефименко, Самоѣды, Лопари, Корелы и Зыряне, наряду съ куплей невѣстъ знаютъ и приданое. У Киргизовъ отецъ, продавая дочь, тѣмъ не менѣе даетъ за нею подарки вродѣ приданаго. Это называется инеикельгенъ-джасау, т. е. принесенное изъ дому отца. Остяки также даютъ за своими дочерьми приданое, несмотря на то, что продаютъ ихъ женихамъ». Въ свою очередь Васильевъ, авторъ статьи, озаглавленной «Сличеніе индійскихъ законовъ Ману о бракѣ съ брачными обычаями Славянъ», указываетъ на одновременное существованіе купли невѣсты и приданаго у Самоѣдовъ, Черемисовъ и Чувашей *). Изъ славянскихъ народовъ Морлаки, живущіе въ Далмаціи, а также и Словенцы,—какъ видно изъ данныхъ, собранныхъ Богишичемъ,—покупаютъ невѣстъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ за ними приданое. То же приходится сказать о Герцеговинцахъ и Черногорцахъ, у которыхъ новѣйшія изслѣдованія того же писателя обнаружили существованіе приданаго одновременно съ калымомъ, вопреки утвержденіямъ Е. П. Ковалевскаго. Въ Архангельской губерніи, замѣчаетъ въ свою очередь Ефименко, гдѣ, какъ, напр., въ Устцыльмѣ, невѣстъ до сихъ поръ покупаютъ по всѣмъ правиламъ торга, приданое всетаки идетъ за невѣстой. И въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, прибавляетъ онъ, вмѣстѣ съ кладкой или калымомъ жениха бываетъ уговоръ и о приданомъ». Вотъ, кажется, не мало данныхъ въ пользу признанія одновременнаго существованія купли невѣсты и приданаго.

Спрашивается, какъ примирить это съ вышеприведеннымъ и, кажется, довольно обстоятельно обоснованнымъ положеніемъ полнаго отсутствія приданаго на низшихъ ступеняхъ гражданственности? Очевидно, первымъ шагомъ къ примиренію этого только видимаго противорѣчія будетъ признаніе факта поздняго возникновенія приданаго въ эпоху постепеннаго вымиранія обычая покупать невѣстъ. Но этимъ объясненіемъ далеко не устраняются еще всѣ недоразумѣнія. Если и допустить фактъ позднѣйшаго по времени возникновенія прида-

*) „Кіевскія Унив. Изв.“, 67 г., № 12, стр. 10.

наго, то остается еще не рѣшеннымъ вопросъ, какъ произошло это послѣднее, развился ли институтъ приданаго независимо отъ вымиранія архаической купли невѣстъ, или же эта послѣдняя уступила только мало по малу мѣсто установленію приданаго въ пользу невѣсты. Признавая доказаннымъ первое предположеніе, т. е. возникновеніе приданаго независимо отъ купли невѣсты, мы невольно впадаемъ въ противорѣчіе съ обоснованнымъ нами же положеніемъ, что въ періодъ купли невѣсты на женщину смотрѣли, какъ на объектъ имущественныхъ отношеній. Нельзя вѣдь одновременно продавать женщину и надѣлять ее приданымъ. Чтобы послѣднее могло имѣть мѣсто, нужно, чтобы купля не имѣла болѣе инаго характера, кромѣ символическаго, и поступающая при совершеніи ея плата за невѣсту только временно оставалась въ рукахъ родителя съ тѣмъ, чтобы поступить затѣмъ вполнѣ или отчасти во владѣніе самой невѣсты. Въ предшествующей главѣ мы видѣли, что по мѣрѣ возвышенія женщины до положенія субъекта правовыхъ отношеній необходимо происходитъ и постепенное приниженіе акта купли невѣсты до символическаго обряда. Родителю ея платится либо пустякъ, либо передаваемыя ему вещи и деньги принимаются имъ лишь для дальнѣйшей передачи ихъ невѣстѣ. Примѣры такой передачи встрѣчаются и до сихъ поръ, такъ напр., въ Енисейской губерніи, въ которой въ день бракосочетанія жениховъ дружка подноситъ сидящему возлѣ невѣсты коснику (продающему косу невѣсты) стаканъ пива и сыплетъ ему на подносъ деньги. Тогда послѣдній встаетъ, передаетъ деньги невѣстѣ и удаляется *).

Даваемое нами объясненіе постепеннаго возникновенія приданаго, по мѣрѣ вымиранія купли невѣсты, путемъ передачи ей родителемъ части или всего сдѣланнаго за нее взноса, имѣетъ на своей сторонѣ еще то преимущество, что ни мало не заставляетъ насъ видѣть въ приданомъ какой-то новый институтъ, являющійся неизвѣстно откуда, а напротивъ того, не болѣе, какъ результатъ самопроизвольнаго вымиранія древняго калыма.

Высказавши нашъ взглядъ на дѣйствительный источникъ про-

*) Смирновъ, стр. 181.

исхожденія института приданаго, постараемся подкрѣпить его нѣкоторыми данными изъ исторіи законодательствъ передовыхъ народовъ Азіи и Европы.

Переходъ калыма въ приданое весьма опредѣленно выступаетъ въ исторіи еврейскаго права. Мы видѣли уже, что Евреямъ въ древности было извѣстно заключеніе брака путемъ купли. Часть платимаго женихомъ калыма несомнѣнно поступаетъ съ древнѣйшихъ временъ въ руки невѣсты. На это мы имѣемъ косвенныя указанія въ цѣломъ рядѣ текстовъ книги Бытія. Въ гл. 31 этой книги мы встрѣчаемъ слѣдующій разсказъ. Въ силу состоявшагося между Іаковомъ и Лаваномъ соглашенія, о которомъ повѣствуется въ гл. 30 книги Бытія, Іаковъ получилъ право присвоивать себѣ сперва нарождавшихся пестрыхъ овецъ и козлятъ, и затѣмъ овецъ и козлятъ съ крапинами. Случилось такъ, что въ теченіи ряда лѣтъ приплодъ отъ лавановыхъ стадъ поголовно былъ какъ разъ того цвѣта, какой нуженъ былъ Іакову. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ послѣдній разбогатѣлъ. Глава 31-я начинается разсказомъ о томъ, что на Іакова возроптали сыны Лавановы, говоря: Іаковъ завладѣлъ всѣмъ, что было у отца нашего. Въ виду этихъ нападокъ, Рахиль и Лія считаютъ себя вправѣ сдѣлать (посланному къ Іакову ангелу) слѣдующее заявленіе: есть-ли наша доля и наслѣдство въ домѣ отца нашего? Не за чужихъ ли онъ насъ почитаетъ? ибо онъ продалъ насъ и съѣлъ серебро наше» (въ Вульгатѣ» devoratione absorbuit argentum nostrum»). Комментируя это мѣсто, Майеръ—авторъ извѣстнаго трактата «О правѣ Израильтянъ, Аѳинянъ и Римлянъ», справедливо замѣчаетъ, что въ немъ слѣдуетъ видѣть указаніе на предоставленіе невѣстѣ ея родителемъ части уплачиваемаго женихомъ калыма, или вѣна. Иначе, дѣйствительно, не было бы женамъ Іакова основанія жаловаться на то, что отецъ ихъ присвоилъ себѣ или, буквально, съѣлъ уплаченный ему argentum.

Другихъ формъ даренія въ пользу невѣсты, кромѣ только-что указаннаго выдѣленія части калыма, древнѣйшее еврейское право не знаетъ, а между тѣмъ, у юридическихъ писателей эпохи, слѣдующей за возвращеніемъ изъ Вавилонскаго плѣненія, институтъ приданаго (извѣстнаго подъ наименованіемъ недуніа) является уже вполнѣ сложившимся, и между законодателями воз-

никаютъ даже пререканія по поводу того, имѣетъ ли женихъ право отказаться отъ невѣсты, а мужъ разойтись съ женою въ случаѣ неуплаты обѣщаннаго родителями приданаго, или нѣтъ *). Въ пользу высказываемаго здѣсь взгляда я могу привесть еще слѣдующее соображеніе.

Древнѣйшее еврейское право не знаетъ наслѣдованія дочерей при оставленіи покойникомъ прямыхъ нисходящихъ мужескаго пола, т. е. сыновей **). При такихъ условіяхъ трудно было бы ожидать отъ него какихъ либо предписаній или даже просто дозволенія надѣлять выходящую замужъ дѣвушку изъ имущества ея семейства. Не даромъ же Рахиль и Лія жалуются на то, что не имѣютъ доли и наслѣдства въ имуществѣ ихъ отца (по выходѣ ихъ уже замужъ) и обвиняютъ послѣдняго лишь въ томъ, что онъ присвоилъ всецѣло въ свою пользу выплаченный за нихъ Іаковомъ калымъ.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы признаемъ происхожденіе у Іудеевъ приданаго путемъ выдѣленія отцомъ невѣстѣ части уплаченнаго за нее калыма.

Говоря это, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы составъ приданаго являлся необходимо однохарактернымъ съ составомъ калыма. Отецъ невѣсты легко могъ произвесть уплату ей части послѣдняго совершенно другимъ имуществомъ, и, судя по тѣмъ даннымъ, которыя сообщаетъ намъ книга Бытія, обыкновенно давалъ въ приданое за дочерью тѣхъ или другихъ рабынь, такъ, наприм., за Саррой Агарь, за Ревеккой Девору и т. д. Легко можетъ статься, что въ приданое шли и другіе предметы движимой собственности и прежде всего одежда. Во всякомъ случаѣ нужно замѣтить, что выдача въ приданое той или другой недвижимой собственности была строго запрещена Моисеевымъ законодательствомъ.

Отъ Евреевъ перейдемъ къ народамъ мусульманскаго міра. Заключеніе брака у мусульманъ сопровождается платежемъ со стороны жениха такъ называемаго «mehr». Подобно Унгеру, я признаю въ мусульманскомъ mehr двойной характеръ, — съ

*) См. Mayer. Die Rechte der Israeliten, Athenern und Römer, II Bd., стр. 343, примѣч. 1.

**) См. Mayer, § 225, и Michaelis, § 18.

одной стороны, характеръ калыма, съ другой—приданаго. Въ Гедаѣ, одномъ изъ важнѣйшихъ комментаріевъ мусульманскаго (ганефитскаго) права, о mehr'ѣ прямо говорится, какъ о платѣ родителямъ невѣсты, платѣ, часть которой употребляема была или на закупку послѣдней приданаго. Нагляднымъ подтвержденіемъ высказаннаго взгляда о возникновеніи приданаго и въ средѣ мусульманскихъ народовъ изъ части платимаго женихомъ калыма служитъ встрѣчающійся еще въ наше время между Татарами Казанской губерніи обычай «дѣлать дочери приданое на деньги, полученныя родителемъ ея съ жениха»; — объ этомъ обычаѣ говоритъ намъ анонимный авторъ любопытнаго очерка «Народные обычаи у Татаръ Казанской губерніи», помѣщеннаго въ «Трудахъ Казанск. Статистич. Комитета» за 69 годъ.

Приданое, говорится въ этой статьѣ, дѣлается родителями невѣсты на деньги, полученныя съ жениха. Оно составляетъ собственность жены, и никто—ни мужъ, ни родственники его—не имѣютъ на него никакого права. По смерти жены, при ея бездѣтности приданое поступаетъ къ ея родителямъ и родственникамъ, вообще къ тому семейству, изъ котораго она была взята. Но если послѣ нея останутся дѣти, то оно составляетъ ихъ собственность.

Переходя къ арійскимъ народамъ, я остановлюсь прежде всего на изученіи нормъ русскаго обычнаго права, такъ какъ полагаю, что въ послѣднемъ сохранилось наибольшее число данныхъ въ пользу признанія факта возникновенія приданаго изъ калыма. Эти факты, впрочемъ, далеко не такъ рѣшительны, какъ приведенные нами выше. Ни одинъ изъ нихъ не является нагляднымъ проявленіемъ самаго процесса перехода калыма въ приданое. Они даютъ лишь косвенное доказательство тому, что послѣднее на первыхъ порахъ было не болѣе, какъ частью перваго, указывая, что съ измѣненіемъ въ размѣрѣ одного соотвѣтственно увеличивался или уменьшался размѣръ другаго. «Сторона невѣсты, говоритъ г. Ефименко, издавна старалась дать приданое соотвѣтственно цѣнѣ, даваемой за невѣсту. До сихъ поръ у крестьянъ принято за правило давать большее или меньшее приданое, смотря по состоянію жениха, которое свидѣтельствуется родителями невѣсты на такъ называемыхъ жиросмотринахъ». А у нѣкото-

рыхъ инородцевъ нашей губерніи, продолжаетъ тотъ же писатель, напр., Корелъ и Самоѣдовъ, на опредѣленное количество калыма дается опредѣленное же количество приданаго. То же наблюдается и у инородцевъ другихъ губерній, напр., у Татаръ, Черемисъ, Чувашей и Вотяковъ Казанской губерніи». Мы сопоставили эти данныя съ данными относительно славянскаго населенія Архангельской губ. лишь для того, чтобы дать надлежащее освѣщеніе вышеприведенному предписанію о соотвѣтствіи приданаго имущественному взносу жениха. Это соотвѣтствіе, очевидно, соблюдается обычаемъ славянскаго населенія по той же причинѣ, по какой оно имѣетъ мѣсто и въ средѣ инородцевъ, я разумѣю возможность ассигнованія родителемъ невѣстѣ большаго или меньшаго приданаго, смотря по величинѣ полученнаго калыма.

Представленныя соображенія даютъ возможность научной провѣрки тѣхъ интерпретацій, какія въ разное время даны были русскими историками Несторову свидѣтельству о брачныхъ обычаяхъ восточныхъ Славянъ. Извѣстно, что эти послѣдніе въ эпоху Нестора были различны у разныхъ племенъ. Умычка встрѣчалась рядомъ съ куплей, а послѣдняя, если судить по показаніямъ лѣтописца, «не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а за утро приношаху по ней, что вдадуче», у нѣкоторыхъ племенъ успѣла уже уступить мѣсто установленію приданаго. Что въ приведенномъ текстѣ Несторовой лѣтописи «за утро, или завтра, приношаху по ней что вдадуче» слѣдуетъ видѣть не уплату калыма, какъ думаетъ Бестужевъ-Рюминъ, а приношеніе родителями приданаго, это доказывается уже тѣмъ, что у насъ выраженіе «приносить», какъ справедливо замѣчаетъ г. Смирновъ, и въ юридическихъ актахъ прошлаго, и въ современныхъ намъ судебныхъ рѣшеніяхъ нѣкоторыхъ волостныхъ судовъ, всегда употребляется, когда дѣло идетъ о приданомъ; такъ въ одномъ изъ древнихъ двинскихъ актовъ встрѣчается выраженіе: «полдеревни... приносу матери его». И въ настоящее время, замѣчаетъ г. Смирновъ, можно встрѣтить подобныя выраженія, напр., въ рѣшеніи одного волостнаго суда исчисляется имущество «принесенное», какъ сказано въ немъ, женою въ домъ мужа при выходѣ ея въ заму-

жество: корова, двѣ овцы, 5 куръ, ржи 5 четвериковъ и крупъ 1 четверикъ. Замѣтимъ также, что въ Литовскомъ Статутѣ русское названіе для приданаго есть «внесенные», названіе, встрѣчающееся и донынѣ въ рѣшеніяхъ нѣкоторыхъ волостныхъ судовъ.

Что приводимый текстъ Несторовой лѣтописи долженъ быть истолковываемъ, какъ заключающій въ себѣ свидѣтельство о существованіи приданаго, это, съ другой стороны, слѣдуетъ изъ того, что выраженіе «что вдадуче» имѣетъ тѣсную связь съ словами, обозначающими приданое: данье, данница, на что и указываетъ съ полнымъ основаніемъ г. Ефименко въ упомянутой уже не разъ монографіи о приданомъ.

Нѣкоторое указаніе на развитіе приданаго изъ калыма даетъ намъ и тотъ фактъ, что въ позднѣйшихъ по времени памятникахъ русскаго права приданое, какъ указываетъ Шпилевскій, называется тѣмъ же терминомъ, какимъ нѣкогда обозначаемъ былъ калымъ, я разумѣю терминъ «вѣно». Въ томъ же смыслѣ употребляется терминъ «вѣно» и у Чеховъ, какъ видно изъ показаній Андрея изъ Дуба; тогда какъ въ Польшѣ издавна приданое обозначалось особымъ наименованіемъ posag.

Рѣшительное подтвержденіе защищаемому взгляду образованія приданаго изъ платы за невѣсту даетъ древне-кельтическое право, насколько оно извѣстно намъ изъ трактатовъ ирландскихъ Брегоновъ. Прямое постановленіе на этотъ счетъ заключаетъ въ себѣ одинъ изъ тѣхъ короткихъ трактатовъ, которые помѣщены въ IV т. правительственнаго сборника; онъ извѣстенъ подъ наименованіемъ «Разсужденіе о законномъ завладѣніи». Въ трактатѣ этомъ прямо говорится о раздѣлѣ брачнаго подарка, дѣлаемаго женихомъ, между невѣстою и ея отцомъ, а въ случаѣ кончины послѣдняго главою того кровнаго сообщества, къ которому она принадлежитъ. Законъ грозитъ лишить невѣсту приданаго въ пользу ея отца, въ случаѣ утайки отъ него самаго факта полученія *) послѣдняго отъ жениха.

---

*) The case of a woman, with whom the nuptial present of a married woman is given... There are three covenants entered into by the Feini

Что касается до германцевъ, то XXIII глава Тацита говоритъ о принесеніи приданаго женою мужу, мужемъ женѣ. Варварскія правды восполняютъ эти отрывочныя указанія римскаго писателя, говоря о раздѣлѣ производимаго женихомъ взноса между невѣстою и ея роднею.

Въ англо-саксонскомъ правѣ, насколько можно судить изъ нѣкоторыхъ грамотъ, напечатанныхъ Кэмблемъ, плата за невѣсту въ VIII и IX столѣтіяхъ поступаетъ уже всецѣло въ ея пользу *).

Другое дѣло въ лонгобардскомъ или саксонскомъ, въ которыхъ оно всецѣло остается въ рукахъ мундоальда или того лица, которое является въ силу родства законнымъ попечителемъ дѣвушки.

Если англо-саксонское право представляетъ конечный моментъ развитія приданаго изъ платы за невѣсту, то послѣднія два въ такой же мѣрѣ представляются исходными моментами въ томъ же процессѣ. Промежуточныя стадіи занимаетъ, напр., бургундское право, въ которомъ плата за невѣсту или wittemo поступаетъ всецѣло въ ея пользу только при заключеніи ею третьяго брака. Выходя впервые въ замужество, невѣста пріобрѣтаетъ право только на одну треть wittemo; остальныя же двѣ достаются ея родственникамъ со стороны матери. При вторичномъ бракѣ все wittemo поступаетъ въ родъ ея покойнаго мужа, такъ какъ сама невѣста разсматривается собственностью послѣдняго. Точно также и въ лонгобардскомъ правѣ, начиная съ VII столѣтія, дѣлаемый женихомъ платежъ поступаетъ уже въ раздѣлъ между мундоальдомъ, удерживающимъ въ своихъ рукахъ задатокъ, и вступающей въ бракъ дѣвушкой. Слѣдомъ происхожденія приданаго изъ платы за невѣсту въ позднѣйшемъ даже правѣ

---

which the parties who have claims dissolve—that of a woman to whom a nuptial present is given, if concealed from her father, if concealed from the father, it is to the father alone this nuptial present is due... Half of each first nuptial present of every woman is due to the head of her tribe, if married after the death of her father... (Anc. L. т. IV, стр. 59, 61, и 63).

*) См. The anglo-saxon family law, статья Эрнеста Юнга въ Essays on anglo-saxon Law, стр. 143.

франковъ является всецѣлое поступленіе въ руки ея родителя или попечителя платимаго при сговорѣ задатка *).

Но если приданое и имѣетъ, какъ видно изъ ряда вышеприведенныхъ фактовъ, ближайшимъ источникомъ своего происхожденія обычай покупать невѣстъ, то остается еще выяснить вопросъ о томъ, почему въ позднѣйшемъ правѣ оно приносится не женихомъ невѣстѣ, а наоборотъ, невѣстою жениху. Съ тѣмъ характеромъ, съ какимъ извѣстенъ намъ этотъ институтъ, приданое является, съ одной стороны, наслѣдникомъ старинной платы за невѣсту, а, съ другой, современнымъ представителемъ тѣхъ подарковъ, какіе по случаю брака приносимы были невѣстиной роднею въ пользу новобрачной. О нихъ упоминаетъ уже Тацитъ въ XVIII главѣ своей «Германіи», говоря о принесеніи невѣстой мужу чего либо изъ оружія. Съ того момента, когда купля невѣсты окончательно вышла изъ употребленія, момента, который по отношенію къ нѣкоторымъ законодательствамъ можетъ быть даже установленъ съ относительной хронологической точностью, въ виду попадающихся въ нихъ запрещеній на этотъ счетъ **), приданое, какъ платежъ, дѣлаемый женихомъ, должно было прекратить свое существованіе. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы другая сторона того же обыкновенія, я разумѣю затрату невѣстиной роднею всего или части платимаго за нее вѣна, на пріобрѣтеніе въ ея пользу тѣхъ или другихъ цѣнностей: одежды, рабынь, скота, не могла удержаться на практикѣ. Эти подарки, замѣнявшіе для дочери выдѣлъ изъ отцовскаго имущества, слились со временемъ воедино съ тѣми, какіе дѣлаемы были невѣстой изъ отцовскаго имущества въ пользу ея жениха. Въ результатѣ получилось установленіе приданаго, какъ платежа, дѣлаемаго невѣстѣ и черезъ ея посредство ея мужу той семьею, въ которой она родилась и выросла. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ оба элемента, изъ которыхъ развился институтъ приданаго, сохраняютъ еще обособленное существованіе. Это можетъ быть сказано въ частности по отношенію къ русскому обычному праву, въ которомъ, наряду съ предбрачнымъ взно-

*) См. Weinhold, die deutschen Frauen, 1882, т. I, стр. 325.

**) Такое запрещеніе мы встрѣчаемъ напр. въ законахъ Канута, II, 74.

сомъ, дѣлаемымъ женихомъ и его роднею на наряды для невѣсты и на свадебные расходы, мы встрѣчаемъ и приданое или надѣлокъ, съ характеромъ платежа, дѣлаемаго невѣстѣ ея роднею и своимъ размѣромъ обыкновенно отвѣчающимъ тому выдѣлу, на какой она вправѣ разсчитывать въ случаѣ смерти ея родителя *).

Въ числѣ подарковъ, производимыхъ по случаю заключенія брака, встрѣчается, если не у всѣхъ, то у цѣлаго ряда народностей, не рѣдко не связанныхъ между собою ни племенною, ни религіозной связью, особый видъ утренняго дара, другими словами дара, дѣлаемаго мужемъ женѣ на слѣдующій день по заключеніи брака. Съ существованіемъ этого вида даренія большинство историковъ и юристовъ знакомы на основаніи одного лишь германскаго права, почему обыкновенно и называютъ его нѣмецкимъ наименованіемъ morgengabe (т. е. буквально утренній даръ) **).

Изучая институтъ утренняго дара у однихъ германскихъ народовъ, историки юристы легко могли остановиться на мысли о существованіи нѣкоторой таинственной связи между духомъ германскаго народа и будто бы вызваннымъ имъ къ жизни видомъ даренія между супругами въ утро, слѣдующее за осуществленіемъ цѣли брака.

Чтобы показать несостоятельность такого объясненія и тѣмъ самымъ очистить путь къ научному толкованію причинъ и процесса возникновенія утренняго дара, мы поставлены будемъ въ необходимость обратиться къ констатированію факта существованія послѣдняго у цѣлаго ряда разноплеменныхъ народностей, общественное развитіе которыхъ совершалось внѣ сферы вліянія германскаго права или же лишь при слабомъ воздѣйствіи послѣдняго. Какъ всякое другое явленіе правовой жизни, утренній даръ имѣетъ свою исторію. Форма его проявленія не оставалась одной и той же въ теченіи вѣковъ, но подвергалась тѣмъ или другимъ измѣненіямъ по мѣрѣ развитія того процесса, который, какъ въ сферѣ семейныхъ, такъ и имущественныхъ и всѣхъ

---

*) Пахманъ, Обычное гражданское право въ Россіи, стр. 60 и 68.
**) Сравни Weinhold, стр. 270.

другихъ общественныхъ отношеній мы привыкли называть процессомъ дифференціаціи, или обособленія. Находя въ законодательствѣ того или другого племени слѣды существованія института моргенгабе въ той или другой стадіи его развитія и не зная, какимъ видоизмѣненіямъ подвергается послѣдній въ процессѣ своего медленнаго и самопроизвольнаго вымиранія, мы легко можемъ, по примѣру другихъ изслѣдователей, обойти молчаніемъ или неправильно освѣтить тѣ или другія свидѣтельства въ пользу признанія его существованія у того или другаго народа. Вотъ почему я считаю не лишнимъ предпослать констатированію фактовъ существованія моргенгабе у различныхъ народностей земнаго шара, изученіе разнообразныхъ видовъ его у нѣмецкихъ племенъ, юридическіе памятники которыхъ заключаютъ въ себѣ наибольшее число данныхъ для обстоятельнаго разслѣдованія вопроса объ историческомъ преемствѣ между различными его формами.

Памятники, изъ которыхъ мы въ состояніи почерпнуть свѣдѣнія о характерѣ и источникѣ возникновенія института утренняго дара у германцевъ, обыкновенно обходятъ молчаніемъ цѣль производства его женихомъ. Ихъ задача не опредѣлить время и способъ передачи мужемъ этого дара своей женѣ, а ограничить размѣръ самаго подарка и указать природу входящихъ въ его составъ предметовъ. Поэтому, если мы желаемъ выяснить себѣ сколько-нибудь характеръ института моргенгабе, намъ необходимо прежде всего собрать воедино тѣ черты, которыми памятники обставляютъ этотъ видъ даренія между супругами, а затѣмъ, уже заключая о самой природѣ института на основаніи тѣхъ особенностей, которыя приписываютъ ему юридическіе памятники, постараться вывести извѣстное заключеніе насчетъ источника его возникновенія и первоначальнаго характера.

Прямое указаніе на природу изучаемаго института содержитъ въ себѣ одинъ лишь англо-саксонскій законодательный эксцерптъ, время составленія котораго должно быть отнесено, по мнѣнію Шмида, къ періоду царствованія въ Англіи Ательстана или Эдмунда. Этотъ эксцерптъ озаглавленъ въ англо-саксонскомъ текстѣ «Be wifmannes beweddunge», въ латинской рукописи «De sponsalibu contrahendis». Въ этомъ эксцерптѣ утренній

даръ названъ «fosterleanum». § 3-й постановляетъ слѣдующее на счетъ порядка производства предварительнаго уговора о его уплатѣ съ родителями жены. «Postea dicat bridguma, id est sponsus, quid ei dare disponat, cur ejus eligat voluntatem»*).

Сопоставляя этотъ текстъ съ позднѣйшими правилами Саксонскаго и Швабскаго зерцала о времени и порядкѣ совершенія утренняго дара, равно и нѣкоторыхъ баварскихъ, австрійскихъ и швейцарскихъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ постановленій, заключающихъ въ себѣ кодификацію дѣйствующихъ въ предѣлахъ того или другаго округа юридическихъ обычаевъ и формъ (такъ назыв. öffnungen),—мы приходимъ къ заключенію, что желаніе мужа, о которомъ говорится въ вышеприведенныхъ источникахъ и выполненіе котораго новобрачной ведетъ къ уплатѣ ей утренняго дара, состояла въ отдачѣ ею дѣвственности, и что, слѣдовательно, моргенгабе была не болѣе, какъ вознагражденіемъ за утрату послѣдней. Въ самомъ дѣлѣ, что предписываютъ на счетъ времени и порядка производства утренняго дара различные памятники германскаго обычнаго права? Въ англо-саксонскихъ грамотахъ мы встрѣчаемъ неоднократныя указанія на уплату мужемъ женѣ утренняго дара вслѣдъ за проведеніемъ съ нею первой брачной ночи. Въ одной грамотѣ, помѣщенной Кембелемъ подъ № 967 его «Codex Diplomaticus aevi saxonici», мужъ объясняетъ, что передалъ своей женѣ въ утренній даръ цѣлый рядъ поименованныхъ въ грамотѣ предметовъ, при чемъ прибавлено, что эта передача имѣла мѣсто, когда они «впервые сблизились». Въ другой грамотѣ того же сборника, помѣщенной за № 328, говорится объ одной женщинѣ, что она получила свой утренній даръ въ первый день своего сожительства съ мужемъ (Атольтомъ).

Въ позднѣйшихъ по времени составленія сборникахъ германскаго обычнаго права и прежде всего въ Саксонскомъ и Швабскомъ зерцалахъ содержатся многочисленныя указанія насчетъ передачи мужемъ morgengabe въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью. Саксонское зерцало **), постановляетъ буквально слѣ-

*) Schmid, стр. 393.

**) Книга I, ст. 26 § 1 (я пользуюсь извѣстнымъ изданіемъ Гомейра, стр. 176.

дующее. «Послушайте теперь, что можетъ человѣкъ рыцарскаго происхожденія дать своей женѣ въ утренній даръ. Утромъ, идя съ женою къ столу для вкушенія пищи, буде онъ обѣщалъ одарить ее, мужъ можетъ дать ей раба или рабыню совершеннолѣтнихъ, или обгороженное жилище, или выгоняемый въ поле скотъ».

Почти тѣми же словами говоритъ о morgengabe и Швабское зерцало, постановляя, что передача дара должна имѣть мѣсто утромъ около постели (an dem Bette), или когда мужъ идетъ со своею женою къ столу или, наконецъ, во время самаго вкушенія съ нею пищи *).

Мнѣ еще не разъ придется обращаться къ толкованію только что приведенныхъ текстовъ Саксонскаго и Швабскаго зерцалъ. Въ настоящее время я бы просилъ обратить вниманіе лишь на одинъ изъ упоминаемыхъ въ обоихъ пунктовъ, именно—на время совершенія самаго даренія утромъ вслѣдъ за первой брачной ночью у самой постели и во всякомъ случаѣ прежде вкушенія супругами совмѣстно какой бы то ни было пищи. Культурно-историческое значеніе, какое имѣетъ эта сторона въ институтѣ моргенгабе, выяснится сама собою при сопоставленіи ея съ другими характеристическими чертами изучаемаго нами вида даренія между супругами,—чертами, знакомство съ которыми доставитъ намъ анализъ другихъ юридическихъ текстовъ, относящихся къ занимающему насъ вопросу. Эти тексты встрѣчаются въ изобиліи въ общинныхъ распорядкахъ (öffnungen) Швейцаріи, Баваріи, Бадена и Австріи. Я приведу сперва самые тексты, а затѣмъ перейду къ ихъ интерпретаціи.

Въ грамотѣ села Мюнх-Алторфъ, составленной въ 1439 г. и признанной городскимъ управленіемъ Цюриха, отъ котораго зависѣло самое село, мы встрѣчаемъ въ § 39 слѣдующее распоряженіе: бургомистръ и совѣтъ города постановили: «мужъ имѣетъ право сдѣлать утренній подарокъ своей женѣ, буде послѣдняя, — сказано въ текстѣ, — до вступленія въ бракъ была дѣвушкой (ein Tochter). Этотъ подарокъ имѣетъ мѣсто въ первую же брачную ночь, когда мужъ покидаетъ брач-

*) Гл. 19 Швабскаго Зерцала, изданіе Gengler'a. 1875, стр. 19.

ное ложе (so er von ir ofstat) и т. д. *). Въ этомъ текстѣ я прошу обратить вниманіе на два пункта: 1) на однохарактерное съ вышеприведеннымъ предписаніе о передачѣ мужемъ утренняго дара своей женѣ въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью; 2) на ограниченіе подобнаго даренія случаями вступленія въ бракъ съ небывшими дотолѣ въ замужествѣ дѣвушками.

Эти двѣ характерныя особенности утренняго дара, выступаютъ въ цѣломъ рядѣ другихъ распорядковъ, какъ общинъ, такъ и округовъ Швейцаріи, Бадена, Баваріи и Австріи. Въ архивѣ города Бадена сохранилась одна грамота отъ 1397 г., въ которой, между прочимъ, мы встрѣчаемъ точное опредѣленіе времени совершенія morgengabe,—въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью, когда жена встаетъ съ постели мужа («so sie des ersten morgens von im offstat») **). Въ земскомъ правѣ округа Davos, въ кантонѣ Граубюнденѣ, правѣ, впервые кодифицированномъ въ 1595 г., прямо постановлено, что уплата мужемъ женѣ утренняго дара должна имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если новобрачной будетъ дѣвушка, когда же ею является вдова, о morgengabe не можетъ быть и помину ***). То же правило встрѣчаемъ мы въ земскомъ правѣ Базеля отъ 1757 г., въ которомъ мы читаемъ: «получаютъ утренній даръ лишь вступившія въ бракъ дѣвушки, отнюдь не вдовы ****). Наконецъ, въ гражданскихъ и уголовныхъ статутахъ Мюнстерской долины (Münsterthal), въ кантонѣ Граубюнденъ, редактированныхъ въ 1427 г., не только вступившая въ бракъ вдова не призвана къ полученію утренняго дара, но передача послѣдняго не имѣетъ мѣста и въ томъ случаѣ, когда женою является растлѣнная до брака дѣвушка *****).

Ко всему сказанному о характерныхъ особенностяхъ утренняго дара, на основаніи которыхъ я постараюсь въ теченіи даль-

---

*) Grimm. Deutsche Weisthümer, т. I, стр. 14.

**) Osenbrüggen, Studien zur deutschen und schweizerischen Rechtsgeschichte, стр. 80.

***) Das Landrecht von Davos, стр, 77.

****) Urkundenbuch der Stadt Basel, т. II, стр. 312.

*****) Toffa, Das bündnerische Münsterthal.

нѣйшаго изложенія опредѣлить самую природу этого института, прибавимъ еще слѣдующую небезъинтересную для насъ подробность о производствѣ его по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ германскихъ племенъ, и прежде всего у Лонгобардовъ, въ присутствіи родственниковъ и близкихъ жены *). Однохарактерный обычай встрѣчается, какъ мы увидимъ ниже, и въ средѣ кельтическаго населенія Уэльса.

Для выясненія дѣйствительнаго характера института утренняго дара небезъинтересно знать, какъ понимаетъ причины установленія его самъ народъ. Въ нѣкоторыхъ австрійскихъ общинныхъ и помѣщичьихъ распорядкахъ, и прежде всего въ Зальцбургскихъ «Taiding'ахъ», высказывается народное воззрѣніе на причину установленія института утренняго дара. «Morgengabe, говорится въ земскомъ правѣ (landtaiding) округа Rauris, редактированномъ въ періодъ времени отъ 1565 по 1624 г., имѣетъ цѣлью своего существованія поощреніе дѣвственницъ и оказаніе имъ особаго почета, дабы онѣ съ тѣмъ большимъ рвеніемъ сохраняли неприкосновенно свою невинность для будущихъ своихъ мужей.

Въ только-что приведенномъ текстѣ прямо высказывается возрѣніе народа на утренній даръ, какъ на вознагражденіе за дѣвственность, съ которою невѣста разстается въ первую брачную ночь въ сожительствѣ со своимъ супругомъ.

Сводя къ немногимъ положеніямъ характерныя стороны изучаемаго нами института, мы считаемъ себя вправѣ сказать, что morgengabe, согласно правовому сознанію германскаго народа, есть прежде всего даръ, дѣлаемый мужемъ женѣ въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью, во вторыхъ, что этотъ даръ имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда новобрачной является сохранившая свою дѣвственность дѣвушка, наконецъ, что цѣлью даренія является вознагражденіе мужемъ жены за потерянную ею въ сожительствѣ съ нимъ дѣвственность.

Если таковы характерныя черты утренняго дара, то спрашивается, какое на основаніи ихъ можно сдѣлать заключеніе о самой природѣ этого института? Очевидно, не иное, какъ то,

*) Weinhold, стр. 270 и слѣд.

что предоставленіе мужемъ женѣ утренняго дара есть особый видъ купли, въ которой объектомъ продажи является не женщина и не право попечительства надъ нею ея родителей, какъ это имѣетъ мѣсто при уплатѣ калыма, а право вступить съ нею въ половую связь. Женщина, какъ объектъ имущественнаго права, покупается женихомъ у ея рода или семейства; доставляемое же ею половое наслажденіе ведетъ къ вознагражденію ея самой. Вотъ почему тогда, какъ калымъ уплачивается мужемъ родителямъ невѣсты, утренній даръ поступаетъ отъ него прямо въ руки жены. Уступка женщины ея родомъ ведетъ къ вознагражденію послѣдняго безъ всякаго отношенія къ тому, будетъ ли невѣстой дѣвственница или нѣтъ, почему калымъ уплачивается безразлично за дѣвушекъ и вдовъ. Другое дѣло morgengabe: уплатою ея покупается дѣвственность, а послѣдней не можетъ быть ни у вдовы, ни у потерявшей цѣломудріе дѣвушки, поэтому ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, не можетъ быть и рѣчи о производствѣ мужемъ самаго подарка. Наконецъ, разъ дѣвушка переходитъ изъ дома родителей въ домъ жениха, первые, теряя на нее прежнее право владѣнія, тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ право на вознагражденіе ихъ въ самый моментъ оставленія ею родительскаго дома; отсюда правило объ уплатѣ всего или части калыма до заключенія брака. Дѣвственность же можетъ быть утрачена не раньше, какъ послѣ проведенія дѣвушкой, по крайней мѣрѣ, одной брачной ночи съ своимъ мужемъ. Понятно поэтому, почему передача утренняго дара имѣетъ мѣсто не раньше, какъ послѣ вступленія мужа въ отправленіе пріобрѣтенныхъ имъ бракомъ правъ супруга.

Таковы черты отличія калыма и morgengabe. Разнохарактерность приданаго и утренняго дара слишкомъ очевидна, чтобы намъ нужно было останавливаться на констатированіи ея. Я ограничусь поэтому лишь замѣчаніемъ, что между обоими видами даренія общаго только то, что какъ то, такъ и другое, совершаются въ пользу жены.

Установивши понятіе о morgengabe, какъ о платѣ за потерю дѣвственности, мы перейдемъ теперь къ рѣшенію слѣдующихъ вопросовъ: 1) составляетъ ли она особенность того или другаго изъ германскихъ племенъ, или встрѣчается у всѣхъ и каждаго

изъ нихъ; 2) каково отношеніе къ ней свѣтскаго и духовнаго законодательства и 3) каковы позднѣйшія формы, принятыя этимъ институтомъ подъ вліяніемъ одновременнаго дѣйствія самопроизвольныхъ, внутреннихъ, и случайныхъ, или внѣшнихъ причинъ его вымиранія?

Мы уже имѣли случай указать на существованіе утренняго дара у Англо-саксовъ. Въ настоящее время мы добавимъ къ сказанному, что названіе его у нихъ, какъ видно изъ законовъ Этельберта, то же, что и у большинства германскихъ племенъ— morgengife. Переходя къ законодательству континентальныхъ нѣмцевъ, мы находимъ утренній даръ во всѣхъ и каждомъ изъ варварскихъ законовъ, за исключеніемъ одного салическаго. Слѣдуетъ ли заключать отсюда, что салическимъ франкамъ былъ не извѣстенъ самый институтъ? Отнюдь нѣтъ. Отсутствіе постановленій о немъ въ этомъ сводѣ обычнаго права не болѣе, какъ ручательство тому, что дошедшая до насъ редакція салическаго закона далеко не содержитъ въ себѣ всего текста послѣдняго. Лучшимъ доказательствомъ тому, что салическимъ франкамъ тѣмъ не менѣе извѣстенъ былъ институтъ утренняго дара служитъ то обстоятельство, что о немъ прямо упоминается въ договорѣ въ Андело, извѣстномъ въ источникахъ подъ наименованіемъ pactum guntchr (ami) et childeb (erti), въ которомъ мы между прочимъ читаемъ. De civitatibus (слѣдуетъ перечисленіе городовъ)... quae Θailesuintha... tam in dote quam in morgengyta, i. e. matutinale donum in Francia veniens certum est accepisse *). Въ одной хартіи 901 г., помѣщенной въ сборникѣ грамотъ монастыря Sancti Petri Carnotensis **), мы находимъ еще болѣе рѣшительное доказательство тому, что салическому закону morgengabe была не безъизвѣстна. «Secundum legem salicam, сказано въ этой грамотѣ, et secundum consuetudinem qua viri proprias uxores dotant, я сдѣлалъ своей женѣ такой то подарокъ».

Въ Вестготскихъ законахъ мы также не встрѣчаемъ термина morgengabe, но въ нихъ говорится, что мужъ благороднаго про-

*) См. Pertz. Monumenta, т. I стр. 6.

**) См. d'Epinay. Les cartulaires Augervins, стр. 192. Примѣч. 1.

исхожденія обязанъ дать женѣ «(dare debet) decem pueros decemque puelas, et cabalos XX, seu in ornamenta quantum mille solidorum summa esse constiterit». Эти подарки жена получаетъ сверхъ (insuper) приданаго *). Лучшимъ доказательствомъ тому, что упоминаемые въ этомъ законѣ подарки, имѣютъ характеръ утренняго дара, служитъ то обстоятельство, что въ одной вестготской формулѣ, впервые обнародованной de Rozière и комментированной Биденвегомъ, о вышеперечисленныхъ подаркахъ прямо упоминается, какъ о «morgingeba». Я приведу въ извлеченіи текстъ этой формулы. Дѣло идетъ о заключеніи между вступающимъ въ бракъ лицомъ дворянскаго происхожденія (de stirpe senatus) и новобрачной письменнаго соглашенія (libellus) на счетъ уплаты ей мужемъ тѣхъ самыхъ подарковъ, о которыхъ говоритъ законъ Чиндасвинда. Вслѣдъ за перечисленіемъ этихъ подарковъ стоятъ слѣдующія слова: «Ordinis ut Getici est et morgingeba vetusti». Что утренній даръ былъ извѣстенъ предкамъ современныхъ испанцевъ и португальцевъ, видно изъ того, что о немъ упоминается неоднократно въ памятникахъ испанскаго и португальскаго права, начиная съ XIII и кончая XVI в. Въ нихъ morgengabe извѣстна подъ наименованіемъ «camara cerrada» или замкнутая на затворъ комната. Извѣстный членъ лиссабонской академіи наукъ, португальскій историкъ и юристъ Levy-Maria Iordao, встрѣтивши это выраженіе въ изданныхъ для Португаліи ордонансахъ Филиппа Испанскаго, первый указалъ на дѣйствительное значеніе термина, какъ обозначающаго собою утренній даръ **). Обстоятельное изученіе значительнаго числа грамотъ привело его къ заключенію, что въ памятникахъ XV и VXI вв. терминъ «camara cerrado» употребляется для обозначенія встрѣчающейся въ брачныхъ договорахъ и другихъ актахъ XIII и XIV вв. подарковъ «pro compara corporis» (virginis), или «pour arrhes et achat du corps», или «en payement (de mon) corps (т. е. corps de la femme) et pour le service que je lui ai rendu». Въ подтвержденіе своего мнѣнія Iordao приводитъ извлеченіе изъ отчета камерара Lopo

*) L. Wis. гл. 1 и 6.

**) Le Morgengabe Portugais, par M. Levy-Maria-Iordao.

de Almeida о бракѣ императора германскаго Фридриха III съ сестрой португальскаго короля Альфонса V, донной Леонорой въ 1452 г. Въ этомъ отчетѣ, посланномъ на имя самого короля, между прочимъ, разсказывается, что императоръ въ утро, слѣдующее за первой проведенной имъ брачной ночью, принесъ доннѣ Леонорѣ «a renda da camara», «выкупъ комнаты», въ размѣрѣ, напередъ условленномъ въ брачномъ договорѣ.

Тогда какъ существованіе morgengabe у салическихъ франковъ и вестготовъ можетъ быть доказано не иначе, какъ путемъ анализа цѣлаго рода разновременныхъ юридическихъ памятниковъ, въ доказательство знакомства другихъ германскихъ племенъ съ этимъ институтомъ достаточно сослаться на тѣ или другія статьи варварскихъ законовъ. Обращаясь прежде всего къ закону рипуарскому, мы находимъ въ его 39 главѣ § 2 прямое упоминаніе объ утреннемъ дарѣ, называемомъ въ немъ «morgangeba». Какъ бургундскій, такъ и Аллеманскій законы знаютъ институтъ утренняго дара, причемъ первый говоритъ о немъ въ титулѣ 42, § 2,—а второй въ главѣ 56, § 2. Что касается до Лонгобардовъ, то имъ были одинаково извѣстны, какъ самый институтъ утренняго дара, такъ и специфическій терминъ для обозначенія его,—терминъ morgingab (близкій къ morgengabe), нерѣдко замѣняемый словомъ «meta» **).

Въ другихъ варварскихъ законахъ мы не встрѣчаемъ названія morgengabe, такъ, напр., въ Саксонскомъ сводѣ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы континентальнымъ саксамъ не былъ извѣстенъ самый институтъ; напротивъ того, послѣдній прямо упоминается въ lex saxonum, титулъ 3 и 9. Если принять во вниманіе, что законы саксовъ извѣстны намъ лишь на латинскомъ языкѣ, и что при отсутствіи въ римскомъ правѣ утренняго дара, терминъ dos (приданое) не могъ быть избѣгнутъ составителями lex saxonum, то не трудно будетъ объяснить при-

---

**) Studii di diritto Longobardo, *стр. 55.* Эдиктъ Ротари, ст. 182, 199, 200 и 216, изъ позднѣйшихъ по отношенію къ нему законовъ Ліутпранда, ст. 7, и цѣлый рядъ грамотъ, приводимыхъ въ извлеченіи Цезаремъ Nani въ его уже не разъ упомянутой мною монографіи о лонгобардскомъ правѣ.

чину, въ силу которой въ этомъ законѣ утренній даръ не носитъ другаго наименованія, кромѣ «dos».

Утренній даръ извѣстенъ и скандинавскому праву, какъ видно изъ регулированія его законодательными мѣрами, въ такъ называемомъ Ionsbock, или сборникѣ обычнаго права Норвегіи, и видоизмѣняющихъ его постановленій, сборникѣ, составленномъ впервые въ XIII в. и пользовавшимся судебнымъ признаніемъ какъ въ Норвегіи, такъ и на островѣ Исландіи *). Въ Норвегіи утренній даръ нерѣдко обозначается терминомъ linfe (leinwandgeld), по всей вѣроятности отъ льнянаго покрова, которымъ дѣвушка окутываетъ себѣ голову; въ шведскихъ юридическихъ памятникахъ тотъ же утренній даръ обозначается словомъ hinderdagsgvaf, что въ переводѣ значитъ подарокъ, дѣлаемый въ день, слѣдующій за вступленіемъ въ бракъ **).

Мы привели не мало данныхъ въ пользу признанія факта существованія утренняго дара у всѣхъ и каждаго изъ германскихъ племенъ. На основаніи ихъ мы имѣемъ, какъ намъ кажется, право сказать, что вопросъ о всеобщей распространенности въ средѣ германскихъ племенъ института утренняго дара можетъ быть рѣшенъ окончательно и притомъ въ утвердительномъ смыслѣ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, и въ числѣ ихъ Вайца, который, не нашедши въ салическомъ законѣ ни одного постановленія объ утреннемъ дарѣ, вмѣсто того, чтобы обратиться къ хартіямъ меровингскаго періода и пополнить заключающимися въ нихъ данными пробѣлъ, оставляемый по вопросу объ утреннемъ дарѣ, счелъ себя вправѣ совершенно обойти молчаніемъ этотъ видъ даренія между новобрачными и говорить въ отдѣлѣ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ объ одномъ лишь приданомъ. Не останавливаясь на критикѣ воззрѣній Вайца, несостоятельность которыхъ выступаетъ сама собою изъ всего, что было сказано выше, мы отъ констатированія факта общераспространенности утренняго дара въ средѣ гер-

*) Ionsbock, Копенгагенское изданіе 1763 г., стр. 91. Приведено у Königswarter'a, Études historiques sur le développement de la société humaine.

**) Grimm, D. Rechtsalterthümer, стр. 442.

манскихъ народовъ перейдемъ къ вопросу о причинахъ и ходѣ постепеннаго вымиранія этого института.

Между причинами, вліявшими на постепенное вымираніе и исчезновеніе его изъ правовой жизни нѣмцевъ и родственныхъ имъ племенъ, слѣдуетъ упомянуть прежде всего о мѣрахъ, принятыхъ въ разное время органами законодательной власти съ цѣлію ограничить, съ одной стороны, размѣръ утренняго дара, а съ другой—сферу дѣйствія самаго института. Чтобы понять мотивы, побуждавшіе законодательную власть къ ограниченію свободы мужей въ распоряженіи принадлежащимъ имъ имуществомъ въ пользу своихъ женъ путемъ выдѣленія имъ утренняго дара, нужно указать на происшедшую съ теченіемъ времени перемѣну въ предметахъ самаго даренія. Эта перемѣна имѣла мѣсто по отношенію не къ одному утреннему дару, но и къ приданому, и вызвана была однохарактерными въ томъ и другомъ случаѣ причинами, корень которыхъ лежитъ въ совершившемся съ теченіемъ времени переворотѣ въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Не забѣгая впередъ, не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопросовъ, обстоятельное изученіе которыхъ составитъ особый отдѣлъ настоящаго труда, я ограничусь голословнымъ утвержденіемъ, что полная неотчуждаемость недвижимой собственности съ теченіемъ времени уступила мѣсто условной, т. е. такой, при которой одни недвижимыя имущества оставались по прежнему неотчуждаемыми, тогда какъ другія подлежали свободному распоряженію. Эта перемѣна въ сферѣ имущественныхъ отношеній не могла не отразиться и въ дѣйствительности отразилась и въ сферѣ имущественныхъ отношеній супруговъ, сдѣлавъ возможнымъ неизвѣстное дотолѣ обычному праву отчужденіе мужемъ женѣ на правахъ приданаго или утренняго дара не одной, какъ прежде, движимой, но и недвижимой собственности. Примѣры такой уступки въ приданое и утренній даръ тѣхъ или другихъ предметовъ недвижимой собственности встрѣчается на каждомъ шагу въ юридическихъ формулахъ меровингскаго и карловингскаго періода *).

---

*) См. Weinhold. Die Deutschen Frauen, стр. 271. Послѣднее особенно часто имѣло мѣсто при выходѣ женщины княжескаго рода.

Такъ какъ со смертью бездѣтной жены, какъ я постараюсь показать ниже, приданое и утренній даръ поступали въ ея родъ, а слѣдовательно, выходили окончательно изъ рукъ мужниной семьи, и такъ какъ, съ другой стороны, законодательная власть по мотивамъ, которые изложены будутъ мною въ отдѣлѣ объ имущественныхъ отношеніяхъ, стремилась къ удержанію за семьями принадлежащей имъ недвижимой собственности, то не удивительно, если пользуясь правомъ видоизмѣнять по произволу тѣ или другія постановленія обычая, народные старѣйшины рано обратились къ ограниченію размѣровъ дѣлаемаго мужемъ утренняго дара. Нагляднымъ выраженіемъ вышеуказанной политики является выставленное сперва лонгобардскимъ, а затѣмъ и бургундскимъ правомъ (послѣднимъ, впрочемъ, не ранѣе VI в). запрещеніе мужьямъ давать женамъ въ утренній даръ—первое болѣе четвертой части имущества, а второе—болѣе трети *).

Законодательство стремится также установить опредѣленный срокъ для права жены требовать уплаты ей morgengabe. Въ большинствѣ земскихъ правъ этотъ срокъ равняется году и дню со времени заключенія супружескаго союза **).

Одновременно совершившееся мало по малу приниженіе большинства сельскаго населенія къ крѣпостному состоянію, дѣлая или крайне затруднительнымъ или совсѣмъ невозможнымъ свободное дареніе мужемъ женѣ недвижимаго имущества, которое при натуральномъ хозяйствѣ является наиболѣе распространеннымъ объектомъ вещнаго права, тѣмъ самымъ необходимо и неизбѣжно ведетъ въ концѣ концовъ къ ограниченію сферы дѣйствія института morgengabe одними лишь высшими классами общества. Такое ограниченіе прежде всего выступаетъ въ правѣ вестготскомъ, въ которомъ, какъ видно изъ приведенныхъ уже нами постановленій, какъ lex Wisigothorum, такъ и юридическихъ формулъ, уплата мужемъ утренняго дара имѣла мѣсто лишь въ случаѣ вступленія въ бракъ лица дворянскаго происхожденія.

То же ограниченіе выступаетъ нѣсколько позже и въ цѣломъ рядѣ земскихъ правъ Германіи и Швейцаціи и прежде всего въ

*) Studii del diritto longobardo Цезаря Нани. Schröder. Das eheliche Güterrecht Deutschlands, стр. 8.

**) См. Weinhold, стр. 272—3 и Osenbrüggen, Studien.

старинномъ Бернскомъ правѣ *). Тогда какъ въ нѣкоторыхъ земскихъ правахъ передача morgengabe вовсе запрещается въ случаѣ непринадлежности мужа къ рыцарскому званію; въ другихъ, какъ, напр., въ Швабскомъ и Саксонскомъ зерцалахъ она дозволяется, но условно, въ томъ случаѣ, когда предметомъ ея является указанная въ законѣ движимость, обыкновенно рабочій скотъ **).

Рядомъ съ перемѣнами, произведенными въ институтѣ утренняго дара законодательной властью, происходятъ и такія, которыя свидѣтельствуютъ о постепенномъ исчезновеніи въ народномъ сознаніи прежняго представленія о нихъ. Эти перемѣны всего рѣзче выступаютъ въ обычномъ правѣ швейцарскихъ общинъ. Въ однихъ мѣстностяхъ понятіе объ утреннемъ дарѣ, какъ о платѣ за дѣвственность, на столько падаетъ, что является возможность уплаты его выходящимъ замужъ вдовамъ въ формѣ особаго вида даренія, не безъ ироніи названнаго народомъ, къ противоположность утреннему дару, даромъ вечернимъ (abendgabe). Та же причина, съ другой стороны, ведетъ къ возникновенію начала обдариванія утреннимъ даромъ вдовою вступающаго съ нею въ бракъ юноши, равно и къ установленію системы взаимнаго обмѣна подарками между женихомъ и невѣстою въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью.

Чтобы подкрѣпить нѣкоторыми примѣрами каждое изъ выставленныхъ мною положеній, я приведу слѣдующіе факты. Какъ распорядки нѣкоторыхъ общинъ кантона Цюрихъ (я разумѣю общину Münchaltorf), такъ и земское право округа Davos въ Граубюнденѣ знаютъ институтъ abendgabe, или вечерняго дара, платимаго мужемъ вышедшей за него замужъ вдовѣ. Въ Баварскихъ и Австрійскихъ общинныхъ распорядкахъ уплата вдовой утренняго дара женившемуся на ней юношѣ встрѣчается весьма часто. То же правило находимъ мы въ «уставѣ о наслѣдованіи» мѣстечекъ Flaach и Volken,—уставѣ, составленномъ въ 1658 г. Одинаковое допущеніе къ полученію утренняго дара мужа и жены выступаетъ въ земскомъ правѣ Аппенцеля (äussere Rhoden,

*) Weinhold, стр. 272 примѣч.
**) Weinhold., 272.

ст. 99), а на обычай взаимнаго обдариванія другъ друга въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью, одинаково указываютъ постановленія земскаго права общины Wattenwyl въ кантонѣ и округѣ Kloster, нынѣ составляющемъ часть кантона Граубюндена *).

По мѣрѣ того, какъ падало въ народѣ прежнее возрѣніе на morgengabe, какъ на плату за потерю дѣвственности выходящей замужъ дѣвушкой, укрѣпляся новый взглядъ на нее, какъ на обезпеченіе мужемъ жены на случай его смерти. При такомъ взглядѣ на утренній даръ не удивительно, если народъ сталъ мало по малу смѣшивать его съ приданымъ, результатомъ чего явилось въ концѣ концовъ сліяніе обоихъ видовъ даренія въ такъ называемомъ «douaire» средневѣковыхъ кутюмовъ. Въ отдѣльной отъ приданаго формѣ morgengabe удержалась до нашего времени лишь въ семейномъ правѣ царствующихъ династій, или въ такъ называемомъ privatfürstenrecht, что и не удивительно послѣ сказаннаго нами о постепенномъ ограниченіи законодательствомъ среды дѣйствія этого института однимъ лишь высшимъ сословіемъ. Недавнимъ примѣромъ фактическаго осуществленія этого средневѣковаго обычая является уплата нынѣшнимъ русскимъ императоромъ своей невѣстѣ 50,000 р. с. въ утренній даръ, или morgengabe.

Если анализу постановленій обычнаго права отдѣльныхъ мѣстностей Германіи и другихъ странъ, заселенныхъ въ большей или меньшей степени нѣмецкой національностью, и удалось выяснить дѣйствительную природу института утренняго дара, то этимъ анализомъ еще не затронуть вопросъ о томъ, каковъ источникъ происхожденія изучаемаго нами института. Названный вопросъ остается открытымъ и путь къ рѣшенію его не можетъ быть проложенъ иначе, какъ съ помощью изученія скудныхъ свидѣтельствъ о существованіи у другихъ народовъ, помимо германцевъ, съ одной стороны, самого утренняго дара, а съ другой однохарактернаго съ нимъ института вознагражденія женщины не мужемъ, а любовникомъ за потерю ею дѣвственности.

---

*) Osenbrüggen. Studien, стр. 176, 177 и 178

Въ противность большинству писателей, настаивающихъ на исключительно германскомъ характерѣ института morgengabe, я позволю себѣ утверждать, что послѣдній можетъ быть найденъ у уцѣлѣвшей вѣтви иберійской семьи — басковъ, а также въ обычномъ правѣ славянъ, наконецъ, что весьма аналогичныя ему явленія могутъ быть отмѣчены какъ въ греческой, такъ въ римской жизни. Существованіе утренняго дара у басковъ доказывается «кутюмами» Marciac'a, въ которыхъ мы читаемъ: «Буде мужъ получитъ за женою въ приданое 1,000 солидовъ, ему слѣдуетъ дать женѣ 5 солидовъ тулизскихъ, какъ свадебный даръ (cadeau de noce), за исключеніемъ того случая, когда на этотъ счетъ будетъ заключено супругами предварительное соглашеніе (отмѣняющее обычай)» *).

Слѣды существованія morgengabe въ обычаяхъ древнихъ Кельтовъ, какъ континентальныхъ, такъ и островныхъ, доказываются, съ одной стороны, обычнымъ правомъ Бретани, съ другой древними валлійскими и ирландскими законами. Обращаясь прежде всего къ первому, мы находимъ въ такъ называемой très ancienne coutume de Bretagne правило, что жена пріобрѣтаетъ такъ называемый въ ней «douaire», — тѣмъ, что кладетъ ногу въ постель: «femme gagne son douaire á mettre son pied au lit». Въ этомъ текстѣ полученіе женою извѣстныхъ имущественныхъ выгодъ прямо поставлено въ зависимость отъ факта вступленія ею въ отправленіе супружескихъ обязанностей, а мы видѣли уже выше, что эта черта и составляетъ отличительную особенность утренняго дара; вотъ почему вслѣдъ за не разъ уже приводимымъ мною португальскимъ ученымъ Iordao я позволю себѣ переводить встрѣчающійся въ бретонскомъ обычномъ правѣ терминъ «douaire« словами «утренній даръ».

Обычное право южнаго Уэльса (въ древности обозначаемаго наименованіемъ Dimetia) въ числѣ другихъ видовъ даренія мужемъ женѣ знаетъ и такъ называем. на гаэлическомъ языкѣ «cowyll», переводимый на англійскій языкъ издателями старинныхъ законовъ Уэльса словомъ covered, или даръ одѣяла. Этотъ даръ, согласно подлинному выраженію такъ называемаго Dime-

*) Lagrèze, Histoire du droit dans les Pyrénées, стр. 145.

tiau Code, платится мужемъ женѣ за то, что послѣдняя ложится въ постель *). По справедливому замѣчанію Вальтера и Königswarter'a, cowyll, поэтому, есть не иное что, какъ утренній даръ, или morgengabe.

Cowyll, о которомъ только что была рѣчь, встрѣчается и въ законодательныхъ памятникахъ сѣвернаго Уэльса (Venedotia), при чемъ въ законѣ прямо опредѣляется: «cowyll есть плата, получаемая женою за ея дѣвственность» **). Передача cowyll'я имѣетъ мѣсто въ присутствіи родственниковъ жены на слѣдующее утро послѣ первой брачной ночи и при томъ лишь тогда, если жена оказалась дѣвственницей; въ противномъ случаѣ ей не только ничего не дается, но она еще съ позоромъ отсылается къ роднымъ.

Въ Ирландіи утренній даръ составляетъ одно цѣлое съ калымомъ, такъ называемаго coibche, часть котораго, подъ названіемъ loglanamnais или tindscr поступала къ главѣ семейства невѣсты, а другая въ руки этой послѣдней. Эта вторая часть, сообщившая свое названіе и всему дару, есть не болѣе какъ ирландскій cowyll, на что указываетъ и самое наименованіе его coibche, другими словами, ~~лишь~~ утренній даръ, или morgengabe ***).

Переходя отъ кельтовъ къ славянамъ, мы находимъ въ современныхъ намъ русскихъ обычаяхъ, нѣкоторые слѣды существованія у насъ нѣкогда morgengabe. Въ очеркахъ семейныхъ отношеній по русскому обычному праву, изданныхъ г. Смирновымъ, я встрѣчаю слѣдующее любопытное указаніе. Въ одной свадебной пѣсни поется, что женихъ выкупаетъ у дѣвушки ея вѣно (или вѣнокъ). Послѣдній, какъ извѣстно, есть символъ дѣвственности; слѣдовательно, покупка его женихомъ у невѣсты равнозначительна покупкѣ у нея дѣвственности, а такая покупка совершалась, какъ намъ извѣстно, уплатой утренняго дара. Поэтому я согласенъ съ г. Смирновымъ, что въ такомъ упоминаемомъ слѣдуетъ видѣть намекъ на уплату ей нѣкогда

*) Leges Wallicae, Dimetian Code, стр. 233.

**) Ibid. Venedotian Code, стр. 44, ст. 3.

***) Manners and customs of the ancicot Irish Ocurry, предисловіе Сулиана.

утренняго дара. Въ этомъ убѣжденіи укрѣпляетъ меня въ особенности то соображеніе, что однохарактерный съ описываемымъ выкупъ мужчиною вѣнка дѣвушки упоминается во многихъ общинныхъ распорядкахъ Аппенцеля и другихъ кантоновъ Швейцаріи, при чемъ размѣръ платимаго за вѣнокъ (Kränzli) выкупа, какъ разъ тотъ, какой земскимъ правомъ Аппенцеля опредѣляется для утренняго дара *).

Со временемъ, справедливо зтмѣчаетъ г. Смирновъ, вѣнокъ замѣненъ былъ повязкой. Это тѣмъ менѣе способно удивить насъ, что и въ Норвегіи, какъ мы видѣли, повязка является символомъ дѣвственности. Понятно послѣ этого, какое значеніе имѣетъ встрѣчающееся до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ Россіи отдаваніе женихомъ извѣстныхъ подарковъ невѣстѣ, послѣ полученія отъ нея повязки. Очевидно, мы имѣемъ въ этомъ фактѣ не болѣе, какъ остатокъ нѣкогда распространеннаго въ нашемъ быту утренняго дара.

Не мало данныхъ въ пользу признанія факта существованія утренняго дара и въ юридическомъ быту славянскихъ народностей заключаетъ въ себѣ старинное земское право Польши, менѣе городскаго подвергшееся вліянію германскаго права. По Вислицкому статуту Казиміра В. отъ 1347 г. мужъ обязанъ былъ дѣлать женѣ извѣстные подарки на другой день послѣ свадьбы. Эти подарки являются въ Вислицкомъ, равно и въ позднѣйшемъ по отношенію къ нему Вартенскомъ статутѣ однимъ изъ видовъ дареній, дѣлаемыхъ мужемъ женѣ и извѣстныхъ подъ названіемъ «выправы» (paraphernalia). «Обычай давать подарки женѣ въ день, слѣдующій за свадьбой, по справедливому замѣчанію Спасовича **), долженъ быть признанъ очень древнимъ». Въ позднѣйшемъ періодѣ правоваго развитія польскаго народа, онъ, подобно нѣмецкой morgengabe, встрѣчается лишь въ дворянскомъ классѣ, между польской шляхтой и княжескими родами, въ подтвержденіе чего могутъ быть приведены слѣдующія свидѣтельства. Оржельскій, писатель XVI в., говоритъ: «Того же дня король (Стефанъ Баторій) прислалъ королевѣ

*) Osenbrüggen. Studien, стр. 80.

**) Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву, 1857 г., стр. 34.

(Аннѣ Ягеллонкѣ) богатые дары: дорогія кольца, браслеты, запястья, ожерелья и ковшъ золотой, наполненный португальскими золотыми монетами». Къ этому разсказу Оржельскій прибавляетъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе: «у шляхты есть обычай, что мужъ даетъ женѣ подарки послѣ первой проведенной съ нею ночи». Начиная съ Сигизмунда III, замѣчаетъ г. Спасовичъ, взамѣнъ такого donum nuptiale сеймъ назначалъ королевамъ по двѣ тысячи золотыхъ ежегоднаго дохода съ соляныхъ копей Бохненскихъ и Величскихъ *).

Однохарактерность польской «выправы» съ нѣмецкой morgengabe слѣдуетъ уже изъ того обстоятельства, что согласно свидѣтельству Оржельскаго, передача утренняго дара мужемъ женѣ имѣла мѣсто, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Германіи, послѣ первой проведенной брачной ночи. Съ другой стороны, дѣйствительная природа утренняго дара, какъ вознагражденія за теряемую женою дѣвственность, ясно выступаетъ изъ факта существованія такъ называемаго «вѣнца», обозначаемаго въ латинскихъ памятникахъ наименованіемъ «crinile». Подъ «вѣнцомъ», какъ видно изъ постановленій короля Александра отъ 1505 г., слѣдуетъ разумѣть подарокъ, дѣлаемый наслѣдниками мужа безприданной вдовѣ въ томъ случаѣ, если ею является вступившая въ супружество дѣвушка. Выраженіе закона: «dum aliquis copulat sibi matrimonialiter virginem seu puellam» указываетъ прямо на то, что crinile имѣло значеніе вознагражденія за лишеніе невѣсты дѣвственности. Вотъ почему вступившая во второй бракъ и вторично овдовѣвшая женщина, даже въ томъ случаѣ, если не имѣла приданаго, не получала вѣнца отъ наслѣдниковъ своего мужа.

Переходя отъ Кельтовъ и Славянъ къ Индусамъ, мы безъ труда открываемъ слѣды существованія у нихъ въ древности отличнаго отъ приданаго утренняго дара въ одной изъ шести составныхъ частей обособленнаго женскаго имущества (stridhana) въ такъ наз. çulka, которую переводчикъ Яджнавалькіи Штенцлеръ и передаетъ на нѣмецкій языкъ словомъ «Morgengabe» **).

*) Ibid., стр. 35.

**) Jolly, Ueber die rechtliche Stellang der Frauen bei den alten Indern, стр. 23.

У Грековъ и Римлянъ мы не встрѣчаемъ утренняго дара, но тѣмъ и другимъ одинаково извѣстна плата за отнятую у дѣвушки дѣвственность. Въ Греціи названіе ей «theoretrum», у Римлянъ она передается описательно: «illud, quod prima pro nocte datur» *).

Подобіе римской или греческой платѣ за дѣвственность встрѣчается въ средневѣковомъ законодательствѣ нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ, при чемъ эта плата обозначается тѣмъ же наименованіемъ, что и утренній даръ, платимый мужемъ женѣ, а именно въ Уэльсѣ—словомъ cowyll, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средневѣковой Швейцаріи (я разумѣю Цюрихскую грамоту отъ 1525 г. и Базельскіе средневѣковые обычаи) терминомъ morgengabe **). Не есть-ли это прямое указаніе на то, что плата за дѣвственность вносилась виновнымъ одинаково, какъ въ томъ случаѣ, когда утратившая ее женщина становилась законною женою, такъ и въ томъ, когда подобный исходъ не имѣлъ мѣста? Такая плата встрѣчаетъ полнѣйшее подобіе себѣ въ той, которая, какъ было указано мною прежде, требуема была вавилонянками съ лицъ, лишившихъ ихъ дѣвственности? Напомню читателю, что такой взносъ поступалъ сперва въ пользу храма, въ которомъ былъ произведенъ самый актъ, а позднѣе въ пользу лишенной дѣвственности женщины. Постепенное восхожденіе до древнѣйшихъ формъ отчужденія женщиной ея дѣвственности открываетъ намъ, какъ я думаю, настоящую природу института morgengabe. Этотъ институтъ не стоитъ ни въ какой исключительной связи съ германскимъ духомъ, такъ какъ встрѣчается у разноплеменныхъ съ нѣмцами народовъ. Возникновеніе его объясняется ограниченіемъ однѣми женами первоначально принадлежавшаго всѣмъ женщинамъ права на вознагражденіе за отнятую у нихъ дѣвственность,—права, источникъ котораго лежитъ въ религіозныхъ представленіяхъ о сакраментальномъ характерѣ, какой имѣетъ актъ первоначальнаго проституированія себя женщиной.

Этотъ характеръ, какъ мы видѣли, въ свою очередь былъ

---

*) Le Morgengabe Portugais, стр. 10 примѣчанія.

**) Osenbrüggen, Studien, стр. 79.

обусловленъ современной его возникновенію формой отношеній между полами,—формой переходной отъ безпорядочнаго половаго сожитія къ индивидуальному браку. На этой ступени развитія женщина уже разсматривается, какъ объектъ имущественнаго права одного какого нибудь лица, но ея дѣвственность принадлежитъ всему племени. Поэтому она призвана лишить себя послѣдней публично въ храмѣ жрецу или первому встрѣчному, который въ этомъ случаѣ взноситъ извѣстный выкупъ, поступающій въ пользу самой женщины. Изъ этого взноса, говоритъ (какъ мы видѣли) Валерій Максимъ, кареагенянки составляли себѣ приданое. Что значитъ это свидѣтельство? Не то-ли, что поступающее въ этомъ случаѣ въ распоряженіе кареагенянки имущество продолжало составлять ея личную собственность, peculium, точь въ точь, какъ это было впослѣдствіи и съ утреннимъ даромъ. Я, по крайней мѣрѣ, склоняюсь въ пользу такого толкованія и, заканчивая изложеніе вопроса объ утреннемъ дарѣ, позволю себѣ формулировать въ слѣдующихъ положеніяхъ полученные мною выводы.

Утренній даръ есть примѣняемое къ одной лишь законной женѣ вознагражденіе за потерю дѣвственности. Возникновенію его предшествуетъ эпоха выкупа послѣдней не мужемъ только, но всякимъ лицомъ, публично лишавшимъ невинности ту или другую дѣвушку, согласно освященному религіей обычаю.

Ограниченный съ теченіемъ времени одними случаями установленія законнаго брака, институтъ утренняго дара мало-помалу теряетъ въ народномъ сознаніи свой первоначальный характеръ—выкупа дѣвственности и смѣшивается нерѣдко съ приданымъ, какъ легальнымъ способомъ имущественнаго обезпеченія женщины. Неудивительно поэтому, если рано или поздно онъ сливается съ нимъ во едино въ такъ называемомъ средневѣковыми кутюмами douaire.

Вызванная перемѣнами въ имущественномъ правѣ политика народныхъ вождей по отношенію къ утреннему дару состояла въ уменьшеніи размѣровъ послѣдняго и ограниченіи сферы его дѣйствія однимъ лишь высшимъ сословіемъ.

Результатомъ такой политики было раннее сравнительно исчезновеніе morgengabe изъ быта низшихъ классовъ общества и

удержаніе его въ XV и XVI вв. семейнымъ правомъ дворянскихъ, а въ наше время однихъ лишь княжескихъ родовъ.

Изложенный здѣсь взглядъ на источникъ и исторію института утренняго дара принадлежитъ автору. Въ защиту своей теоріи я могу сказать, что она, не противорѣча фактамъ, не требуетъ въ то же время совершенно произвольнаго признанія новаго привходящаго въ жизнь начала, какого - то преимущественнаго, какъ думали германисты, уваженія нѣмецкой національности къ цѣломудрію и педагогическаго стремленія по возможности поддержать послѣднее въ женской половинѣ общества.

Всякое объясненіе факта возникновенія тѣхъ или другихъ институтовъ психическими особенностями племени рано или поздно оказывается несостоятельнымъ. Археологія права, обогащая постепенно изслѣдователя новыми данными, заставляетъ его отступиться отъ прежней узко-національной точки зрѣнія, краснорѣчиво опровергаемой не нуждающимся въ комментаріяхъ фактѣ существованія изучаемаго имъ учрежденія у разноплеменныхъ народовъ. Приходится волей—неволей давать общему явленію столь же общее объясненіе.

103392

Оглавленіе.

I. Слѣды безпорядочнаго половаго сожитія 1
II. Общеніе женъ 15
III. Формы вымиранія безпорядочнаго половаго сожитія . 24
IV. Поліандрія. Снохачество. Левиратъ 52
V. Полигамія и моногамія. 69
VI. Древнѣйшіе способы заключенія брачнаго союза. . 81
VII. Различные виды дареній между лицами, вступающими въ бракъ, ихъ семьями и родами. 133

14 1
15
9

Того же автора:

Исторія Полицейской Администраціи въ Англіи. 1877. Ц. 2 р.
(У Ланга, Москва, Кузнецкій Мостъ).

Собраніе документовъ къ характеристикѣ Англійской Полицейской Администраціи въ XII—XIV в., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.

Полиція Рабочихъ въ Англіи въ XIV в. Ц. 50 к.

Опыты по Исторіи Юрисдикціи Налоговъ во Франціи, 1876. Ц. 2 р.
(У того же книгопродавца).

[illegible]инное Землевладѣніе, 1879. Ц. 2 р.
(У Васильева, Москва, Страстной бульваръ).

Общественный Строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, 1880. Ц. 3 р.
(Москва, у того же книгопродавца).

Историко-Сравнительный Методъ въ Юриспруденціи, 1880 г. Ц. 75 к.
(Москва, у Мамонтова, Кузнецкій Мостъ).

Современный Обычай и Древній Законъ, 1886. Ц. 4 р.

Umriss einer Geschichte der Zerstückelung der Feldgemeinschaft im Kanton Waadt, 1876.
(Zürich, Caesar Schmidt).

Цѣна за два выпуска 2 руб. 65 коп.

153

YC186839